

ПОТАЕННАЯ ИСТОРИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о том, что многие не знают и знать-то не желают. Это потаенные страницы нашей недавней истории. Это судьбы безумно смелых или абсолютно отчаявшихся людей, посмеявшихся открыто выступить против власти. Это и описание самых отвратительных черт толпы, когда внезапно вспыхивала ненависть к чужим, к другим, к преуспевающим в жизни, ненависть такой силы, что могли убить. И убивали, если толпу никто не останавливал.

Во второй половине XX века в нашей стране случались настоящие средневековые погромы. Но все это держалось под большим секретом. Попытки людей возмутиться и выразить свой протест считались не меньшей тайной, чем военные секреты. Известный историк В. А. Козлов проделал огромную работу, изучая лишь недавно рассекреченные документы. Его книга о том, как при Хрущеве и Брежневе люди пытались протестовать против несправедливости, представляет отнюдь не только исторический интерес. Думаю, она более чем актуальна. Особенно сейчас, когда после относительного затишья 2001–2003 годов мы стали свидетелями народных волнений, прокатившихся не только по России, но и по территориям бывших республик СССР.

Эта книга о том, что происходит в обществе, испытывающем серьезные социальные кризисы и лишенном нормальной возможности выражать свою тревогу, недовольство и боль. Это история общества, которому не дают развиваться, которое обманывают и подкупают.

История в определенном смысле повторяется. Эпоха Хрущева, время ломки старых устоев, избавления от страха и фантастических экспериментов, в чем-то похожа на бурные ельцинские годы. А приход к власти Брежнева, сравнительно молодого, полного сил, спокойного и надежного, вызвал в обществе такие же надежды на стабильность, как и избрание президентом Путина.

Попытка начать новую жизнь после смерти Сталина вызвала разочарование и обиду, так же, как это позже произошло при Ельцине. Прекращение репрессий, определенная свобода, оттепель не компенсировали ставшего заметным социального расслоения. Появилась возможность зарабатывать, улучшать свою жизнь, и в то же время поголовное обнищание породило социальную зависть, ностальгию по временам равенства (пусть даже и в бедности!) и откровенное желание некоторых если не убить богатого соседа, то сжечь его дом.

Как только при Хрущеве ослаб страх, дали о себе знать подавленные системой госбезопасности острейшие проблемы. Миллионы людей были обижены сталинской властью. Ненависть к ней могла вырваться в любой момент, а поводов было предостаточно. Отсутствие механизма решения любых проблем приводило к кровопролитию.

Люди инстинктивно стремятся к выражению своих настроений. Митинги, собрания, демонстрации — естественные формы выражения этих настроений. Но в Советском Союзе все запрещалось, изначально объявлялось антисоветскими вылазками.

Так 1 августа 1959 года в городе Темир-Тау строители Карагандинского металлургического комбината отказались выходить на работу из-за плохих бытовых условий. Бездарное руководство организовало приезд в город со всей страны по комсомольским путевкам большого количества молодых рабочих, которых не смогло по-человечески устроить. Да и работы еще не было. Молодежь не знала чем заняться и сходилась с ума от жары. Пятнадцать тысяч человек разместили в армейских палатках, плохо кормили. В безумную жару в степном климате не хватало даже питьевой воды.

Вечером 1 августа все началось с того, что группа молодежи, придя с работы, не обнаружив даже воды для питья, разбила замки и выпила квас из стоявшей возле столовой автоцистерны. С этого мелкого эпизода началось то, что потом квалифицировалось как хулиганство — толпа проникла в столовую, кто-то вскрыл ларек.

Возможно, на этом бы все и закончилось, но милиционеры задержали двоих парней (как потом оказалось, вовсе не причастных к хулиганству). И это задержание через несколько часов спровоцировало настоящий

погром под лозунгом: «Освободим товарищей!» В городе начались массовые беспорядки, молодые люди, подогревавшие себя алкоголем, грабили и поджигали магазины, захватили здание райотдела внутренних дел, напали на милиционеров и солдат, введенных для наведения порядка. Одиннадцать человек погибли, еще пятеро потом умерли от ран. Сорок два человека отдали под суд.

Судили их как уголовников. Но в Москве понимали, что произошло — люди восстали против власти. На заседании президиума ЦК Михаил Суслов сказал: «Уголовное выступление приобрело политическую окраску».

Я хочу обратить внимание читателей на одно обстоятельство. Документы, цитируемые в книге, составлялись сотрудниками милиции, прокуратуры, КГБ, партийных органов. Все они пытались представить бунтовщиков рядовыми хулиганами.

В документах арестованные фигурируют как «озлобленные против советской власти» и неизменно выставлены в дурном свете. К сожалению, и по сей день не рассекречены документы КГБ, которые многое бы разъяснили. Стало бы ясно, как следствие сознательно выдавало тех, кто возмущался порядками, за «хулиганов» и «алкоголиков». Хотя среди бунтовщиков были фронтовики, отмеченные боевыми наградами, члены партии, вполне благонамеренные граждане, которые в какой-то момент, не выдержав, преступали черту и открыто выступали против власти. Мы бы узнали, как чекисты следили за всеми, кто не только выражал недовольство, но хотя бы проявлял интерес к происходящему. Люди в штатском с фотоаппаратами шныряли в любой толпе. Иногда их разоблачали и били.

В следственных делах часто встречается упоминание о провокаторах и подстрекателях. Откуда-то в толпе возникали люди, которые призывали выступить против власти, и исчезали. Как это КГБ мог их упустить? Кто эти провокаторы — не сами ли чекисты и их агентура? Впрочем, может быть, все объясняется полной неспособностью органов госбезопасности к реальной работе. Располагая огромной осведомительной сетью, они не смогли предотвратить ни одного мятежа, описанного в этой книге.

Конфликты, драки на бытовой почве легко обретали этнический характер. О братстве народов в эти минуты никто не вспоминал.

В спецпоселениях находились два с лишним миллиона человек, из них полтора миллиона — депортированные в годы войны чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, немцы.

С чеченцев сняли клеймо наказанных, но милиция не отпускала их в родные места. Это только усилило их ненависть к власти и к тем, кто занял их земли и дома. Если бы их в конце концов не пустили на Северный Кавказ, то начались бы конфликты и бунты в Казахстане. Оставшиеся там чеченцы и ингуши становились жертвами погромов. Причем толпа Забивала выходцев с Кавказа камнями, топтала ногами, бросала под колеса машин...

В начале 1957 года восстановили чечено-ингушскую автономию. Но Пригородный район оставили в Северо-Осетинской АССР. Чеченцы и ингуши хотели вернуться в свои родные дома, а там жили другие. Так была заложена мина, которая привела потом к кровавым столкновениям и к войне.

Ничего не было сделано в армии, где рядовые оставались совершенно бесправными. Начались массовые возмущения солдат, для некоторых из них военная служба превратилась в своего рода тюрьму. Использование солдат в качестве дармовой рабочей силы превратило военно-строительные части в рассадник преступности, настоящие криминальные организации. Командование пыталось скрыть внутренние проблемы, поэтому вспышка недовольства казарменными порядками заканчивалась настоящим бунтом.

Воинские коллективы предстают в документах дикими, постоянно пьяными бандами, которые никого не щадили. Жестокость была невиданная, солдаты Советской армии забивали друг друга до смерти. Остановить их можно было только с помощью оружия.

Люди не прощали обмана, а власть постоянно их обманывала. Врали все! В основе многих массовых выступлений — слухи, иногда нелепые. Но в отсутствии информации, когда ничего нельзя было выяснить, слухи обладали чудовищной силой воздействия.

Например, после XX съезда партии Грузия, до которой донеслись неясные разговоры о том, что Хрущев на закрытом заседании оскорбил память Сталина, забурлила. Предполагали самое невероятное. При горячем южном темпераменте результат оказался кровавым.

5 марта 1956 года, в третью годовщину смерти вождя, грузинская молодежь в Тбилиси, Гори, Кутаиси,

Сухуми и Батуми вышла на улицы, чтобы защитить имя национального героя. Студенты и школьники требовали вывесить в городе флаги и портреты Сталина, опубликовать в республиканских газетах материалы о его жизни и деятельности.

В город ввели войска, которым разрешили применить оружие. При разгоне демонстраций погиб двадцать один человек и больше шестидесяти получили ранения. Органы КГБ задержали почти четыреста манифестантов. Из них судили тридцать девять человек — тех, кто выступал на митингах и составлял обращения к правительству.

Это было первое антиправительственное выступление в стране после двадцатых годов. Первоначально в Москве намеревались квалифицировать демонстрации как контрреволюционный заговор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но потом сообразили, что это произведет самое неблагоприятное впечатление: какая же может быть контрреволюция в стране, где давно победил социализм?

Ситуация в Тбилиси не была исключением. Первый секретарь ЦК комсомола Александр Шелепин докладывал Хрущеву, что в Литве было раскрыто шестнадцать подпольных молодежных организаций. Если молодые грузины вступились за Сталина, то молодые литовцы клялись бороться за «свободную Литву».

Обращает на себя внимание легкость, с которой толпа поднималась против милиции как инструмента ненавистной власти. В Кремле это чувствовали. Под влиянием Хрущева спецслужбы даже пытались отказаться от использования доносчиков или, иначе говоря, тайных информаторов. В 1956 году министр внутренних дел Николай Павлович Дудоров подписал приказ о постепенном прекращении агентурной работы.

Это объяснялось еще и тем, что в реальности сексоты системы МВД зачастую занимались преступной деятельностью — причем безнаказанно, потому что они были нужны, а куратор спасал их от наказания. Агенты-уголовники, конечно же, давали полезную информацию, но в обмен на информацию они выторговывали себе возможность «работать», то есть заниматься преступным бизнесом.

Оперативные работники подпадали под влияние своей агентуры: утаивали деньги, выделяемые для вознаграждения агентуры, использовали конспиративные квартиры для пьянок и интимных встреч с женщинами-информаторами, а то и сами занимались преступными делами, прекращая, например, за деньги уголовные дела.

В отличие от своих предшественников и наследников, Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Хрущева раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разлампасить» госбезопасность.

Еще в пятьдесят третьем году на июльском пленуме ЦК, посвященном делу Берии, Хрущев откровенно выразил свое отношение к органам госбезопасности:

— Товарищи, я в первый раз увидел жандарма, когда мне было уже, наверное, двадцать четыре года. На рудниках не было жандарма. У нас был, один казак-полицейский, который ходил и пьянствовал. В волости никого, кроме одного урядника; не было. Теперь у нас в каждом районе начальник МВД, у него большой аппарат, опёруполномоченные. Начальник МВД имеет самую высокую ставку, больше, чем секретарь райкома партии.

Кто-то из членов ЦК подтвердил:

— В два раза больше, чем секретарь райкома!

— Но если у него такая сеть, — продолжал Хрущев, — то нужно же показывать, что он что-то делает. Некоторые работники начинают фабриковать дела, идут на подлость...

Никита Сергеевич требовал не только от центрального аппарата, но и от местных органов КГБ докладывать о своей работе партийным комитетам. Обкомы и крайкомы получили право заслушивать своих чекистов, они могли попросить ЦК убрать не понравившегося им руководителя управления госбезопасности.

При Хрущеве Верховный Совет СССР принял новые Основы уголовного законодательства, в которых впервые отсутствовало понятие «враг народа». Уголовная ответственность наступала не с четырнадцати, а с шестнадцати лет. В хрущевские годы страна стала жить лучше. Люди больше ели рыбы, мяса, чем до войны. А вот сельское хозяйство не справлялось. Почему?

Хрущев сделал великое дело — освободил крестьянина от крепостничества. С февраля 1958 года крестьяне стали получать паспорта. Этого права они были лишены постановлением ЦИК и Совнаркома от двадцать седьмого декабря 1932 года. До 1958 года крестьяне могли уехать, только получив справку из сельсовета или от председателя колхоза, которым запрещалось отпускать людей. При Хрущеве колхозникам, желающим, уехать, стали давать временные паспорта. Правда, окончательно право на паспорт крестьяне получили только когда 28 августа 1974 года появилось постановление ЦК и Совмина «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» (инициатором постановления был министр внутренних дел Щелоков).

Это открыло сельской молодежи дорогу в город, где было комфортнее и интереснее, где можно было учиться, найти работу по вкусу и жить в приличных условиях. По старому закону, все молодые люди, выросшие на селе, автоматически в шестнадцать лет зачислялись в члены колхоза, даже если они этого не хотели. Они бежали из деревни под любым предлогом. Обычно не возвращались после службы в армии. За четыре последних хрущевских года, с 1960 по 1964 год из деревни в город ушло семь миллионов сельских жителей.

Желание покинуть деревню усиливалось нелепыми хрущевскими реформами, когда крестьян лишали приусадебного хозяйства, вынуждали сдавать домашний скот, когда взялись укрупнять колхозы и сселять деревни. Идея у Хрущева была хорошая — создать современные агрогорода, более комфортные, удобные для жизни, а обернулось все разорением.

Читая книгу В. Козлова, видишь, как мало еще исследованы сложнейшие социальные процессы, проходившие в стране в пятидесятые годы.

Массовое хулиганство в 1950-х годах было, в частности, результатом безработицы, что тщательно скрывалось. Происходил настоящий миграционный бум, молодежь перемещалась по стране. Сироты, детдомовцы, дети из неблагополучных семей просто были предоставлены сами себе.

В принципе сокращение сельского населения — явление нормальное и прогрессивное, когда является следствием роста экономического прогресса в сельском хозяйстве. Но вот этого как раз и не было! Советское сельское хозяйство оставалось отсталым, и исчезновение молодых людей, конечно, усугубляло ситуацию.

Хрущев был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей. Но отсутствие образования часто толкало его к неразумным и бессмысленным новациям, над которыми потешалась вся страна.

А с другой стороны, окружение Хрущева не одобряло его либеральных акций, критики Сталина, покровительства Солженицыну и Твардовскому, попыток найти общий язык с Западом, сократить армию и военное производство.

Никита Сергеевич Хрущев, непредсказуемый и неуправляемый, хитрец, каких мало, был одновременно открытым и эмоциональным человеком. Он видел, в какой беде страна. В узком кругу честно говорил:

— Я был рабочим, социализма не было, а картошка была. Сейчас социализм построили, а картошки нет.

Хрущев приказал, чтобы в столовых хлеб давали бесплатно. Он хотел вытащить страну из беды, но уповал на какие-то утопические идеи, надеялся решить проблемы одним махом. В этом очень был похож на Ельцина.

Конечно, Никита Сергеевич слишком давно состоял в высшем эшелоне власти и отдалился от реальной жизни. Он, собственно, и денег давно в руках не держал. Но надо отдать ему должное — он искал выход.

Хрущев пренебрегал чекистами, пока чувствовал себя уверенно. В конце своего правления он все больше полагался на репрессии. Руководители государства рабочих и крестьян, как огня, боялись рабочего класса. Если рабочие поднимались на защиту своих прав, в них стреляли.

Повышение цен на мясо, масло и молоко примерно на тридцать процентов, объявленное 31 мая 1962 года, вызвало возмущение в различных городах России.

Рабочие сталелитейного цеха крупнейшего в Новочеркасске Электровозостроительного завода имени С. М. Буденного прекратили работу и потребовали повышения расценок.

Дело в том, что накануне повышения цен на заводе еще и пересмотрели нормы выработки, из-за чего

резко упала зарплата рабочих. К рабочим присоединились другие горожане. Собралось несколько тысяч человек. Сначала партийные работники с помощью сотрудников областного управления КГБ пытались уговорить всех разойтись. Не получилось. Прибыли двести милиционеров, но они тоже были смяты и бежали.

На следующий день митинг возобновился. К митингующим присоединились рабочие Новочеркасского завода нефтяного машиностроения. С портретом Ленина над колонной манифестанты двинулись в центр города к зданию горкома партии. Они пытались захватить здание, и тогда в них стали стрелять.

В записке КГБ, отправленной в ЦК, говорилось, что «после ликвидации массовых беспорядков подобрано двадцать трупов, из них две женщины, которые захоронены в разных местах области». Потом выяснилось, что погибло двадцать пять человек. В городе ввели комендантский час, полторы сотни человек были задержаны органами КГБ, из них сорок девять арестовали.

Секретарь ЦК Фрол Козлов 10 июня на заседании президиума ЦК рассказывал о событиях в Новочеркасске. Хрущев его похвалил:

— Хорошо провели акцию.

Хозяина ростовской области, первого секретаря обкома Александра Басова, наказывать не стали. Его отправили в Гавану — главным советником-организатором при правительстве Кубы по вопросам животноводства...

Комитет госбезопасности на президиуме критиковали за слабую агентурную работу. Хрущев распорядился:

— Усилите работу органов КГБ.

Приняли постановление, в котором говорилось:

«Разрешить КГБ СССР увеличить штатную численность контрразведывательных подразделений территориальных органов КГБ на 400 военнослужащих».

Вот и весь урок, который руководители государства извлекли из трагической истории Новочеркасска.

Свержение Хрущева не вызвало недовольства в стране. Напротив, люди были довольны. Они жаждали стабильности и спокойствия.

Но смена эпох означало и другое.

Хрущев веру в возможность переустройства жизни на более справедливых началах сохранил и в конце жизни. После его отставки в руководстве стране остались только прожженные циники. И эта отравляющая пропитывала общество.

«Власть, — справедливо пишет В. Козлов, — теряла идейных и убежденных сторонников, то есть именно тех, кто долгие годы обеспечивал ее прочность и стабильность. На стороне режима в ситуациях, подобных новочеркасской, могли оказаться лишь циники, приспособленцы и конформисты, либо люди подневольные, вынужденные выполнять приказ, на худой конец — легко внушаемые и одураченные пропагандой.

На их поддержку в критический момент рассчитывать не приходилось — не станут вмешиваться, а то и предадут».

Верно. Ни общество, ни армия не пожелали спасти императора в феврале 1917 года, никто не пришел на помощь советской власти в августе 1991 года.

В. Козлов ставит в книге очень важный вопрос. Почему пик массовых выступлений против власти пришелся на хрущевские годы, а при Брежневе общество словно успокоилось? Ответ на него позволяет выявить предгрозовые симптомы и аналогии.

С одной стороны, КГБ получил невиданную власть над страной. Хрущев сокращал чекистов, Брежнев позволил Андропову воссоздать всеобъемлющую структуру, существовавшую при Сталине. С другой, власть «подкупала» народ — росла заработная плата, потому что Брежневу (как и Путину) страшно повезло. Начался экспорт нефти и газа, в страну потоком потекли нефтедоллары. Добыча нефти в Западной Сибири за десять

лет, с 1970 по 1980 годы, увеличилась в десять раз, добыча газа — в пятнадцать.

Появление нефтедолларов совпало с потерей Брежневым интереса к решению серьезных экономических проблем. Примерно то же самое происходит и сейчас.

Комитет госбезопасности рождал не смертельный, как когда-то, но все равно страх. Более открытая партийная власть не была такой страшной. Партийным чиновникам можно было попытаться что-то доказать. С тайной же властью спорить невозможно. Человека признавали преступником, но это делала невидимая власть. Оправдываться, возражать, доказывать свою правоту было некому и негде. КГБ никогда и ни в чем не признавался.

Но масштаб и накал репрессий определялись волей генерального секретаря. А Брежнев лишней жестокости не хотел. Писателю Константину Симонову он сказал:

— Пока я жив, — и поправился, — пока я в этом кабинете, крови не будет.

Диссидентов сажали по двум статьям уголовного кодекса. Более жесткая 70-я статья была принята при Хрущеве и называлась «Анτισоветская агитация и пропаганда». Она предполагала суровое наказание: лишение свободы на срок от шести месяцев до семи лет. Вдобавок отправляли еще и в ссылку на срок от двух до пяти лет. Если предъявить обвиняемым было нечего, суд мог удовлетвориться просто ссылкой. Анτισоветская пропаганда признавалась «особо опасным государственным преступлением».

При Брежневе, 16 сентября 1966 года, указом президиума Верховного Совета РСФСР в уголовный кодекс ввели статью 190-ю, более мягкую, которая устанавливала уголовное наказание «за распространение в устной и письменной форме заведомо клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Наказание — лишение свободы до трех лет или исправительные работы до года, или штраф до ста рублей. По этой статье сажать можно было кого угодно.

Обвиняемых по 70-й и 190-й статьям чекисты посылали на экспертизу в Институт психиатрии имени В. П. Сербского. За двадцать пять лет экспертизу прошли триста семьдесят человек, обвиняемые по этим двум статьям.

Если врачи соглашались с представителями КГБ, то вместо суда обвиняемого отправляли на принудительное лечение. Условия содержания в таких медицинских учреждениях были столь же суровыми, как и в местах лишения свободы. Принудительные медицинские процедуры — мучительными и унижительными. А для КГБ было удобнее объявить человека шизофреником, чем судить как врага советской власти.

Сколько же в стране было диссидентов, с которыми сражался огромный аппарат госбезопасности?

В 1976 году отбывал наказание 851 политический заключенный, из них 261 человек сидели за антисоветскую пропаганду. В стране насчитывалось 68 тысяч (!) «профилактированных», то есть тех, кого вызывали в КГБ и предупреждали, что в следующий раз они будут иметь дело со следователем, им будет предъявлено обвинение, а за этим последует суд и лагерь.

Предупреждено, — докладывал председатель КГБ Центральному комитету партии, — появление тысячи восьмисот антисоветских групп и организаций с помощью агентуры. Иначе говоря, в стране тысячи людей готовы были выступить против советской власти.

Но Советский Союз разрушили отнюдь не либерально настроенные диссиденты, они были малочисленны и не имели большого влияния на общество.

В значительно большей степени многонациональное государство подрывали крайние националисты, занимавшие все более крупные посты в партийно-государственном аппарате.

В семидесятые годы появилась и окрепла группа, которую в служебных документах КГБ именовали «русской партией» или «русистами» (малообразованные сотрудники 5-го управления КГБ, видимо, не подозревали, что русисты — научное понятие, обозначающее специалистов по русской литературе и языку).

В «русскую партию» вошли люди, считавшие, что в Советском Союзе в угоду другим национальностям ущемляются права русских. В этой группе были люди, искренне переживавшие за Россию ученые, писатели и художники, выступавшие против запретов в изучении отечественной истории и культуры. Но тон задавали

партийные и комсомольские функционеры, которые считали себя обделенными в смысле постов и должностей.

К началу семидесятых годов в «русской партии» стали заметны последовательные антикоммунисты, те, кто отвергал не только октябрьскую, но и февральскую революцию. Они считали, что 1917 год устроило мировое еврейство, чтобы уничтожить Россию и русскую культуру.

Многие активисты этого движения выросли на откровенно фашистской литературе, скажем, на «Протоколах сионских мудрецов», которые были признаны фальшивкой повсюду, кроме нацистской Германии, где вошли в основной арсенал пропагандистской литературы. Через несколько десятилетий после разгрома нацистской Германии «Протоколы» начали активно распространяться в России.

Они объединялись в тесные группы, создавая своеобразные масонские ложи, куда чужих не пускали. Такими масонскими ложами стали в семидесятые годы редакции некоторых литературных журналов и книжных издательств, где печатали и издавали только своих. Они отвлекали от обсуждения жизненно важных проблем страны, оказавшейся в бедственном положении. Они занялись увлекательным делом: выяснением, кто из деятелей нашей истории был евреем и масоном. Попутно людям втолковывали, что диссидент, либерал, демократ, пацифист, еврей не может быть русским патриотом.

Партийный аппарат и КГБ не знали, как быть с этим флангом. Критиковать не хотелось — вроде как свои. По рукам били только тех, кто выходил за рамки. Наказывали тех, кто пытался создать нечто вроде организации, и тех, кто говорил, что Брежнева нужно убрать из Кремля, потому что «у него жена еврейка». Нападки на генерального секретаря не прощались.

А в союзных и автономных республиках внимательно следили за тем, что происходит в Москве. Если одним можно прославлять величие своего народа, своего языка и своей культуры, то и другие не отстанут.

Эти настроения подтачивали единство государства. Советский Союз разрушили откровенный национализм и то, что именуется застоём.

В. Козлов справедливо пишет о «социальной нежизнеспособности «застоя» как формы правления и образа жизни», о том, что общество разлагалось и страна зашла в тупик.

Все мерзкие пороки власти, которые в наше время стали явными, появились ещё при социализме.

При Брежневе высокопоставленные чиновники стали часто (и не по делам службы!) ездить за границу, посылали туда своих детей учиться и работать, с видимым удовольствием приобщались к материальным достижениям современной цивилизации, старались обзавестись её благами.

В Подмоскowie строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. Чиновная знать охотилась за модной живописью и антиквариатом. Наступил момент, когда вся советская элита практически перестала работать и занялась устройством своей жизни.

— За что все начальники любили Брежнева? — рассказывал мне один из высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК. — При нем можно было наслаждаться жизнью и не работать. Не охота на работу ехать, позвонишь руководителю секретариата: меня сегодня не будет — и отдыхай. Брежнев никогда за это не наказывал.

За счет чего в краях, областях и особенно в национальных республиках устраивались пышные приемы и дарились дорогие подарки? Партийные секретари гуляли не на свою зарплату. На представительские расходы им тоже ничего не полагалось — не было такой статьи, расходов. В партийном бюджете была расписана каждая копейка.

Партийное руководство обкладывало данью хозяйственных руководителей, брали и наличными, и борзыми щенками. Система поборов была вертикальной — от республиканского ЦК до сельских райкомов. Нижестоящие тащили деньги вышестоящим. Вышестоящие брали, чтобы передать еще выше. Но и себя не забывали. В такой атмосфере должности, звания, ордена и даже золотые звезды Героя Социалистического Труда превратились в товар.

В Средней Азии у местных руководителей было по несколько домов и машин, многие построили себе настоящие особняки. А, скажем, в Ташкенте полмиллиона жителей жило в землянках без водопровода и канализации. Местные партийные руководители установили полуфеодальный режим, распоряжаясь крестьянами как рабами. Милиция и прокуратура на местах были ручными, все они были тесно связаны между

собой.

Когда социализм рухнул, все это вышло на поверхность. Людям показалось, что все это только сейчас появилось. А это уже давно пронизало наше общество насквозь...

Сегодня многие политологи предупреждают об опасности нового застоя. Сходные симптомы. Главенствует все то же безразличие к людям и уверенность власти, что она сама знает, что и как делать, а от нас она желает слышать только долгие и бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Закрываются каналы обратной связи, которые позволяют обществу сигнализировать о своих бедах и проблемах. Характерно, что разговоры о будущих президентских выборах крутятся вокруг одного вопроса: захочет ли Путин остаться на третий срок? Другие кандидаты в президенты страны не воспринимаются всерьез. Они служат поводом для насмешек или, в лучшем случае, вызывают сочувствие. Самобытные политики с оригинальными взглядами не имеют шансов пробиться...

Впрочем, можно поставить вопрос иначе. А зачем, собственно, нужны другие кандидаты, зачем беспокоиться о появлении нового поколения политиков, если за Путина большинство населения страны готово проголосовать прямо сегодня?

Сила лидера — в том, что его победу люди воспринимают как свою, они сопереживают ему, его успехи и неудачи на президентском посту считают своими успехами и неудачами.

Разве при таком фактически безальтернативном голосовании люди будут считать, что победил тот самый кандидат, которого они вырвали из всех других, всеми силами поддерживали, за которого агитировали?..

Скорее, можно будет говорить о равнодушии: надо проголосовать, мы проголосуем, но мы ни за что не отвечаем и ни в чем не участвуем, пусть себе начальство старается.

Отсутствие реальной политической борьбы, невозможность изложить свои взгляды укрепляет людей в убеждении, что от них ничего не зависит. Все решается наверху. Зачем в таком случае проявлять инициативу, стараться что-то сделать самим?

Эта пассивность распространяется не только на политику, но и на экономику. Больших ли успехов добьется страна, если ее граждане вообще не желают проявлять никакой инициативы? Если вместо желания что-то делать, копится глухое раздражение и злоба?

Все любят говорить, что история не знает сослагательного наклонения. Не согласен. Эта диктатура изъявительного наклонения не позволяет нам разобраться в собственной истории, понять, что страна могла пойти иным путем.

Мы по-прежнему не знаем своей истории, а многие и не хотят ее знать, потому что открываются довольно неприятные вещи. Например, Геннадий Зюганов неизменно возмущается разговорами о политических репрессиях и говорит, что ему об этом ничего не известно. Это не удивительно.

Через тюрьмы и лагеря прошли многие тысячи политических заключенных. Многие участвовали в репрессиях! На несколько заключенных — конвоир, на несколько десятков — уже подразделение охраны, а еще надзиратели, лагерное начальство, оперативно-чекистская часть, центральный аппарат Главного управления лагерей, ГУЛАГа.

А если еще учесть огромный партийный и государственный аппарат, и их семьи, которые тоже жили неплохо, пока другие сидели? Что же удивляться, если многие кричат: хватит! Уже надоело об этом рассказывать! Так ведь по существу еще ничего и не знаем! Неужели не интересна история родины?

Силловые ведомства успешно сопротивляются рассекречиванию документов. Под руководством академика Яковлева изданы стенограммы пленумов ЦК, которые проходили в 1928–1929 годах. Фантастическое чтение. Вдруг в тексте отточие и пометка: «не рассекречено». Какие же могут быть секреты в материалах пленума семидесятилетней давности? А потом руководители правительства удивляются, что дети плохо знают историю собственной страны!

Учебники, популярная литература, в значительной степени и средства массовой информации заполнены историческими мифами. Мифы живут долго, но от этого они не становятся правдивее... Документы и труды современных историков, изучающих советский период истории, — достояние узкого круга людей. Прочитаете

эту книгу — узнаете правду о родной стране.

Леонид Млечин

ВВЕДЕНИЕ

Образованная публика любит жизнеописания вождей и героев. Большие люди вершат большие дела, распоряжаются судьбами миллионов, творят великое благо или великое зло. Кажется, в них (и только в них!) сосредоточена «вся правда» прошлой жизни. Они (и только они!) отвечают за то, что было, и за то, что стало. Мало кому есть дело до «малых сих», способных в лучшем случае беспрекословно следовать предначертаниям очередного политического гения (или идиота!), а в худшем — постоянно путаться у него под ногами, сомневаться, брюзжать, хулить власть и изредка бунтовать. И все-таки в косноязычном бормотании человека с улицы, в угрозах и выкриках, звучащих на площадях, в корявых событиях давнего и недавнего прошлого, гораздо больше смысла, чем это обычно кажется. Правители, которые слишком поздно начинали слушать и слышать голос толпы, те, кто с презрением отворачивался от жаждущего справедливости «простонародья», рано или поздно уходили из Истории «ошиканными и срамимыми» (выражение Н. Г. Чернышевского). А конфликтное противостояние народа и власти, окрашенное в кровавые тона массовых волнений и беспорядков, меняло не только «правила игры», но и приводило к появлению новых форм общественного «существования» и даже формировало в сознании народа и элит новые модели мира.

Так было и после смерти Сталина, когда советское общество охватила беспрецедентная по своему размаху волна массовых волнений, беспорядков, этнических и социальных конфликтов. Первый удар по сталинскому «террористическому социализму» нанес «конфликтный социум» ГУЛАГа. Волнения, бунты и волынки 1953–1955 гг., в которых принимали участие все категории заключенных, обнажили перед преемниками Сталина рассыпающийся фундамент режима, шаткость его краеугольных камней — политического террора и «чрезвычайщины» как инструментов управления, принудительного труда как разлагавшегося «уклада» «социалистической экономики», репрессий и насилия как способов «умиротворения» общества. А вскоре, уже на воле, целый ряд районов СССР превратился в зоны повышенной социальной напряженности. Произошла стремительная «расконсервация» традиционных и появились новые формы и модели массового конфликтного поведения.

В ряде случаев социальные и этнические конфликты 1950–1960-х гг. доходили до кровопролитных столкновений, активным участником которых становилась государственная власть и ее полицейские силы. Наиболее острые и болезненные конфликты имели место в районах массовой миграции населения и индустриального строительства, а также на Северном Кавказе и в Закавказье, но в ряде случаев волнения или их отголоски докатывались до центральных районов страны, крупных городов, столиц союзных и автономных республик. Высшей точкой глубокого конфликта между населением и властью, пиком народного недовольства политикой Хрущева стало стихийно вспыхнувшее летом 1962 г. городское восстание в Новочеркасске. Для его подавления растерявшиеся и упустившие инициативу коммунистические правители ввели в город войска и отдали приказ стрелять по толпе. В ходе событий несколько десятков человек было убито и ранено.

События в Новочеркасске можно считать своеобразным рубежом, после которого волна кровавых и массовых столкновений народа и власти постепенно пошла на убыль. В 1963–1967 гг. еще фиксировались отдельные рецидивы волнений, при подавлении которых власти применяли оружие. Но, начиная с 1968 г. и вплоть до смерти Брежнева (1982 г.), оружие не применялось ни разу. В 1969–1976 гг. КГБ СССР вообще не зарегистрировал ни одного случая массовых беспорядков.^[1] Другими словами, брежневский режим научился обходиться без применения крайних форм насилия и, как правило, гасил периодически вспыхивавшее недовольство без стрельбы и крови.

Вряд ли можно считать, что причина этого кроется исключительно в профессионализме сотрудников КГБ и политической мудрости партийных комитетов в центре и на местах. Объяснение все-таки следует искать в общих социально-политических факторах, позволивших советскому руководству выбраться из глубокого кризиса, поразившего хрущевское общество в конце 1950 — начале 1960-х гг., и остановить стихийную волну городских беспорядков, погромов, этнических конфликтов, коллективных драк, все чаще перераставших в столкновения с представителями власти.

Консервативный поворот в официальной идеологии после удаления Хрущева (как известно, важной составляющей этого поворота была частичная реабилитация Сталина, проходившая под лозунгом более

«сбалансированных» оценок прошлого) уходит своими корнями не только в стремление партийного руководства укрепить идеологическую базу режима, но и в достаточно распространенный в широких слоях населения (кроме интеллигенции) ностальгический «консерватизм» и жажду «порядка». Символично, что последние по времени крупные массовые беспорядки хрущевской эпохи, при подавлении которых применялось огнестрельное оружие и были привлечены значительные дополнительные силы милиции (город Сумгаит Азербайджанской ССР), сопровождались выкрикиванием просталинских лозунгов. В конце концов, «народ», не имевший руководителей, и власть, на время потерявшая ориентиры, нашли новые формы «симбиоза» и сравнительно мирно вступили в эпоху брежневского «застоя». В чем-то это похоже на период сравнительно мирного «сосуществования» крепостного крестьянства, помещиков и российской монархии после поражения Пугачева и вплоть до реформы 1861 г., когда политическая активность интеллигенции соседствовала с безразличным «безмолвием» народа.

Для советских историков, написавших в свое время горы книг и статей по истории социализма в СССР, насильственные социальные конфликты, тем более конфликты «население-власть», были закрытой темой. Парадоксально, но фальшивое «безмолвие» народа в сталинском и послесталинском обществе, преподносившееся коммунистическими идеологами как «морально-политическое единство советского общества», долгое время казалось таковым и за «железным занавесом». Западные исследователи, лишившиеся доступа к информации после Большого террора, попросту не знали, о том, что на самом деле происходило в СССР при Сталине и сразу после его смерти. Стоит ли удивляться, что, например, «старая» троцкистская историография 1950-х гг., в частности И. Дойчер, отстаивала тезис о том, что в последние 15 лет сталинского правления (после подавления организованного сопротивления троцкистов в лагерях) в советском обществе вообще не осталось ни одной группы (даже в тюрьмах и лагерях), способной бросить вызов Сталину. В результате «в сознании нации образовался громадный провал. Ее коллективная память была опустошена, преемственность революционной традиции порвана, способность создавать и кристаллизовать любые неконформистские понятия уничтожена. В итоге в Советском Союзе не осталось не только в практической политике, но даже и в скрытых умственных процессах какой-либо альтернативы сталинизму».[2] Это утверждение столь же категорично, сколь и неверно. Достаточно вспомнить о продолжительной вооруженной борьбе украинских и прибалтийских националистов в 1940-е гг. на периферии СССР, особую роль этих протестных групп в социальной жизни ГУЛАГа и в организации сопротивления лагерной администрации, о военных и послевоенных пополнениях ГУЛАГа из числа бывших военнослужащих Красной армии, не говоря уже об организаторах забастовок и восстаний в особых лагерях в 1953–1954 гг., чтобы не согласиться с точкой зрения И. Дойчера.

Первые документальные свидетельства о событиях в лагерях накануне и после смерти Сталина просочились на Запад благодаря воспоминаниям вернувшихся в 1950-е гг. иностранцев — бывших политических заключенных и (или) военнопленных.[3] В ряде случаев эти люди были очевидцами и даже участниками крупных волнений.[4] Особое значение для нашей темы имела написанная по свежим следам книга Йозефа Шолмера «Воркута», значительная часть которой была посвящена событиям 1953 г. в Речлаге МВД СССР.[5] Основанная на личном опыте и впечатлениях книга Шолмера тем не менее вышла за рамки чисто мемуарной литературы. Напрямую обращенная к западному общественному мнению и правительствам, она представляла собой не просто яркий рассказ очевидца, но и содержательный анализ перспектив внутреннего сопротивления коммунистическому режиму, враждебных ему социальных и политических сил, а также причин и условий организованного открытого выступления заключенных Особого лагеря № 6.

Шолмер явно переоценил протестный потенциал ГУЛАГа, поскольку исходил из многократно завышенной и приемлемой только для пропагандистских целей численности лагерного населения (15 миллионов человек), преувеличенных представлений о реальной доле «политических» в общей массе заключенных. Но зато он оказался первым и, кажется, единственным из авторов, писавших о восстаниях политических заключенных, кто обратил особое внимание на международный контекст событий 1953–1954 гг. в ГУЛАГе, на глубинную связь между выступлениями политических узников в СССР и Берлинским восстанием июня 1953 г. К сожалению, описательная историография последних десятилетий, как российская, так и западная, ориентированная главным образом на более или менее адекватное воспроизведение событийной канвы, оставила без внимания эти принципиально важные для понимания событий свидетельства Шолмера.

Появившиеся на Западе в 1950–1960-х гг. публикации, посвященные ГУЛАГу вообще, а также протестному движению заключенных, в частности,[6] заложили первый камень в источниковедческий фундамент будущих исследований. Однако западные историки-профессионалы, всегда неуютно чувствующие себя в «одномерном» пространстве мемуарных свидетельств и «устной истории», привыкшие ориентироваться на подлинные документы и архивные материалы, долгое время избегали всерьез заниматься этой проблематикой. Прорыв в разработке темы, в конце концов, совершили не историки, а писатель, и не на Западе, а в России.

В 1970-е гг. «Архипелаг ГУЛАГ», универсальный символ тотального зла, стал достоянием мирового исторического и культурного опыта благодаря великой книге Александра Солженицына. Именно Солженицын восстановил (в основном, по устным свидетельствам очевидцев) конфликтную историю сообщества заключенных 1930–1940-х гг. и описал ход и исход беспрецедентных по размаху восстаний узников особых лагерей в 1953–1954 гг. В определенном смысле его труд можно сравнить с первыми мореходными картами: при всей неточности и легендарности тех или иных конкретных сведений исследование Солженицына превратило историю ГУЛАГа из «terra incognita» в реальное, интеллектуально постигаемое пространство, в факт мировой истории.

Что касается последовавших за восстаниями в лагерях волнениях и массовых беспорядках «на воле», то о большинстве из них (особенно ранних) ни в самом СССР, ни тем более за его пределами практически ничего не знали. Первые попытки исторической реконструкции «засекреченных» советскими властями событий начались после восстания в Новочеркасске. В 1964 г. появилась статья Альберта Бойтера «Когда перекипает котел»,^[7] собравшая воедино обрывки просочившейся через «железный занавес» информации. По современным критериям, эта работа ни в коей мере не удовлетворяет требованиям научности. И дело не в том, что статья основана исключительно на слухах и устных свидетельствах, за это как раз можно винить кого угодно, но не Бойтера. У него другой информации просто не было. Главное, в тенденциозности анализа и излишней доверчивости автора к своим источникам — слухам, пересказанным западными корреспондентами, и рассказам анонимных советских туристов. Бойтер ограничился обсуждением двух случаев массовых беспорядков (Новочеркасск, 1962 г. и Кривой Рог, октябрь 1963 г.). Еще девять эпизодов были упомянуты мимоходом.

На протяжении последующих 30 лет статья была основным источником информации о бунтах и рабочих протестах 1960–1964 гг. Ее часто цитировали. Предварительный и весьма неточный перечень событий, в конце концов, стал общепризнанным, вошел в западные обобщающие работы и учебники по советской истории. В ряде случаев на первоисточник А. Бойтера даже не ссылались, воспринимая его информацию как истину в последней инстанции. В концептуальном плане западная историческая литература, в которой, так или иначе, затрагивалась интересующая нас тема, отличалась весьма упрощенной интерпретацией событий в Новочеркасске, понимаемых почти исключительно как «борьба с коммунизмом», в лучшем случае, как начало (после долгого перерыва) борьбы рабочего класса за свои экономические права.^[8] Волнения в Новочеркасске заняли особое место и в третьем томе «Архипелага ГУЛАГ». А. И. Солженицын не только описал эти события, назвав их (с известной долей преувеличения) поворотной точкой всей советской истории, началом борьбы народа против коммунистического ига, но и коснулся предшествовавших им беспорядков в Муроме и Александрове в 1961 г.

Открытие архивов и спецхранов, рассекречивание миллионов архивных дел, критический анализ собственного историографического опыта и исследований западных советологов и славистов позволили российским историкам существенно продвинуть вперед как фактографию советской истории, так и ее концептуальное осмысление. Но в изучении послевоенной истории СССР и российским, и западным историкам фактически пришлось начинать с нуля — не столько «переосмысливать» «либеральный коммунизм» и «добирать» информацию по отдельным малоизученным проблемам, сколько двигаться по архивной целине, рискуя к тому же натолкнуться на завалы «частичного рассекречивания» целых комплексов документов.

Парадоксальность ситуации, сложившейся в российской историографии «либерального коммунизма» после распада СССР и краха советской системы, заключалась в том, что даже серьезные авторы, писавшие о послевоенном периоде, нередко попадали в своеобразную методологическую ловушку. Воспринимая коммунистическое прошлое как «неполноценное настоящее» и часто опираясь на либеральную «западническую» модель желаемого типа развития, они склонны были рассматривать эпоху Хрущева и Брежнева в контексте некоей готовности (или неготовности) общества и власти к «реформам». Тупики, в которых каждый раз оказывались подобные «реформы», оценивались как исключительная вина коммунистических правителей, страдавших то ли доктринальной слепотой, то ли бюрократическим идиотизмом. В сущности, некоторые распространенные на рубеже 1980–1990-х гг. интерпретации «оттепели» и «застоя» страдали подменой прагматической динамики государственного управления ее искаженным идеологическим образом, упрощением реальных взаимоотношений народа и власти в авторитарных политических системах.

Ответом на подобные публицистические и журналистские упрощения стал уход серьезных историков в сферу «позитивного эмпиризма» в начале 1990-х гг.^[9] Результатом накопления и осмысления совершенно нового фактического материала стало появление ряда профессиональных исследований по истории власти и общества в СССР. Как историки власти, так и социальные историки рассматривали в своих работах особенности «либерального коммунизма» как системы политики, идеологии и власти, механизмы принятия

решений, способы «переработки» значимой социально-политической информации в структурах управления, динамику взаимодействия «управляющих» и «управляемых», изменения в массовой психологии и в сознании элит, историю «интеллигентского» инакомыслия.[10]

Одновременно обозначились контуры новых проблем, связанных с пониманием кризиса взаимоотношений народа и власти, порожденного стрессом ускоренной модернизации, последствиями Большого террора 30–40-х гг., Второй мировой войны и распадом сталинского «террористического социализма». Будучи эскизно очерчены в новейшей историографии, эти проблемы практически не подвергались серьезному анализу. В большинстве случаев поиск информации о событиях и процессах, специально загонявшихся коммунистическими правителями на периферию «видимой» истории, требовал очень кропотливых и длительных архивных поисков. Помимо этих очевидных профессиональных трудностей были еще и другие, не столь явные, но может быть, более существенные. В разгар политических бурь последних десятилетий исследователям было довольно трудно увлечься историей событий, весьма слабо «облагороженных» политическими требованиями и часто крайне сомнительных с Моральной точки зрения. Во многих случаях граница между «антисоциалистическим» и «антиобщественным» была настолько размыта, что массовые беспорядки как форма социального протеста просто выпадали из основного потока «переосмысления прошлого» и выглядели недостаточно респектабельно. Неудивительно, что российские исследователи и публикаторы документов с большим энтузиазмом посвящали свои работы организованным и политически очевидным формам сопротивления коммунистической власти — антисоветским мятежам периода Гражданской войны и перехода к новой экономической политике,[11] крестьянским волнениям периода коллективизации,[12] событиям, подобным мятежу на противолодочном корабле «Сторожевой» в 1975 г.[13] и т. п.

Известное исключение составляли волнения в Новочеркасске в 1962 г.[14] Серьезным вкладом стала публикация Р. Г. Пихои, Н. А. Кривовой, С. В. Попова и Н. Я. Емельяненко «Новочеркасская трагедия, 1962».[15] Авторы этой профессиональной работы резонно отвергли официальную версию событий тридцатилетней давности — «тенденциозную, но выгодную для КПСС».[16] «Отсюда, — справедливо писали Р. Г. Пихоя и его соавторы, — возникают поиски среди организаторов выступлений «уголовных элементов», противопоставляемых сознательным рабочим. Но в документах не отмечено ни одного случая грабежа, попыток захвата чужой собственности. Несмотря на отдельные эксцессы, участники выступлений не стремились к насилию. Власти смогли предъявить лишь два обвинения в попытках завладеть оружием».[17]

При оценке действий участников волнений публикаторы в какой-то мере воспользовались обычной для советской историографии логикой, оправдывавшей, например, ссылками на «отдельные эксцессы» насилия и преступления «революционных рабочих» в годы революции и Гражданской войны. Между тем, новочеркасские события, представлявшие собой «слоеный пирог» причин, мотивов, программ и моделей поведения, в принципе не имеют «векторной», однолинейной интерпретации: «хулиганствующие» и «криминальные элементы», обманом увлекшие за собой «несознательных» — в коммунистической версии событий, или мирная демонстрация возмущенных и не склонных к насилию рабочих — в либеральной.

Небольшая книга журналистки И. Мардарь «Хроника необъявленного убийства» (Новочеркасск, 1992), построенная в основном на материалах Главной военной прокуратуры СССР, а также воспоминаниях участников событий, выглядит менее, «идеологической» и более «объективистской». Написанная без соблюдения некоторых обязательных для профессиональных исторических работ требований (отсутствуют сноски на источники и т. п.) эта книга представляет собой одну из первых реконструкций события — день за днем, час за часом. Судя по всему, И. Мардарь, занимавшаяся журналистским расследованием на рубеже 1980–1990-х гг., не смогла использовать ряд важных, но недоступных в то время источников. Возможно, поэтому в работе появилось довольно много мелких фактических ошибок, исправление которых, в принципе, не может существенно изменить правдивости общей картины. «Объективистский» пафос книги И. Мардарь не помешал автору, как выразить сочувствие жертвам произвола, так и с пониманием отнестись к тем рядовым участникам событий, кто волею судьбы (солдатская служба, присяга и т. п.) стал исполнителем злой воли правителей.

Появившиеся на Западе в 1990-е гг. работы по истории рабочих волнений в Новочеркасске представляли собой главным образом научную систематизацию и концептуализацию известных фактов.[18] Лишь в 2001 г., вскоре после выхода в свет английского издания нашей книги, появилась первая серьезная научная монография о событиях в Новочеркасске — книга С. Бэрона «Кровавая суббота в СССР», основанная на ряде новых и малоизвестных источников, прежде всего, материалах расследования Главной военной прокуратуры СССР.[19]

Что касается конфликтной истории сталинских лагерей, то для большинства работ российских историков

конца 1980–1990-х гг. были характерны предельное упрощение проблематики ГУЛАГа и увлеченные занятия реконструкцией фактов на основе рассекреченных в постсоветское время архивных документов.[20] В результате произошло профессиональное погружение в фактографию и проблематику ГУЛАГа, но был утрачен солженицынский «синкретизм», сфокусировавший в истории ГУЛАГа все проблемы социального и индивидуального бытия человека сталинского и отчасти послесталинского общества. Взаимосвязь «государство — общество — ГУЛАГ» выпала из сферы конкретного исторического анализа и превратилась в предмет общих спекулятивных рассуждений.

Несмотря на появление отдельных содержательных работ о массовых выступлениях заключенных в ГУЛАГе,[21] историография все еще предельно сужает проблематику конфликта «власть — заключенные», так же как и внутренних конфликтов в гулаговском социуме, загоняя их в (подгоняя под?) достаточно узкие рамки политического сопротивления в ГУЛАГе. Отворачиваясь от «низменных» форм массовых выступлений заключенных (столкновения криминальных группировок, организованные воровскими авторитетами волынки и голодовки, стихийные бунты и т. п.), историография до сих пор не имеет адекватного видения сталинского ГУЛАГа как особого социума и государственного института, выполнявшего в сталинской системе функцию специфического депозитария нерешенных и (или) неразрешимых социальных, экономических, политических, культурных и национальных проблем.

Важную роль в обобщении и систематизации материала сыграла обзорная статья И. Осиповой «Сопротивление в ГУЛАГе (По данным архива МВД и материалам, собранным Николаем Формозовым)». Это была одна из первых попыток расширить традиционную для старой историографии ГУЛАГа мемуарную основу исследования и включить в рассмотрение доступные в то время документы НКВД — МВД СССР, главным образом, за 1941–1946 гг. По материалам, полученным Н. Формозовым от бывших узников ГУЛАГа, И. Осипова составила список «наиболее известных» массовых выступлений заключенных с 1942 по 1956 г, В этот перечень было включено 17 эпизодов,[22] часть которых впоследствии была документирована в архивных публикациях и профессиональных исследованиях историков, остальные — так и остались полулегендарными.

Значение проведенной И. Осиповой ревизии протестной активности заключенных для начала 1990-х гг. очевидно. В то же время этот опыт нельзя назвать уникальным. Аналогичная информация может быть найдена у А. Солженицына или, например, в старых и новых изданиях НТС,[23] в публикациях А. Грациози[24] (1982/1992 гг.). Проблема же заключается в том, что подобные списки, основанные на мемуарных свидетельствах, слишком некритически воспринимаются профессиональной историографией, попадают в учебную и научно-популярную литературу, периодическую печать. В 1990-е годы некоторые легенды, мифы, слухи, невнятные припоминания очевидцев преждевременно получили клеймо исторической подлинности, так и не пройдя профессиональной исторической экспертизы.

Перу той же И. Осиповой принадлежит статья, фактически открывшая новый этап в источниковедении темы. Автор впервые в историографии попыталась документировать архивной информацией конкретное легендарное событие, так называемое ретюнское восстание 1942 г. в Воркутлаге.[25] В 1995 г. итальянский историк Марта Кварери опубликовала статью о Кенгирском восстании 1954 г. Автор не только поставила волнения, бунты и забастовки заключенных ГУЛАГа в контекст общего кризиса системы репрессий и принудительного труда в СССР, но реконструировала конкретное событие, опираясь как на мемуарные источники, так и на рассекреченные документы МВД СССР.[26] Событиям 1953 г. в Речном лагере посвящен специальный параграф в книге Н. А. Морозова.[27] К сожалению, М. Кравери и Н. А. Морозов, реконструируя события на основе официальных документов МВД и мемуарных свидетельств участников и очевидцев, не определили критерии, по которым они оценивают достоверность той или иной информации. В результате повествование представляет собой монтаж разнородных источников, без объяснения причин того, почему авторы повествования отдают предпочтение то мемуаристам, то гулаговским бюрократам.

Восстанию заключенных особого Горного лагеря (май — август 1953 г.) посвящена электронная публикация статьи Аллы Макаровой.[28] Автор рассмотрела предпосылки восстания, которые она трактует достаточно широко, в контексте истории воссозданной в годы войны политической каторги и системы особых лагерей. В литературе по истории политического сопротивления в ГУЛАГе Алла Макарова одной из первых обнаружила вкус и потребность к терминологическим изысканиям. В разделе «Почему события лета 1953 года в Норильске мы называем „восстанием“» Макарова фактически зафиксировала несводимость норильских событий к какой-либо известной форме сопротивления. Она признается, что понимает неточность термина «восстание», ибо «восставшие не имели оружия, более того, добровольно отказывались от различных попыток вооружить их». Она не принимает определений «мятеж», «волынка» и «массовое неповиновение заключенных лаг-администрации», хотя вряд ли можно всерьез рассматривать в качестве аргумента то, что этими терминами «пользовались суд, прокуратура, и лагерная администрация, в соответствии с их желанием видеть в протесте заключенных лишь простой в работе и массовое хулиганство, беспорядок, анархию в брошенных

надзирателями зонах». Не согласна Макарова и с термином «забастовка», ибо «зародившаяся в зонах ненасильственная оппозиция, вынужденная действовать в рамках советской законности, нашла еще множество (небывалых прежде) форм: митинги и собрания заключенных для выработки общих требований, массовая голодовка, письма, жалобы, заявления, просьбы, обращения в советское правительство и многое другое...». В конце концов, Макарова приняла термин «восстание», практически полностью очистив его от первоначального и общеупотребительного смысла, подразумевая не «антисоветское вооруженное контрреволюционное восстание», «а его противоположность — „восстание духа“ — высшее проявление ненасильственного сопротивления бесчеловечной системе ГУЛАГа».

Терминологические рассуждения А. Макаровой представляют собой бесспорный интерес, но совсем не потому, что вносят ясность в проблему. Наоборот, противоречивость позиции автора фиксирует методологические бреши и спорные подходы не только к изучению массовых выступлений заключенных ГУЛАГа, но и последующих массовых беспорядков на воле. Суть же проблемы заключается в том, что, описывая те же события в Норильске, можно, при желании, обосновать любое определение — и мятеж, и бунт, и волынка, и забастовка, и восстание. Все будет правильно, и все — неточно. Поэтому стремление историографии к мнимой ясности определений заставляет игнорировать действительный профиль событий, сочетавших в себе не только «ненасильственную оппозицию» или «максимально демократическое правление», «республику заключенных», как безапелляционно считает Макарова, но и закулисные действия подпольных групп украинских националистов, по привычке не брезгавших насилием и террором для удержания заключенных в орбите своего влияния.

В целом, в «конфликтной» истории послевоенного и послесталинского СССР элементарного знания фактов не хватает порой даже больше, чем новых идей. А большинство событий до сих пор просто не описаны историками. Это и многочисленные волнения на целине 1950–1960-х гг. (кроме Темиртау[29]), и солдатские бунты, и насильственные этнические конфликты в местах ссылки «наказанных народов» и там, куда они после смерти Сталина возвращались. Это волнения верующих, протестовавших против закрытия монастырей и храмов, и хулиганские бунты 1950–1960-х гг. Мало известны историографии такие «предшественники» Новочеркаска как происходившие в 1961 г. краснодарские события, муромский «похоронный» бунт, беспорядки в Александрове, волнения в Бийске. Почти отсутствуют в исторической литературе описания большинства беспорядков периода «позднего Хрущева» («сталинистские» выступления, в Сумгаите, волнения в Кривом Роге и т. п.) и «раннего Брежнева».

Источники изучения конфликтных взаимоотношений народа и власти в период «либерального коммунизма» столь же обширны, сколь и малоизвестны. Это объясняется как «секретным» характером событий в советское время, так и незавершенностью работы по рассекречиванию посвященных этим событиям документов в 1990-е гг. В советской периодической печати 1950 — начала 1980-х гг. интересующая нас информация фактически отсутствует. Исключение составляют краткие газетные заметки о судебных процессах над участниками беспорядков, публиковавшиеся иногда в местной и (реже) в центральной печати. Большинство этих пропагандистских и совершенно неинформативных материалов появлялось в газетах в начале 1960-х гг., когда хрущевское руководство попыталось использовать новую тактику борьбы с подобными государственными преступлениями — публичное запугивание населения жестокостью приговоров. Практика такого запугивания оказалась неэффективной, вскоре от нее отказались, и над массовыми беспорядками вновь опустилась завеса секретности.

Первые профессиональные публикации документов о массовых беспорядках хрущевского и брежневского времени начали появляться в российской научной периодике в первой половине 1990-х гг. Особое значение имела опубликованная в журнале «Источник» «Справка о массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 г.», подготовленная в марте 1988 г. председателем КГБ СССР Чебриковым для генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева.[30] В справку КГБ попали далеко не все известные нам случаи массовых беспорядков 1957–1987 гг. Отчасти это объясняется формальными критериями отбора информации. В выборку, как правило, включались события с числом участников не менее 300 человек и, вероятно, только в том случае, когда действия зачинщиков и организаторов квалифицировались по соответствующей статье УК РСФСР и других союзных республик (массовые беспорядки). Ряд важных событий был просто пропущен составителями документа. Это, в частности, чеченский погром в Грозном и волнения молодых рабочих в Темиртау Казахской ССР (1958 г.).

В первой половине 1990-х гг. появились документальные публикации, посвященные отдельным значительным эпизодам. В уже упоминавшуюся подборку документов о событиях в Новочеркасске в 1962 г. (составители Р. Г. Пихоя, Н. А. Кривова, С. В. Попов и Н. Я. Емельяненко) вошли докладные записки КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС, текст выступления секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова по новочеркасскому радио 3 июня 1962 г., обвинительное заключение по делу № 22 (первый

групповой процесс над участниками волнений), несколько директивных документов Президиума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и КГБ о принятых в связи событиями в Новочеркасске мерах, а также информация КГБ и записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о первом судебном процессе, состоявшемся 20 августа 1962 г.[31] Определенное представление об общественных настроениях, сопутствовавших новочеркасским волнениям, дает подготовленная В. Лебедевым публикация информационных справок КГБ о реакции населения на повышение цен на продукты питания в 1962 г.[32] В 1995 г. М. Зезиной была опубликована содержательная подборка документов о волнениях в Тбилиси в 1956 г. (закрытое письмо корреспондента газеты «Труд» главному редактору этой газеты, «Обращение ЦК КП Грузии и ЦК ЛКСМ Грузии к коммунистам, комсомольцам, к рабочим и служащим, ко всем трудящимся Тбилиси» и приказ № 14 начальника Тбилисского гарнизона от 9 марта 1956 г.).[33] Из немногочисленных мемуарных источников следует упомянуть воспоминания участника новочеркасских событий П. Сиуды[34] и свидетельства Ф. Баазовой, очевидицы политических волнений в Тбилиси в 1956 г., впервые вышедшие в свет за рубежом в 1978 г. и переизданные в России в 1992 г..[35]

Особо следует отметить публикации источников по истории протестных выступлений заключенных ГУЛАГа. [36] Исключительно важную роль сыграла, в частности, собирательская деятельность Н. Формозова и НИПЦ «Мемориал», уделявших первоочередное внимание политическому сопротивлению в лагерях. В первой половине 1990-х гг. появились первые издания архивных материалов о восстаниях в лагерях. Ценную подборку документов ГАРФ по истории восстания в Степном особом лагере (май — июнь 1954 г.) опубликовал А. И. Кокурин.[37] Эту подборку вместе с отдельными документами по истории восстаний в Горлаге и Речлаге А. И. Кокурин и Н. В. Петров включили также в хрестоматию «ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917–1960».[38] После выхода в свет 7-томного собрания документов «История сталинского ГУЛАГа» можно говорить о кардинальном изменении источниковедческой ситуации. Издание, подготовленное Федеральным архивным агентством России, Государственным архивом РФ и Гуверовским институтом войны, революции и мира,[39] не только знакомит читателей с сотнями важнейших документов об одной из самых крупных карательных систем XX в. Седьмой том представляет исследователям систематизированную информацию о составе и содержании богатейших архивных фондов ГАРФ по истории сталинских репрессий и лагерей. В отдельном томе опубликованы результаты многолетних архивных поисков и размышлений автора этой книги о конфликтном социуме ГУЛАГа, феноменологии восстаний, бунтов и забастовок заключенных.[40] Тем самым был восполнен существенный пробел первого издания «Массовых беспорядков в СССР», где отсутствовала «конфликтная» история сталинского и послесталинского ГУЛАГа.

90 процентов использованных в книге источников являются недавно рассекреченными архивными документами, большинство которых впервые введено в научный оборот. Особое значение имели партийные документы, отражавшие реакцию высшего руководства страны на народные волнения и бунты. Надо отметить «келийный» характер рассмотрения подобных проблем в ЦК КПСС. Достаточно сказать, что вопрос о массовых беспорядках дошел до уровня Пленума ЦК КПСС лишь однажды, в связи с волнениями русского населения в Грозном.[41] Чаще нам приходилось иметь дело с информационно-справочными документами, полученными ЦК КПСС из местных партийных органов, министерств и ведомств, с конкретными «точечными» решениями партийно-государственных органов по отдельным большим вопросам. Важное значение для раскрытия темы имела коллекция материалов, рассекреченных в связи с подготовкой «суда над КПСС» в 1993 г.[42]

В ЦК КПСС регулярно поступали материалы КГБ при Совете Министров СССР, МВД СССР и Прокуратуры СССР. Только Часть документов, полученных ЦК КПСС из КГБ в 1953 — начале 1980-х гг., отложилась в Российском, государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Информацию о наиболее важных случаях партийные архивисты имели обыкновение изымать из дел Общего отдела ЦК КПСС и хранить в архиве Политбюро ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации). Историческая часть этого архива за интересующие нас годы очень медленно передается на государственное хранение. В ряде случаев аналитические документы по интересующей нас теме или близким к ней сюжетам (состояние преступности и судимости по политическим преступлениям, настроения населения, борьба с инакомыслием и т. п.) КГБ при Совете Министров СССР готовил совместно с Прокуратурой СССР. В этом случае необходимые материалы удавалось получить, в фонде Прокуратуры СССР ГАРФ.

Пробелы информации в партийных документах и документах КГБ были восполнены благодаря докладным запискам и спец-сообщениям МВД СССР в ЦК КПСС и лично Н. С. Хрущеву, ГАРФ располагает полной коллекцией таких документов за 1954–1960 гг. Можно уверенно утверждать: нам известно все, что сообщало МВД СССР в это время в высшие партийные инстанции о массовых волнениях и беспорядках. К сожалению, документы более позднего периода не переданы на государственное хранение из МВД РФ, в большинстве своем не рассекречены и обычному исследователю практически недоступны.

Важнейшим комплексом документов для нашей темы являются надзорные производства отдела по

надзору за следствием в органах Государственной безопасности Прокуратуры СССР. Эти в большинстве своем рассекреченные документы, хранящиеся в настоящее время в Государственном архиве Российской Федерации, охватывают практически весь интересующий нас период — от прихода Хрущева к власти в 1953 г. до начала 1980-х годов. Для того, чтобы оценить полноту, достоверность и репрезентативность материалов Прокуратуры СССР, следует иметь в виду, что участие в массовых беспорядках относилось к государственным преступлениям, предусмотренным статьей 16 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и статьей 79 УК РСФСР (аналогичные статьи были в уголовных кодексах других союзных республик). Признаками массовых беспорядков считались, в частности, погромы, разрушения, поджоги и т. п. массовые действия. Отдельных участников беспорядков судили также за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (ст. 58, а затем ст. 70 УК РСФСР [редакция 1960 г.] и аналогичные статьи УК союзных республик) и за хулиганство (ст. 206 УК РСФСР и аналогичные статьи УК союзных республик).

Сведения об осужденных по статье УК о хулиганстве могли и не попасть в отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности. Обычно это были дела о групповых драках, не сопровождавшихся столкновениями с властями, погромами и т. п., либо таким образом квалифицировались действия какой-то группы участников городского бунта (остальные проходили по статье 79 УК РСФСР и аналогичным ей статьям УК союзных республик). Квалификация действий участников беспорядков по статьям 70 и 79 означала, что предварительное дознание и тем более следствие будут вести органы КГБ, а надзор за следствием, так же как и за рассмотрением кассационных жалоб и ходатайств о помиловании, как самих осужденных, так и их родственников, будет осуществлять отдел надзора за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР и соответствующие отделы в прокуратурах союзных республик.

С начала 1960-х гг. была введена практика обязательного информирования отдела местными прокурорами обо всех подлежащих его контролю делах. В идеале предполагалось, что спецсообщения местных прокуратур должны направляться в Прокуратуру СССР немедленно после события и быть основанием для открытия надзорного производства» Сопоставление данных надзорных производств о государственных преступлениях с другими источниками и литературой показало, что большинство действительно крупных событий 1960-х гг., участники которых обвинялись в «массовых беспорядках», «бандитизме» или «антисоветской агитации», сопряженной с массовыми волнениями, нашли свое отражение в делах отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР.

Несколько хуже обстоит дело с событиями второй половины 50-х гг. Судя по документам отдела, в это время также практиковалась посылка местными прокурорами в Прокуратуру СССР спецсообщений о «массовых беспорядках». Но прокуроры довольно часто отступали от этого правила, а сам отдел в это время был перегружен другими делами (реабилитация жертв сталинских репрессий и т. п.). В результате не удалось, например, обнаружить первичных надзорных производств по делам участников массовых беспорядков в Тбилиси в 1956 г., чеченского погрома в Грозном в 1958 г., о протестах и выступлениях населения против закрытия монастырей, скитов и церквей в конце 1950-х гг. В этих случаях интересующая нас информация была получена либо в фонде МВД СССР, либо в делах Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР.

В целом, предпринятые автором многолетние архивные разыскания в бывшем архиве общего отдела ЦК КПСС (ныне РГАНИ), Государственном архиве Российской Федерации (фонды МВД СССР, Прокуратуры СССР и РСФСР, Верховных судов СССР и РСФСР, ГУЛАГа, Совета по делам религий при Совете Министров СССР), дополненные опубликованными в последнее десятилетие источниками и мемуарами, позволили создать обширный комплекс достоверных источников об истории социальных и этнических конфликтов, городских бунтов и волнений на территории СССР в период Хрущева и Брежнева.

Объективное состояние историографии заставило автора одновременно решать две группы исследовательских задач. Сочетать трудоемкую саму по себе фактографическую реконструкцию событий на основе фронтальных архивных разысканий (сплошной, просмотр, значительных документальных комплексов в поисках спорадически встречающейся информации о социальных и этнических конфликтах) с разработкой теоретических и методологических проблем исторической конфликтологии в контексте узловых проблем социально-политической истории послевоенного периода.

Бунтарская активность населения СССР, протекавшая в жестких рамках достаточно стабильного и жизнеспособного в то время режима, рассмотрена в книге в контексте кризиса модернизации, агонии традиционного российского общества, попыток власти и населения адаптироваться к реальностям послесталинской эпохи. Анализ возникавших на этой почве конфликтных взаимоотношений между народом и режимом опирается на так называемое широкое понимание конфликта, предложенное Р. Дарендорфом,[43] который считал конфликтом любое отношение между индивидуумами или группами, если в нем присутствует

несовместимая разница целей. При этом конфликт рассматривается автором не только как действия сторон, имеющих несовместимые цели, но прежде всего как определенное социальное состояние, перерастающее (или не перерастающее) в открытое (или скрытое), активное (или пассивное) столкновение или противодействие.

Вслед за Льюисом Коузером,[44] автор исходил из того, что конфликт оказывает на общество положительное воздействие, причем не только в «эластичных», демократических, но и в «жестких», авторитарных системах. Ясно, что авторитарные режимы и диктатуры в конфликтной ситуации стремятся скорее к уничтожению оппонента (если это конфликт какой-то группы населения с властью) либо к подавлению обеих сторон межгруппового или этнического конфликта («самодеятельность» которых воспринимается как нарушение прерогатив режима), чем к конструктивному поиску компромисса. Однако вряд ли кто-либо станет отрицать, что в недемократических общественных системах, для которых характерны отсутствие легальных каналов выражения недовольства и отстаивания групповых интересов, неэффективность обратной связи с народом, заблокированной «административным усмотрением» бюрократии, именно массовые беспорядки, стихийные бунты и волнения реализуют эту обратную связь. «Начальство» получает прямой и жесткий сигнал о наличии конфликта в обход действующей бюрократической машины. Даже в случае жестокой расправы с участниками волнений, безусловно, нарушавших закон и общественный порядок, власти вынуждены искать объяснения и причины, вносить изменения в политику и, в конце концов, находить более или менее приемлемый баланс интересов.

Глобальное противостояние «коммунизм — капитализм» в годы «холодной войны» заставляло советских коммунистов, западных левых, так же как и их либеральных оппонентов, фактически игнорировать специфические функции волнений и беспорядков в советском механизме социального взаимодействия и интерпретировать факты подобных выступлений, прежде всего как непосредственное покушение на систему. Советские коммунисты связывали массовые беспорядки с «несознательностью народа», с влиянием «буржуазных пережитков» и т. п., западные левые (троцкисты, в частности) видели в них выступления трудящихся против переродившегося режима, антикоммунисты и либералы склонялись к тому, чтобы рассматривать подобные явления чуть ли ни как борьбу за демократические ценности. Позитивно или негативно оценивали идеологические противники эти события, в данном случае значения не имеет. «Антисистемный» характер народных волнений и бунтов во времена Хрущева и Брежнева не вызывал у большинства из них никакого сомнения.

Разработанные в 1970–1980-е гг. и опубликованные в начале 1990-х гг. историософские концепции, А. С. Ахиезера[45] и А. В. Оболонского предлагают принципиально иной взгляд на феномен социально-политического и социально-психологического «симбиоза» народа и власти на различных этапах развития российского общества.

Целый ряд идей Ахиезера оказался удивительно созвучен «конфликтной» истории послесталинского СССР. Философ убедительно рассмотрел активное противостояние массового до-государственного сознания (в основном крестьянского) государству, русский коммунизм как силу, которая попыталась превратить внутренний раскол общества в тайну, свести его к расколу «нашей» правды-истины и мировой кривды, но так и не смогла остановить маховик саморазрушения расколотого общества. Он показал удивительную манихейскую способность российского массового сознания моментально менять знаки («добро — зло», «правда — кривда», «мы — они») при поиске смысла того или иного явления. Рецензия А. С. Ахиезера на первое русское издание книги о массовых беспорядках очень помогла работе над новым изданием, прежде всего благодаря «созвучным» интерпретациям «бунтарской» активности населения СССР, помещенным в контекст развернутой историософской схемы. А. С. Ахиезер (один из немногих) понял и принял главное в моем подходе к массовым беспорядкам. Это были не разбросанные во времени и пространстве локальные события, а интегральное выражение общественной дезорганизации, «скрытой под покровом, казалось бы, всеобъемлющего тоталитарного контроля», своеобразный фокус, через который следует рассматривать «и принятие решений, и саму массовую деятельность людей».[46]

Столь же полезными оказались и некоторые идеи А. В. Оболонского, который определил доминирующий «генотип» в российской культурно-этической и социально-психологической традиции — «системоцентризм». Мировоззренческой основой «системоцентристского генотипа» он считает «традиционалистскую ориентацию на стабильность отношений внутри Системы как высшую ценность... Внутреннее жизненное равновесие для члена такого коллектива достижимо лишь через полную гармонию с Системой, которая, в свою очередь, сохраняет устойчивость лишь благодаря соответствующему поведению своих членов». По мнению Оболонского, господство в обществе подобного мировоззрения «отнюдь не гарантирует против мятежей и прочих социальных катаклизмов... Но все такие движения направлялись не против Системы как таковой, а против отдельных лиц и группировок, злоупотреблявших, по мнению массы, своим привилегированным в ней

положением и тем самым угрожавшим ее стабильности. Не случайно народные восстания в традиционных обществах, как правило, проходили под флагом идеи „доброго царя“, и когда оседала пыль восстания, основные бастионы Системы оказывались не только неповрежденными, но порой и еще более прочными».[47]

Тезис о «системной лояльности» участников массовых волнений можно распространить на многие «плебейские» беспорядки новейшего времени. Стихийные лидеры беспорядков 1950–1960-х гг. обычно не покушались на устои коммунистической Системы. Их действия были направлены либо против «плохих чиновников» на местах, либо — «плохого Хрущева» на самом верху. Даже в Новочеркасске демонстранты, как известно, несли перед собой портрет Ленина, наглядно демонстрируя свою идеологическую лояльность и «верность делу коммунизма».

Все многообразие конфликтных ситуаций, разумеется, не может быть описано ни одной, даже самой подробной классификационной схемой. Тем не менее, очевидно, что любая теория конфликта вынуждена оперировать «чем-то, напоминающим „двухклассовую модель“» (Дарендорф). И прежде чем заниматься конкретным историческим анализом массовых беспорядков, предшествовавших и сопутствовавших им событий, нужно ответить на очевидный вопрос: кого собственно считать «сторонами конфликта» в каждом конкретном случае. На практике этот простой вопрос оказывался далеко не таким простым. Переход напряженности из латентной (скрытой) формы в форму открытого (и острого) противодействия неизбежно приводил к вмешательству государственной власти в любой, даже самый заурядный бытовой конфликт, нарушавший монополию государства на насилие и содержащий в себе угрозу общественному порядку. Индивидуумы и социальные группы постоянно вращались в порочном круге: легальные пути выражения недовольства закрыты, а нелегальные, естественно, преступны. Неудивительно поэтому многочисленные факты перерастания межгрупповых конфликтов в неповиновение местным властям, которым участники столкновения отказывали в праве быть третейским судьей. В этом контексте даже групповая драка, закончившаяся столкновением с милицией или попытками освобождения задержанных хулиганов, может рассматриваться в рамках более общего конфликта «население — власть».

Учитывая, что в советском обществе, большинство социальных групп было «атомизировано» и в результате монополии КПСС на власть не имело легальной возможности для организованного выражения и отстаивания своих особых интересов, мы вынуждены были использовать весьма расплывчатый, но более объемный термин «население» вместо «группа», «класс» и т. п. По тем же причинам для определения другой стороны конфликта мы предпочли понятие «власть» понятию «государство» — строгое использование термина «государство» придало бы многочисленным стихийным волнениям и беспорядкам статус гораздо более осмысленных и целенаправленных действий, чем это было в действительности.

Для советского общества, организованного более примитивно, во всяком случае, иначе чем гражданское общество западного типа, антиномия «население — власть» точнее передает специфические черты интересующих нас конфликтных ситуаций, чем принятые в западной социологии противопоставления «группа — общество», «группа — государство» и т. п. Иначе говоря, язык описания конфликтов не должен противоречить историческому и культурному своеобразие того или иного социума, его традициям, языку, на котором сами представители данного социума описывают свои действия и поведение. Наложение на одно общество понятий и категорий, выработанных для описания иного общества, пусть более или менее развитого и сложного (главное — другого!), не только существенно искажает общую картину, но и мешает оценить перспективу развития тех или иных событий.

В сферу нашего анализа попали не только собственно «массовые беспорядки», как определяло их советское уголовное право, но и другие острые и «мягкие» формы конфликтов, независимо от того, по какой статье квалифицировались эти деяния в советском законодательстве. Основными критериями внутренней классификации конфликтных ситуаций, а, следовательно, и выбора объектов исследования были, во-первых, массовость, размах и продолжительность столкновений (от групповых драк, сопровождавшихся кратковременным сопротивлением сотрудникам милиции, до многодневных городских бунтов, в которых участвовали сотни, а то и тысячи человек), во-вторых, уровень насилия и жестокости, проявленных участниками конфликта (погромные действия, массовые избиения, количество пострадавших, смертельные исходы, применение огнестрельного оружия властями или участниками беспорядков), в-третьих, — формы сопротивления власти (нападения на милиционеров, сотрудников КГБ, дружинников (бригадмильцев), военных; погромы отделений или постов милиции; уничтожение документов милиции или КГБ; попытки освобождения из-под стражи заключенных; нападения на партийные Комитеты и государственные учреждения и причинение им материального ущерба).

В книге рассматриваются как традиционные для России «бунташные» модели асоциального поведения масс («хулиганские войны» и «оккупации», погромы, стихийные выступления против местных властей,

этнические беспорядки), так и более «осмысленные» формы протеста, имевшие относительно внятную политическую направленность, включавшие в себя ростки забастовочного и стачечного движения или использовавшие лозунги борьбы за национальную независимость. Особое внимание уделено парадоксальным формам народной «коммунистической мечты», нередко выступавшей в качестве идеологической оболочки социального конфликта и противостоявшей «реальному социализму» как «украденная правда», моделям массового конфликтного поведения, реконструкции психологических типов участников и лидеров массовых беспорядков, культурных и этических стереотипов, «работавших» «за» и «против» режима в кризисных ситуациях.

Эпоха Хрущева и Брежнева, которую автор обозначил условным термином «либеральный коммунизм», принципиально отличалась как от репрессивной диктатуры 1930–1940-х гг., так и от попыток Горбачева реформировать «советский социализм», завершившийся крахом всей системы. Главным аргументом при определении хронологических рамок работы была оценка всей эпохи «либерального коммунизма» как пространства борьбы между потребностями модернизации и укорененными в институтах власти и управления, идеологии и массовой психологии традициями «патриархального патернализма» и бюрократического произвола. Вместо современной модели демократического взаимодействия между обществом и государством доминировала традиционная дихотомия «народ — власть». Поиск оптимального или, по крайней мере, адекватного новой постиндустриальной эпохе социально-политического механизма и при Хрущеве, и при Брежневе шел спонтанно, осмысливаясь во враждебных новой реальности идеологических формах. О самом наличии социальных и этнических конфликтов, реакции народа на свои решения правящая верхушка узнавала в неизбежно извращенной форме бунтов и массовых беспорядков либо нелегальных «антисоветских проявлений». Попытки Горбачева перестроить эту патриархальную «механику» привели к краху всей советской системы, деградации (но не исчезновению!) патерналистской традиции, появлению институтов «гражданского общества», слабость которых чревата постоянными кризисами легитимности нового строя, угрозой возвращения к патерналистским формам управления страной, а значит, и бунтов, «бессмысленных и беспощадных», как крайнего средства «информирования» властей о невыносимости бытия.

Работа над этой книгой была долгой. Ее появление на свет было бы невозможно без поддержки фонда Харри Фрэнка Гугенхайма (США, Нью-Йорк), который в 1997 г. одобрил проект «Городские беспорядки в Советской России, 1960–1963». Первоначально книга вышла в свет на русском языке в новосибирском издательстве «Сибирский хронограф» (1999 г.). В 2002 г. ее сокращенный английский вариант в переводе и под редакцией Элейн Мак'Кларнанд Мак'Киннон был опубликован издательством «M. E. Sharp Inc.».[48] В новое издание книги, переработанное и дополненное, включена глава «Ящик Пандоры: конфликтный опыт ГУЛАГа», основанная на последних исследованиях автора. Появление главы о конфликтном социуме ГУЛАГа потребовало не просто изменений в структуре книги (новая последовательность глав), но и концептуальной перестройки текста, анализа таких факторов и обстоятельств массовых волнений эпохи «либерального коммунизма», которые остались вне поля зрения автора в изданиях 1999 и 2002 гг. Кроме того, при подготовке второго издания были использованы недавние исследования автора по проблемам советского «крамольного» сознания и протонародной оппозиционности.[49] По сравнению с русским вариантом 1999 г. были кардинально переработаны введение и, особенно, заключение книги.

Первым читателем книги был мой добрый друг и старый знакомый профессор социологии Калифорнийского университета (Сан Диего) Тимоти Мак Дэниел. Он же стал ее первым критиком — доброжелательным, умным и справедливым. Этому замечательному человеку автор вообще многим обязан в жизни. На разных этапах работы моральную и профессиональную помощь и поддержку оказывали автору Ольга Эдельман, профессора Шейла Фитцпатрик, Арч Гетти, Джеффри Бурде, Дэвид Пайк, Дон Рейли (США), Франческо Бенвенути (Италия), доктора исторических наук С. В. Мироненко и О. В. Хлевнюк, историк, член общества «Мемориал» Н. Петров. Неоценимой была помощь Д. Н. Нохотович в поиске и подборе материалов в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Книга посвящена Марине Козловой, которая не только вдохновляла автора, это была как раз самая легкая часть ее обязанностей, но и терпела капризы, ругала, когда ленился, а главное — помогала жить простым фактом своего существования на земле.

В. Козлов,

Часть I КОНФЛИКТНАЯ «ОТТЕПЕЛЬ» (1953–1960 гг.)

Глава 1

Ящик Пандоры: конфликтный опыт ГУЛАГа

Ген «антигосударственности»

Волна массовых волнений, накрывшая ГУЛАГ на рубеже 1940–1950-х гг. и достигшая апогея после смерти Сталина, не только нанесла удар по «рабскому укладу» советской экономики, поставив под угрозу строительство и эксплуатацию важнейших народно-хозяйственных объектов (железные и шоссейные дороги, каналы и шлюзы, гидроэнергетика, освоение месторождений, добыча и первичная переработка полезных ископаемых, лесозаготовки, строительство военных объектов в климатически неблагоприятных зонах и т. д.), но и пошатнула социальную стабильность и политическую устойчивость режима. Система, предназначенная для борьбы с социальными болезнями и защиты общества, в конечном счете, превратилась в угрозу существованию общества. С конца 1940-х гг. ГУЛАГ как важная часть государственной машины начал в катастрофических размерах воспроизводить то, что можно назвать геном «антигосударственности».

Восстания, неповиновения и бунты наглядно показали руководству страны, что ГУЛАГ как пережиток советской мобилизационной экономики эпохи форсированной индустриализации «выпал из времени», превратился в «заповедник сталинизма» и профессиональной преступности. Учитывая быструю «ротацию» заключенных в лагерях и колониях (600–700 тысяч человек в год), и систематический «обмен» населением между ГУЛАГом и «большим социумом», можно предположить существование прямой связи между выступлениями в лагерях и «хулиганской войной» против власти, вспышкой массовых беспорядков и городских бунтов в СССР во второй половине 1950 — начале 1960-х гг. Среди активных участников этих событий можно было встретить немало людей с лагерным прошлым. Зачинщики городских волнений воспроизводили как типичные схемы заурядных лагерных волынок, так и сложные модели политических протестных выступлений заключенных особых лагерей. Сравнительный анализ способов действия организаторов массовых беспорядков на воле и за колючей проволокой, а также сопоставление их социального «профиля» и *modus operandi* свидетельствуют об определенной взаимосвязи и даже типологической близости этих явлений.

Все массовые выступления и протесты заключенных, взятые в контексте сталинской модели социализма, были, в конечном счете, ударом по порядку управления и подрывали устои всей Системы в целом. Неважно, в данном случае, насколько сознательно формулировали эту цель участники выступлений, если формулировали вообще. Неважно даже, насколько объективная направленность выступления отвечала субъективным представлениям и стремлениям участников волнений, в какой мере совпадали, если совпадали, личные планы зачинщиков и организаторов беспорядков и тех, кто был лишь пассивным участником событий, бунтовщиком поневоле. Главное, что по меркам советского уголовного кодекса и в соответствии со сталинской уголовной практикой подобные действия, в конечном счете, оценивались как опасные государственные преступления, с одной стороны, и затрудняли выполнение ГУЛАГом его важнейшей — производственной — функции, с другой. (Не удивительно, что в отчетных материалах ГУЛАГа и МВД СССР статистические сведения о лагерном бандитизме и «повстанческих проявлениях» часто объединялись в общей рубрике[50]). Организация забастовки или восстания в особом режимном лагере предполагала уникальное сочетание причин и предпосылок — политических (благоприятная внешняя ситуация — война, смена правителя или режима), организационных (наличие сплоченных неформальных групп, авторитетных руководителей и/или организованного подполья), идеологических (осмысленные и достижимые, хотя бы гипотетически, цели и мотивы массовых действий), социально-психологических (запечатленный в групповом сознании опыт успешных протестных действий и/или действие будоражающих факторов — несправедливая смерть товарища по несчастью, превышающее лагерный «обычай» насилие в отношении узников и т. п.), наконец, физиологических — голод, истощение, болезни отбирали все силы заключенных и практически полностью исключали возможность коллективного организованного длительного и целеустремленного протеста.

Иные формы протестной активности заключенных — волынки, бунты, коллективные отказы от работы или от приема пищи — представляли собой более органичную, естественную и традиционную часть лагерного быта. Для их начала не требовалось ни тщательной подготовки, ни особой идеологии, ни даже формулирования далеко идущих целей. В ряде случаев для начала массовых беспорядков вполне достаточно

было острой спонтанной реакцией гулаговского населения на конкретные обстоятельства лагерной жизни либо наличия организованной группы заключенных, претендующих на особую роль и привилегии в лагерном сообществе. Борьба различных лагерных группировок — политических, этнических («чечены», «кавказцы»), этнополитических (украинские и прибалтийские националисты), чисто уголовных (воры-«законники», «отошедшие», «махновцы», «беспредельники» и т. д.) за контроль над местами заключения, их столкновения друг с другом и с администрацией, коль скоро они принимали массовые формы и осознавались властями как чрезвычайные происшествия, достойны изучения и описания не меньше, чем «чистое» политическое сопротивление в лагерях.

Протесты, самозащита и борьба заключенных за коллективное выживание никогда не были и не могли быть, политически и морально стерильными, хотя бессознательное игнорирование этого факта достаточно часто встречается в историографии. Способы действия и мотивы людей, вовлеченных в орбиту таких событий, порой просто невозможно однозначно квалифицировать как «высокие» или «низменные». Но все эти события, независимо от мотивов своих «актеров» и «авторов», разрушали и разлагали ГУЛАГ как огромный производственный организм и репрессивную машину, как сферу принудительного труда, безнадежно ретроградную, политически недолговечную, экономически неэффективную и человечески неприемлемую.

Эволюция лагерного сообщества в конце 1920-1930-х гг

Отвечая в свое время на абстрактный вопрос: «Какие вообще мыслимы способы сопротивления арестанта — режиму, которому его подвергли?», — А. Солженицын упомянул голодовку, протест, побег и мятеж. Протесты и голодовки, по мнению Солженицына, как способ воздействия на тюремщиков имели силу только в совершенно определенной общественной ситуации.

Чтобы они действовали, должно существовать общественное мнение. Без его «соучастия» протесты и голодовки как способ отстаивания специфических интересов заключенных обречены.[51] Неудивительно, что такие формы сопротивления как голодовки, широко распространенные среди политических узников в царской и советской (до начала 1930-х гг.) России, практически сошли на нет в годы Большого террора. Поставив выступления заключенных сталинского ГУЛАГа в контекст западной модели гражданского общества (точнее — его полного отсутствия в сталинском СССР), писатель не стал рассматривать протестную активность заключенных в рамках общего процесса архаизации советского социума, отброшенного сталинской «революцией сверху» на многие десятилетия назад. Между тем в традиционном обществе массовые протесты выступают в качестве второй сигнальной системы, фактически обеспечивающей управление в экстремальных и кризисных ситуациях.[52] Для функционирования подобной системы общественное мнение не требуется. Более того, его существование даже и не предполагается. Протесты заключенных в этом случае вписываются в иную (архаическую) систему патерналистских взаимоотношений, в принципе враждебную любым институтам гражданского общества и предполагающую прямое и грубое «общение» подданных с высшей властью — без посредничества общественного мнения.

Суть изменений, привнесенных Сталиным, сводилась, однако, не просто к архаизации общественной системы вообще, пенитенциарной системы в частности. В отношениях с политическими узниками Сталин «выключил» даже традиционные формы обратной связи «опекаемых» с «верховным арбитром». В 1929 г. именно от Сталина руководители карательных органов получили вполне внятный сигнал: вообще игнорировать письменные заявления и протесты политических заключенных и прекратить практику «препровождения» этих документов в ЦК ВКП(б),[53] Другими словами, верховная власть не только заблокировала политическим заключенным возможность апелляции к общественному мнению, но и отказалась в своих отношениях с «контрреволюционерами» нести бремя даже традиционного патернализма. После того, как «Вождь народов» сначала объявил себя глухим к эпистолярным протестам заключенных, а затем и к их голодовкам и обструкциям, политические заключенные «нового призыва» практически отказались и от популярных в 1920-е гг. форм борьбы. Начав после 1936 г. массовый перевод политических заключенных из политизоляторов в концентрационные лагеря, власть в свойственной ей символической манере в принципе отвергла любые притязания «контрреволюционеров» на особый политический статус. А в обстановке Большого террора и массового уничтожения политических заключенных само допущение того, что подобные протесты хоть сколько-нибудь значимы для власти, выглядело и было абсурдом. Сталинизм архаизировал отношения в социуме, отбросил его к примитивным формам общественного бытия и, вместе с другими атрибутами цивилизации, «упразднил» и сообщество политических заключенных, объявив ему, как и прочим осужденным, лишь производственную функцию. Одновременно сталинская система попыталась

разрушить не только сообщество политических заключенных, но даже и традиционный «воровской мир», усиленно культивируя утопические идеи трудовой «перековки» уголовников.

Во второй половине 1930-х гг. всему населению архипелага пришлось искать новые формы борьбы (не за свои права, просто за выживание!), основанные на гипертрофии производственных функций советской пенитенциарной системы. Жестокость новой Системы смягчалась только ее потребностью в новом и новом «рабочем мясе», а невыносимость рабского труда компенсировалась многочисленными «неуставными» нарушениями режима содержания во имя выполнения производственных планов. Строго говоря, новые формы борьбы за более благоприятные условия «отсидки» «неполитическая» часть населения ГУЛАГа (назовем ее так, чтобы отделить от идейных противников режима, вроде меньшевиков, троцкистов, националистов, монархистов и т. д.) начала вырабатывать уже на рубеже 1920–1930-х гг. Модель подобных форм сопротивления, фактически, борьбы за выживание, впервые возникла не в ГУЛАГе, а в районах кулацкой ссылки, где власть отработывала «мягкие», «колониационные» формы использования принудительного труда.

Лейтмотивом официальных документов начала 1930-х гг. о стихийных выступлениях и волнениях сосланных «кулаков» была мысль о том, что волынки сосланные кулаки устраивают «на почве невыносимых условий». Зато отказ товарищей по несчастью поддержать, бунтовщиков обычно был связан с более сносными условиями существования — «здесь им живется хорошо».[54] Массовые побеги из гиблых мест и спорадические массовые беспорядки, сигнализировали властям о невыносимости конкретных ситуаций, совершенно исключавших приспособление и адаптацию к неволе. В ответ власти предложили «хозяйственное устройство» в обмен на добросовестный труд в местах принудительной колонизации. В итоге индивидуальные надежды терпеливых крестьян («лишь бы места подходили для пашни, да давали хлеба, а тайгу расчистить можно, лес близко, строиться будет легко, земля свежая и хлеб будет родиться»[55]) блокировали организованный социальный протест.[56]

Относительный успех полицейского умиротворения кулацкой ссылки в первой половине 1930-х гг. убедил власти в эффективности выбранных форм «коррекции» массового поведения в сфере принудительного труда. Полицейские усилия были сосредоточены на подавлении организованных групп сопротивления, расколе и расслоении вверенных «контингентов», раздроблении единой протестной воли на миллионы индивидуальных надежд. Более сносные условия выживания обменивались на «добросовестный труд» и готовность сотрудничать с властями. «Умиротворение» ГУЛАГа, превращавшегося по воле «начальства» в гигантскую стройку и массовое производство, было реализацией фактически той же схемы. А то, что власти оценивали как производственную эффективность принудительного труда, всецело зависело от, казалось бы, эфемерного психологического фактора — надежды заключенных, используемых на важнейших народно-хозяйственных объектах, на более высокое «качество жизни» в неволе и/или сокращение срока отсидки — в «благодарность» за лояльность и трудовое усердие.

В конце 1930-х гг. «бунтовские» и «заговорщические» традиции сопротивления почти сошли на нет. Известные нам эпизоды имели периферийный характер и были скорее исключением из правил. Зато на первое место выдвинулись групповые и индивидуальные отказы от подневольного «труда на благо Родины». В 1939 г. (после отмены так называемых зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения) отказы от работы вообще стали массовой формой сопротивления гулаговского населения (в основном, его неполитической части) новым неблагоприятным веяниям в пенитенциарной политике властей. В циркуляре 3-го отдела ГУЛАГа НКВД СССР № 148 об усилении борьбы с побегами и нарушениями лагерного режима отмечалось «резкое сопротивление» отмене зачетов со стороны «наиболее злобно настроенной части заключенных»: побеги, злостный саботаж, организация эксцессов и неподчинения распоряжениям администрации. Особенно тревожил гулаговское начальство тот факт, что «заключенные, осужденные за антисоветские преступления, вели активную агитацию среди хорошо работающей части лагерников, склоняя последних к групповым отказам от работы, невыполнению норм, ссылаясь при этом на отсутствие перспектив досрочного освобождения».[57]

«Упертая» власть ответила террором. Были вынесены показательные смертные приговоры в отношении некоторых «злостных отказчиков» и подстрекателей к отказам от работы. Однако, как показали последующие события, репрессии проблемы не решили и на протяжении 1940-х гг., руководствуясь производственными соображениями, сначала «в порядке исключения», а потом на все более систематической основе, «начальство» вынуждено было вернуться к практике зачетов. Фактически, это один из наиболее важных примеров успешного сопротивления узников ГУЛАГа неприемлемым для них условиям заключения. Тысячи разбитых приказом НКВД надежд обернулись для власти пассивным массовым сопротивлением, фактически подрывавшим устои нового созданного при Сталине и под Сталина «экономического уклада».

«Бунтовщики» и «патриоты»: размежевание заключенных в годы войны

С началом Великой Отечественной войны у заключенных, особенно у осужденных за контрреволюционные преступления, появилась вполне понятная боязнь, что неудачи первого периода войны и быстрое наступление немцев могут спровоцировать власть на акции массового уничтожения в местах заключения, оказавшихся в непосредственной близости от районов боевых действий. В лагерях широко распространялись слухи об уже имевших место массовых акциях, о секретном приказе НКВД — уничтожать заключенных в случае приближения немцев. Слухи были основаны как на подлинных фактах расстрелов заключенных (и политических, и уголовных), так и на долетавших до эков разговорах охранников о неких секретных совещаниях оперативного состава того или иного лагеря, на которых, якобы, зачитывался какой-то секретный приказ НКВД о превентивных расстрелах.

Слухи об угрозе, поверить в которую заставлял весь предыдущий тюремно-лагерный опыт эков, составили один из ключевых компонентов новой социально-психологической реальности, коллективной мобилизации и самоорганизации. Наиболее активная часть лагерного населения, по крайней мере, там, где начинавшийся голод еще не привел заключенных к истощению и апатии, пыталась заранее побеспокоиться о спасении своей жизни и подготовиться к худшему варианту развития событий. Есть многочисленные свидетельства того, что лагерная администрация, не дожидаясь обострения обстановки, а точнее говоря, готовясь к такому обострению, начала нанесение упреждающих ударов по потенциальным очагам сопротивления. В ряде случаев мы имеем дело с очевидной (впоследствии официально опровергнутой) фабрикацией «заговорщических» дел. Сказанное относится, в частности, к «немецкому повстанчеству» 1941–1942 гг. Но некоторые другие уголовные дела отражают все-таки реальные настроения в лагерях, готовность сопротивляться, пока голод и болезни еще не лишили заключенных сил.

В начале декабря 1941 г. оперативный отдел ГУЛАГа отметил «усиление вражеской работы контрреволюционных элементов в лагерях». В ориентировке начальникам оперативно-чекистских отделов ИТЛ и колоний была приведена сводка сведений о раскрытых в лагерях повстанческих организациях. Список включал 12 лагерей, 24 подпольные группы и организации. Количественный состав раскрытых групп колебался от 15 до 50 человек. В большинстве своем подпольщики компактно объединялись по политическому и национальному признаку: «бывшие участники контрреволюционных организаций», «осужденные за антисоветскую деятельность», «бывшие командиры РККА», «немцы, осужденные за контрреволюционные преступления», «заключенные, доставленные из прибалтийских республик». Главными целями подпольщиков оперативный отдел ГУЛАГа называл «организованное выступление заключенных, разоружение стрелков военизированной охраны и групповые вооруженные побеги». В зависимости от географического положения повстанческие группы готовились приурочить выступление «к моменту захвата немцами г. Москвы» либо «к нападению Японии на Советский Союз». Иногда участников групп обвиняли в подготовке штурмовых групп, намерении оказать помощь немецким десантам и т. п.

Бесспорно, что в ряде случаев мы имеем дело с очевидной фабрикацией оперативниками «заговорщических» дел, а приписывание лагерным заговорщикам политически ясных целей (поднять лагерь навстречу немцам или японцам и т. д.), скорее всего, следует расценивать как плод грубой «следственной работы», превращавшей подготовку группового вооруженного побега, имевшего очевидные цели, в организацию вооруженного восстания под надуманными и невнятными политическими лозунгами. Однако находки последнего времени, в частности, опубликованные в статье И. Осиповой архивные материалы о так называемом ретюнинском восстании начала 1942 г. (к сожалению, автор не указала места хранения документов), заставляют с большим доверием отнестись к сообщениям лагерных чекистов о повстанческих группах, раскрытых после начала войны.

Если судить по документам ГУЛАГа, рост повстанческих настроений в лагерях коррелирован с обстановкой на фронте. Первая вспышка таких настроений была осенью — зимой 1941 г., вторая — приходится на летнее немецкое наступление 1942 г. Летом 1943 г. оперативный отдел ГУЛАГа вновь сообщал о целой серии раскрытых в лагерях «контрреволюционных групп и организаций, состоявших из бывших военнослужащих, осужденных в период Отечественной войны».[58] По мере успехов Красной армии на советско-германском фронте и приближения конца войны «повстанческие настроения» в лагерях пошли на убыль.

Оценивая в целом ситуацию в лагерях в годы войны, тенденцию к организации массовых вооруженных побегов, подобных ретюнинскому, следует сказать, что опасность этих побегов была чекистами отчасти блокирована, отчасти преувеличена. Повстанческие настроения отдельных групп политических заключенных в лагерях не имели сколько-нибудь широкой поддержки и шансов на успех. Это объяснялось не только

голодом и дистрофией во многих лагерях, что просто не оставляло физических и моральных сил для сопротивления, но и тем, что «положительный контингент» (а среди этого контингента оказывались и осужденные по малозначительной контрреволюционной статье — 58.10, т. е. «за разговоры», «ни за что» или, как некоторые из них полагали, «по ошибке») был в массе своей настроен патристические Документы 1941–1945 гг. в целом подтверждают мысль А. И. Солженицына о сложной моральной коллизии, с которой столкнулись многие заключенные: бороться теперь с режимом — значит, помогать немцам? Война отнимала даже у политических узников способность к протесту,[59] а гулаговский социум оказался все-таки мало восприимчив к идее сотрудничества с немецкими захватчиками. Значимым «умиротворяющим» фактором было появление у «обычных заключенных» легальных шансов на восстановление своего гражданского статуса. Перспективу освобождения открывала либо «безвредность» и «ненужность» для ГУЛАГа (от неспособных к работе, причем не только с малыми сроками заключения, старались поскорее избавиться[60]), либо мобилизация в Красную армию. По неполным данным, ИТЛ и колонии НКВД досрочно освободили и передали через военкоматы в армию около 1 млн человек.[61]

Низкий повстанческий потенциал «единого ГУЛАГа», в котором в годы войны было перемешано самое разношерстное «население», в принципе не способное на массовые и солидарные; действия, был лишь одной стороной процесса, позволяющего некоторым адептам сталинской системы говорить об особом вкладе ГУЛАГа в Победу. Другой стороной этого же процесса (работа на Победу) были глубинные изменения в гулаговском социуме, подготавливавшие будущий кризис и разложение всей системы лагерного хозяйства и образа жизни. По мере увеличения производственной нагрузки на всю систему лагерей и колоний, а именно в годы войны ГУЛАГ окончательно оформился; как производственный наркомат, ответственный за решение важнейших народно-хозяйственных задач, жесткие требования режима все больше отступали перед соображениями производственной необходимости.

По оценке начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина, именно «обстоятельствами, вызванными военной обстановкой в стране» было нарушено требование раздельного содержания заключенных, «осужденных на срок до 3 и свыше 3 лет лишения свободы». Первые должны были отбывать наказание в колониях, вторые — в лагерях. В действительности в исправительно-трудовых колониях содержалось «свыше 500 тыс. заключенных, осужденных на сроки свыше 3-х лет, в том числе и за такие преступления, как измена Родине, контрреволюционные и особо опасные», а исправительно-трудовых лагерях оказалось около 50 тыс. осужденных на сроки менее 3-х лет.[62] Для нашей темы важно зафиксировать сам факт беспрецедентного «перемешивания» различных категорий заключенных в лагерях «по производственной необходимости», так же как и многочисленные нарушения в режиме содержания. Уже в феврале 1942 г. в ГУЛАГе практиковалось массовое расконвоирование осужденных за контрреволюционные преступления.[63] Бремя повышенной ответственности за выполнение производственных заданий продолжало толкать гулаговскую бюрократию к прагматическим решениям. Эти решения усиливали возможность эксплуатации труда заключенных, но при определенных и, надо сказать, выгодных для обеих сторон условиях ослабляли гнет «режима содержания». На совещании руководящих работников НКВД СССР у заместителя наркома внутренних дел С. Н. Круглова в докладе о положении в ИТЛ (10 сентября 1943 г.) прозвучало даже предложение начальника ГУЛАГа Наседкина «поставить дело таким образом, чтобы заключенные переводились на положение вольнонаемных до конца события срока наказания, т. е. составить из них вроде трудовых батальонов, чтобы они вторую половину наказания отбывали на положении вольнонаемных людей, т. е. предоставить неограниченную переписку, свидания с родными, получение посылок и т. д.».[64]

Однако окончательно решить свои производственные проблемы за счет нарушений режима содержания заключенных гулаговское начальство было не в силах. Очевидное и резкое ухудшение продовольственного и вещевого снабжения лагерей в годы войны, обострявшее для заключенных проблему физического выживания, а в ряде случаев — приводившее к массовой смертности, само по себе снижало стимулирующую роль «поблажек». Кроме этого, ГУЛАГ постоянно терял свой «положительный контингент», уходивший в Красную армию. На смену «положительному» лагеря получали контингент вполне отрицательный, во всяком случае, по гулаговским меркам.

«Паразитическое перенаселение» второй половины 1940-х гг

Среди новых пополнений доминировали осужденные по политическим статьям и особо опасные уголовные преступники. Их совокупная доля в общей численности населения ГУЛАГа выросла с 27 процентов в 1941 г. до 43 процентов в июле 1944 г.[65] Новые контингенты (схваченных в ходе очистки тылов действующей армии

изменников родины, фашистских пособников, власовцев, членов боевых вооруженных формирований украинских и прибалтийских националистов, особо опасных уголовных преступников и т. д.) уже невозможно было увлечь перспективой освобождения через мобилизацию и тем более патриотической пропагандой. ГУЛАГ матерел и озлоблялся, а гулаговский социум, с точки зрения властей предержащих, приобретал все более отрицательную динамику. В нем происходили процессы консолидации заключенных по уголовным, политическим, этнополитическим и этническим признакам.

На пересечении интересов лагерной администрации, озабоченной выполнением производственных задач и поддержанием «порядка» и «дисциплины» любой ценой, и отколовшихся от традиционного, воровского мира уголовных авторитетов, искавших благоприятных условий «отсидки» и решившихся пойти на сотрудничество с лагерным начальством, в ГУЛАГе возникло консолидированное преступное сообщество, получившее впоследствии наименование «суки». На протяжении войны эта группировка захватила неформальную власть в лагерях и успешно паразитировала на гулаговском населении. Все более заметным фактором внутренней жизни ГУЛАГа становился лагерный бандитизм, приобретающий формы организованной борьбы различных группировок за контроль над зоной. Фактически, в конце войны в ГУЛАГе обозначились первые признаки жестокой борьбы за ресурсы выживания, что многократно увеличивало предрасположенность Архипелага к волнениям, бунтам и беспорядкам. Напряжение в среде профессиональных преступников и бандитов болезненно отразилось как на положении всех остальных заключенных, так и на состоянии режима и в конечном счете на выполнении ГУЛАГом его производственных функций. Эффективного полицейского решения проблемы найти так и не удалось. Криминальная элита ГУЛАГа встала на путь стихийной саморегуляции — уменьшения численности «паразитов» (физическое или статусное) в результате все более жестокой борьбы за власть над зоной.

Не исключено, что с действием тех же причин был связан и «ренессанс» побегов 1946–1947 гг. 16 июня 1947 г. заместитель начальника ГУЛАГа по оперативной работе Г. П. Добрынин сделал вывод о значительном росте состоявшихся побегов заключенных, «особенно групповых и даже вооруженных».[66] Подобные побеги, все больше походившие на бунты и мини-восстания, были бесспорным свидетельством дестабилизации обстановки в послевоенном ГУЛАГе, но проблемы «паразитического перенаселения» ГУЛАГа они решить, естественно, не могли. Слишком малое число заключенных имело технические возможности, достаточно мужества и сил для побега. Поэтому главным итогом «паразитического перенаселения» стал разраставшийся конфликт между различными группировками воровской «элиты» — яркое свидетельство формирования новой социальной структуры гулаговского сообщества. Враждующие группировки, следуя инстинкту самосохранения, начали упорно добиваться от лагерной администрации признания их неофициального статуса и режима раздельного содержания в лагерных пунктах. Так они закрепляли раздел сфер влияния и добивались от лагерной администрации «ярлыка» на власть. В свою очередь, «вершиной» режимно-оперативной мысли стала тактика «разведения» враждующих группировок по различным лагерным подразделениям, т. е. признание их *de facto* и молчаливое согласие на выделение «вотчин» для уголовников. Одной из постоянных забот оперативных работников во второй половине 1940 — начале 1950-х гг стало не разложение или ликвидация уголовных группировок (на это как на дело совершенно безнадежное в то время просто махнули рукой), а их своевременное «расселение». Однако характерное для ГУЛАГа в 1945–1947 гг. «паразитическое перенаселение» делало последовательную реализацию этого принципа трудновыполнимым, что и спровоцировало начало безжалостной войны «воров» и «сук».[67]

Изменение социальной структуры ГУЛАГа после массовых посадок «положительного контингента» по указам 1947 г об усилении борьбы с хищениями общественной и личной собственности уже не могло остановить инерцию непримиримой борьбы за ресурсы, хотя вряд ли кто-либо из участников «войны» спустя несколько лет после ее начала смог бы внятно объяснить ее причины. Во всяком случае, в то время, когда (уже после смерти Сталина!) эта проблема привлекла внимание высшего советского руководства, ни гулаговские оперативники, ни сами заключенные так и не смогли восстановить точный анамнез хронической болезни ГУЛАГа.

Ресурсов военного ГУЛАГа оказалось совершенно недостаточно, для того, чтобы обеспечить привилегированные условия отсидки всем потенциальным претендентам на власть в зоне. Заработал пусковой механизм активного «социального» структурирования ГУЛАГа, еще недавно «атомизированного» и потому управляемого, началось возникновение разнообразных группировок заключенных для защиты от «правомерного» и неправомерного произвола как первой, так и «второй власти» в лагерях, так же как и для эффективной борьбы за контроль над зоной, т. е. за право самим стать паразитами, «второй властью». Тягу к сплочению и консолидации обнаружили даже традиционно аморфные политические заключенные, состав которых, как уже отмечалось, кардинально изменился за годы войны. Это новое явление гулаговские оперативники попытались в 1944 г. выразить формулировкой «контрреволюционные авторитеты».[68]

намекающей на появление специфических сообществ политических заключенных.

Растущее «паразитическое давление» на население ГУЛАГа, усиленное постоянным втягиванием, часто под угрозой смерти, заключенных в «разборки» криминальных авторитетов, поставили политических заключенных, особенно их новые пополнения, перед критическим выбором. Для них, столь же «безнадежных» по срокам заключения и жизненным перспективам, что и бандиты-уголовники, консолидация и сплочение в борьбе за скудные жизненные ресурсы и власть над зоной стали единственно возможным выходом из ситуации. Политические начинали эту борьбу из заведомо невыгодной позиции, ибо не имели того полулегального статуса, которым гулаговская практика наделила верхушку воровского мира. Зато они могли использовать привычные формы подполья и повстанческой самоорганизации, опереться на враждебные советскому режиму идеологические ценности как на инструмент групповой мобилизации. Отдельные группы дополнили не всегда эффективный в лагерных условиях повстанческий и подпольный опыт методами и приемами, заимствованными у организованного криминала. Особую активность демонстрировали украинские и прибалтийские националисты, прибывавшие в ГУЛАГ сплоченными компактными группами, преисполненные боевого духа, объединенные простой, порой вульгарной и примитивной, но сильной и жизнеспособной национальной идеей.

Украинские националисты («бандеровцы и повстанцы») отличались особой непримиримостью, жестокостью, жизнеспособной подпольной инфраструктурой, приспособленной к специфически советской «культуре стука». В 1946 г. гулаговские оперативники отмечали своеобразный «повстанческо-побеговый порыв» заключенных украинских националистов, содержащихся на Украине. Из 100 тысяч заключенных украинских ИТЛ и колоний 30 тысяч (данные на 1 января 1946 г.) составляли «особо опасные, подавляющее большинство которых осуждено за измену Родине, антисоветский заговор, террор, повстанчество и бандитизм». Именно из этой среды выделялись организаторы и руководители особо дерзких групповых побегов — «нападения на отдельных стрелков, нападения целой колонной на конвой, рывками через зону группой, путем подкопов и т. п.». Чекисты прекрасно понимали причины подобной дерзости — «шансов на то, что при удачном побеге они в течение буквально дней попадут к „своим“, у них много».[69]

Поэтому, несмотря на повышенную заинтересованность партийных и советских органов УССР в рабочей силе заключенных, ГУЛАГу пришлось пойти на своеобразную ротацию — заменить бандеровцев, отправленных малыми партиями с Украины в традиционные гулаговские районы, «неопасными» уголовниками. В результате, политический ГУЛАГ получил прилив свежей «протестной» крови, а расстановка сил в лагерях стала меняться. Началось создание лагерного националистического подполья, сопровождавшееся борьбой за передел «второй власти». Привычные методы усмирения — например, использование уголовников, «отошедших» от «воровского закона», для подавления политических — в отношении украинских националистов не работали. Поступления с Украины повстанцев и подпольщиков усилили украинское «землячество» в ГУЛАГе, превратив его в одну из влиятельных сил гулаговского социума.

На протяжении 1946–1947 гг. процессы самоорганизации новых политических заключенных и формирования глубокого лагерного подполья проходили свою латентную фазу. В ноябре 1947 г. ГУЛАГ и его 1-е управление впервые зафиксировали целый комплекс новых проблем. Гулаговское начальство, походя, отметив оперативные успехи на ниве привычной «борьбы с антисоветской агитацией, антисоветскими группированиями среди заключенных», весьма резко высказалось о снижении качества работы по ликвидации «более серьезных вражеских группирований», ушедших в лагерях в «глубокое антисоветское подполье». Наибольшую тревогу вызывали «идеологическая обработка во враждебном духе окружающих», восстановление «утраченных антисоветских организационных связей по воле», попытки «сколачивать антисоветские организации и группы, подготавливая волынки, вооруженные групповые и одиночные побеги», установить связь с иностранными посольствами.[70]

При всех обвинениях в адрес «контрреволюционной» части лагерного населения практические работники не могли не понимать, что в то время главная угроза для порядка управления исходила все-таки не от «контрреволюционеров», даже не от их новых пополнений с Украины и из Прибалтики, еще переживавших свой «организационный период», а от особо опасных уголовных преступников. В августе 1947 г. в докладной записке на имя заместителя начальника ГУЛАГа Б. П. Трофимова начальник 6-го отдела 1-го управления ГУЛАГа Александров проанализировал оперативную обстановку в лагерях и колониях. По его оценке, доля особо опасного элемента составляла 40 процентов от общей численности заключенных. — 690 495 человек, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, убийства, разбой, побеги, против 1 074 405 человек, сидевших за «бытовые, должностные и другие маловажные преступления». Однако в качестве главной угрозы Александров назвал не 567 тыс. «контрреволюционеров», многие из которых никакой опасности для режима и порядка управления не представляли, а 93 тыс. («громоздкое количество», по оценке чиновника) осужденных за бандитизм, убийства, разбой и т. п.[71]

Администрация ГУЛАГа чувствовала, что вверенный ее попечению Архипелаг теряет управляемость, что преступная активность 93 тыс. опасных уголовников, поделивших (не без участия лагерной администрации) лагеря и колонии на вотчины, грозит не только режиму содержания и порядку в лагерных подразделениях, но и святая святых — «трудовому использованию контингентов». Именно тогда в прагматичном среднем звене гулаговского аппарата появилась идея радикального решения проблемы — организовать «специальные лагеря для содержания осужденных за бандитизм, убийство, вооруженный разбой и побег».[72] Как показали дальнейшие события, высшее руководство страны предпочло разумному и прагматичному полицейскому решению проблемы — решение политическое и, как выяснилось, опасное для самой власти.

Начало «эпохи бунтов»

В 1948 г. особые лагеря были созданы, но совсем не для особо опасных уголовников, а для содержания наиболее активной и враждебной советскому режиму части политических заключенных, что, в конечном счете, привело лишь к одному — сокращению «атомизированной» части гулаговского социума и росту сопротивления порядку управления, как в особых лагерях, так и в обычных ИТЛ. Именно с началом в 1948 г. организации особых лагерей А. И. Солженицын, тонко чувствующий динамику лагерной жизни, связывает окончание «эпохи побегов» и начало «эпохи бунтов» в ГУЛАГе. Это утверждение, как и любое другое общее суждение, можно, разумеется, оспорить. Известно, например, что именно в 1948 г. ГУЛАГ захлестнула как раз волна групповых вооруженных побегов.[73] Однако если не углубляться в терминологические дебри, то можно сказать, что групповые вооруженные побег, иногда похожие на вооруженные мятежи, во всяком случае, в планах и замыслах заговорщиков, действительно были своеобразным переходом от «побеговой» формы протестов к «бунтарской». Не случайно прокурор СССР Г. Сафонов считал, что «групповые вооруженные побег, имевшие место в Воркутинском, Печорском и Обском лагерях, были организованным выступлением особо опасных преступников, которые ставили перед собою задачу освобождения других заключенных и уничтожения работников охраны и лагеря».[74] Фактически, прокуратура рассматривала эти выступления заключенных как возможную предпосылку широкомасштабных восстаний в ряде окраинных районов СССР.

В марте 1949 г., т. е. спустя год после организации особых лагерей, 1-е управление ГУЛАГа МВД зафиксировало в этих лагерях уже не только активизацию «стремления заключенных к побегам» (побеговые настроения всегда охватывали эзков с приближением весны), не просто подготовку особо опасных побегов — групповых и вооруженных, но побегов, имевших относительно внятную политическую мотивацию — например, «с целью продолжения на воле активной борьбы против советской власти».[75]

В ряде случаев лагерная мифология неправомерно героизировала подобные «восстания». В действительности это были весьма кровавые события. Так, во время побега из Обского лагеря группа в 19 человек, отделившись от основной массы, полностью уничтожила все население оленеводческого стойбища (42 человека, среди которых большинство составляли женщины и грудные дети).[76] Если уничтожение взрослых еще можно было объяснить преступной «прагматикой» — оленеводы всегда были злейшими врагами эзков, ибо за каждого убитого и сданного властям беглеца местные жители получали вознаграждение, то убийство грудных детей было, мягко говоря, избыточной и устрашающей жестокостью.

Окончательное вступление ГУЛАГа в «эпоху бунтов» следует связывать не только с простым фактом концентрации государственных преступников в особых лагерях. Изолированный от всего мира и, казалось бы, замкнутый в себе ГУЛАГ на самом деле чутко прислушивался к пульсу мировой политики. «Долгосрочники» как политические, так и уголовные, сконцентрированные в особых лагерях, штрафных и каторжных лагерных отделениях, воспринимали свою участь как пожизненное заключение. Не приходилось рассчитывать ни на амнистию, ни на досрочное освобождение. В этой ситуации взгляды заключенных были обращены к внешнему миру. Ожидание того дня, когда «холодная война» перерастет в горячую, было для многих, особенно идейных противников режима, единственным лучом надежды. После начала войны в Корее в 1950 г. эти индивидуальные надежды стали одной из социально-психологических доминант антисоветского «особого» ГУЛАГа.

Ожиданию «светлого праздника освобождения извне» сопутствовало широкое распространение повстанческих настроений среди отдельных категорий заключенных. Практические выводы из международной обстановки прежде всего сделали украинские и (в меньшей степени, если судить по оперативным донесениям) литовские националисты. В 1951–1952 гг. среди украинцев-каторжан повсюду шли разговоры о предстоящем реванше, который в скором времени Англия, Америка, Западная Германия и Япония

«устроят Советскому Союзу», и о кровавой мести коммунистам. Наиболее активная и решительная часть заключенных украинцев не только уповала на американцев, которые «придут и освободят нас из лагерей, но и призывала поднять восстание в первые дни войны, чтобы самим освободиться из лагеря».[77] «В район Воркуты, — говорили они, — достаточно выбросить один десант, а здесь в лагере мы должны быть готовы в любую минуту двинуть лавину заключенных и каторжан на большевиков и стереть их с лица земли».[78] (Речлаг).

По информации из Дубравного лагеря, украинские националисты также распространяли «антисоветские провокационные слухи о близости войны англо-американского блока с Советским Союзом».[79] Заключенных особых лагерей время от времени захлестывали страхи и опасения «быть расстрелянными в случае возникновения войны» (Дубравлаг, весна 1952 г.), что не могло не провоцировать повстанческих настроений у наиболее решительной части заключенных особого контингента. Появлялись рукописные листовки «антисоветско-повстанческого содержания» с призывами «к вооруженному восстанию заключенных», объединению в боевые группы «для вооруженного выступления и самоосвобождения», для борьбы «совместно с американцами против советской власти» (обращение к солдатам и офицерам охраны).[80]

Агентурная информация, поступавшая из особых лагерей после начала войны в Корею, показывала, что подпольные группы заключенных и их руководители при благоприятных внешних условиях внутренне готовы к восстанию, что подпольная антисоветская деятельность, например, заключенных украинских националистов может органично перерасти в подготовку восстания. На этот случай они запасались холодным оружием и изготавливали самодельные гранаты, сознательно распространяли слухи «о скором нападении США через Берингов пролив». Под разговоры о том, что «все заключенные особого лагеря в начале войны будут советскими властями расстреляны», шла пропаганда подготовки «к вооруженной „самообороне“» (Береговой лагерь).[81] Следует заметить, что подобные слухи и настроения были, постоянным лагерным фоном, той социально-психологической реальностью, которой жили особые лагеря, даже если в них в тот или иной момент времени вообще не было никаких следов деятельности подпольных организаций.

При всей остроте международной обстановки в начале 1950-х гг. «большая война» откладывалась. Среди радикальной части украинского подполья можно было время от времени услышать: «Мы сами должны возглавить борьбу и соединившись с вольными и заключенными других лагерей поднять восстание...».[82] В 1952 г. в некоторых лагерях, особенно тех из них, где концентрировались «западники», особый контингент попытался перейти к тактике организованных волынок, бунтов и коллективных голодовок (Дальний лагерь). [83] Весной 1952 г. повстанческие настроения и действия были отмечены в Камышовом лагере, где бывшие члены ОУН, УПА и бандеровцы активно готовились к организации массовых беспорядков, нападению на охрану и освобождению из лагеря. Для этого украинское подполье обладало достаточно разветвленной структурой. Был создан штаб, в который входили «служба безпеки» (безопасности), «служба техники», боевые группы и группы исполнителей террористических актов, политического воспитания и материального обеспечения. «Служба безпеки» была связана со старшими бараками и дневальными, вела систематическое наблюдение за заключенными, выявляла среди них секретных сотрудников МВД и МГБ «с целью их убийства». Заключенных, посещающих лагерную администрацию или вызываемых для допросов, и опознаний, оуновцы запугивали, терроризировали и подвергали пыткам. Штабу через вольных работников удалось наладить нелегальную связь со ссыльными западными украинцами, проживавшими в ряде городов Кемеровской области.[84]

Аналогичная информация поступила в июне 1952 г. из Песчаного ИТЛ. Там подпольная бандеровская группа, возглавлявшаяся заключенными, имевшими «большой опыт по руководству украинскими националистами на воле», также создала руководящий центр и группы агитации, разведки и снабжения. Организация охватила своим влиянием несколько лагерных отделений. Членов организации, дававших присягу и беспрекословно соблюдавших дисциплину, ориентировали не только на выявление и уничтожение агентуры МВД и МГБ, организацию вооруженных побегов с разоружением охраны, но и установление связи с националистическим подпольем на территории СССР и за кордоном. Стратегическая задача состояла в том, чтобы вывести лагерное население из-под влияния администрации, идеологически и тактически подготовить его «для повстанческого выступления в удобном случае».[85]

С начала 1952 г. оперативная информация начинает походить на хронику боевых действий. На фоне постоянных столкновений группировок заключенных, дестабилизировавших и без того напряженную обстановку в лагерях, начались прямые протестные выступления лагерного населения. 19 января-1952 г. все в том же Камышевлаге произошла «волынка и вооруженное нападение на надзорсостав».[86] При попытке «изъятия и водворения в карцер» заключенного, наказанного «за дерзость и обман начальника лаготделения» 30 заключенных набросились на надзирателей с выломанными из нар досками. Массовые беспорядки удалось прекратить. Заключенных выгнали к воротам лагпункта, положили на снег и избili.[87]

22 января 1952 г. в 6-м (Экибастузском) лагерном отделении Песчаного лагеря заключенными оуновцами на фоне массовых убийств заключенных, заподозренных в связях с администрацией, МВД и МГБ, была организована массовая волынка, сопровождавшаяся антисоветскими выкриками и требованиями ослабления режима для особого контингента.[88] Волну убийств удалось остановить только 18 марта, да и то после вывоза в другие лаготделения и лагеря 1200 человек «более активного уголовно-бандитствующего элемента».[89] 18 марта в 1-м лаготделении Горного лагеря произошло «разоружение конвоя с намерением поднять вооруженное восстание в Норильске».[90]

Консолидация заключенных, выходящая за рамки обычного криминального «группирования», организация демонстративных массовых акций протеста коснулись не только «западников» и не только особых лагерей. Заключенные ИТЛ попытались применить голодовку как метод борьбы за свои права. 5 февраля 1952 г. в Воркуто-Печорском ИТЛ МВД заключенные, содержащиеся в бараке № 2 режимного лагпункта № 15, при переводе их в другой барак оказали сопротивление лагерной администрации. При этом разобрали печь и нары и забросали надзирателей кирпичами и досками. Для прекращения беспорядков было применено оружие, в результате чего четверо заключенных получили легкие ранения. После этого 450 человек объявили голодовку в знак протеста против «необоснованного водворения их на строгий режим и грубого обращения с ними лагерной администрации».[91] 3 сентября 1952 г. аналогичные события, хотя и не столь массовые, произошли в Дальнем лагере. В знак протеста против несправедливого водворения в штрафной барак 64 заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, отказались от приема пищи и выхода на работу.[92]

В январе 1953 г. в спецзоне отдельного лагерного пункта № 21 Вятлага попытка «изъятия» шестерых штрафников привела к массовому столкновению заключенных с надзирателями и охраной. При подавлении массовых беспорядков было применено оружие. За этим, на первый взгляд вполне заурядным маленьким бунтом, в действительности стояли новые явления и процессы. Выяснилось, что организаторами выступления были, как сообщал первый заместитель начальника ГУЛАГа А. З. Кобулов, «бывшие подполковники Советской армии». У одного из них, осужденного на 25 лет ИТЛ за расхищение социалистической собственности, обнаружили рукописный текст Евангелия и стихотворение с призывом «с оружием в руках бороться против красной сатаны». Во время волнений он призывал заключенных «лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Другой, осужденный на 10 лет «за дезертирство из воинской части и подделку отпускного удостоверения», а уже в лагере на 25 лет — за побег с разоружением охраны, до беспорядков неоднократно от имени заключенных, «не стесняясь в выражениях, писал в центральные органы заявления, что лагерная администрация их грабит, избивает и т. д.».

ГУЛАГ смутно чувствовал новые угрозы и вызовы со стороны сообщества заключенных. В каком-то смысле, речь шла об исчерпании сталинского «потенциала покорности». Но не только об этом. Как это фактически следовало из выступления министра внутренних дел СССР Круглова на совещании начальников режимно-оперативных отделов ИТЛ в марте 1952 г., ГУЛАГ, в том виде как он сложился во время и после войны, уже исчерпал свои возможности. «Прошло то время, — делился со своими подчиненными министр, — когда было достаточно построить железную дорогу, положить рельсы, чтобы иметь положительную оценку работы. А теперь мы должны построить комбинат, сами должны его укомплектовать и выпускать продукцию. Появились сложные механизмы, поэтому у нас повысился спрос на специалистов, в том числе из числа заключенных. Заключенные сейчас работают в промышленном производстве, в различных хозяйствах, а это значит, что уровень организации производства должен быть значительно выше. Отдельные лагеря строят целые заводы. А разве такой лагерь, как Черногорский, может построить завод? Естественно, нет. Раз для руководителей этого лагеря устранение уголовного бандитизма является сложным делом, то где им построить силами таких заключенных завод... Мы силами заключенных все оборонные стройки ведем — и надземные и подземные. Если развалим лагерь — с кем же будем работать?»[93]

За красноречивыми пассажами об опасности развала и отсутствии порядка в лагерях последовали упреки: «Каждое утро приходишь на работу и начинаешь читать шифровки и сообщения: в одном месте — побег, в другом — драка, в третьем — волынка. Вы думаете, что в этом нет ничего особенного, а это приводит к дезорганизации работы министерства».[94] В конечном счете, Круглов зафиксировал и почти сформулировал главную проблему ГУЛАГа, его конфликт с новой социально-экономической ситуацией в стране. Парадоксальным образом ГУЛАГ как производственный институт был заинтересован в том, чтобы в лагерь попадало как можно больше «нормальных людей», судимых по жестоким сталинским законам за незначительные преступления и готовых «трудиться на благо Родины» с перспективой поскорее выйти на волю. Однако, став рассадником уголовной преступности, уже пропустив через себя миллионы людей, ГУЛАГ оброс «бандитствующими» паразитами, заболел «двоевластием», забуксовал, превратился в машину по воспроизводству и тиражированию преступности. Мало того, он, как оказалось, не сумел «атомизировать» и

«переварить» даже в особых лагерях участников антисоветского сопротивления.

Невиданный ранее размах волынок, забастовок, протестов и массовых беспорядков, вспыхивавших как стихийно, так и организованных уголовными, этническими (этнополитическими) и политическими элитами ГУЛАГа, не позволял выполнять «правительственные задания». Министр не утруждал себя вопросом о том, кто, как и почему противостоит полицейской власти в лагерях. Для него все они были «самыми отъявленными подонками человеческого общества, рецидивистами и т. д.». Но в одном он был прав. Главные противники и постоянные «сидельцы» ГУЛАГа сознательно или бессознательно начали переходить из рядов отказчиков и пассивных саботажников в лагерь тех, кто встал «на путь активной борьбы с нашими мероприятиями, т. е. с мероприятиями Советской власти».

Дополним речь встревоженного Круглова. К началу 1950-х гг. в лагерях выросли мощные, влиятельные, очень разнородные, обычно враждебные друг другу сообщества, группы и группировки. Они овладели техникой контроля и манипулирования поведением «положительного контингента». В большинстве своем эти силы не стремились к объединению, не ставили, за редкими исключениями, далеко идущих целей, просто хотели жить и выжить в лагерях любой ценой. Но ради этого они вели постоянную и кровопролитную борьбу друг с другом и с лагерной администрацией. Даже такие направленные в разные стороны удары отламывали куски и кусочки от ужасного памятника уходящей эпохи — сталинского ГУЛАГа. «Если мы не установим твердого порядка, мы потеряем власть», — резюмировал свое выступление министр. До смерти Сталина оставался еще целый год.

ГУЛАГ: канун распада

Сталин умер. Заключение ждали амнистию. Указ Президиума Верховного Совета СССР обманул ожидания «долгосрочников» — как политических, так и уголовных. Поэтому (и не только поэтому) амнистия 1953 г. сыграла особую роль в неудержимом распаде ГУЛАГа. Она отличалась от прочих своими беспрецедентными масштабами и невнятистью политических целей ее инициаторов. В их числе первым обычно упоминают нового министра внутренних дел Л. П. Берия, хотя в народе амнистию называли ворошиловской — по имени человека, подписавшего Указ Президиума Верховного Совета СССР. Амнистия вызвала изменения в составе лагерного населения: массовый уход работоспособного «положительного контингента», дефицит квалифицированной рабочей силы,^[95] резкое повышение концентрации особо опасных преступников и рецидивистов, возрастание доли и производственной значимости политических узников, деморализацию низовой лагерной администрации в связи с предстоящими массовыми сокращениями. «Демобилизационные настроения» привели к падению дисциплины. Факты «аморальных проявлений, пьянства, распущенности и нарушения советской законности» заметно участились.

Служебное рвение лагерной администрации было подорвано и новыми политическими веяниями, декларациями о соблюдении «социалистической законности».^[96] Раньше Москва закрывала глаза на то, что считалось устоявшимся лагерным обычаем (кроме, может быть, вопиющих случаев). А теперь пытки, побои; издевательства над заключенными, применение в качестве «воспитательных мер» смиренных рубашек, наручников, «дисциплинирующие» обливания водой, лишение питания за плохую работу, неправомерное применение оружия по заключенным, использование «сук» в качестве своеобразных лагерных сержантов вдруг получили новую оценку. Это было воспринято лагерными чиновниками как перспектива потерять единственно мыслимый инструмент управления. Контролировать поведение заключенных иными методами они не хотели, а если бы и захотели, то не смогли.

По амнистии из лагерей освободилось немало тайных осведомителей из числа осужденных за малозначительные преступления. На какое-то время был существенно ослаблен агентурно-оперативный контроль над лагерным сообществом. В лагерях и колониях возникло некое подобие вакуума власти. Его немедленно попытались заполнить лидеры разнообразных группировок — от криминальных и этнических (кавказцы) до политических и этнополитических (украинские и прибалтийские националисты). В свою очередь, лагерная администрация попыталась компенсировать ослабление тайного контроля над заключенными жесткими демонстративными силовыми воздействиями, однако натолкнулась на сопротивление «долгосрочников» — тех, кого амнистия не коснулась и кому нечего было терять, а также тех, кто ждал от верховной власти принципиального изменения своей судьбы — политических узников, сконцентрированных в особых лагерях. В этой среде после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР об амнистии «возникли резкие недовольства, а затем участились случаи волынок заключенных, массовых отказов от работы, неподчинение надзирательскому и руководящему составу».^[97]

Решающую роль в судьбе «политического» ГУЛАГа сыграли волнения заключенных особых лагерей — Горного (24 мая — 7 июля 1953 г.), Речного (июль — август 1953 г.) и Степного (май — июнь 1954 г.). По форме это были, главным образом, забастовки, организаторы которых стремились добиться уступок мирными средствами, оставаясь в рамках советской легальности. Но иногда дело доходило до «стойких волеянок», жесткой конфронтации, вооруженных столкновений с властями, кровавых расправ над участниками волнений. Жизнями и судьбами «зачинщиков» и случайных жертв лагерное население расплачивалось за уступки властей — как тактических, так и стратегических, за пересмотр самих основ репрессивной политики системы.

Начало первого по времени массового выступления заключенных особых лагерей до сих пор покрыто легким флёром загадочности и тайны. На ход событий в Горном особом лагере повлияла подчеркнутая демонстрация силы администрацией и охраной... Поводом для выступления, продолжавшегося с конца мая до начала июля 1953 г., стали несколько вопиющих случаев применения оружия и убийств заключенных охраной в 1-м, 4-м и 5-м лагерных отделениях Горлага. В ответ на это эки ответили забастовкой. Е. С. Грицяк, бывший узник Горлага, высказал предположение, что администрация лагеря, «чувствуя приближение организованного сопротивления, решила таким образом обнаружить и уничтожить потенциальных инициаторов и активистов». По мнению Грицяка, эту версию косвенно подтвердил полковник КГБ, «беседовавший» с ним в начале 1980-х гг. по поводу публикации его воспоминаний. На вопрос: «Как вам удалось это организовать?» бывший заключенный ответил: «Нас на это спровоцировали». А полковник прокомментировал: «Да, это верно, что они вас спровоцировали, но они не ожидали таких масштабов». Развивая тему о провокации, Грицяк высказал еще несколько предположений, очевидно, распространявшихся в лагерях в то время. Заключенные считали, что в первые месяцы после смерти Сталина новое руководство «хотело продемонстрировать нам и всей стране, что советская власть не ослабела, что она и далее будет жестокой и беспощадной». А после ареста Берии появилась еще одна догадка: «Берия вызвал эти беспорядки для того, чтобы укрепить позиции своего ведомства».[98]

Опубликованные в последнее время документы дают возможность оценить подобные догадки и предположения и хотя бы отчасти объяснить необычность поведения московских властей, а их в Горлаге (как в других особых лагерях, где вспыхивали волнения) представляла специальная комиссия МВД. Прежде всего, подтверждается особая роль Берии и его людей в контактах с забастовщиками. Объявление, которое сделала «московская комиссия» сразу после своего прибытия в лагерь 5 июня 1953 г., начиналось весьма необычно. Комиссия подчеркивала особую роль исключительно Л. П. Берии (не ЦК, не правительства), в решении судьбы заключенных Горлага: «В Москве стало известно о беспорядках в вашем лагере. Для того, чтобы на месте разобраться со сложившейся обстановкой — первый заместитель председателя Совета Министров Союза ССР и министр внутренних дел Лаврентий Павлович Берия уполномочил нашу комиссию лично и детально разобраться и принять необходимые решения».[99]

Это заявление нарушало принятые нормы бюрократической лексики и сообщало о поручении Берии так, как до сих пор говорили только о воле самого «товарища Сталина». Последующие оповещения о тех или иных послаблениях в режиме, исходившие непосредственно от комиссии, также подтверждали ее достаточно высокий статус. Убедительности придавали и проводимые по ходу дела служебные расследования, в результате которых ряд военнослужащих был обвинен в незаконном применении оружия и превышении власти. Свои заключения комиссия передала в прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности.[100]

Если верить свидетельству П. А. Френкеля (1954 г.), бывшего узника Горлага, руководитель комиссии Кузнецов, полковник, отправленный руководить генералами, на первой встрече с заключенными 1-го лагерного отделения Горлага представился «референтом Лаврентия Павловича Берии».[101] Это утверждение подтверждается и рядом мемуарных источников.[102] Судя по решительности и быстроте, с какими комиссия пошла на ряд немыслимых ранее уступок заключенным, Берия, напутствуя своих представителей, не только дал им широкие полномочия, но и определил политический контекст взаимоотношений с узниками особых лагерей, в конечном счете с потенциально оппозиционными слоями советского общества. Это косвенно свидетельствует о том, что советский политический истеблишмент был настроен на смягчение порядков в лагерях, ужесточение контроля за разлагавшимися от безнаказанности лагерными «начальниками», большими и малыми — от рядового охранника до начальника управления лагерей.

В каком-то смысле уступки были предопределены уже в Москве, где, очевидно, начали обозначать контуры будущих изменений в карательной политике режима. В противном случае, жестокое (и успешное!) подавление Восстания в Горном лагере вполне могло стать поводом не к смягчению политики, а толчком к началу нового витка репрессий, как это уже бывало раньше. Если в Горлаге и имела место провокация, то она была скорее местной импровизацией, чем негласным указанием Москвы. Последняя все-таки восприняла

требования гулаговского населения не только в контексте традиционного смутьянства, но и с позиций большой политики. Все это было сдобрено необычным беспокойством о том, чтобы гулаговские церберы «еще чего-нибудь не наделали».[103]

Обращение заключенных Горного лагеря к Советскому правительству, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР и ЦК КПСС от 27 июня 1953 г. фактически являлось краткой историей сталинского политического и юридического произвола, применения репрессий как универсального ключа к решению не только политических, но также экономических и даже социальных проблем. «Прошлые доказывают, — простодушно писали авторы обращения, — что чем сложнее проблемы приходилось решать Советскому государству, тем больше было репрессированных». Заключенные как будто бы находили оправдание жестокости системы, соглашаясь с тем, что «великое созидание требовало строгой государственной дисциплины, следовательно, и жертв; Для содержания репрессированных государством была создана система исправительно-трудовых лагерей, ибо экономика страны не могла вынести бездействия многих миллионов, в рабочей силе которых ощущалась острая потребность». Результат, налицо, писали заключенные Горлага, на собственной шкуре, прочувствовавшие сталинские методы строительства коммунизма: «Города и рабочие поселки, рудники и шахты, каналы и дороги, фабрики и заводы, сталь и уголь, нефть и золото — все величайшие сооружения эпохи социализма — результат не поддающегося описанию титанического созидания (так в тексте. — В. К.) к человеку, в том числе лаг-населению». Соответственно, добавляли авторы документа, «усиливался лагерный режим, и условия жизни в лагерях становились все тяжелее»: лагерное население влачило «свое жалкое существование в совершенно невыносимых условиях», работало по 12-14 часов в сутки. При этом у «отдельных заключенных», как осторожно отмечали составители документа, крепко засела мысль о том, что их здоровье и жизнь нужны постольку, поскольку нужна их рабочая сила.

Пытаясь объяснить причины своего протеста, авторы документа ссылались на беспросветность и бесперспективность такого существования: нереальные сроки наказания и их логический конец — болезнь, инвалидность и смерть в неволе, в лучшем случае — высылка после отбытия срока. Поэтому подавляющее большинство тянет свою лямку «с ропотом, в ошибочной надежде на какие-либо мировые события». Заключенные, писавшие обращение к высшей власти, понимали, что ГУЛАГ при Сталине стал настолько большим и настолько перегруженным «созидательными» функциями, что им давно уже невозможно управлять как обычной тюрьмой: «мы поняли, что мы являемся значительной частью производительных сил нашей социально-экономической формации, а отсюда имеем право предъявить свои справедливые требования, удовлетворение которых в настоящий момент является исторической необходимостью». В свое время, считали заключенные, практика управления огромной сферой принудительного труда привела *de facto* к созданию извращенных форм лагерного «самоуправления» — использованию в качестве проводников начальственных распоряжений и социальной опоры «обслуги», в большинстве своем состоявшей, из стукачей, и «сук». Оказывая помощь лагерной администрации в деле соблюдения режима, эта группа заключенных «с целью выслуживания перед начальством превращалась в банду насильников и убийц. Эти „блустители порядка“ не останавливались ни перед какими преступлениями (избиение, подвешивания, убийства)». Ответом были вражда и ненависть остальных заключенных, в конце концов, вылившаяся в террор против стукачей в особых лагерях и «войну» «воров» с «суками» в обычных ИТЛ. Почувствовав недостаточность или ослабление рычагов воздействия на лагерное население, лагерная администрация попыталась опереться «на отдельные группировки, беря в основу национальный признак, разжигая национальную вражду и ненависть. Были случаи, когда отдельные представители оперечкистского аппарата вручали холодное оружие доверенным лицам для расправы и терроризации неуголовного элемента».

Обращение заключенных Горлага к высшим властям было пропитано надеждой на то, что «верхи» узнают, наконец, правду о положении в лагерях, попытками истолковать в свою пользу исходившие сверху политические сигналы (амнистия, выступления советского руководства в печати о социалистической законности), тоской по разрушенным при Сталине патерналистским отношениям между народом и властью: «Мы хотим, чтобы с нами говорили не языком пулеметов, а языком отца и сына». К этой патриархальной риторике заключенные добавляли вполне современные аргументы о том, что ГУЛАГ изжил себя, стал пережитком прошлого. Они требовали «пересмотра всех без исключения дел с новой гуманной точки зрения», «признания Незаконными всех решений Особого совещания как неконституционного органа».[104]

«Нам этого мало!»

В Горном лагере еще тлели очаги сопротивления, в другом особом лагере — Речном, расположенном в районе Воркуты, уже вспыхнули новые волнения, совпавшие по времени с восстанием в Восточном Берлине. Политическое «совмещение» и синхронизация столь значимых событий фактически возводили контроль над ГУЛАГом в разряд глобальных проблем выживания советского режима в целом. Подавление выступления в Речлаге также было основано на необычном сочетании жесткости, уступок и широкомасштабных обещаний «московской комиссии». Частичное выполнение этих обещаний запустило процесс, разрешившийся спустя год наиболее ожесточенным выступлением заключенных особых лагерей — забастовками и восстанием в Степлаге (май — июнь 1954 г.).

Еще в марте 1954 г., т. е. за два месяца до начала волнений в Степном лагере, руководители лагерных администраций на совещании начальников особых лагерей попытались выразить смутное ощущение накатанной колеи, по которой, как они чувствовали, с весны 1953 г. двигались лагеря. Начальник Озерного лагеря, куда из зараженных вирусом неповиновения лагерей попала часть зачинщиков, говорил о том, что вновь прибывшие заключенные «чувствуют себя „победителями“, поскольку они добились того, что им „комиссия много наобещала“». Временное спокойствие в лагере он связывал только с тем, что «контингент» ждет каких-то серьезных изменений в своей судьбе. Генерал-майор Деревянко, начальник Речного лагеря, тоже жаловался на «московскую комиссию», работавшую в лагере во время волнений. Обещанный пересмотр уголовных дел и изменения в уголовном кодексе были восприняты заключенными как «очередная победа». Она не удовлетворила полностью их требований, но «они почувствовали, что можно таким путем добиться большего». Неудовлетворенные ожидания, по оценке Деревянко, были чреваты новой вспышкой забастовок, «саботажа», а также перехода организованного лагерного подполья к методам диверсий и террора. Генерал явно давал понять своему начальству: «надо бы как-то решить вопросы, которые были в свое время авансированы комиссией».[105] иначе за стабильность обстановки в особых лагерях ручаться нельзя.

Если рассматривать волнения в особых лагерях как единую и последовательную цепь событий, а именно так воспринимали массовые забастовки и неповиновения в Москве, то динамика этого процесса выглядит следующим образом. Начав с протестов против произвола, жестокости, убийств заключенных в лагерях, т. е. фактически потребовав от лагерной администрации «простого» выполнения действующих нормативных документов по режиму содержания, руководящие «комитеты», «штабы» и «комиссии» стали требовать изменения самих действующих норм и требований режима (перевод на режим ИТЛ, свобода передвижения и общения в зоне, восьмичасовой рабочий день и т. п.). В конце концов (и очень быстро) были выдвинуты требования изменить основополагающие принципы репрессивной политики: массовый, пересмотр дел, сокращение сроков наказания, полная или частичная реабилитация или амнистия. Иногда дело доходило до ультимативных требований об освобождении из-под стражи всех заключенных и перевода их на вольное поселение.[106]

Официальные документы отмечали эскалацию требований заключенных — как в рамках отдельных лагерей, так и в развитии конфликта с «особым контингентом» в целом. Другими словами, каждое новое массовое выступление в особых лагерях начиналось с выдвижения все более жестких требований. Превентивные уступки по режиму содержания, простое предоставление льгот не остановили развития конфликта ни в одном из особых лагерей. Ответ заключенных сводился к короткой максиме: «Нам этого мало!».[107]

Все выступления протекали, прежде всего, в форме массовой забастовки. Многодневные отказы тысяч заключенных от работы ударили по несущим конструкциям сталинского ГУЛАГа как важного элемента «социалистической экономики». В этом смысле новая тактика протеста кардинально отличалась от той, которую применяли политические узники в 1920 — начале 1930-х гг. Заключенные особых лагерей практически сразу, уже при первой пробе сил в Горлаге, отказались от голодовки как метода борьбы. Эта форма протеста, эффективная в иных общественно-политических условиях, предполагающих озабоченность власти своим политическим имиджем в глазах общественности, показала свою полную несостоятельность в борьбе со сталинской диктатурой и закрытой Двойным «железным занавесом», системой эксплуатации труда заключенных. Вместо того чтобы, причиняя ущерб себе, апеллировать к несуществующему общественному мнению и гипотетическому гуманизму власти, узники особых-лагерей нанесли удар в самое сердце системы — они просто перестали работать. Удар был настолько чувствительным, что он, после долгого перерыва, вернул верховную власть в режим диалога с «лагерным населением».

В свое время сознательная глухота сталинского руководства к тому, что происходило в лагерях, делала организованные протесты с выдвижением требований к Москве бессмысленными. Сигналы глушили непосредственно в лагерях, блокируя информацию уже на нижних уровнях гулаговской иерархии, в лагерных отделениях. Даже если сигналы из лагерей доходили до Министерства внутренних дел, то оно рассматривало их как исключительно внутреннюю полицейскую проблему, старательно оберегая Кремль от тревожной и

чреватой «организационными выводами» информации. Новое московское руководство имело дело уже с инерционным процессом потери управления лагерями. Оно попыталось разгрести воздвигнутые при Сталине завалы и восстановить традиционные для авторитарных режимов формы прямой связи «вожди — массы» в обход полицейской бюрократии.

Принципиальную новизну событиям 1953–1954 гг. придавало не только новое отношение высших властей к волнениям в лагерях (захотели или пришлось слушать!), но верноподданнические апелляции самих забастовавших заключенных к Москве, которой, оказывается, узники только и могли доверить « всю правду ». Демонстративная « советскость », подчеркнутая лояльность по отношению к « ЦК КПСС и Советскому правительству » были отличительным признаком движения, охватившего особые лагеря после смерти Сталина. Лишь иногда сквозь пропагандистскую пелену прорывалось отсутствие единства, не только стратегического, но и тактического, в рядах забастовщиков и повстанцев. Так, в 10-м лагерном отделении Речлага украинские националисты выдвинули поначалу « провальные » и бесперспективные лозунги: « Мы сейчас боремся за самостоятельную Украину, за пшеницу, которую кровопийцы пожирают, мы не признаем никакого Советского правительства и не выходим на работу потому, что нам нужна самостоятельная жизнь, а не работа на паразитов-кровопийцев. Мы здесь не одни, а 20 миллионов, и кровопийцы нас всех не перебьют, и раз мы взялись всеми силами, то будем бороться один за всех и все за одного, до конца ».[108]

Ясно, что с такими « узкими » требованиями никак нельзя было рассчитывать на успех. Поэтому на поверхность событий в Речлаге, как и в других особых лагерях, очень быстро вынесло совершенно другие лозунги и иные идеологические мотивировки. По оперативным данным, заключенный Е. М. Гольдовский выдвинул, например, идею « антибериевской » политической маскировки беспорядков и противопоставления МВД и правительства ».[109] В большинстве случаев даже самые радикальные свои требования руководители заключенных пытались прикрыть традиционной советской риторикой: « удовлетворение наших требований сорвет надежду империалистов на разжигание внутренних противоречий среди советского народа, искусственно созданных врагом Берия и его аппаратом »[110] и т. п. В то же время во внутренней пропагандистской работе среди заключенных, основанной на принципах « слуховой » агитации часто использовались вполне антисоветские аргументы, которые находили должное понимание у значительной части аудитории.

« Просоветская », условно говоря, часть организаторов волнений в особых лагерях, добиваясь приезда « московских комиссий », пыталась восстановить каналы « бюрократической гласности » и найти « всю правду » наверху. Именно поэтому зачинщики постоянно требовали от заключенных соблюдения дисциплины, переговоры вели сдержанно, стремились обеспечить полный порядок в зонах, запрещали, например, « любое сведение счетов по личным вопросам или по какому-либо старому делу », поскольку такие действия « служат на пользу начальству лагеря, а не общему делу ».[111] Дождаться комиссии из Москвы, не давая « куму » повода немедленно подавить забастовку силой оружия, лейтмотив действий всех забастовочных комитетов.

Закулисные руководители волнений в особых лагерях, в частности, лидеры организованного оуновского подполья, отнюдь не страдали традиционной русской верой в « доброго царя » и « поддельные грамоты ». Зато они умело воспользовались ситуацией, чтобы, во-первых, расширить массовую базу протеста, а, во вторых, говорить с властью на понятном ей языке и с Наибольшей пользой для себя. Из этого диалога лидеры заключенных с самого начала постарались исключить обычных « посредников » — своих естественных и давних врагов, лагерную администрацию. По большому счету, люди, организовавшие выступления или затянутые в них ходом событий и обстоятельствами, скорее имитировали верноподданнические чувства и веру в « добрый ЦК ». « Масса », которую довольно успешно в ходе волнений « разлагала » тайная агентура МВД и МГБ, была более искренней.

Мятежная инфекция и ее носители

Решающую роль в организации выступлений в особых лагерях сыграли сообщества, землячества, группировки и группы заключенных, сложившиеся в предыдущий период истории ГУЛАГа. В оперативных документах, описывающих ход и исход волнений, постоянно встречаются упоминания о наиболее активной части заключенных, тянувших за собой « болото ». Украинские националисты, бывшие члены ОУН и УПА, « заключенные-западники », прибалтийские националисты, « уголовный рецидив », польское и немецкое землячества, « чечены », « кавказские » и восточные группировки, даже « бывшие работники МГБ » — так определяли официальные документы наиболее активные группы заключенных.

В Горный, Речной и Степной особые лагеря зачинщики волнений чаще всего прибывали с этапами штрафников из очагов бунтовской крамолы. В Горном лагере «мотором» волнений были заключенные, доставленные в Норильск в октябре 1952 г. из Песчаного лагеря. Этап состоял, в основном, из осужденных за повстанческую деятельность в Западной Украине и в Прибалтике. Из Казахстана они были вывезены именно «за организацию и участие в массовых беспорядках, неповиновение лагерной администрации», а также за убийства, побеги из лагеря и другие нарушения лагерного режима.[112] По оперативным данным, украинские националисты, составлявшие подавляющее большинство этого этапа, еще в пути следования из Караганды в Норильск организовали некий «повстанческий штаб», а к маю 1953 г. эта группа сумела создать подпольную организацию и начать подготовку организованного выступления.[113]

Этап из Камышевого лагеря, «составленный из отборных головорезов», способствовал возникновению волнений в Речном лагере. Этот этап «внес новую струю дезорганизации и в режиме, и в производственной работе, деморализовал и поднял затаенный враждебный дух среди каторжан». Камышлаговцы распространяли слухи о том, «как они у себя систематически отказывались от работ, как все саботировали, устраивали забастовки, избиения, убийства. Все эти разговоры быстро осваивались каторжанами, и как результат на шахте появились массовые отказы от работы...». Позднее, уже в июне 1953, г., в Речлаг прибыла еще одна группа будущих зачинщиков волнений — более двух тысяч человек из Песчаного лагеря.

Начало восстания в Степном лагере также было связано с прибытием нового этапа, в котором оказалось много «заключенных-рецидивистов». Они потребовали разрешить им свободное общение с заключенными-женщинами, содержащимися в соседнем лагерном пункте. Получив отказ, организовали массовое неповиновение, напали на работников администрации и надзор-состава, некоторых избили, и, проломав вход, проникли в женскую зону. Однако действительными руководителями волнений, по оперативным данным, стали все-таки не уголовники-рецидивисты, а бывшие оуновцы.

История «карагандинского», «камышового», «песчаного» этапов, принесших в Горный, Речной и Степной особые лагеря бунтовскую крамолу, существенно важна для понимания феномена массовых выступлений заключенных в 1953–1954 гг. Ведь миграции сплоченных групп штрафников по всему пространству Архипелага, перенос механизмов связи и самовоспроизводства подполья, прежде всего националистического и этнического, но отчасти и социально-политического (власовцы, бывшие офицеры Советской армии, осужденные за уголовные и антисоветские преступления), полулегальных уголовных группировок «воров», «сук», «махновцев» и т. д. были в начале 1950-х гг. обычными для ГУЛАГа. Организуя штрафные этапы, лагерные администрации пытались снять социальное напряжение в том или ином отдельно взятом лагере. Но процесс разложения всей системы зашел к 1953 г. настолько далеко, что испытанное средство лечения волюнок превратилось в свою противоположность.

Мятежная «зараза» свободно распространялась по Архипелагу, способствуя кристаллизации «вредных идей» и бунтарской крамолы. С этой точки зрения режимный «иммунодефицит» лагерей, повышенная предрасположенность активных групп заключенных к организованным формам протеста были результатом не только внутренней самоорганизации населения ГУЛАГа, но и следствием всей гулаговской системы, как она сложилась к началу 1950-х гг. К этому времени бунты, волынки, массовые отказы от работы, столкновения группировок фактически перестали быть чрезвычайными происшествиями. Они стали органичной составной частью лагерного образа жизни. В этих условиях изъятие и перевод потенциальных зачинщиков волнений в другие места заключения не только способствовали распространению болезни, но и не давали должного эффекта даже там, где силы сопротивления, казалось бы, должны были полностью обескровлены.

Важно, что в протестах заключенных после смерти Сталина смогли объединиться, хотя бы на короткое время, в общем-то, враждебные друг другу силы — от «упертых» украинских националистов до «блатных». Описывая публичные похороны убитых охраной заключенных Речлага, М. Д. Байтакий писал: «Смерть невинных спаяла в одном порыве всех — русских и немцев, евреев и полицаев, бывших бандеровцев и бывших советских солдат».[114] Подобные эмоциональные всплески не означали, разумеется, действительного единомыслия и единодушия в действиях заключенных. Различные группировки и социальные типы демонстрировали разные модели поведения — от жесткой конфронтации до готовности к компромиссам и верноподданнических заявлений о советской конституции. Но тот факт, что протестные действия разнонаправленных сил, сформировавшихся в лагерях и колониях к началу 1950-х гг. и тащивших за собой в общем-то аморфную гулаговскую массу, били все же в одну точку, косвенно свидетельствует о том, что конфликты были результатом эволюции всего гулаговского социума после войны. Группировки «совпали» в своем отношении к самому институту принудительного труда, а в среде политических заключенных — и в отношении к политическим репрессиям как таковым.

«Двоецентрие»: явные и тайные руководители волнений

Важной особенностью волнений заключенных особых лагерей в 1953–1954 гг. было «двоецентрие» в организации и руководстве забастовками и массовыми неповиновениями. За кулисами событий всегда стояло руководящее «законспирированное» ядро, тайные группы влияния и сопротивления. Наряду с подпольными «штабами», руководившими забастовками, в лагерных отделениях возникали открытые забастовочные комитеты, тяготевшие в своей деятельности к советской легальности. Организованное подполье, настроенное более радикально, пыталось использовать подобные комитеты как ширму и прикрытие, однако в ряде случаев «умеренным» удалось не только окрасить выступления заключенных в «конституционные» тона, но и направить события в мирное русло.

Во время забастовки в 1-м лагерном отделении Горлага открыто действовала руководящая группа, именуемая «комитет». Именно этот комитет призывал к продолжению забастовки «до приезда компетентной комиссии из Москвы и пересмотра ею существующих законоположений о режиме и содержании в изоляции лиц, осужденных за борьбу против Советского государства, пересмотра дел заключенных и применении к ним амнистии, поскольку они честным трудом искупили свою вину перед Родиной».[115] Комитет издал прокламацию «Братцы-невольники» и обращение, адресованное Президиуму Верховного Совета СССР. Он добился удаления надзирательного состава и организовал охрану зоны. Два члена группы, впоследствии покончившие жизнь самоубийством, изолировали и допросили нескольких заключенных, подозреваемых в сотрудничестве с администрацией. Но когда возникла угроза расправы над забастовщиками, часть членов комитета обеспечила мирную сдачу и вывод заключенных за зону.

На протяжении всей забастовки, по крайней мере, четверо активных членов комитета — Касилов, Френкель, Коваленко, Измайлов (всего в «руководящий коллектив» входило около 20 человек) ни разу не вышли за рамки советской легальности. Однако именно их, «засветившихся», власти привлекли к уголовной ответственности. В мае 1956 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР не нашла в действиях четверки состава преступления, а изготовленные комитетом документы отказалась признать контрреволюционными, «так как в них не имеется призыва к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти». Вынося решение об отмене приговора 1954 г., Судебная коллегия сделала два принципиально важных вывода: 1) комитет возник через несколько дней после начала волнений для «поддержания порядка в жилой зоне лагеря до прибытия комиссии» и 2) действительные организаторы «саботажа заключенных» так и не были выявлены.[116]

Если верить официальным документам, «нелегальный штаб» по руководству «саботажем» функционировал во 2-м лагерном отделении Горлата. В 5-м лагерном отделении Горлага забастовочный штаб действовал открыто. Но его действия тайно направлял осужденный за измену Родине и за организованную борьбу против советской власти Л. С. Павлишен (Павлишин), выпускник Пражского университета, учитель. О нем было известно, что он «в прямой работе штаба забастовки не участвует, но дает советы руководителям штаба, как себя вести и по другим вопросам».[117] Закулисные руководители забастовки строго соблюдали правила конспирации, выдвигали на первый план «хлопцев, которым нечего терять»,[118] сами же не нарушали требования режима, в собраниях и митингах не участвовали, продолжали исполнять свои обязанности, не допускали «никаких высказываний, сочувственных в защиту линии штаба забастовки, так как слышат много ушей и за неосторожные слова можно поздней поплатиться». Важно подчеркнуть, что максимальная сдержанность и дисциплинированность, мораторий на сведение личных счетов, недопущение хулиганских и бандитских проявлений в дни забастовки также исходили от «законспирированного ядра».

В Речном лагере тактика «двоецентриа» была доведена до совершенства. Во всех лагерных отделениях, где происходили беспорядки, было зафиксировано как «руководящее законспирированное ядро», так и открыто действовавшие «комитеты». Специфической была деятельность комитета заключенных 3-го лагерного отделения Речлага. Руководителя комитета В. Д. Колесникова избрали, очевидно, с «подачи» «конспиративного ядра» — группы литовцев. Заключенные называли Колесникова «подполковником авиации», в действительности же он был бывшим полковником госбезопасности (работал в отделе кадров главного управления милиции МГБ СССР). 12 марта 1953 г. его осудили по антисоветским статьям на 25 лет ИТЛ. Благодаря авторитету Колесникова и дальновидной («конституционной») тактике других членов самочинного комитета, события в 3-м лагерном отделении, начавшиеся со стрельбы охраны по заключенным, в дальнейшем пошли по мирному руслу — волнения были прекращены после применения войск, но без стрельбы и жертв. Приговоры в отношении членов этого комитета, обвиненных, в частности, в организации забастовки в 3-м лагерном отделении, вскоре были отменены за отсутствием в их действиях состава

преступления.

Во 2-м лагерном отделении Речлага «штабом саботажа» оперативники называли 41-й барак. Главой саботажа считали «польского полковника Кендзерского». Он прибыл в Речлаг с мятежным этапом из Казахстана. Кендзерскому удалось договориться с главарями блатных, верховодившими на зоне. Сами по себе Подобные «переговоры» не были чем-то исключительным и необычным. Новыми были цели предложенного «блатным» компромисса — не добровольное подчинение одной группировки другой, не раздел сфер влияния, а программа совместного выступления против лагерной администрации. Новички предложили «блатным» забастовать и предъявить ультиматум администрации и Советскому правительству. Выполнение этого ультиматума должно было принести «облегчение, а может быть и свободу всем заключенным режимных лагерей». Идея Кендзерского, как отмечало тайное осведомление, «оказалась заманчивой». Блатная верхушка ее поддержала и начала даже сбор денег у шахтеров в пользу нового этапа.[119]

Конспиративное ядро действовало и в 3-м лагерном отделении Степлага, где забастовщики боролись особенно упорно. Точно так же, как и в других особых лагерях, действительные вдохновители и организаторы волнений из числа украинских националистов сумели сохранить свою анонимность. Но легальная «лагерная комиссия», открыто заявившая о себе спустя некоторое время после начала волнений, интернациональная по своему составу и разношерстная по «окрасам» входивших в нее заключенных, существенно отличалась по своей организованности и внутренней структуре от достаточно аморфных комитетов Горлага и Речлага. «Лагерная комиссия» Степлага использовала модели украинского националистического подполья. Комиссия создала «центральный штаб сопротивления» и штабы сопротивления по лагерным пунктам, привлекла на свою сторону несколько сотен «блатных». При комиссии были организованы отделы и службы — «военный отдел», «ударная группа», «служба безопасности» с комендатурой, сыскным бюро и тюрьмой, работала система «караулов», «постов» и «пикетов», удалось наладить производство самодельного оружия (пики, сабли, гранаты, самопалы и т. д.). Комиссия выпускала бюллетени и листовки. В боевые формирования были привлечены не только наиболее активные украинские националисты, но и «чечены и уголовный рецидив».

Действовавшие в подполье, Так и не выявленные лагерной агентурой руководители украинских националистов, вообще «западников» открыто своих целей не декларировали. Их позитивная программа не была озвучена, скорее всего, из-за ее очевидной несовместимости с какими бы то ни было «просоветскими» идеями и упованиями. В Степном лагере тайные лидеры движения, в конце концов, так и не удовлетворились «выбитыми» уступками и отвергли компромисс с властью, пусть даже и верховной. Они и их сознательные сторонники дольше сопротивлялись и, в конце концов, оказали вооруженное сопротивление карателям.

Лидеры и «болото»

Во всех бастовавших лагерях «подпольщикам» было трудно в течение длительного времени удерживать массу заключенных в орбите своего влияния. Поэтому они достаточно часто вставали на путь насилия и угроз, манипулируя лагерной массой. Гонения на заключенных, склонных к прекращению волынки, отмечались во всех особых лагерях, где происходили волнения. Особенно заметными эти явления становились на заключительных этапах волнений, когда основная масса заключенных, испуганная военными приготовлениями властей, явно обнаруживала готовность сдаться на милость победителя. При ликвидации беспорядков в 1-м лаготделении Горлага организаторы забастовки «всеми мерами стремились не допустить выхода заключенных за зону». Поначалу им это даже удалось. Когда на следующий день началась «операция по ликвидации волынки в жилой зоне» и «лояльно настроенные заключенные стали выходить за зону», они «встретили упорное сопротивление со стороны организаторов волынки, которые путем угроз и запугивания преградили путь к выходу заключенных за зону. Некоторые заключенные, желавшие выйти за зону, ими избивались».[120]

Лишаясь поддержки лагерной «массовки», наиболее активные протестные группы уже в одиночку вступали в открытую борьбу и оказывали ожесточенное сопротивление. Так было, например, в 5-м лагерном отделении Горлага, где «организаторы волынки вывесили на жилых бараках черные флаги и лозунги контрреволюционного содержания, лагерную администрацию в жилую зону не впускали и начали всячески терроризировать заключенных, которые не хотели их поддерживать».[121] Дело закончилось стрельбой по заключенным и многочисленными жертвами со стороны восставших. Многие лидеры героически погибли во время подавления восстания, в которое в конечном счете переросла мирная забастовка. Аналогичная ситуация — раскол забастовщиков, террор по отношению к «лояльным заключенным», попытки организовать сопротивление, не допустить массового выхода за зону — сложилась при подавлении волнений в 10-м

лагерном отделении Речлага.

Очень часто спокойная уверенность зачинщиков контрастировала с «растерянностью и испугом» основной массы заключенных. Последние легко поддавались на «разложенческую» агитацию агентуры МВД и МТБ, но не решались выступить ни против комитета, ни тем более против скорого на расправу националистического подполья. Не имея «внутреннего ядра» и организации, эти заключенные выступали в роли «болота», за которое активно боролись противостоявшие друг другу силы.

В конце концов, «болото» старалось выйти из конфликта с администрацией, сдаться на милость победителя. В качестве возможной «охранной грамоты» обсуждалась даже возможность расправы с «упертыми»: «среди заключенных из числа русских высказывается настроение расправиться с украинцами, которые затеяли волынку» (Горлаг).[122]

В 4-м лаготделении Горлата отмечалось появление группировки из русских, которая имеет намерение напасть на бандеровцев. По оперативной информации, в 5-м лаготделении того же Горлага многие заключенные «из числа старого контингента» заявляли: «Если руководство лагеря не примет меры к наведению порядка в лагере, они сами будут наводить [его] в открытой борьбе с бандеровцами».[123] Во 2-м лагерном отделении Речлага противоречия обнаружили себя сразу после прибытия «штрафного» этапа из Песчаного лагеря. Настрой новичков на жесткую борьбу и забастовку не понравился многим заключенным-шахтерам из числа «работающего контингента». Они тоже ждали приезда «московской комиссии», но попутно пытались урезонивать песчанлаговцев. В конечном счете, водораздел пролегал между «двадцатипятилетниками» (им нечего было терять) и «короткосрочниками», которые боялись репрессий со стороны властей и совсем не хотели «еще добавлять срока».[124]

Власти довольно умело использовали в своей «разложенческой» работе национальные противоречия, давно уже обнаружившие себя в лагерях, страхи и враждебное отношение ряда лагерных группировок к сплоченным, решительным и презирающим остальных заключенных «бандерам». Жалобы на сознательное разжигание лагерной администрацией национальной розни, больше того, использования этой национальной розни как одного из элементов системы управления Лагерями были одним из лейтмотивов жалоб заключенных: «администрация: поощряла рознь между заключенными, вследствие чего имели место убийства. Оперработники создавали условия для распри»;[125] «в лагере разжигается национальная рознь между украинцами и другими нациями»;[126] «опергруппа создает искусственно вражду между русскими и украинцами».[127]

Партийное «начальство» и «единая воля» ГУЛАГа

В документах ГУЛАГа часто можно встретить указания на единую координирующую волю, руководившую ходом волнений в том или ином особом лагере. Однако то, что воспринимается как «единая воля» забастовщиков (удивительное созвучие требований к верховной власти и обвинений в адрес лагерной администрации), следует отнести скорее к своеобразной филиации идей к «проговариванию» мыслей, давно выношенных и сформулированных в лагерных сообществах, прежде всего и главным образом в политических. При этом общая динамика событий в особых лагерях говорит об эволюции избранных форм борьбы заключенных в сторону ужесточения позиций и требований, вдохновленных как внутренними изменениями в самом ГУЛАГе, так и обстановкой в стране и в Мире.

Отмечая готовность власти к восстановлению «обратной связи» с лагерным населением, необходимо подчеркнуть, что даже если бы власть и не обнаружила такой готовности, сигнал из лагерей все равно бы до нее дошел и потребовал ответственных решений. Весной — в начале лета 1953 г. обстановка в стране вообще была напряженной. Неумело и размахисто проведенная амнистия усугубила ситуацию. В Норильске и вокруг него ситуация была взрывоопасной не только в особом Горном лагере, но и в обычных ИТЛ этого обширного и стратегически значимого региона. Недаром начальник Норильского медно-никелевого комбината (и одновременно Норильского ИТЛ) подполковник П. И. Кузнецов забрасывал Москву и местные партийные органы паническими телеграммами.[128] Именно восстание в Горлаге, впервые после долгого перерыва вывело локальные конфликты заключенных с лагерной администрацией на уровень взаимоотношений с верховной властью. Сами события разворачивались на фоне борьбы в Кремле, приведшей к поражению и гибели Берии.

Конфликты между различными уголовными группировками и их выступления против требований режима

оказывали на систему принудительного труда в СССР не менее разрушительное действие, чем выступления политических заключенных. Не случайно волынки, организованные уголовными группировками в обычных ИТЛ в 1953–1954 гг. попадали порой в контекст массовых неповиновений заключенных особых лагерей. Пусковой механизм ожесточенного столкновения между группировками в Норильском ИТЛ (лагерные отделения № 5, 6, 13 и 35) 17 июля 1953 г. руководство МВД напрямую связывало с «влиянием длившейся около 3 месяцев волынки заключенных в Горном лагере», приведшей к деморализации лагерной администрации и способствовавшей падению режима.[129] Другой предпосылкой волынки были общие для многих лагерных подразделений ГУЛАГа особенности производства, в котором были заняты участники конфликта. Объекты работы не были разгорожены, что давало возможность свободно перемещаться по всей промплощадке и «организовывать всевозможные сборища». На промплощадке совместно с заключенными работало свыше 8 тыс. вольнонаемных рабочих, в том числе, освобожденных из тех же самых лаготделений. Эти вольнонаемные не только поддерживали тесную связь с заключенными, проносили для них спиртные напитки, но и придерживались традиций уголовного мира и сами принимали участие в драках.

Зафиксируем вслед за гулаговскими бюрократами связь разнородных событий — выступлений заключенных особого лагеря с политическими требованиями и заурядных «разборок» уголовных группировок в борьбе за «руководство» зоной. И те, и другие, первые осознанно, вторые в силу шкурного интереса и «традиций» ГУЛАГа, разрушали ГУЛАГ не только как «узилище», но и как сектор экономики. Чтобы помешать беспорядкам, волнениям, бунтам и забастовкам, нужны были очевидные изменения в режиме содержания заключенных: в первую очередь, раздельное содержание различных категорий осужденных, уменьшение производственных зон, увеличение охраны, изоляция от вольнонаемных рабочих. Но стоило только последовательно провести требования режима, и ГУЛАГ как производственный организм просто лишился бы воздуха. Проблема не имела разрешения в принципе, непримиримое противоречие между производственной и пенитенциарной ролью лагерей и колоний воспроизводило условия и предпосылки массовых выступлений против режима управления лагерями, то подрывая производственные возможности системы формальными строгостями режима, то создавая условия «разболтанности» лагерного населения вследствие особенностей тех или иных значимых и масштабных производств и строек.

Некоторые эпизоды борьбы лагерных группировок, приводившие к сбоям в производственной деятельности ГУЛАГа и рассматривавшихся после смерти Сталина на уровне высшего партийного руководства, например, волынка штрафников 19 лагпункта Вятского ИТЛ в июле 1953 г., при всей очевидности их криминальной и шкурной подоплеки («воры» выступили против «сук» в борьбе за власть и повели за собой остальных заключенных), имели в то же время более глубокий социальный и даже политический смысл. Они наносили удары по реально существующей, но никакими служебными положениями или инструкциями не предусмотренной практике управления лагерями. По оценке комиссии ГУЛАГа, агитация «воров» имела успех среди «честно работающих заключенных» именно потому, что «суки», при попустительстве старшего оперуполномоченного, систематически отбирали деньги, посылки, лучшую одежду, продукты питания и другие ценности. Тех, кто пытался этому сопротивляться, жестоко избивали. Поэтому выступление «воров» в лагпункте № 19 Вятского ИТЛ, как и некоторые другие эпизоды войны «воров» с «суками» в лагерях, несмотря на шкурные мотивы организаторов волнений, были объективно направлены на разрушение бесчеловечной и незаконной гулаговской системы принудительного труда, на отстаивание прав всех заключенных, а не только «воров» (в том же 19-м лагерном пункте наряду с «бандитствующими элементами» содержались и осужденные за малозначительные преступления, и политические узники[130]). События в 4-м лагерном отделении Печорского ИТЛ 10 ноября 1953 г. фактически были аналогичны по характеру, но с более очевидной подоплекой — Против «сук», занимавшихся поборами, выступили заключенные, осужденные за контрреволюционные преступления.[131]

В конце концов, Прокуратура СССР пришла к обоснованному выводу, что неповиновения заключенных были напрямую связаны с нарушениями их гражданских прав: неправильное водворение на строгий режим, неправомерное применение оружия охраной, пытки и издевательства, неспособность администрации обеспечить личную безопасность заключенных и противостоять «разгулу уголовно-бандитствующего элемента», случаи морального разложения и «срачивания» представителей администрации с преступными группировками, лагерный рэкет. Все это было не только результатом халатности, низкой дисциплины и/или морального разложения лагерного персонала сталинского ГУЛАГа, но и выражением производственной необходимости, заставлявшей надсмотрщиков добиваться выполнения спущенных сверху планов любой ценой, прежде всего, путем нарушения инструкций по режиму содержания и порядку организации работ. Важнейшие отрасли промышленности зависели от принудительного Труда, и до тех пор, пока власть не видела ему альтернативы, ГУЛАГ был обречен гнить и разлагаться как государственный институт и бунтовать как специфический социум, создавая попутно проблемы то в снабжении углем Ленинграда (Воркута), то в добыче стратегически важного сырья (Норильск, Караганда), то в строительстве военных объектов.

Лишь в середине 1950-х гг. в правоохранительных органах появились люди, способные понять системные предпосылки массовых неповиновений, роста преступности и дезорганизации лагерей. По их мнению, это было прораставшее из самой сущности ГУЛАГа как «отсталого хозяйства с использованием принудительной рабочей силы» неизбежное отношение лагерных бюрократов к заключенным как к рабам «с максимально ограниченными правами».[132] Именно поэтому суть происходивших в лагерях после смерти Сталина событий нельзя привычно ограничивать проблематикой «политического, ГУЛАГа» или сводить ее к «сопротивлению», как это принято в историографии. Власть столкнулась с предельным выражением общего кризиса сталинской системы и, не видя альтернативных решений, склонилась, хотя бы к паллиативу — «оттепели». ГУЛАГ в том виде, как он сложился при Сталине, больше существовать не мог. Механизм совмещения пенитенциарной и производственной функций (узилище и «стройка коммунизма» в одном лице) окончательно разладился. Надо было менять всю систему, а не только чиновников и бюрократов, ответственных за поддержание этой системы в рабочем состоянии и уже плохо понимавших, чего хочет от них Москва: строить и производить или «не пущать» и даже «перевоспитывать»?

Начиная с июля 1953 г. по сентябрь 1954 г. на Президиум ЦК КПСС пять раз выносились вопросы о положении дел в лагерях и по этим вопросам принимались ситуативные решения. Спровоцированные волнениями в Речлаге (июль 1953 г.), Курганском, Унженском и Вятском ИТЛ (январь 1954 г.), в Бодайбо (февраль 1954 г.) и строительстве № 585 (сентябрь 1954 г.), эти решения сами по себе не вносили принципиальных новшеств в политику, но отражали бесспорную обеспокоенность высших властей. Президиум ЦК КПСС давал МВД, Прокуратуре и Министерству юстиции СССР жесткие поручения навести порядок в лагерях. Однако события продолжались с удручающим постоянством. Дважды (в июле и августе 1953 г.) Президиум фактически откладывал окончательное решение вопроса о режиме содержания в особых лагерях. Вместо этого заинтересованные министерства получали очередное поручение о подготовке предложений.[133]

Тем не менее, партийная верхушка узнала наконец о разложении ГУЛАГа во всех малопривлекательных подробностях. Все они, и Хрущев, и Маленков, и тот же Ворошилов, получали массу официальных материалов о ситуации в лагерях. К высшим руководителям страны шел поток жалоб не только политических узников, но и жертв лагерного режима и криминального произвола из числа уголовных заключенных. К. Е. Ворошилов рассылал письма о надвигавшейся на ГУЛАГ катастрофе членам Президиума ЦК КПСС и в межведомственные комиссии, всюду занимавшиеся в то время лагерями. Иногда он сопровождал письма заключенных припиской: «весьма полезное письмо», «прошу непременно прочесть». Не менее показательной была и реакция чиновников, готовивших реформу исправительно-трудовой системы. Оказалось, что их идеи преобразований в ГУЛАГе совпадали с предложениями заключенных, бывших и нынешних, больше того: предложения этих частных лиц рассматривались наряду с предложениями официальных учреждений.

Пристальное и обеспокоенное внимание высшего советского руководства к событиям, фактически происходившим на периферии советского социума, было, по крайней мере, необычным. Особый политический смысл этим событиям придали не только их беспрецедентный размах и целеустремленность, но и позиция новой власти, впервые после долгого перерыва (с середины 1930-х гг.) изъявившей готовность слушать и слышать подобные сигналы из лагерей. По мнению некоторых исследователей, именно восстания заключенных в Горном лагере в Норильске, в Речном лагере в Воркуте, в Степлаге, Унжлаге, Вятлаге, Карлаге и на других «островах Архипелага ГУЛАГ» привели большинство Президиума ЦК к пониманию того, что «прежними методами оно вряд ли сможет удержать страну в повиновении и сохранить режим в условиях тяжелого материального положения населения, низкого уровня жизни, острых продовольственного и жилищного кризисов». Составители сборника документов «Реабилитация: как это было» полагают, что «при неблагоприятной обстановке восстания могли стать детонатором больших социальных потрясений»,[134] а поэтому члены Президиума ЦК были ограничены в выборе политических сценариев — прагматические обстоятельства, помимо ряда субъективных мотивов подталкивали их к разрыву со сталинизмом.

Строго говоря, прямых доказательств того, что восстания и забастовки в ГУЛАГе после смерти Сталина сыграли столь значимую роль в истории СССР, не существует. В данном случае, речь идет скорее о концептуализации известных фактов, попытке установления между ними причинно-следственных связей, о «квалифицированном предположении» («educated guess»), основанном на определенном понимании советской системы власти; Безоговорочно согласиться с подобными суждениями мешает не очевидный, но весьма существенный факт — в одном ряду с осмысленными выступлениями заключенных особых лагерей, действительно, посылавших власти политический сигнал на близкую послесталинскому руководству тему — нарушение «социалистической законности» «бериевцами», оказались традиционные бунты и волынки в ИТЛ, новые вспышки давно шедшей в лагерях войны «воров» и «сук». Эти события, как показывают документы МВД и партийных инстанций занимали высшее партийное руководство ничуть не меньше чем, казалось бы, более опасные «политические» волнения в особых лагерях. Значение имело, скорее, число жертв и пострадавших

среди участников конфликтов, чем их политическая направленность. Массовые неповиновения заключенных, ставшие с конца 1940-х гг. привычным элементом образа жизни лагерей, но значимые в поздние сталинские времена лишь для бюрократов среднего звена, теперь приобрели иной, политический, статус.

То, что хрущевское руководство определяло с помощью эвфемизмов о «восстановлении ленинских норм» и «социалистической законности», было на деле бессознательной борьбой с аномалиями позднего сталинизма, опасными для самого режима. Начиная с военных времен именно в сталинских лагерях вызревала угроза десакрализации «верховой власти», питаемая социальной глухотой режима, массовой люмпенизацией населения страны, из которого едва ли не каждый десятый имел тюремно-лагерный опыт. Диктатура, возникшая для и на основе «мобилизационной экономики», превратила привычный авторитарный произвол в непривычный «беспредел», при котором «некуда пожаловаться». А это, как поняла, в конце концов, и сама власть, таило в себе угрозу существованию режима. С этой точки зрения хрущевский «ренессанс» (апелляция к «ленинским нормам») и вспышка волнений и беспорядков после 1953 г. как в лагерях, так и на воле, были явлениями одного ряда. Они представляли собой возвращение к неким «нормам» традиционного существования, к восстановлению работоспособности даже таких специфических форм «обратной связи» народа и власти, как бунты, массовые беспорядки, забастовки и мятежи. Волнения в лагерях не только первыми донесли до высшего руководства СССР один из самых острых сигналов о необходимости изменения репрессивно-карательной политики, но и заставили задуматься о модификации всей сталинской политической модели.

Глава 2

«Хулиганизация» СССР

Амнистия 1953 г. и «молотовский синдром»

Массовый «выброс» в общество людей с лагерным опытом максимально усилил процесс люмпенизации определенных групп населения СССР. Маргинальные элементы (в узком смысле этого слова) — безработные, тунеядцы, мелкие базарные торговцы, хулиганы станут неперенными участниками практически всех известных нам крупных беспорядков хрущевского времени. Их криминально организованная часть — «блатные», неразличимые в толпе, растворявшиеся в общей сутолоке погрома, всегда играли в беспорядках свою отдельную «тему» и стремились к реализации целей, часто далеких от целей остальной толпы. В абсолютном большинстве случаев «блатные» не были главной движущей силой крупных волнений, хотя иногда и придавали им очевидный уголовный оттенок, делали жестокими и агрессивными, провоцировали участников на прямое столкновение с властями (нападения на отделения милиции и т. п.). Зато во множестве мелких групповых конфликтов и столкновений с властями именно эти «самоорганизованные полууголовники» были зачинщиками и лидерами.

Этому способствовало, прежде всего, то, что люди, которых особенно легко затягивало в воронку конфликта, испытывали глубокий социальный стресс, выпадали из нормального социума и легко подчинялись архаичным формам самоорганизации, привнесенным из ГУЛАГа. Страна, потерявшая 30 млн человек во Второй мировой войне, имевшая на своем попечении миллионы послевоенных сирот, измученная террором и массовыми репрессиями, наполненная людьми с лагерным прошлым и осужденными при Сталине за самые незначительные проступки по различным экстраординарным указам и постановлениям, а также миллионами деклассированных крестьян, давно и тяжело страдала от множественных кризисов — демографического, «модернизационного», кризиса урбанизации. Огромное число людей, переживших и переживавших личный кризис идентичности, выпавших из устойчивого круга традиционного быта и бытия, было социально дезориентировано и — реально или потенциально — асоциально.

Неудивительно, что массовая амнистия 1953 г. не только сыграла роль пускового механизма неукротимого распада ГУЛАГа, но и открыла канал переноса специфически гулаговских и заведомо конфликтных практик в «большой социум». На свободе в одночасье оказалось множество неустroенных людей, утративших навыки жизни на воле, воспринятых «волей» как чужаки и изгои, может быть и хотевших начать все заново, но далеко не всегда Имевшие для этого силы и необходимый социальный опыт. По

амнистии из лагерей и колоний было освобождено 1 201 738 человек, что составило 53,8 процента общей численности заключенных на 1 апреля 1953 г. По этой причине было ликвидировано 104 лагеря и 1567 колоний и лагерных подразделений.[135] Абсолютное большинство амнистированных уже к началу июля 1953 г. оказалось на свободе и получило прописку. По данным на 1 июня 1953 г., 24,4 процента были прописаны в республиканских, краевых и областных центрах, 31,1 процента — в остальных городах, 42,7 процента — в сельской местности.[136] Значительная часть вышедших на свободу была быстро «трудоустроена» — 64,6 процента по состоянию на 10 июня 1953 г. Лучше всего шло «трудоустройство» в деревне (72,1 процента), хуже всего — в столицах республик и областных центрах (52,3 процента).[137] Однако, учитывая кампанейский характер мероприятия, можно уверенно утверждать, что формальное «трудоустройство» еще не означало реальной социальной реабилитации личности и ее включение в систему нормальных отношений «на воле».

После ареста Берии (июль 1953 г.) новый министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов и Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко осторожно докладывали председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову: «Некоторая часть амнистированных из числа рецидивистов-преступников после освобождения из мест заключения вновь стада на путь преступлений, вовлекая в преступную деятельность неустойчивую часть молодежи». Каждый четвертый преступник, привлеченный к уголовной ответственности в апреле — июле 1953 г., только что вышел на свободу по амнистии. Круглов и Руденко писали, что «уголовный элемент из числа амнистированных активизировал свою преступную деятельность», хотя на борьбу с преступностью был не только мобилизован весь личный состав милиции, но и выделена «значительная часть сотрудников органов МВД, войск внутренней охраны и другие силы». Несмотря на эти усилия, отмечали авторы документа, «положение с уголовной преступностью в стране продолжает оставаться напряженным».[138] В некоторых городах и районах начался настоящий криминальный террор.

27 февраля 1954 г. министру внутренних дел и Генеральному прокурору СССР пришлось специально докладывать высшим советским руководителям о криминальной ситуации в Молотовской области, фактически вышедшей из-под контроля после июля 1953 г. Проблема заключалась не просто в беспрецедентном росте преступности. Приток в город и область амнистированных уголовников спровоцировал вспышку массового уличного хулиганства и других преступлений, а отвлечение основных сил милиции на раскрытие более опасных преступлений сделало хулиганство практически безнаказанным. Значительно выросла латентная преступность — насилие стало настолько обычным, что люди просто не обращались в милицию, чувствуя себя беззащитными жертвами тотального и ненаказуемого криминального террора. Все происходившее относилось на счет амнистированных, хотя в Молотове значительная часть тяжких преступлений была совершена людьми без уголовного прошлого.[139]

В конце концов, жители Молотова потребовали от властей восстановления смертной казни за убийство и другие особо опасные преступления. В письме В. М. Молотову, в честь которого была в свое время переименована Пермь, 19 местных рабочих писали о «небывалом по сравнению со всем предыдущим временем росте уголовного элемента среди жителей г. Молотова (обл.). Со времени опубликования Указа об амнистии весной 1953 г, во всем городе, и особенно в районе рабочего поселка завода им. Молотова начались и продолжают до сих пор, все увеличиваясь, грабежи, насилие, убийства. Все это начинается с 7-8 часов вечера, а воровство и притом просто отбирание у жителей часов, денег и одежды совершается зачастую и днем». Это, подчеркивали авторы письма, «только сотая доля процента от всего числа творящихся беззаконий, которые мы, советские люди, вынуждены терпеть».[140]

«Молотовский синдром» быстро распространялся по стране. Весной 1955 г. по личному указанию Н. С. Хрущева МКГ КПСС и МВД СССР проверяли факты активизации уголовных элементов непосредственно под боком у ЦК КПСС — в районе Марьиной Рощи, Киевского вокзала и улицы Арбат в Москве. Для борьбы с уличной преступностью и хулиганством понадобилось усилить патрулирование города в вечерние и ночные часы. Для этой цели дополнительно выделили 3100 человек из Московского гарнизона войск МВД. Кроме того, было создано 40 оперативных групп (200 человек) «в целях пресечения случаев хулиганства и карманных краж на городском транспорте и в торговых предприятиях». Партийные и комсомольские организации направили большое число комсомольцев и молодежи в бригады содействия милиции.[141]

Летом 1955 г. сектор писем ЦК КПСС собрал и отправил в МВД СССР «для выяснения и принятия мер» многочисленные жалобы и заявления жителей Череповца, Энгельса, Баку, Воронежа, Ногинска (Московская область), г. Ровенки (Ворошиловградская область) и зерносовхоза «Пятигорский» (Акмолинская область). Речь, в основном, шла о беспрецедентной волне уличного хулиганства и расползавшихся на этой почве слухах о «десятках убийств». Для того, чтобы снять повышенную нервозность населения и нормализовать обстановку в названных городах и населенных пунктах МВД пришлось усилить наружную службу милиции в наиболее значных и опасных местах, а также в парках, скверах и клубах, увеличить число патрулей войск МВД на

улицах, фактически принять экстраординарные меры.[142]

В конце концов, дело дошло до принятия решений на высшем уровне руководства. В сентябре 1956 г. Секретариат ЦК КПСС принял специальное постановление, обязавшее правоохранительные органы навести порядок в городе Горьком. Криминализация района вокруг автозавода к тому времени достигла критической точки, сделав жизнь законопослушных жителей попросту невыносимой. Причем дело не ограничивалось только хулиганством. Речь шла об убийствах, разбойных нападениях, изнасилованиях. В дополнение ко всему автозавод стал зоной массовых мелких и крупных хищений запасных частей к автомашинам. Прибывшая на место бригада следователей и оперативников из Москвы сумела довольно быстро раскрыть несколько громких преступлений. Власти прибегли к мерам устрашения, организовав несколько открытых процессов над преступниками.[143]

Было ясно, что страна, пытавшаяся приспособиться к новым реальностям индустриального — послесталинского — послевоенного общества, тяжело болеет массовым хулиганством. Асоциальные практики уличного и бытового поведения становились образом жизни сотен тысяч людей, а судимость по «хулиганским» статьям УК стремительно росла. Если в 1946 г., даже несмотря на вспышку послевоенной преступности, за хулиганство было осуждено около 70 тыс. чел., то в последующие годы происходил рост числа осужденных за хулиганство, завершившийся резким скачком 1956 г. — почти 200 тыс. осужденных.[144] Но осужденные были лишь каплей в море по сравнению с количеством арестованных за мелкое хулиганство и подвергнутых административному наказанию по решениям народных судов — почти полтора миллиона человек в 1957 г. [145] Рост уголовных репрессий и административных наказаний сочетался с входившими в моду мерами «общественного воздействия» (взятие на поруки трудовыми коллективами, «проработки» на собраниях, «профилактирование» правонарушителей в милиции). Все это говорило как об усилиях властей обуздать уличную преступность, так и том, что хулиганская эпидемия продолжала распространяться по стране.

Жалобы населения на безнаказанность мелких хулиганов не прекращались, хотя хулиганство вместе с нанесением телесных повреждений (обычно тоже по пьянке и «на почве хулиганства»), составляло больше 40 процентов всех зарегистрированных преступлений.

Все больше становилось «неисправимых» и «отпетых» хулиганов. Если в 1953 г. доля повторно осужденных за хулиганство составляла 5 процентов, то в 1957 г. она увеличилась почти вдвое — 9,6 процента. Более 10 процентов осужденных за хулиганство уже имели тюремный опыт.[146] Росло число убийств «на почве хулиганства», из-за ревности, ссор и других бытовых причин.[147] Большинство осужденных хулиганов составляли рабочие (71,3 процента), затем колхозники (16,8 процента) и служащие (4,1 процента). «Индустриально-урбанизационная» составляющая «хулиганского кризиса» очевидна. Процент рабочих среди осужденных за хулиганство в конце 1950-х гг. значительно превышал долю этой социальной группы в населении страны. 9,9 процента от общего числа осужденных за хулиганство составляли лица без определенных занятий и люди, «оставившие работу» — другими словами, классические пауперы.[148] Для понимания ситуации в целом следует иметь в виду, что нищие или бродяги, вопреки утверждениям официальной пропаганды, были в то время довольно обычной частью городского пейзажа (за исключением, может быть, Москвы и Ленинграда). В первом полугодии 1957 г. более 75 тыс. таких людей были задержаны милицией, в тот же период 1958 г. — более 80 тыс.[149]

Хулиганство было естественной прерогативой молодого и зрелого возраста. Вообще «крайне высокая преступность среди молодежи» существенно влияла на социальную конфликтность населения страны в целом. Молодые люди составляли почти половину всех привлеченных в 1956 г. к уголовной ответственности, а в Казахстане, Армении, Грузии и Белоруссии их доля была даже выше.[150] Повышенную криминализацию молодежи МВД СССР напрямую связывало с социальным явлением, существование которого официальная пропаганда полностью отрицала — с безработицей. По неполным данным, только в Московской области насчитывалось около 20 тыс. чел. в возрасте до 25 лет, не занятых учебой или работой, в том числе свыше 8 тыс. выпускников средних школ. Во многих крупных городах и промышленных центрах страны руководители предприятий отказывали молодежи в приеме на работу.[151] Особые затруднения при трудоустройстве испытывали молодые люди в возрасте до 19 лет (мужчины). Их, как правило, старались вообще на работу не брать, поскольку администрация предприятий не хотела тратить деньги и время на подготовку работников, которые через год-другой все равно должны были уйти на службу в армию.[152] Десятки тысяч молодых людей, только что покинувших школу, находились вне зоны действия каких-либо социальных институтов (кроме милиции), накапливали опыт асоциальных действий и конфликтного поведения.

Особенностью молодежного хулиганства был его групповой, криминально-организованный характер. Благодаря этому сплоченные группировки молодых людей, связанных «блатной» круговой порукой и часто находившиеся под контролем опытных уголовников, способны были стать «дрожжами» крупных массовых беспорядков. Чаще всего в таких сообществах уже «работали» нормы существования, заимствованные из уголовного мира. Иногда хулиганские цели группировки как бы декорировались юношеской романтикой, игрой в «секреты» и т. п., что, впрочем, никоим образом не стесняло хулиганской активности молодых «романтиков» и не влияло на их готовность вступить в конфликт с милицией.

Вечером 7 января 1954 г. в Ленинграде, на катке Центрального парка культуры и отдыха им. Кирова милиционеры задержали неизвестного подростка за нарушение общественного порядка. По пути в отделение на них набросилась большая группа молодых людей (человек 30 или 40), отбила задержанного и разбежалась. Три работника милиции получили телесные повреждения. Одного из нападавших удалось задержать. Им оказался шестнадцатилетний Н., член ВЛКСМ, учащийся 9 класса, из рабочей семьи. При личном обыске у него был изъят финский нож и записка:

«Я, член банды гангстеров „чистокровные американцы“, перед лицом нашей банды клянусь, что я буду выполнять все приказы банды, хранить все наши дела в тайне, выполнять наш девиз — убивать тех, кто посягнет на честь нашей банды. Если я изменю, то вы меня прикончите как последнюю собаку или устроите суд „Линча“».

Дальше шли фамилии и подписи шести человек. Большинство из них оказались, как говорится, детьми порядочных родителей — полковника Советской армии, начальника отдела крупного завода, механика института, директора магазина. Все «чистокровные американцы» были членами ВЛКСМ, имели неплохую репутацию в школе и хорошо учились. Ничего особенно опасного в действиях молодых людей милиция не увидела. Только один из всей группы был привлечен к уголовной ответственности за хулиганство и хранение холодного оружия. Может быть, к счастью для молодых людей (мы не знаем их дальнейшей судьбы), они были остановлены в самом начале своей «блатной» карьеры, после первого серьезного криминального эпизода — нападения на работников милиции.

Для нас эта история интересна с точки зрения «механики» возникновения преступных молодежных сообществ. «Чистокровные американцы» впервые объединились в ходе обычного молодежного, даже полудетского, столкновения с другими подростками в школе.[153] Но, почувствовав силу сплоченной шайки, они стали использовать эту силу уже вне школы, подчиняясь законам групповой солидарности и вдохновляясь ощущением собственного «могущества». Возможно, шестерка была частью другой, более обширной (и опасной) молодежной группировки: Откуда иначе взялись 30 или 40 участников освобождения задержанного?

«Чистокровные американцы» были не единственным и не самым типичным примером воплощения гулаговских алгоритмов самоорганизации. Упрощенным вариантом жизни блатных на зоне стал *modus vivendi* учащихся ремесленного училища № 5 латвийского города Лудза. Как сообщал в Генеральную прокуратуру в сентябре 1953 г. прокурор Латвийской ССР В. Липин, всего в училище обучался 201 человек. Половина — бывшие детдомовцы, подростки из Белоруссии, потерявшие родителей в годы войны. Дисциплины и порядка не было. Воспитанники совершенно отбились от рук. Мастера вели себя грубо, но это только раздражало учащихся. Чувствуя свою беспомощность, воспитатели все чаще обращались за помощью к работникам милиции, вызывая их в училище. Возник антагонизм между подростками и милицией, усиленный круговой порукой и внутригрупповой солидарностью учащихся. 1 сентября 1953 г. ученики старших групп к занятиям не приступили. Они дезорганизовали работу школы. Силой отбирали одежду, обувь и другие вещи у младших, избивали их. В училище процветало воровство. Старшие не только воровали сами, но и заставляли воровать других — в садах и огородах местных жителей.

Криминальная активность «блатных» детдомовцев в конце концов выплеснулась в город. В середине сентября началась настоящая хулиганская «война». Ученики безобразничали на улицах города, приставали к жителям, пьянствовали и дебоширили. 17 сентября 1953 г. один из подростков был задержан милицией за некие «хулиганские действия у памятника погибшему подполковнику Советской армии» (подробности неизвестны). Товарищи задержанного явились в районный отдел милиции, чтобы потребовать его освобождения, а в случае отказа — освободить силой. Только узнав, что задержанный ученик уже отпущен, подростки разошлись, но не успокоились.

Вечером 19 сентября группа учеников окружила и избила милиционера. 20 сентября, заподозрив, что комендант общежития жаловался на учеников директору, ученики 8-й группы пытались вломиться в его

комнату. Выломать двери комнаты не удалось. Тогда пролезли в разбитое окно, избили и порезали коменданта, поломали мебель. В тот же вечер подростки ворвались в общежитие младших классов. Они избили несколько человек, забрали их вещи. Жаловаться запретили, пригрозив расправой.

Вечером 21 сентября — новое нападение на милиционера. Его окружила группа учеников и ударила камнем. Тот, в свою очередь, хлестнул нападавших уздечкой и спрятался в здании районного отдела милиции. «Пострадавшие» и их товарищи побежали в общежитие, заявили, что милиция бьет учеников, и потребовали, чтобы все немедленно пошло «бить милицию». Угрозами и силой им удалось собрать «ополчение» ремесленников, которое побежало к милиции, вооружившись палками и камнями. Здание забросали камнями, выбили 20 окон. После нападения в помещении милиции нашли 55 тяжелых камней (до полутора килограммов каждый).

Милиция растерялась. Не получив отпора, хулиганы занялись поисками милиционеров. Одного из них нашли на занятиях в вечерней школе и избили. Ночью с 22 на 23 сентября город фактически был «оккупирован» подростками. Вооружившись палками и камнями, они до 4 утра патрулировали по улицам. В ту же ночь взломали двери гардероба общежития и разграбили все вещи учеников. Награбленные вещи спрятали в кустах и у жителей города!. Напутанные хулиганским террором, учащиеся младшего класса бросили учиться. Часть из них разъехалась по домам. Школа прекратила занятия.

Для наведения порядка потребовалась специальная милицейская операция, в результате которой 43 бывших детдомовца были задержаны. 17 чел., насильно втянутых «блатными» в преступления, в тот же день вернули в школу. 14 чел. направили на учебу в другие училища. 8 подростков арестовали, троих или четверых милиция предлагала направить в колонию для малолетних преступников.[154]

В 1955 г. события, подобные лужинским, произошли в Сычевском районе Смоленской области. Группа учащихся школы механизации сельского хозяйства (более 50 чел.), вооружившись ножами и камнями, ворвались в отделение милиции и устроили дебош — выбили в окна стекла, сломали дверь в камере предварительного заключения и освободили своего соученика, задержанного за изнасилование местной жительницы. Защищаясь от нападавших, работники милиции применили оружие и ранили двух человек.[155]

Аналогичные сражения милицией вели в 1955–1956 гг. молодежные группировки Магнитогорска (из числа все тех же ремесленников)., Масштабы явления, так же как и продолжительность конфронтации значительно превосходили не только сычевский, но и лужинский эпизод. В 15 строительных школах, ремесленных и технических училищах г. Магнитогорска обучалось различным специальностям более 5 тыс. молодых людей. Все эти учебные заведения, заполненные «трудными подростками», страдали обычными для таких заведений болезнями: низкая дисциплина, плохое преподавание, хулиганство.

По вечерам, весной, начиная с апреля, на окраине города несколько сот ремесленников (в основном, татар и башкир) собирались на стихийно возникшую танцевальную площадку. Сначала использовали освещенную асфальтированную улицу. Но потом, по требованию милиции, пришлось перебраться на темный пустырь, рядом с мусорной свалкой. На танцы большинство являлось в пьяном виде. Иногда возникали драки и потасовки, в которые милицию старались не втягивать — разбирались между собой. Это был особый мир, солидарно противостоявший внешним вторжениям.

Вечером 27 апреля 1955 г. во время очередных танцев милицейский патруль, состоявший из двух человек, вмешался в драку и задержал двух молодых людей. Для «выяснения личности» задержанных отвели в красный уголок ближайшего общежития. Обиженная вмешательством в свои «внутренние дела», молодежь начала ломиться в двери и требовать освобождения товарищей. Выйдя на улицу, один из милиционеров предложил толпе разойтись. В ответ раздалась матерная ругань, затем посыпались камни. Чтобы сдержать разбушевавшихся молодых людей, сотрудник милиции два раза выстрелил в воздух из пистолета. Едва он вернулся в красный уголок, как опять начался стук в двери, снова в окна полетели камни. На этот раз милиционер вместе с подоспевшими бригадмильцами, задержал одного из пьяных хулиганов.

Милиция начала стягивать к общежитию свои силы. Подошло еще несколько милиционеров. Чтобы разрядить обстановку, одного из задержанных отпустили. Двух других повели в отделение милиции. Одна группа милиционеров пошла с задержанными, другая двинулась по Уральской улице к пустырю. По дороге на нее напало несколько сот молодых людей и стали забрасывать камнями. Милиция ответила выстрелами в воздух. Обороняясь, милиционеры ранили одного из нападавших в тот момент, когда он готовился бросить камень. (Впоследствии было признано, что сотрудник милиции выстрелил правильно, пытаясь защитить своего коллегу. Его даже наградили медалью).

На протяжении весны — начала лета отношения милиции и хулиганов продолжали обостряться. 13 июня 1955 г. начались новые «бои». Встретив ночной патруль (около 12 часов ночи), неизвестный молодой человек сбил с одного из милиционеров фуражку. Возник конфликт, в результате которого большая группа ремесленников (около 100 чел.) начала забрасывать милиционеров камнями. В ответ раздалось два выстрела. Один учащийся был легко ранен в ногу.

Услышав выстрелы и узнав о ранении товарища, толпа учащихся ФЗУ (уже около 300 чел.) бросилась к отделению милиции и потребовала освобождения задержанного. Уговоры сотрудников милиции не помогли. Посыпался град камней. Были разбиты окна, электрические лампочки и даже вывеска отделения. Дежурный по отделению пошел на компромисс и впустил в помещение «делегацию» из трех человек. Они убедились, что среди задержанных нет ремесленников. Но почувствовав свою силу толпа потребовала освобождения неизвестного задержанного «героя» (сбил фуражку с милиционера) и даже выдачи для расправы «милиционера в белой гимнастерке» — одного из участников столкновения.

Когда на дежурного, вышедшего на крыльцо, посыпались камни, милиционеры ответили 12 выстрелами вверх. Но толпу удалось рассеять только после прибытия воинской части, открывшей огонь в воздух из автоматов. Суд признал, что массовые беспорядки были спровоцированы ранением ремесленника. Милиционер, произведший выстрел, был впоследствии по другому делу (за избиение задержанного) приговорен к двум годам лишения свободы.

Ремесленники затаили обиду, Милиция готовилась к новым столкновениям. Конфликт перестал быть обезличенным. Судя по всему, обе стороны находились в постоянном психологическом напряжении. Но самое главное — хулиганский террор не прекращался, а власти, кажется, не знали, что делать. Осенью 1956 г. (12 октября) произошло новое столкновение с милицией. Все на той же танцевальной площадке был задержан ремесленник, подозреваемый в избиении неизвестного молодого человека. Толпа учащихся ФЗУ (около 40 чел.) напала на сотрудников милиции с камнями, требуя, по обыкновению, освобождения задержанного. Отбиваясь, милиционеры без колебаний выстрелили вверх. И все же задержанному молодому человеку удалось уйти от работников милиции. Вместо него в отделение милиции повели одного из участников «освобождения». Тут же собралось около 100 чел. учащихся. Снова требовали освобождения. Снова бросали камни — в окна отделения милиции и в квартиры мирных обывателей. Снова разбили вывеску отделения. Только с помощью сотрудников из других отделений милиции толпу удалось разогнать, а некоторых участников нападения — задержать. Всего работники милиции произвели 117 выстрелов из пистолетов вверх.

Партийные власти города спохватились. Что-то явно не получалось ни у администрации школ ФЗО, ни у милиции. Один директор школы ФЗО был снят с работы, двое других получили партийные выговоры. Строгий выговор получил и начальник многострадального 7 отделения милиции — «за непринятие мер по предупреждению хулиганских действий учащихся и за бесцельную стрельбу работников милиции». Заявления учащихся об избиении их в милиции проверка не подтвердила. Однако магнитогорский скандал уже дошел до Москвы. В него вмешались ЦК ВЛКСМ и Прокуратура СССР. Расследование показало, что город буквально оккупирован хулиганами. С 1954 по 1956 г. число «хулиганских проявлений» увеличилось почти в два раза. Московские ревизоры признали одной из причин непрекращавшихся столкновений «неправильное поведение отдельных работников милиции». Заодно выяснилось, что в 1955 и 1956 гг. 5 работников милиции Магнитогорска были привлечены к уголовной ответственности за превышение власти.[156]

Хулиганские «оккупации» и «войны» 1953–1956 гг. показали, что власти явно не успевали за новыми мутациями старой социальной болезни. А милиция, к тому же, не имела и достаточных технических навыков контроля больших стихийных скоплений людей. Ее действия по наведению порядка в городах (иногда разумные, но часто поспешные и непродуманные) все чаще наталкивались на ожесточенную встречную агрессию хулиганов, в какой-то мере использовавших «воровские» и «сучьи» алгоритмы организации массовых волынок в лагерях. Милиционеры не знали, как обуздать хулиганов, не нарушая, в духе новых либеральных веяний, их законных юридических прав. Еще в конце августа 1953 г. на встрече с заместителем министра внутренних дел Масленниковым милиционеры резервного полка задавали вопрос о своих реальных служебных правах: «При задержании нарушителей общественного порядка и особенно при доставлении в отделения милиции хулиганов и пьяных, милиционеры подвергаются оскорблениям и нередко побоям. Не имея возможности оформить привлечение к ответственности таких лиц за указанные действия, так как во многих случаях граждане, могущие быть свидетелями, уклоняются от этого, ссылаясь на занятость или на боязнь мести остающихся безнаказанными хулиганов, милиционеры оказываются поставленными в условия, при которых они вынуждены сносить унижающие достоинство человека и работника милиции оскорбления словом и действиями».

Участники встречи были смущены тем, что «находящиеся на постах милиционеры совершенно

беспомощны в обстоятельствах, когда при многочисленном скоплении публики, некоторые недисциплинированные граждане не подчиняются их законным требованиям, а другие возбуждают публику против милиционеров, всячески поносят и оскорбляют работников милиции», и требовали при разбирательстве таких дел в «судах оказывать больше доверия милиционерам, как лицам, состоящим на государственной службе, чем хулиганам и жуликам». Оперативным работникам еще только предстояло «продумать и проработать приемы изъятия из толпы хулиганствующего элемента» и доложить на утверждение начальника главного управления милиции о «мероприятиях, более приемлемых и целесообразных»[157] Другими словами, в середине 1950-х гг. милиция просто не имела достаточно надежной технологии «тушения» хулиганских волнений в момент их возникновения. Слишком часто из-за собственного бессилия и неумелости ее работники прибегали к крайнему аргументу — оружию, а иногда и сами становились беззащитными жертвами хулиганской агрессии.

Рост антимилицейских настроений. «Коалиции» хулиганов и городских обывателей

Хулиганские группировки обычно выступали естественными противниками мирных обывателей. Последние не только требовали от властей защиты, но часто готовы были оказать им помощь и поддержку. Однако при определенных условиях добропорядочные граждане вставали под знамена местных хулиганов. Часто это было связано с противоправными и жестокими действиями милиционеров, нарушениями законности со стороны работников правоохранительных органов. Людская молва обобщала подобные факты, и в некоторых местах милиционеры пользовались не очень хорошей репутацией. Антимилицейские настроения были прекрасной почвой для втягивания толпы мирных жителей в насильственный конфликт против милиции, особенно если проносился слух о допущенной вопиющей несправедливости. Так возникала питательная почва как для «коалиций» типа «толпа — хулиганы», так и для перерастания локальной хулиганской агрессии в массовые беспорядки.

Основания для антимилицейских настроений, а значит, и для вовлечения добропорядочных обывателей в волнения и беспорядки, были. И это сильно тревожило высшие партийные и государственные инстанции. Милиция слишком медленно избавлялась от дурных замашек сталинского времени, что немало вредило ее репутации. Случаи серьезной «уголовщины», а также коррупции и взяточничества были в то время очень редки среди работников милиции. Но хулиганство и недисциплинированность, так же как и неуважение к закону, которыми болело все советское общество, были достаточно «популярны» и в милицейской среде. В большинстве случаев преступления и проступки совершались пьяными работниками милиции. Другими словами, ситуация в милиции была зеркальным отражением ситуации в обществе.[158]

Пусковым механизмом многих столкновений хулиганов и милиции было задержание нарушителей общественного порядка, дурное обращение с ними в милиции, а фактором, способствовавшим углублению конфликта, нередко становилось применение оружия представителями власти. И именно эти виды преступлений были особенно распространены в милицейской среде. Среди нарушений законности, допущенных милиционерами, численно доминировали избиения задержанных и незаконные аресты. А неправомерное применение оружия чаще всего случалось при задержании и преследовании, а также при защите от нападений. В результате совершенных работниками милиции преступлений и чрезвычайных происшествий в 1955 г. пострадало 345 человек, в том числе убито 78 и ранено 89. Подобные случаи, многократно преувеличенные слухами (следует еще иметь в виду и высокую латентность милицейской преступности), создавали питательную почву для конфронтации милиции и населения.

Среди наиболее неблагополучных областей РСФСР, отличавшихся самой высокой «милицейской» преступностью, оказались и районы повышенной социальной конфликтности и распространения массового хулиганства (например, Кемеровская, Каменская и Молотовская области). Между «милицейской» преступностью и «хулиганизацией» территории существовала, вероятно, специфическая форма связи, своеобразный порочный круг. Хулиганская активность и «войны» с милицией могли быть спровоцированы нарушениями законности в милиции, неправомерным применением оружия и т. д. Однако подобные действия милиционеров, в свою очередь, могли быть вызваны жестким хулиганским прессингом на доверенную милицейскому попечению территорию и персонализацией отношений с местными хулиганами (личные обиды и т. д.). В милиции тоже существовала своеобразная групповая солидарность, доходившая в ряде случаев до круговой поруки. Некоторые милицейские начальники, ожесточенно отбивавшиеся от натиска хулиганов, склонны были смотреть сквозь пальцы, по крайней мере, на некоторые злоупотребления своих подчиненных. [159] Каждый случай подобного «либерализма» не мог не раздражать население. Недаром так часто во время

массовых конфликтов и беспорядков толпа требовала выдачи «плохого милиционера» для расправы. МВД СССР никак не удавалось «ввести в берега» активность некоторых своих подчиненных, провоцирующих население на конфликты и беспорядки.[160]

В 1953–1955 гг. произошел только один серьезный массовый беспорядок, в котором толпа принимала участие в конфликте на стороне хулиганов — базарный бунт в Херсоне. 4 августа 1953 г. в 10 часов утра работник милиции М. задержал на центральном рынке тринадцатилетнего подростка Б. за продажу кукурузы. При задержании школьник (учился в пятом классе) испугался, начал плакать и сопротивляться. М., как сообщал в Совет Министров СССР Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, «зная, что Б. имеет мать, работающую в херсонской больнице, и о том, что кукуруза не похищенная, все же задержал Б., применил к нему физическую силу, в результате чего нанес ему кожные повреждения — кровоподтеки, царапины и вызвал у Б. обморочное состояние.

Горожане — свидетели этого случая — отняли мальчика у М. и доставили в ближайшую аптеку. Там он был приведен в чувство, а затем автомашиной скорой помощи отправлен в больницу. Поведение М. вызвало у граждан возмущение, собралось до 500 человек — вначале у комендатуры милиции на рынке, а затем у здания областного управления милиции. Некоторые из собравшихся требовали выдачи М. для расправы, уверяя граждан, что мальчик убит М... Когда же Б. с его матерью был показан собравшимся, слышались выкрики: „Это подделка милиции, мальчик не тот, при этом оскорбляли мать Б. и угрожали ей за то, что она „продалась милиции“.

Для успокоения граждан и ликвидации создавшегося положения были приняты срочные меры — вызваны директора и преподаватели школ с целью воздействия на учеников и их родителей, работники обкома, горкома КП Украины и городского совета подходили к собравшимся и разъясняли, что виновные в незаконных действиях будут наказаны. После разъяснений часть людей ушла, но другие группы снова приходили и так продолжалось до 22 часов». Кто-то выбил окна в комендатуре милиции на рынке и разбил окно в помещении отделения милиции. Раздавались даже «выкрики антисоветского содержания». Милиционер был арестован. Началось следствие.[161]

В 1956 г. тенденция перерастания хулиганских агрессий в обширные массовые беспорядки обнаружила себя и в относительно благополучных прежде городах. И одной из основных причин этого были неправильные действия, нарушения законности самой милицией. 10 января 1956 г. МВД СССР информировало ЦК КПСС и Совет Министров СССР о групповом хулиганстве молодежи в Новороссийске. Вечером 9 января на одной из главных улиц города, группа пьяных молодых людей (15–18 человек), взявшись за руки, загораживала дорогу прохожим, приставала к женщинам, оскорбляла встречных. При задержании один из хулиганов, восемнадцатилетний безработный Ч., оказал сопротивление, несколько раз ударил постового милиционера, за что и был задержан. Приятели Ч. попытались его освободить. В это время в находившемся поблизости кинотеатре закончился сеанс. У места событий собралось большое количество людей. Некоторые из них охотно присоединились к хулиганам.

Образовавшаяся толпа забросала отделение милиции камнями, ворвалась в помещение и напала на сотрудников. Часть работников милиции спряталась в помещении Госбанка. Туда же бросилась и толпа, швыряя в двери и окна камни и палки. Обороняясь, милиционеры применили оружие. Один из нападавших молодых людей был убит (при нем был обнаружен финский нож). У находившегося в помещении Госбанка пожилого работника милиции (62 года) начался сердечный приступ, от которого он впоследствии умер. Одновременно с нападением на Госбанк огромная толпа (около тысячи человек), швыряя палки и камни, попыталась ворваться в 1-е отделение милиции и на почту. Эта же толпа окружила и избила постового милиционера. Кто-то хотел отнять у него оружие и ударил ножом в спину. Для наведения порядка потребовалась помощь пограничников и военного патруля. Совместными усилиями работников милиции и военнослужащих (с применением оружия) хулиганские действия удалось прекратить. 15 хулиганов были задержаны. В результате беспорядков пострадали три сотрудника милиции и два офицера Советской армии. [162]

Спустя две недели после событий в Новороссийске вспыхнул базарный бунт в г. Клайпеда (Литовская ССР). Милиционеры почему-то называли его «волынкой» (этого понятия нет в уголовном кодексе), очевидно, затрудняясь в уголовной квалификации происшедшего, но связывая события с лагерной моделью противостояния властям. 21 января 1956 г. в 11 часов 30 минут на базарной площади милицейский наряд получил сообщение бригадмилца о том, что известная ему спекулянта ка незаконно (без разрешения) продает на рынке селедку. Милиционеры попытались задержать торговку. В это время на них с кулаками набросился ее муж Д. Милиция задержала нападавшего и доставила его в помещение оперативного пункта милиции при рынке.

Во время задержания и в оперативном пункте Д. продолжал буйствовать. У него начался припадок эпилепсии. Жена, увидев Д., корчащимся в конвульсиях на полу, подняла крик о том, что милиция якобы убила ее мужа. На крик сбегалась рыночная толпа — всего в беспорядках участвовало около 500 человек. Кто-то стал призывать: «Бей милицию». Уверениям, что Д. болен, и никто его не избивал, не поверили. (Самого Д. отправили на машине скорой помощи в больницу). Толпа бросилась на милиционеров с криками: «Почему убили человека?» В помещение оперативного пункта полетели камни и кирпичи.

Некоторым работникам милиции удалось выбраться из осажденного помещения и перейти в городское отделение милиции, расположенное на окраине базара. Хулиганы бросились туда же, забросали окна камнями. Шесть милицмейских оперативников и четыре работника КГБ получили в результате столкновения телесные повреждения. Только после прибытия на рынок пограничников и надзирателей местной тюрьмы (около 50 человек) волнения удалось прекратить. Оружие не применялось. 15 активных участников беспорядков были задержаны. Семеро из них нигде не работали, четверо неоднократно задерживались за спекуляцию на рынке.[163]

Летом 1956 г. пришло сообщение о кровавой стычке в г. Енакиеве (Сталинская область Украинской ССР). Вечером 17 июня в городском парке группа молодежи (тридцать человек) напала на посетителей танцевальной площадки и начала избивать их железными прутьями и палками. При попытке милиции прекратить бесчинства хулиганы оказали сопротивление — стали бросаться камнями. Милиционеры сделали три предупредительных выстрела вверх. Из толпы хулиганов раздались ответные выстрелы. Один из работников милиции был ранен в голову. Несколько активных участников нападения были задержаны.

А спустя час в 500 метрах от парка был обнаружен труп еще одного из нападавших. По свежим следам раскрыть это убийство не удалось.[164] Но население, конечно же, подозревало милиционеров.

В октябре 1956 г. массовые беспорядки вспыхнули в Славянске (тоже Сталинская область). Их сценарий почти дословно повторял события в Новороссийске. В городской отдел милиции 28 октября 1956 г. около шести часов вечера некие «граждане» (не милиция) доставили слесаря Б. (45 лет). (Б. был сильно пьян, матерился и оскорблял пассажиров автобуса, которые, вероятно, и сдали его в милицию). Вслед за этим в дежурную комнату милиции зашел какой-то неизвестный и потребовал освободить Б. Получив отказ, неизвестный вышел на улицу и поднял крик, что милиция избивает людей.

У здания городского отдела милиции стали собираться зеваки, вышедшие из кинотеатра после сеанса. Собралось около 500–600 человек. Неизвестный с группой хулиганов ворвался в дежурную комнату милиции, увел Б. на улицу и снова поднял крик об избиениях в милиции. В заверения работников милиции толпа не поверила. Раздались угрозы в адрес милиции. Пользуясь большим скоплением людей, хулиганы начали забрасывать здание милиции камнями, попытались проникнуть в камеру предварительного заключения, но были остановлены предупредительными очередями из автомата. Беспорядки удалось прекратить только к десяти часам вечера с помощью милиции из соседних городов и делегатов городской партийной конференции.

Во время волнений были побиты окна здания городского отдела милиции, нанесены побои секретарю Славянского горкома КП Украины, секретарю горкома комсомола, следователю прокуратуры, ряду работников милиции и некоторым другим, не названным в милицмейском донесении лицам (возможно, тем, кто пытался урезонить хулиганов). Было выявлено четыре активных участника беспорядков. Неизвестный оказался рабочим, ранее судимым за мелкие хищения. Аналогичный криминальный опыт был еще у одного задержанного. Третий четырежды привлекался к административной ответственности за нарушения общественного порядка. Четвертым был упоминавшийся выше Б.[165]

Распространение «хулиганской» болезни и появление ее новых мутаций заставили власти действовать более решительно.

25 октября 1956 г. Совет Министров СССР и ЦК КПСС принимают секретное постановление «О мерах по улучшению работы МВД СССР», президиумы верховных советов союзных республик — указы об усилении ответственности за мелкое хулиганство. Резко увеличилось количество «изъятий» с улиц хулиганов и пьяных. В первом полугодии 1957 г. пьяных было задержано почти в два раза больше, чем за тот же период 1956 г. [166] В результате усиления милицмейской службы и мер по наведению порядка в самой милиции массовые беспорядки городских маргиналов пошли на убыль. На какое-то время было восстановлено статус-кво. Массовое хулиганство вернулось к более привычным формам. Но уже в сентябре 1958 г. исполняющий обязанности Генерального прокурора СССР А. Мишутин информировал ЦК КПСС об очередном массовом хулиганском нападении на работников милиции и людей, попытавшихся прийти к ним на помощь.

На этот раз события произошли в столице Латвийской ССР г. Риге. Их спровоцировало «покушение» милиции на узурпированное местными маргиналами право распивать спиртные напитки в хорошей компании прямо на улице. 7 сентября 1958 г. в 20 часов 10 минут группа местных пьяниц расположилась с бутылками на открытой площадке вблизи трамвайного кольца. Вероятно, при этом они громко ругались матом, вообще вели себя вызывающе. Пьяницы не реагировали на замечания постового милиционера, вступили с ним в пререкания, а после повторного требования «о прекращении распития спиртных напитков» набросились с кулаками. Заодно был избит пришедший на помощь сотруднику милиции рабочий. Милиционер вырвался и попытался убежать. Но один из хулиганов — кочегар строительной конторы отломал доску от забора и погнался за постовым. После предупреждения милиционер выстрелил в нападавшего и убил его. Вызвав скорую помощь, он стал звонить в районное отделение милиции из павильона трамвайного парка. Собравшаяся к этому времени толпа, подстрекаемая друзьями убитого, выломала окна и двери павильона и жестоко избила милиционера и его пришедшего на выручку сослуживца.[167] После этих событий, Бюро ЦК КП Латвии приняло решение о необходимости сорокакилометровой зоны вокруг Риги с особым паспортным режимом, дающим возможность отказать в прописке лицам с паспортными ограничениями (судимым за опасные уголовные преступления и т. п.).[168]

В мае 1959 г. заместитель Генерального прокурора СССР В. Куликов информировал ЦК КПСС о нападении группы хулиганов на членов народной дружины в Горьком. Двое пьяных (один нигде не работал) встретили дружинников, вспомнили, что те когда-то уже задерживали их за хулиганство и решили отомстить. Поблизости оказалось пять или шесть знакомых. Хулиганы напали на дружинников и стали их избивать. Один из дружинников (тот, на кого затаили обиду, — студент инженерно-строительного института) получил семь ножевых ранений.[169]

В этом и ему подобных случаях хулиганы не сумели или не успели организовать толпу на массовые беспорядки. Однако внутримилицейские проблемы, создававшие питательную почву для коалиций «хулиганы — население», были далеки от своего разрешения. Поэтому хулиганская апелляция к чувству поправленной справедливости (феномен «невинной жертвы» и т. д.) вполне могла мобилизовать толпу на волнения, превратить столкновение хулиганов и милиции в насильственный конфликт между населением и властью. Требовались дополнительные меры по наведению порядка в самих органах внутренних дел.

29 января 1958 г. ЦК КПСС принял постановление «О фактах нарушения законности в милиции». А 24 февраля Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко распорядился усилить прокурорский надзор и активнее возбуждать уголовные дела по фактам фальсификации материалов дознания, проверять жалобы граждан, обоснованность решений МВД, выявлять виновных в незаконном задержании и водворении граждан в КПЗ и т. д.[170] Однако «факты грубых нарушений законности» оставались хронической болезнью органов МВД. Как писал, например, Генеральный прокурор Руденко в июле 1960 г., «отдельные работники милиции при производстве дознания, а также в оперативно-розыскной работе, прибегают к незаконным приемам вплоть до физического воздействия на свидетелей и подозреваемых, к провокационному использованию агентуры и прямой фальсификации обвинения в отношении невинных граждан».[171] «Фактор риска» оставался, сохранялся и социальный фон для конфронтации милиции не только с хулиганами, но и с законопослушными жителями городов.

«Анτισоветское» хулиганство: политические мифы советских маргиналов

Советский режим в поисках эффективных средств борьбы с массовым хулиганством, блатными группировками, хулиганскими «оккупациями» и «войнами» не мог опереться на современные формы самоорганизации населения страны. Более того, практически любые формы такой самоорганизации воспринимались режимом как политическое преступление. Поэтому он каждый раз и оказывался в тупике, когда в силу необходимости вставал на путь относительного смягчения существующих порядков. Все социальные аномалии, неизбежные в любом обществе, в послесталинском СССР приобретали, в конечном счете, политическое звучание — как из-за масштабов своего распространения, так и из-за архаичных способов «лечения».

В свою очередь, хулиганская «антисоветскость» при определенных обстоятельствах могла играть роль мобилизующего фактора при спонтанном возникновении городских бунтов. В документах, описывающих волнения и беспорядки городских маргиналов эпохи раннего Хрущева, время от времени упоминаются некие «антисоветские выкрики», доносившиеся из взбудораженной толпы. Источник обычно не проясняет содержания этих высказываний. Но можно с уверенностью утверждать, что ничего особенного,

исключительного, отличного от обычных нападков на власть раздраженные, обиженные, а часто пьяные люди не кричали.

Реконструкция раздававшихся в толпе выкриков вполне возможна. Достаточно обратиться к делам об осуждениях по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и аналогичных статей уголовных кодексов других союзных республик (впоследствии ст. 70 УК РСФСР). Всего по этой статье в 1956-1960 гг. было осуждено 4676 человек. Большинство из них (3380 или 72,3 процента) были жертвами войны политических репрессий 1957-1958 гг.[172] Нас в данном случае интересуют наиболее простые эпизоды (ехал пьяный в электричке и ругал Хрущева, был задержан милицией и «нецензурно выражался в адрес руководителей партии и правительства» и т. п.), «заборные» и «туалетные» надписи, матерные хулиганские письма на имя «вождей», распространенные в тюрьмах и лагерях татуировки и т. п.

Страдавшие от власти и враждебные ее порядкам и законам хулиганы, пьяницы, блатные, а тем более уголовники не принимали целей и ценностей своего «естественного» противника, а символы и атрибуты, идеологические и политические святыни власти подвергали поношениям и оскорблениям. Этой «антисоветчине» вряд ли можно (вслед за некоторыми не очень квалифицированными следователями 1950-х гг.) придавать особое политическое значение, повторяя в перевернутом виде ошибку анархиста М. Бакунина, считавшего преступника «прирожденным революционером». Преступники и маргиналы точно так же не были «прирожденными революционерами», как и «антикоммунистами» — они как были, так и остались «бунтовщиками», способными только на бессмысленную и беспощадную агрессию. Если и была в их выкриках и высказываниях «идеология», то идеология прежде всего антигосударственная — с такой же страстью они отвергали бы принципы и атрибуты любой власти.

Однако советская ситуация все-таки была специфична. Обиду на власть чувствовали не только ее естественные оппоненты, но и миллионы людей, пострадавших от жестоких и несправедливых приговоров сталинского времени, когда большой срок заключения человек мог получить даже за опоздание на работу, за прогул, за незначительное хищение «социалистической собственности». Жестокость властей отторгала многих людей от нормальной жизни, превращала их в отбросы общества. И в этом смысле оскорбления «начальства» были более чем заслуженными. Неудивительно, что не только у людей с уголовным прошлым, блатных или злостных хулиганов под влиянием выпивки развязывался «антисоветский» язык. Время от времени, чаще всего именно в расторможенном, пьяном виде, люди, за которыми до сих пор ничего «такого» не замечали, вдруг раздражались озлобленной руганью, «оскверняли» государственные и коммунистические святыни, выкалывали глаза на портретах «вождей» и т. п.

В хулиганской «антисоветчине» было, таким образом, множество оттенков и градаций. От «принципиальной» криминальной оппозиции до неконтролируемой спонтанной злобы или всплеска справедливой обиды на режим, «ни за что» перемоловший жизнь в своих жерновах. Среди маргиналов, вообще не отличавшихся сдержанностью и крепкими нервами, попадались просто люди «без тормозов», чья из ряда вон выходящая спонтанность делала их своего рода антисоветскими «громкоговорителями». Например, в ноябре 1956 г. опустившийся инвалид Л. (в конце концов, он украл и пропил чьи-то брюки), с незаконченным высшим образованием, имевший судимость за хулиганство, напившись пьяным, направился не куда-нибудь, а прямо в городской отдел милиции и там стал «ругать условия жизни в СССР». Спустя несколько дней Л. порвал портреты Ворошилова и Микояна и сделал на них какие-то «антисоветские надписи». Много ругался Л. и по поводу вмешательства СССР в венгерские события.[173] Причем делалось все это совершенно открыто, «расторможено». Окажись Л. рядом с каким-нибудь антимилицейским конфликтом, и у него были все шансы стать «зачинщиком».

Водка развязывала языки не только блатным и маргиналам. Пивные и закусочные (в пятидесятые годы их было много в России и сравнительно недорогих) время от времени превращались в политические клубы, в которых «выступали» вполне законопослушные, но временно «раскрепощенные» алкоголем граждане. Помощник капитана рыболовецкого судна Д. 9 ноября 1956 г. в шашлычной «Находка» декламировал стихи Лермонтова «Прощай немытая Россия», Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Несжатая полоса». Потом, как бы связывая «критический реализм» XIX века с современностью, громким голосом произнес: «Долой господ-коммунистов». И продолжал в том же духе: «У нас теперь не только полоски, а целые гектары пропадают», «пора покончить с коммунистами и советским правительством, пора рабочему классу взять в руки оружие и самому добиваться свободы, наше правительство не заботится о людях». Добавил и про Венгрию: «Давайте примкнем к Западу и покончим с коммунистами».[174] В криминальной и полукриминальной среде вообще часто звучало обещание устроить «вторую Венгрию», «второй Будапешт», обычно вместе с другими распространенными «антисоветскими» клише.[175]

Для отпетых уголовников вообще был характерен демонстративный «антисоветизм». Высшим шиком

считалось запечатлеть свою органическую враждебность власти в татуировках. Известно много случаев таких «антисоветских» надписей на теле. Ж. (две судимости, одна за убийство, другая за побег) сделал себе на животе наколку «с призывом к свержению одного из руководителей партии и правительства и восхваляющую Трумена».[176] Похожую надпись «учинил у себя на теле» заключенный Г. (четыре судимости). Он же заодно с сокамерником еще и написал на стенах камеры собственной кровью «призывы к свержению советской власти».[177]

Уголовники часто накалывали портреты Ленина и Сталина и использовали их как «наглядную агитацию». То покажут на вытатуированный портрет Ленина и скажут: «Из-за него мы мучаемся в тюрьмах».[178] То, буяня в каком-нибудь станционном буфете, распахивали на груди рубаху и кричали, показывая на Ленина и Сталина: «Я этих (обзывал нецензурными словами) ношу на груди».[179] Подобные татуировки покрывали иногда чуть ли не все тело. Известен случай осуждения Ц. за нанесенные сокамернику татуировки. На шее — «жертва КПСС», на щеках — «раб Ленина» и «смерть КПСС», на затылке — «Ленин людоед», на темени — «долой Ленина» и «Ленин палач».[180] А трижды судимый за воровство Н. даже наколот на своем теле некую «приветственную татуировку к США».[181]

В криминальной мифологии 1950-х гг., осмысливавшей действительность по принципу «враг моего врага — мой друг», вообще важное место занимала некая далекая и враждебная советскому начальству «Америка», с ее замечательным президентом «Труменом», который однажды начнет войну против СССР, а потом освободит уголовников из тюрем. Этот полуфольклорный персонаж — «Трумен-освободитель», потом «Эйзенхауэр-освободитель» — пользовался в среде осужденных уголовников и блатных исключительной популярностью. Братья К., осужденные за разбойное нападение в 1955 г., прямо в суде стали говорить о неизбежности войны с Америкой, заявили, что скоро придет Эйзенхауэр, освободит их и тогда они будут бороться против советской власти и «убивать от малых до больших работников партии и правительства».[182] Двадцатидвухлетний И. (имел три судимости) кричал во время оглашения приговора: «Долой Советскую власть, да здравствует Эйзенхауэр!». В камере говорил, что если бы дали ему автомат, то он бы перестрелял всех коммунистов, и в первую очередь Хрущева и Булганина.[183]

Заключенный О., осужденный за хищения, в лагере систематически распускал слухи о неизбежности войны с Америкой, о предстоящем поражении СССР и даже о необходимости готовить людей, которые перейдут на сторону Америки.[184] Другой заключенный, девятнадцатилетний З. в коридоре и штрафном изоляторе неоднократно писал лозунги: «Конец скоро будет советской власти, расцветай капиталистический строй в Америке», «Долой Булганина с Хрущевым, да здравствует Эйзенхауэр и Чан Кайши», «Долой советскую власть и ее правительство, привет США».[185]

Аналогичные лозунги, но уже в более пространной форме сочинял четырежды судимый Т. 20 октября 1957 г. он выбросил из окна камеры две листовки: «Долой власть большевиков. Советам пора выбросить кусок ленинского тухлого мяса из мавзолея, чтоб не разлагался. Да здравствует и процветает Эйзенхауэр, Даллес и соединенные штаты капиталистических; стран»; «Долой власть Советов. Да здравствует Эйзенхауэр с Даллесом и Соединенные Штаты Америки. Долой социализм и коммунизм. Да здравствует капитализм». 25 октября и 18 ноября 1957 г. Т. нарисовал на стене камеры фашистскую свастику, сделал на стенах надписи: «Долой власть Советов!», «Смерть Коммунизму», «Отдать гнилой труп Сталина Даллесу!».[186]

Д., инвалид войны, трижды судимый за хулиганство, без определенных занятий и места жительства, безуспешно добивавшийся от властей выплата пенсии, нашел, можно сказать, изощренную форму демонстративного протеста. Он ходил по Министерству социального обеспечения СССР с приколотой к одежде листовкой. Листовка содержала «призыв к свержению советской власти и восхваление Эйзенхауэра».

На месте мифической «Америки» (или вместе с ней) вполне мог оказаться мифический «Гитлер» или любой другой, вчерашний или сегодняшний враг власти. Дважды судимый, сбежавший из ссылки Ж. (без определенного места жительства и занятий), напился пьяным и отправился в кино. Во время демонстрации фильма «Урок истории» (об организованном нацистами процессе над Г. Димитровым), а потом и в милиции, он не просто ругал матом партию, Ленина, Сталина и Димитрова, но и кричал: «Да здравствует Гитлер! Да здравствует фашизм! Да здравствует Америка!».[187]

Вообще совмещение в неразвитом сознании сразу двух врагов советского режима — прошлого (нацистская Германия) и нынешнего (США) было довольно обычным. Автор этой книги, сам бывший Жертвой пропаганды эпохи «холодной войны», прекрасно помнит, как в пятилетнем возрасте (было это в 1955 г.) рисовал сражения «наших» и американских истребителей, но почему-то изображал на крыльях американских самолетов в качестве опознавательного знака свастику. Противник № 1 каким-то образом ассоциировался с самым ужасным врагом недавнего прошлого, с абсолютным злом, с фашизмом.

Самой же свастикой, которая стала как бы символом хулиганской антисоветчины, были в моем детстве изрисованы заборы и стены домов (мы жили в небольшом переулке неподалеку от Садового кольца в Москве). Все знали, кто это делает — обычная местная шпана и подражавшие ей мальчишки. Увидев однажды около двери нашей квартиры опасный символ, я испытал почти мистический ужас (как бы на нас не подумали!) и немедленно переделал изображение свастики в рисунок решетки.

«Америка» была не единственным альтернативным образом, распространенным в маргинальной среде. В качестве такой альтернативы могли выступать и провозглашенные самим коммунизмом цели. Тогда звучала тема «измены» («разве это коммунисты, это предатели»[188]), слегка окрашенная примитивным эгалитаризмом. Это был чрезвычайно важный новый акцент в маргинальной «агитации», сближавший ее с «серьезной антисоветчиной» и как бы облагораживавший примитивную ругань, возвышавший ее почти до социального протеста, противопоставлявший несправедливой власти ее же собственные ценности, мифы и утопии.

Сорокашестилетний А., неоднократно судимый, без определенных занятий и места жительства, в июле 1957 г. на пассажирском пароходе «Усиевич» (маршрут Москва — Горький) не просто матерился на Хрущева и Булганина. Он называл коммунистов «советскими буржуями», говорил, что они получают громадные деньги, имеют большие квартиры, дачи и о людях им думать не приходится.[189] Слесарь московского завода Ч. в июне 1957 г. на Казанском вокзале Москвы говорил, что в СССР «происходит реставрация капитализма и рабочий класс имеет плохое материальное обеспечение, что Хрущев и Булганин опозлили идеи Ленина и предали Россию».[190] Рабочий Ф., ранее дважды судимый, в апреле 1958 г. в клубе г. Белогорска во время лекции о международном положении назвал выступление лектора болтовней и сказал, что Хрущев устраивает приемы, «где пропивают рабочую копейку». На следующий день Ф. был вызван секретарем парторганизации, но повторил то же самое и добавил, что Хрущев и Булганин причастны к сталинским репрессиям. Летом 1958 г. он ругал Хрущева и называл его речи болтовней, «развели братьев китайцев да корейцев, прежде чем им помогать, надо создать в Советском Союзе нормальную жизнь».[191]

Вместе с мифом «Америка» или без него, но использование ценностей, утопий и ритуальных клятв самого режима для его же критики и обличения представляло собой гораздо более сложную идеологическую конструкцию, чем обычные lamentации об «отнятии всей жизни»[192] или возмущенная «антисоветская» матерщина. Отличие же маргиналов от «идейных антисоветчиков» заключалось в том, что у первых значительно сильнее и «почвеннее» звучал советский парафраз старого российского мифа о «добром царе» и его «злых слугах». Милиционеры, применившие силу против того или иного хулигана, могли восприниматься как «несправедливые государевы слуги», поправшие мудрую волю высшего начальства, непогрешимых вождей. Но в этом качестве (своего рода прогресс, может быть, даже принципиальное культурное изменение по сравнению с крестьянской традицией XIX века) выступали обычно вожди вчерашние — умерший Сталин, расстрелянный Берия, изгнанный с поста председателя Совета Министров СССР Булганин, члены «антипартийной группы» Молотов и Маленков, исключенные Хрущевым из высшего партийного руководства.

Вождь, который потерял свой пост, приобретал все мыслимые и немыслимые черты идеала. Он был как бы товарищем по несчастью и хорош был именно потому, что уже не имел власти. Так, вернувшийся из заключения по амнистии П. пришел на прежнее место работы, устроил в кабинете начальника дебош, подрался с милиционерами, называя их фашистами, гадами, предателями, а заодно обвинил их в том, что они «отравили Сталина».[193]

Один из заключенных писал матери (с жуткими грамматическими ошибками):

«Спрашивается, за что сняли из ЦК партии Молотова, Маленкова, Кагановича, а то, что Маленков стал создавать рабочим и крестьянам условия, чтоб народ расцветал. А Хрущеву не понравилось, нашел нужным обвинить старых наших революционеров, которые строили социализм, и они оказались враги народа...».

Носители подобного типа сознания были способны (именно в силу своеобразия своего манихейского, «черно-белого» восприятия реальности) к стойкому сопротивлению. Из них иногда получались сознательные враги режима. Тот же автор письма, которого судили как раз не за уголовщину, а за «политику», в судебном заседании сказал: «Мне незачем защищаться. Против вас я буду защищаться тогда, когда у меня будет оружие. Я писал такие письма и буду писать. Нас таких много. И нам надо объединиться для общей борьбы...» [194]

Как видим, распространенная мифологема о «давших народу жить Маленкове и Молотове» питала не

только уголовную оппозиционность власти. В ней было заключено фундаментальное недоверие к власти как возможному источнику «блага». Поэтому все, кто пытается «дать народу жить», не могут оставаться у кормила правления. Зло, заключенное во власти, немедленно расправится с ними.

Исчезновение «вождя» с политической арены превращало его в символ протеста. Чем хуже представляла поверженного кумира официальная пропаганда, тем большей «святостью» могли наделять его маргиналы. Дважды судимый рабочий И., школьник 10 класса Ч. и безработный А., постоянно слушавшие передачи «Голоса Америки» и Би-би-си, не только осуждали подавление революции в Венгрии и рассказывали антисоветские анекдоты, т. е. занимались вроде бы осмысленной антисоветской пропагандой, но и хулигански выкрикивали на улицах «Бей коммунистов», уверяя, что если бы «агент империализма» Берия совершил переворот, то жилось бы лучше.[195] Так что даже кровавый Берия, уничтоженный и, казалось бы, полностью дискредитированный своими противниками, в мифологическом сознании мог получить лавры положительного героя.

В пантеоне униженных и оскорбленных вождей можно было встретить даже Троцкого. К., прежде судимый за хулиганство, который как раз «восхвалял врага народа Троцкого», [196] родился в 1919 году и, следовательно, никаких личных воспоминаний о революционных заслугах одного из главных руководителей большевиков в первые годы Советской власти иметь не мог. Значит, он исходил из того, что если советская пропаганда Троцкого ругает, то он точно был «за народ». Здравствующие «вожди», напротив, были плохи по определению.[197]

Интересно, что похвалы в адрес бывших коммунистических лидеров иногда замечательным образом сочетались с изображениями все той же свастики и другой вполне антикоммунистической символикой.[198] Это лишний раз доказывает: поверженные вожди для определенного типа сознания были не альтернативой «хорошего коммунизма» «плохому коммунизму», а убедительным подтверждением того, что «хороший человек» среди «начальства» долго не удержится. Этим психология маргиналов существенно отличалась от психологии многих «идейных антисоветчиков» 1950-х гг., уверенных в осуществимости «хорошего коммунизма».

Поверженный «вождь» мог выступать и в роли «исчадия ада» (результат сохранявшейся «приоткрытости» личности для официальной пропаганды и готовности следовать ее мифам, а не творить свои). Тогда, соединяя обидчиков (милиционеров, тюремных надзирателей и т. д.) с абсолютным воплощением зла, человек как бы отказывал своим врагам в праве представлять власть и пользоваться ее защитой. Агрессия же приобретала некую «моральную» мотивировку. Например, заключённый С. (30 лет, две судимости), наряду с выкриками в камере штрафного изолятора «Бейте краснопогонщиков! Долой советскую власть. Приходи, Эйзенхауэр. Дайте сюда Трумэна!», называл работников тюрьмы «бериевцами».[199] Т., находясь в заключении и считая себя несправедливо осужденным, называл коммунистов кровопийцами и «булганинцами», добавляя, что когда к власти придет Маленков, он (Т.) повесит председателя Президиума Верховного Совета СССР.[200]

Сознание маргиналов, особенно пьяных маргиналов, могло интерпретировать реальность как миф и соединять несоединимое. Когда тридцатилетний К. (прежде судимый, нигде не работал), напившись пьяным, хулиганил, дрался, обещал избить председателя поселкового совета, он не только попутно ругал советское руководство, а заодно евреев, украинцев и грузин, но и «восхвалял врага народа Берия» (очевидно, за знаменитую амнистию), который, подчиняясь законам мифа, как бы уже и не был грузином.[201]

Иногда в пьяных выкриках «вынужденных уголовников», например, П. (шесть судимостей за прогулы и самовольное оставление производства во времена Сталина) устанавливалась «правильная» связь между вождями и их национальностью. Обиженный отказом солдата-грузина выпить с ним в буфете на вокзале в Красноярске П., чтобы усилить оскорбления, принялся ругать не просто грузин, но еще и Сталина — главного своего обидчика, тоже грузина, дурные свойства которого он как бы приписывал своему «оскорбителю», присовокупляя к нынешней обиде еще и все прошлые.[202]

Тема враждебных «других» — коммунистов, «начальников», представителей других национальностей и т. д., которые не дают жить «нам», которые ответственны за все зло этого мира, иногда отдавала отвратительным запахом кондового антисемитизма. Встречались среди уголовников и маргиналов (и не только среди них) совершенно патологические антисемиты, строившие свою «картину мира» на образе «зловредных евреев», а программу спасения видевшие в печально известном кличе дореволюционных погромщиков: «Бей жидов! Спасай Россию!». Именно эту фразу постоянно выкрикивал в пьяном виде опустившийся экспедитор З., участник войны, награжденный орденом, исключенный из ВКП(б) и судимый в 1945 году.[203] Такое «объяснение» он нашел своей личной жизненной драме.

«Хулиганская антисоветчина» (повышенно эмоциональная и спонтанно агрессивная) наиболее близка к интересующим нас «антисоветским выкрикам» во время массовых беспорядков. Люди, способные на более сложные, неспонтанные, не имевшие антисоциального характера «цивилизованные» формы протеста от написания анонимных трактатов и писем до создан и» подпольных кружков, групп и организаций, имели более рациональные мотивы, иную логику рассуждений, более организованное речевое поведение и в волнениях городских маргиналов не участвовали. А обычные городские обыватели (нормальные, более или менее довольные своей жизнью люди), даже если им и свойственно было мифологическое восприятие действительности, еще достаточно зависели в 1950-е гг. от коммунистической мифологии, действие которой многократно усиливалось тотальной пропагандистской обработкой. Для того, чтобы такие люди втянулись в волнения городских маргиналов и даже поддержали их против милиции, должна была произойти либо вопиющая политическая ошибка, либо очевидное злоупотребление властью. Сохранявшиеся среди населения СССР романтические мечты о светлом коммунистическом будущем и настоящем и создававшие психологическую основу стабильности режима, становились тогда мотивом агрессии, а поправная справедливость (действительно или мнимо — в данном случае значения не имело) превращала городских обывателей в пассивно сочувствующую либо даже активно действующую толпу, которую вели за собой маргиналы. В этом смысле, как это ни парадоксально, прагматический цинизм и деградация «коммунистической мечты» в 1970–1980-е гг. создавали гораздо меньше возможностей для вовлечения городских обывателей в беспорядки. Они приспособились к власти и ее несправедливостям, знали действительную цену ее мифам и совершенно не собирались рисковать собой ради легенды о «настоящем коммунизме».

Глава 3

«Целинный синдром». Массовые беспорядки молодых рабочих в Темиртау (1959 г.)

Социальный и полицейский кризис на целине и в районах нового строительства

В 1950-х гг. был продолжен начатый при Сталине процесс широкого и амбициозного промышленного строительства в неосвоенных и малонаселенных районах страны. Одновременно хрущевское руководство, испытывавшее значительные трудности с продовольственным снабжением городов и нуждавшееся в «быстром хлебе», приняло решение о форсированном освоении целинных и залежных земель (Алтайский край, Казахстан). Сохранив верность сталинским «стройкам коммунизма», по крайней мере, некоторым, дополнив их новыми проектами, к тому же надолго увязнув на целине, коммунистические лидеры столкнулись еще с исчерпанием прежних источников дешевой рабочей силы, распадом и кризисом сталинской системы принудительного труда.

После амнистии 1953 г. ГУЛАГ уменьшился вдвое. Начавшееся и набиравшее темпы освобождение политических узников обещало сокращение лагерного населения еще чуть ли не на треть. Бесконечная череда восстаний, бунтов и волынок заключенных, как политических, так и уголовных, не просто делала весь ГУЛАГ неработоспособным, она захлестнула именно «районы освоения» — «севера», Казахстан, Сибирь. Именно на севере и востоке страны советское руководство наиболее остро чувствовало давление политических и социальных факторов, оставленных в наследие сталинским режимом. Часть заключенных (при Сталине — весьма значительная) после освобождения оставалась в этих краях — либо отбывать ссылку, либо на постоянном жительстве в привычных местах. Помимо бывших заключенных в этих же районах концентрировались многочисленные спецпоселенцы: бывшие кулаки, которым юридические права были лишь частично возвращены в 1946 г., лица, служившие в немецких строевых формированиях, legionеры и полицейские, «члены семей украинских националистов», «члены семей литовских националистов», «члены семей активных немецких пособников и „фольксдойч“», люди, выселенные «по общественным приговорам за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведение антиобщественного, паразитического образа жизни» и т. д., народы, депортированные из Поволжья, Крыма и с Кавказа. В конце 1940 г. на учете органов МВД СССР состояло 2 307 410 выселенцев и спецпоселенцев (вместе с членами семей).[204] Для того, чтобы избавиться от старых социальных стрессов, просто вернуть людей в прежние места обитания, тем более найти эффективные формы замещения принудительного труда вольным, требовалось время. А его, как всегда, не хватало. Сотни тысяч людей, оторванных от привычного уклада

жизни, двигались по стране навстречу друг другу, перемешиваясь в целинных и новостроечных районах.

Напряженность ситуации усугублялась быстрой урбанизацией страны (на рубеже 1950–1960-х гг. численность городского населения впервые превысила число жителей села), массовыми миграционными потоками молодежи, вырванной из привычной среды обитания и вышедшей из-под обычного контроля семьи и локальных сообществ. Часть молодежи попала в места нового строительства по комсомольским путевкам, была преисполнена энтузиазма и слабо представляла себе масштаб будущих бытовых трудностей и испытаний. Другие прибывали по оргнабору и после демобилизации из армии. Всех ждала неустроенная жизнь, часто начинавшаяся практически на пустом месте, палаточные городки, которые романтично выглядели только в пропагандистских публикациях газет и возвышенных фильмах, перебои в снабжении продовольствием, иногда нехватка простой питьевой воды, необычные для нормальных ситуаций половые пропорции во вновь возникавших сообществах (преимущественно мужской состав) и т. п.

Затронутые массовой маргинализацией (утрата прошлого социального статуса и неопределенность нынешнего) эти группы целинников и молодых строителей в принципе были сравнительно устойчивы против различных криминальных влияний, находились под контролем партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. Однако под воздействием длительных неурядиц, связанных в их глазах уже не с неизбежными для новых строительства объективными трудностями, а с субъективной деятельностью «начальства», бюрократов и т. д., нередко и с должностными злоупотреблениями, эти молодежные группы могли стать агрессивной и неуправляемой толпой, восстанавливающей нарушенную, по ее мнению, социальную справедливость с помощью криминальных и полукриминальных коллективных действий.

Неудовлетворенность ситуацией могла быть реализована как во внутренних конфликтах, разлагающе действующих на сообщество, так и в межгрупповых столкновениях, в которые выплескивалась накопившаяся агрессивность. В ряде случаев по пытки властей вмешаться и навести порядок в ходе подобных межгрупповых столкновений и драк направляли острие атаки непосредственно на представителей власти, прежде всего на милицию. Еще менее управляемы были временные коллективы, попадавшие на целину или на новостройки по мобилизации через военкоматы, по направлениям фабрик и заводов (обычно на уборку урожая), команды военнослужащих, использовавшиеся на сельскохозяйственных и строительных работах, а также группы взрослых рабочих, завербованных для работы в неосвоенных районах по так называемому организованному набору рабочей силы (оргнабору) — среди них можно было встретить людей с криминальным прошлым или просто с неустроенной судьбой.

Весь этот огромный поток людей, вырванных из привычного социума, вливался в неустойчивые сообщества с ослабленными коллективными связями и отношениями, неэффективными регуляторами индивидуального и группового поведения (общественное мнение, моральные санкции и т. п.). Слабость обычных форм социального регулирования и/или административного контроля в ряде случаев компенсировалась элементами стихийной самоорганизации, созданием группировок, защищавших своих членов от агрессивных действий «чужих» и требовавших взамен подчинения слабых сильным, и всех вместе — принципу круговой поруки.

Такие стихийно возникавшие группы легко уходили из-под контроля государственных и общественных институтов, а нередко еще и полностью выпадали из-под воздействия официальной пропаганды. Обещанная романтика покорения целины и строительства новых городов резко отличалась от того, что реально можно было видеть в неосвоенных районах. В принципе умный «начальник» или партийный руководитель сравнительно легко мог справиться с проявлениями недовольства и всплесками групповой агрессивности, проявляя заботу об организации труда и снабжения, о развлечениях, а также контролируя снабжение новостройки алкоголем. Однако повышенная чувствительность временных коллективов к любым внешним воздействиям и раздражителям постоянно держала их на грани срыва, в преддверии стихийных форм протеста. Новостроечная лихорадка 1950-х гг., кампания освоения целинных и залежных земель наносили удар за ударом и по привычному укладу жизни местного населения, постоянно создавая дополнительные зоны напряженности — между местными и пришлыми, своими и чужими. В этих условиях любой индивидуальный конфликт мог включить механизм круговой поруки и вылиться в коллективную драку или массовые беспорядки.

Конфликтная ситуация на новостройках и целине, постоянно чреватая криминализацией группового поведения (массовое хулиганство, групповые драки, волнения и беспорядки), усугублялась тем, что Министерство внутренних дел СССР в принципе не успевало за процессом массового перемещения населения на Восток. Ему явно не хватало сил для обеспечения общественного порядка и выполнения рутинных полицейских функций в новых районах. Что же касается подчиненных МВД СССР внутренних войск оперативного назначения, прямой задачей которых была ликвидация волнений среди населения, то их

численность с 1953 по 1956 г. сократилась более чем в три раза. Причем в начальный период освоения целинных земель и широкого индустриального строительства (особенно в 1954–1959 гг.) в зоне повышенной конфликтности (прежде всего в Казахстане, на Южном Урале и в Сибири) вообще не было оперативных войск МВД, как не было их и в большинстве городов Центральной России.

К счастью для власти, плохие пути сообщения, географическая удаленность и изолированность не позволяли волнениям перекинуться на сколько-нибудь обширные территории даже в самом Казахстане. Большинство локальных межгрупповых конфликтов прекращалось еще до серьезного вмешательства милиции — сразу после «первой крови». Однако при определенных условиях отсутствие дополнительных полицейских сил в зоне риска способствовало стремительному перерастанию конфликтов в массовые беспорядки, кровавые бунты, погромы и т. д. Не успевая погасить вспыхнувший конфликт в момент его зарождения, власти нередко сталкивались уже с массовыми и обостренными формами противостояния, способными спровоцировать выдвижение антиправительственных лозунгов, а значит, приобрести статус особо опасного государственного преступления.

В бурлящем котле целинных и новостроечных противоречий и страстей вырабатывались стихийные формы самоорганизации, появлялись доморощенные альтернативные лидеры, население демонстрировало власти свое недовольство, а иногда и формулировало претензии. Чем разрушительней были последствия подобных событий, тем быстрее доходил до властей сигнал обратной связи, заставляя «принимать меры» и «исправлять положение», обычно в сочетании с жестокими репрессиями по отношению к «зачинщикам» беспорядков.

Самая обычная форма разрешения межгруппового конфликта в районах Казахстана и Сибири (а также других новостроечных территорий) — коллективная драка. В принципе в этом случае мы имеем дело с вульгарным групповым хулиганством — заурядным уголовным деянием. Однако важная черта подобных конфликтов — наличие элементов самоорганизации (групповая иерархия, стихийно выдвинувшиеся вожаки, круговая порука, противопоставление «чужим»), так же как и повышенная предрасположенность к насильственным действиям — позволяет говорить о накоплении специфического опыта конфликтного противостояния, активизации традиционных форм асоциального поведения. Все это можно считать важной, а скорее всего, обязательной предпосылкой возникновения массовых беспорядков, активные участники которых не просто легко склонялись к насильственным действиям — они как бы «знали» и «помнили», как надо действовать в подобных ситуациях, чувствовали себя внутренне свободными от обычных моральных обязательств, ограничивающих агрессивность законопослушных и не имеющих криминального опыта людей. Конфликт мог отключить «социальные тормоза» даже у лояльных обывателей, но начинали насильственные действия, выкрикивали призывы и руководили толпой те, у кого эти «тормоза» уже «отключались» раньше, кто уже имел опыт неконтролируемых асоциальных действий, кто уже «выпадал» из социума. А таких людей в новостроечных и целинных районах было слишком много.

Первые «новостроечные» конфликты после смерти Сталина

Сразу после начала кампаний по вербовке молодежи на освоение целинных и залежных земель и в районы нового индустриального строительства на Востоке в ЦК КПСС пошла информация о повышенной конфликтности новоселов и их стычках с местным населением. Весной 1954 г. в совхоз «Казцик» Шостандинского района Акмолинской области Казахской ССР прибыло около 500 комсомольцев из Москвы. В первый же выходной день в клубе совхоза возникла драка между тремя местными рабочими и группой московских комсомольцев. И те, и другие были пьяны. Один из участников драки получил ножевое ранение и впоследствии умер.

Сообщение об этих событиях поступило в ЦК КПСС, минуя обычные каналы МВД. В ЦК КПСС дали команду «разобраться» в происшедшем. Как обычно бывает в подобных случаях, запрос ЦК вызвал бурю бюрократической активности. Для поддержания общественного порядка в районах сосредоточения приезжающих на целину людей МВД СССР начало создание постоянных милицеских подразделений. В те же районы были командированы ответственные работники главного управления милиции МВД СССР.[205]

Эффект от потраченных на стабилизацию обстановки сил и средств последовал далеко не сразу. Кроме того, плохо поддавались полицейскому контролю массовые перемещения по транспортным артериям страны новоселов, а также мобилизованных на уборочные работы на целине. Фактически, каждый шедший на восток эшелон был потенциально конфликтен, а некоторые представляли собой двигавшуюся по железной дороге пьяную орду, растворившись в которой, анонимный индивидуум легко терял чувство личной ответственности,

способность к критической самооценке и самоконтролю.

15 августа 1954 г. на станцию Купино Омской железной дороги прибыл грузовой поезд с автомашинами и шоферами, ехавшими в Алтайский край на вывоз зерна. Водители всю дорогу пьянствовали. В Купино они стали приставать к окружающим, распевать матерные песни, напали на пассажиров проходившего мимо поезда. Затем направились в городской сад и устроили там драку с местной молодежью. Несколько человек избили, двоих тяжело ранили ножом. Потом ворвались в контору железнодорожной станции и устроили там дебош. На какое-то время работа железнодорожников была дезорганизована. Четверо сотрудников милиции попытались навести порядок, но встретили сопротивление и начали стрелять. Один из хулиганов был убит, другой ранен в руку. Остальные в испуге разбежались.[206]

После событий 1954 г. на целине наступило некоторое затишье. Однако невозможность организовать уборку целинных урожаев местными силами и потребность в сезонных перебросках значительного количества привлеченной рабочей силы из других районов СССР (студенты вузов и техникумов, военнослужащие, мобилизованные на уборку рабочие и служащие) превратили уборочные работы (с августа и до конца осени) в постоянную головную боль работников правоохранительных органов, высших и местных партийных инстанций. В середине 1955 г. МВД СССР (по поручению ЦК КПСС) пришлось принимать меры по наведению порядка в совхозе «Пятигорский» Акмолинской области Казахской ССР (хулиганство на почве пьянства, прогулов и бытовой неустroенности).[207] В августе 1956 г. министерство специально отчитывалось перед ЦК КПСС о расследовании и привлечении к уголовной ответственности участников групповых драк между местными жителями и лицами, прибывшими из различных районов страны на уборку урожая в Казахстан.[208]

Столкновения на железных дорогах

Частью коллективного опыта насильственных действий, использованного впоследствии населением в крупных городских бунтах и волнениях, стали участвовавшие в 1956–1958 гг. погромы на железнодорожных станциях. В них, как правило, участвовали две конфликтные группы — либо новобранцы Советской армии, направлявшиеся к месту постоянной службы, либо мобилизованные на уборку урожая в том же Казахстане или Узбекистане (сбор хлопка) рабочие и учащиеся.

В июле 1956 г. на станции Оренбург возникли массовые волнения молодых рабочих, ехавших на уборку урожая в Кустанайскую область из Армении. Поводом к беспорядкам стало то, что непосредственно на станции не была организована торговля продуктами. 1700 человек рабочих разбрелись по городу. Сопровождавшие поезд представитель ЦК КП Армении, второй секретарь ЦК комсомола Армении и оперативная группа управления милиции МВД Армянской ССР не сумели остановить разрастание конфликта. Некоторые из рабочих стали хулиганить, приставать к женщинам, работникам железнодорожной дороги, учинили драку между собой. Милиция задержала одного хулигана. В ответ на это большая толпа рабочих из эшелона окружила здание линейного пункта милиции и потребовала освобождения задержанного. Милиция проявила завидное здравомыслие и пошла на компромисс. Задержанный был отпущен «в целях недопущения дальнейших эксцессов». Но беспорядки на этом не прекратились. И только через 16 часов после начала волнений эшелон с молодыми рабочими был, наконец, отправлен из Оренбурга.[209]

Еще больший размах приобрели волнения учащихся техникумов и ремесленных училищ, возвращавшихся с уборки хлопка в совхозах Узбекской и Казахской ССР (два эпизода в ноябре — декабре 1957 г.). Поводом для волнений стало то, что власти не побеспокоились о выдаче молодым людям продовольствия или денег на дорогу. Голодная толпа во время остановок устраивала погромы и грабежи, отбирала продукты у торговцев на привокзальных рынках, грабила продовольственные ларьки, буфеты и магазины.[210] При этом молодежь оказывала сопротивление работникам милиции, а на одной из станций избила двух милиционеров.

1958 год: Обострение «целинного синдрома»

1958 г. не просто принес новые известия о привычных уже конфликтах. Появились явные признаки того, что ситуация в некоторых районах становится взрывоопасной, а некоторые новостроечные городки не только не контролируются местными властями, но фактически захвачены хулиганами. 17 июня в ЦК КПСС поступило письмо секретаря партийной организации Кишиневского строительного училища № 1 Пелагеи Рыбальченко на

имя Хрущева, рассказавшей о многочисленных случаях хулиганского террора на строительстве в поселке Сарань Карагандинской области. Обращение Рыбальченко к первому лицу в государстве почти автоматически обеспечивало особое внимание всех органов власти (как государственных, так и партийных). К тому же автор письма затронула самую чувствительную для коммунистических правителей струну, намекнула, что вульгарное хулиганство на новостройке сопровождается «антисоветчиной» («обливали грязью отдельных членов ЦК партии и правительства»).

На этот раз требование навести порядок на стройке возымело действие. На место событий отправились комиссия Карагандинского обкома КП Казахстана, представители прокуратуры СССР и главного управления милиции МВД СССР. В результате расследования выявилась вполне неприглядная и то же время достаточно типичная картина разложения новостроечного сообщества при полном бездействии местных начальников. Как сообщал в ЦК КПСС 14 июля 1958 г. Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко, строительство было охвачено волной практически безнаказанного хулиганства,[211] всплески которого приходились на дни выплат заработной платы и прибытия новичков. По мнению Руденко, ситуация усугублялась пассивностью милиции, сил которой при нормальной организации работы было достаточно для того, чтобы контролировать ситуацию.[212]

В результате работы комиссии руководители строительства получили партийные взыскания, на отдельных преступников были заведены уголовные дела, на стройку был дополнительно направлен оперативный работник милиции. Факты «антисоветских высказываний» сараньских хулиганов то ли не подтвердились, то ли комиссия предпочла это дело замять. Но как бы то ни было, событие в поселке строителей города Сарань было воспринято властями и в Москве, и в Казахстане лишь как Чрезвычайное происшествие, но отнюдь не проявление опасной социальной болезни — криминализации целых новостроечных и целинных сообществ на фоне вакуума власти и самоустранения части хозяйственных руководителей от решения насущных социальных проблем. То, что из Москвы казалось единичным, хотя и вопиющим фактом, в действительности было симптомом начинавшейся волны массовых «новостроечных» хулиганских выступлений и волнений.

11 июля 1958 г. МВД СССР информировало ЦК КПСС о массовых драках в г. Кривом Роге (Украинская ССР) между группами рабочей молодежи Южно-обогатительного комбината и комсомольского городка. События продолжались два дня. 2 июля в драке между соперничавшими молодежными группировками принимало участие около 100 человек. Пострадало двое рабочих и участковый уполномоченный милиции, пытавшийся во главе наряда из 6 человек остановить хулиганские действия молодежи. На следующий день драка вспыхнула вновь — пострадало 4 человека. 9 активных участников были задержаны милицией.[213]

В начале сентября 1958 г. в ЦК КПСС и Совет Министров СССР поступило сообщение о предотвращении органами милиции крупной драки в г. Тайга (Кемеровская область). Повод для массового хулиганства был тот же — неприязненные отношения между двумя группами молодежи (местными и приезжими строителями). Всего с обеих сторон готовилось принять участие в драке до 400 человек. Чтобы предотвратить побоище, работники милиции произвели до 60 предупредительных выстрелов в воздух. Убитых и раненых на этот раз не было. Хулиганы благоразумно воздержались от схватки с милицией.[214] После событий, по заведенному ритуалу, на место выехали работники Кемеровского обкома КПСС и оперативная группа УВД Кемеровской области — «для производства расследования и проведения профилактической работы».[215]

В конце сентября 1958 г. на уборке урожая в Комсомольском районе Сталинградской области произошло очередное столкновение (и вновь на почве «неприязненных отношений») между приезжими из города (Сталинград) и местными жителями. Группа приезжих молодых людей в количестве 80 человек организовала настоящий налет на клуб соседнего совхоза — выбила окна, ворвалась в помещение, стала избивать находившихся в нем посетителей. Пострадало 8 человек, двое получили тяжелые телесные повреждения.[216]

В октябре 1958 г. столкновение между двумя группами приехавших на уборку урожая молодых людей закончилось убийством. Начало событиям положила драка между двумя парнями из-за девушки. Обиженный собрал 12 человек и отправился чинить суд и расправу. Ночью 16 октября 1958 г. учащиеся школы механизации подошли к барaku, в котором жили рабочие Барнаульского завода, облили его соляркой и подожгли. Выбегавших из горящего барака рабочих хулиганы избивали палками. Один рабочий был убит, трое получили тяжкие телесные повреждения.[217]

Вмешательство властей в коллективные драки и столкновения 1958 г. в районах новостроек и проведения сельскохозяйственных работ с участием привлеченной из городов рабочей силы отличалось важной особенностью. Милиция все чаще шла на применение огнестрельного оружия при ликвидации конфликта. Так было в г. Тайга Кемеровской области. Оружие применялось и при ликвидации драки между пьяными шофёрами, прибывшими из Кустанайской области, и населением села Астраханка, Новочеркасского района,

Факты применения огнестрельного оружия работниками милиции против участников в общем-то заурядных, хотя и приобретавших все больший размах групповых конфликтов были событием неординарным. Они указывали на растущую агрессивность неформальных молодежных сообществ, когда хулиганов уже не останавливала сама по себе угроза применения силы, а страх перед властью вытеснялся готовностью оказывать сопротивление. Участники новостроечных и целинных конфликтов обнаруживали склонность переходить от пассивного сопротивления властям к нападениям на подвернувшихся под горячую руку работников милиции.

В 1959 г. целина вновь напомнила о себе. Летом МВД СССР вынуждено было информировать ЦК КПСС об участившихся случаях групповых изнасилований и драк в ряде областей Казахской ССР.[219] Однако дела обстояли значительно хуже, чем это казалось руководителям МВД СССР. Конфликтная ситуация в отдельных целинных районах достигла апогея, а массовое недовольство уже не ограничивалось групповыми драками и заурядными хулиганскими действиями. Отличительной особенностью целинных и новостроечных конфликтов 1954–1958 гг. было то, что «народ безмолвствовал», либо поддерживал усилия властей по наведению порядка. Хулиганские группировки и стихийно возникавшие полукриминальные сообщества противостояли не только власти, но и населению. Конфликты на целине и в районах новостроек обычно разворачивались между «местными» и «пришельцами», либо между различными новостроечными группировками. Для населения милиция была, прежде всего, защитником, противостоящим враждебному нашествию «чужих». Да и хулиганские группировки долгое время проявляли относительную лояльность к властям, атакуя их, скорее, как досадное препятствие на пути стихийной агрессии.

Кульминация новостроечных беспорядков — события в Темиртау в 1959 г. — в этом отношении отличалась от всех рассмотренных выше случаев, хотя сценарий событий, приемы и методы действия толпы, способы самоорганизации в целом остались прежними. Каждый отдельный эпизод массовых беспорядков в Темиртау, так же как и последовательность событий, имеют аналогии в конфликтах предшествующих лет и с этой точки зрения не представляют ничего нового и оригинального. Но в этих беспорядках местные «начальники» стали объектом прямой и непосредственной агрессии, а в насильственные действия была вовлечена не отдельная конфликтная группа, а население целого поселка. Опыт конфликтных действий был прежним, сфера приложения этого опыта — принципиально иной.

Конфликт рабочих с властями в Темиртау

Предыстория волнений. В мае — июле 1959 г. на строительство Карагандинского металлургического завода из различных областей и республик страны прибыло большое количество молодежи, преимущественно в возрасте 17–20 лет. Руководство строительства не было готово к массовому приему рабочей силы. 2000 приезжих были размещены в брезентовых палатках так называемого палаточного городка. Причем в общих палатках вместе с молодежью оказались еще и семейные рабочие. Многие палатки были порваны и в дождливую погоду протекали. В них не доставало элементарного — стульев, столов, тумбочек для личных вещей. Воды не хватало даже для питья, не говоря уже об умывании. Иногда жители городка не могли умыться в течение 3–5 дней. Белье молодые рабочие стирали около бачка с питьевой водой, сушить его было негде, часто люди были вынуждены надевать мокрую одежду. Постельное белье не менялось порой в течение 20 дней. Плохо работало освещение, не было радио, газеты поступали нерегулярно. Были случаи, когда люди в пище находили червей, ели тухлое мясо, испорченные продукты. Фронт работ к приезду молодежи подготовлен не был. Многие по две-три недели вообще не приступали к работе. Соответственно, и заработная плата была ниже прожиточного минимума. На почве безделья и неустроенной жизни начались пьянство, картежная игра, драки. О двух наиболее крупных драках (100 и 200 участников) МВД СССР накануне событий информировало ЦК КПСС.

Местное начальство не только не хотело или не умело улучшить положение дел на производстве и в быту, но отказывалось даже выслушивать претензии. Обычно жалобщиков грубо выгоняли из кабинетов, а у некоторых руководителей в приемных рядом с обычными секретаршами сидели еще и дружинники, которые просто не пускали рабочих на прием.[220] Фактически в Темиртау была полностью отключена необходимая для поддержания стабильности и жизнеспособности советского бюрократического государства система обратной связи с населением — отсутствие реакции «начальства» на жалобу закрывало для людей последнюю легальную возможность изменить положение к лучшему.

Криминализация палаточного городка быстро набирала темпы. Разлагался не только коллектив молодых строителей, но и местные власти. В отделе рабочего снабжения треста «Казметаллургстрой» обычным делом были растраты и хищения. В первом полугодии 1959 г. было растрчено и похищено в два раза больше чем за весь 1958 г.[221] В 1958 г. было направлено в суды 5 дел на 5 человек за злоупотребление служебным положением, в то время как в 1957 г. таких дел вообще не было.[222] Рабочих особенно будоражили факты избиения граждан работниками милиции.[223]

Конфликтная ситуация в Темиртау не просто отличалась высокой напряженностью. Ее важной особенностью было наличие такого «катализатора» массовых беспорядков, как группа проживавшей в палаточном городке неработающей молодежи, приехавшей на строительство из мест заключения после отбытия наказания. Они не просто устраивали пьянки и хулиганили, но и терроризировали молодых добровольцев-энтузиастов, обыгрывали их в карты, воровали личные вещи и т. п. А главное, они сумели взять под контроль поведение части молодых рабочих, навязать остальным стандарты подчинения неформальной групповой иерархии и законам круговой поруки. Кроме того, они имели личный опыт столкновений с властями, серьезные причины ненавидеть работников милиции и жаждали своего рода социального реванша. В их лице доведенная до бешенства бессмысленными трудностями, бытовыми испытаниями и издевательствами «начальников» молодежь Темиртау получила готовых руководителей и вожakov — агрессивных, бесстрашных и уже привыкших подчинять себе разложившееся новостроечное сообщество. В этой ситуации массовые волнения могли вспыхнуть в любую минуту и по любому самому незначительному поводу. И повод действительно выглядит совершенно пустяковым на фоне того, с чем молодежь сталкивалась на строительстве каждый день. Вечером 1 августа, вернувшись с работы, рабочие первого палаточного городка не обнаружили воды для умывания и питья.

Ночь с 1 на 2 августа: начало беспорядков.

Воды не было уже не в первый раз. Раздраженная толпа молодых рабочих, преисполненная сознанием собственной правоты и гневом на «начальство», около 10–11 часов вечера разбила замки и стала распивать квас из находившейся у столовой автоцистерны. Некоторые разбудили уже спавших друзей и пригласили их присоединиться к «коллективу». Возникла давка и неразбериха. Судя по тому, что, у бочки с квасом вспыхнула драка, молодых людей действительно мучила жажда. Остатки кваса вылили на землю. Когда на месте событий появилась большая группа рабочих из первого и второго палаточных городков, питья им уже не досталось. Неудивительно, что взоры толпы, в конце концов, обратились к столовой. Участники беспорядков избили сторожа, взломали оконные решетки и стенные деревянные перегородки в столовой, забрали из буфетов все содержимое, а остатки разбросали по залу.

Пока одни участники беспорядков удовлетворяли жажду и занимались заурядным мелким хулиганством, в действие вступили полууголовные элементы. Они попытались использовать конфликтную ситуацию в сугубо корыстных целях. Под шумок кто-то разгромил галантерейный киоск и попытался проникнуть в посудохозяйственный магазин, где питья заведомо быть не могло. В это же время в толпе обнаружилось присутствие «подстрекателей». Раздался провокационный призыв поджечь столовую (очевидно, чтобы замести следы преступления). Однако толпа последовала этому призыву не сразу. Столовая была сожжена и полностью разрушена позднее.

В большинстве своем не только рядовые, но даже и некоторые активные участники беспорядков явно не стремились к эскалации насилия и не преследовали никаких корыстных целей. Разбитая бочка с квасом, разгромленная столовая, взятые в ларьке кефир и лимонад были для них естественным восстановлением попранной справедливости, возвращением гармонии в их социальный микромир. Символическое преодоление «неправды» действовало на многих участников беспорядков успокаивающе. Хотя агрессивность обезличенной толпы постоянно нарастала, поведение каждого участника беспорядков в отдельности совсем не имело такой же одновекторной динамики. Многие молодые люди то «включались» в волнения на короткий отрезок времени, то «выпадали» из них. Они то становились частью агрессивной толпы, то вновь приобретали автономное от нее существование — шли спать или на танцы, уходили купаться или даже смотреть кино. Другими словами, параллельно с разворачивавшимся бунтом шла обычная жизнь выходного дня. Поэтому то, что в докладных записках МВД в ЦК КПСС выглядело как непрерывная череда агрессивных действий, для многих возмутителей спокойствия было отдельными и малозначительными эпизодами: Позвали пить квас, помог перевернуть бочку, потом ушел спать, потом позвали опять, «пошел и я... без цели» и т. п. [224]

Около трех часов на месте происшествия появились более значительные силы милиции (до этого было только пять человек, с которыми, однако, серьезного конфликта у толпы не возникало, поскольку милиционеры держали себя благоразумно-пассивно) и стали разгонять толпу. Она была явно не готова к

прямому столкновению с властями и отреагировала на активность милиции вполне адекватно — люди просто разбежались. На этом этапе у толпы еще явно не было вожаков и стихийных лидеров, не очень ощущалось и влияние «подстрекателей» и мелких уголовников, готовых ловить рыбу в мутной волне погрома. (Как показало следствие, в это время будущего «вождя» погромщиков еще вообще не было на месте событий).

Первый эпизод событий в Темиртау — обычное и привычное «целинно-новостроечное» хулиганство, спровоцированное глупостью и нераспорядительностью руководителей стройки, могло бы просто сойти на нет. Небольшой погром, учиненный в знак социального реванша над «начальством», способен был на какое-то время восстановить «гармонию мира». Подавляющее большинство участников волнений — вполне лояльных молодых людей, попавших в неблагоприятные и непривычные условия палаточного городка, просто потеряли стимул продолжать агрессию. Однако милиция, воодушевленная покорностью толпы и преисполненная служебного рвения — желая предъявить «виновников», задержала двух случайно оказавшихся на месте происшествия парней. Следствие так и не установило за ними какой-либо особой вины.

Возможная реакция молодых рабочих Темиртау на задержание двух товарищей по беспорядкам была вполне предсказуемой. Часто в таких ситуациях участники волнений демонстрируют групповую солидарность и пытаются освободить задержанных. Так случилось и на этот раз. Одновременно в ход событий вмешалось новое действующее лицо — активное «ядро», группа людей, взявших на себя роль «двигателя» беспорядков. С этого момента именно их действия и поведение все больше определяют физиономию событий.

Утро 2 августа. Нападение на милицию. Приезд начальства.

После разгрома столовой и появления дополнительных сил милиции толпа постепенно рассеялась. Многие отправились спать. Однако, по показаниям свидетелей, приблизительно через полтора-два часа они были разбужены криками. Кто-то снова созывал толпу — идти освобождать двоих задержанных товарищей. Произошло это около 5-6 часов утра 2 августа. Судя по всему, действия толпы и ее «решение» о нападении на милицию не сопровождались каким-либо подобием стихийного митинга. Беспорядки в этот момент направляла авторитарная вода активного «ядра» участников. Цель и направление дальнейших действий определили выкрики и призывы, сформулированные этими немногими активистами. Остальные (по разным сообщениям, численность участников колебалась от 500 до полутора тысяч человек), на первый взгляд, весьма безвольно подчинились этим призывам, отвечавшим возникшему у них ощущению несправедливости происходящего.

Однако пассивность толпы отличалась одним важным свойством. Толпа как бы «выбирала» наиболее приемлемый для себя «лозунг дня». Дело в том, что одновременно с криками об освобождении задержанных раздавались и другие, чисто уголовные призывы: идти в промтоварный магазин — грабить.[225] (Косвенно это свидетельствует о стихийном расколе руководящего «ядра» на «уголовников» и «романтиков» и о разнообразии мотивов асоциального поведения участников волнений). Поставленная перед выбором толпа «проголосовала ногами». Она двинулась «восстанавливать справедливость», а не грабить. Только небольшая часть участников откололась от основной массы и все-таки разграбила промтоварный ларек. Остальные «волновались» бескорыстно.

Вновь возникшая толпа, уже обогащенная прошлым опытом, двинулась к городскому отделу милиции — освобождать задержанных товарищей. Значительные силы милиции (милицейский взвод и часть сотрудников городского отдела) в это время были сосредоточены в другом месте — у столовой. Здание горотдела осталось без серьезной охраны. Для начала толпа дала выход накопившейся негативной энергии: перевернула, а затем разбила дежурную милицмейскую автомашину ГАЗ-69, забросала здание горотдела камнями и палками. Не встретив отпора, участники беспорядков стали действовать смелее. Они ворвались в помещение горотдела, оборвали телефонные провода в дежурной комнате и разбились пишущую машинку.[226]

В конце концов, оказавшийся на улице милиционер Н. А. Карпич легко успокоил толпу, сказав, что задержанных уже увезли. Участники волнений еще не обладали достаточной инерцией агрессивности. Провокационные призывы «громить милицию» не сработали, толпа была еще «коммуникабельна» и отчасти управляема. Она пошла на мирный диалог с работником милиции, не выступая против него как против олицетворения враждебной «народу» силы.

Около восьми часов утра на место событий прибыли солдаты. Работники милиции выставили охрану у столовой и промтоварного ларька. Примерно тогда же в палаточный городок прибыли управляющий трестом «Казметаллургстрой» и секретарь горкома КП Казахстана. Они провели собрание рабочих и выслушали претензии. Возник легальный канал для выражения недовольства. В принципе это могло положить конец беспорядкам. Начальство, как положено, обещало «разобраться» и «принять меры». Утомленная ночными

приключениями молодежь стала расходиться по палаткам. Некоторые пошли на озеро купаться — было воскресное утро. Успокоились и представители власти, полагая, что конфликт исчерпан.

Вечер 2 августа. «Бледно-розовая» питьевая вода.

После обеда беспорядки вспыхнули вновь. Люди отдохнули после ночных событий. Одни выпались в палатках, другие вернулись с купания. Именно в это время (около трех часов дня) в городок привезли цистерну питьевой воды. Оказалось, что она имеет необычную бледно-розовую окраску (возможно, в воду для дезинфекции добавили слабый раствор марганцовки)! Свидетели происшествия подняли шум, снова стала собираться толпа.

«Зачинщики» на этот раз сразу же обнаружили повышенную агрессивность. Один из них, вооружившись прутот от кровати, выбежал на улицу, крикнув соседям по палатке: «Ребята, выходите на улицу». Толпа в целом поначалу склонялась к компромиссу. Кое-кто вступил в довольно мирную дискуссию с лейтенантом милиции, оказавшимся на месте событий. Снова возникла тема освобождения задержанных товарищей, так и не отпущенных на свободу. После того, как лейтенант уехал, кто-то вспомнил о причине шума, перевернул бак с водой и закричал: «Смотрите, чем поят!». Бак погрузили на машину и повезли в больницу, чтобы провести экспертизу. Побежали за врачом. Врача на месте не было. Бак сбросили у больницы и направились к зданию милиции — освобождать задержанных.

В это время часть «активистов», не находя немедленного выхода вновь вспыхнувшим отрицательным эмоциям, останавливала проходившие по улице машины. Одну из них поставили поперек дороги и перекрыли движение. Толпа снова начала расти, раздались агрессивные выкрики и призывы. Не дождавшись ни врача, ни тех, кто отправился его разыскивать, люди, возглавляемые стихийно выдвинувшимися лидерами, двинулись к милиции. В конце концов, там собралось около тысячи человек. О подозрительной воде уже забыли, вновь требовали освобождения товарищей.

Здание милиции на этот раз охраняли солдаты — около 30 человек. Сначала первые ряды остановились, испуганные видом оружия. Но кто-то выбежал вперед и закричал, что в народ стрелять не посмеют. Задние ряды стали теснить передних. Толпа вплотную подошла к солдатам. Раздались выстрелы. Сначала люди бросились бежать прочь от опасного места. Но кто-то крикнул, что стреляют холостыми патронами. Все повернули назад и напали на солдат с камнями. Охрана отступила в здание милиции. Бунтовщики ворвались на первый этаж, выбили стекла в окнах, разбили два телефонных аппарата.

У крыльца возник короткий стихийный митинг, который выявил прежние противоречия между «уголовниками» и «романтиками». Выступали двое. Судя по невнятным показаниям свидетелей, один опять призывал освободить задержанных, другой — еще и ограбить универмаг. Краткая внутренняя дискуссия завершилась тем, что толпа выбрала трех «парламентеров» для переговоров с милицией. Охрана пропустила их на второй этаж.

Руководство «представителями» взял на себя некто Манышин. Он в ультимативной форме потребовал освободить задержанных к 23 часам 2 августа. В случае невыполнения этого требования он угрожал полностью разгромить здание городского отдела милиции. Сначала требования были отклонены как противоправные. Тогда «парламентеры» вышли на улицу и сообщили об этом остальным. Вопрос об освобождении задержанных поставили «на голосование», и участники беспорядков решили настаивать на своих требованиях. После этого все тот же Манышин вторично вошел в помещение милиции и стал настаивать на выполнении ультиматума. В конце концов, работники милиции пообещали привезти ребят к 11–12 часам ночи. (Замечу в скобках, что это требование было выполнено).

Обещание освободить задержанных успокоило далеко не всех. Атака на здание милиции продолжалась еще какое-то время. Кто-то, обнаружив похвальное здравомыслие, влез на подоконник и призвал прекратить бросать камни. Из милиции вместе с солдатами вышел уже известный нам милиционер (Карпич) и стал увещевать оставшуюся толпу. Вероятно в это же время (возможно, раньше) один из «активистов» вызвался привезти на грузовике взрывчатку и подорвать здание.

В конце концов, часть участников беспорядков начала расходиться, натиск ослабел. Но те, кто остался на месте событий — наиболее активные и агрессивные, — последовали новому призыву. Разнесся слух, что вся милиция находится в палаточном городке. Люди бросились туда — продолжать погром. Более лояльные пошли в том же направлении. Некоторые из них, вероятно, хотели успеть посмотреть детский кинофильм «Судьба барабанщика», который в это время показывали в клубе.

По дороге к палаткам часть толпы остановилась около городского универмага. Здесь снова возник стихийный митинг, разрешившийся новым конфликтом между «уголовниками» и «романтиками». Некто «в черной кепке» призвал к ограблению универмага, другой — к новому нападению на милицию для немедленного освобождения задержанных. Некоторые говорили, что надо вернуться в палатки и ждать там, так как работники милиции обещали привезти ребят к 11–12 часам. Дискуссия разворачивалась достаточно остро и даже сопровождалась взаимными обвинениями. Одного из «умеренных» обвинили в том, что он сам сотрудник милиции. Оскорбленный «бунтовщик» поспешил заявить, что он всю жизнь ненавидел сотрудников милиции.

Руководящее «ядро» окончательно раскололось. «Умеренные романтики» (кто именно — неизвестно, поскольку эти люди и их действия оказались в тени дальнейших кровавых событий) ждали освобождения товарищей, «агрессивные романтики» попытались организовать продолжение волнений, а «уголовники» в конце-концов добились своего и во второй половине следующего дня спровоцировали разгром и грабеж универмага. Они растворились в толпе и действовали исподтишка. Судя по всему, никто из действительных организаторов погрома универмага не попал в поле зрения следствия. Отдуться за все пришлось либо случайным людям, либо «агрессивным романтикам», которые постоянно были на виду.

Ночь на 3 августа. Сражение за универмаг.

В 12-м часу ночи большая толпа окружила и разгромила здание треста, а потом совершила налет на универмаг. По всей вероятности, теперь инициатива перешла к «уголовникам». Состоявшееся освобождение задержанных товарищей свело на нет мотив восстановления справедливости в действиях толпы. Отныне она руководствовалась либо стремлением к социальному реваншу (среди участников беспорядков было достаточно много людей с криминальным прошлым, желавших свести счеты с представителями милиции), либо прямой корыстью.

Часть людей отправилась в городок и, убедившись, что арестованных освободили, осталась там. Вскоре со стороны магазина прибежали люди, крича, что дружинники идут от магазина к городку. Дружинников дважды забросали камнями и заставили повернуть назад. После этого произошел новый раскол.

Из толпы, стоявшей ближе к магазину, полетели камни. Затем начался грабеж. При попытке солдат очистить здание универмага завязался настоящий бой. Среди защитников здания звучали призывы к расправе с военнослужащими. Кто-то звал солдат присоединиться к бунту. Войска применили оружие. Один из участников нападения на универмаг вывел из гаража грузовую машину МАЗ и попытался протаранить цепь солдат. Он был убит. В работников милиции и военных бросали камни, банки с консервами и бутылки с вином. Некоторые хулиганы имели охотничьи ружья, часть из которых была захвачена у сторожей, и стреляли в солдат и милиционеров. Кроме того, участники беспорядков напали на склад взрывчатых материалов, захватили две винтовки и взрывчатку. Часть людей, участвовавших в нападении на универмаг и здание треста, после начала сражения прибежала в палаточный городок с криками, что пришли солдаты и стреляют в тех, кто в магазине и около него. Затем привели раненых. Это сообщение вновь подстегнуло беспорядки.

В ночь на 3 августа погромному нападению был подвергнут Темиртауский рынок. Под утро загорелись здание столовой и овощной ларек. Погромы, разрушения и поджоги сопровождалась нападениями на военнослужащих, сотрудников милиции и народных дружинников, пытавшихся восстановить порядок. Участники беспорядков вновь бросали в них камни, металлические прутья, палки и даже стреляли из охотничьих и других ружей.

Около 7 часов утра оперативным нарядом милиции и солдатами толпа у универмага была разогнана. Одновременно начали вывозить раненых, убитых и задержанных.

3 августа около 12 часов дня солдаты ушли от магазина. Небольшая толпа собралась вновь и пошла грабить универмаг. Спустя два часа с места этих событий прибежали погромщики и сообщили, что снова пришли дружинники и опять идут к городку. Дружинников забросали камнями. Затем в городок вошли солдаты.

Вечером 3 августа порядок в городе был в основном восстановлен. Но некоторые лидеры волнений пытались продолжить бунт. Трое из них, избежавшие ареста, договорились спровоцировать волнения в Комсомольском городке. Они нападали на автомашины, в одной из них взяли бензин для поджога домов, в том числе здания, в котором размещался штаб народной дружины. Кроме того, один из них ходил по общежитиям Комсомольского городка и призывал молодежь продолжить борьбу. Затем все трое отправили записку своему товарищу в палаточный городок — предлагали поднять молодежь на новое выступление.

Наступательный порыв взбунтовавшихся молодых рабочих к тому времени угас, люди были напуганы арестами, выстрелами, кровью. Поэтому, когда двое лидеров появились 4 августа в общежитии Комсомольского городка, они не только не нашли поддержки, но и получили отпор.

Вожаки и подстрекатели.

В ходе массовых беспорядков в Темиртау 109 солдат и офицеров получили ранения, в том числе 32 — из огнестрельного оружия. Среди участников волнений было убито 11 и ранено 32 человека (пятеро впоследствии умерли). При подавлении бунта было задержано 190 человек, главным образом, молодых рабочих в возрасте 18–21 года, прибывших на строительство всего за две-три недели до событий. 75 человек были членами ВЛКСМ. Большинство после короткого разбирательства отпустили на свободу. Против 42 задержанных возбудили уголовные дела и арестовали. Следствие, проведенное следственным отделом КГБ при Совете Министров Казахской ССР, привлекло семерых активных участников массовых беспорядков в Темиртау к уголовной ответственности по одному делу, а совершенные ими преступления квалифицировало как бандитизм и массовые беспорядки (ст. 14 и 16 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления). Впоследствии обвинение в бандитизме было снято. Другие арестованные были отданы под суд только за участие в массовых беспорядках (без обвинения в бандитизме), некоторые осуждены условно — «с учетом обстоятельств, характеризующих личности». Ряд уголовных дел на участников беспорядков был прекращен до суда, «имея в виду меньшую степень их виновности».[227]

Следствие указало на семерых человек как на наиболее активных участников массовых беспорядков. Это были Заговский, Аплоцинь, Манышин, Жиряков, Шилов, Сухинин и Югов. Среди погибших во время беспорядков молодых рабочих несколько человек также могли претендовать на роль организаторов. Убитый у универмага Бескоровайный был одним из инициаторов нападения на милицию и призывал к расправе с военнослужащими. Другой молодой рабочий — Макеев — во время нападения на универмаг подстрекал толпу к сопротивлению военнослужащим и продолжению погромов, призывал солдат присоединиться к участникам беспорядков, вывел из гаража грузовую автомашину МАЗ и пытался протаранить цепь солдат.

Вряд ли всех этих молодых людей можно всерьез назвать «организаторами массовых беспорядков». Они несколько выделялись из массы, но совсем не руководили ею. Утром 2 августа толпу несла волна событий. И вместе с толпой несло молодых и агрессивных крикунов. Их действительно организующая роль стала заметной лишь во второй половине дня 2 августа, когда толпа выдвинула трех представителей для предъявления ультиматума об освобождении задержанных. Самопровозглашенным руководителем этих «парламентеров» был Манышин. Он же стал инициатором стихийного митинга и «голосования» об освобождении задержанных. Манышин явно превращался в лидера бунтовщиков. В ночь на 3 августа, будучи раненым штыком при нападении на солдат, он уже носился по палаточному городку с ножом в руках и призывал (даже заставлял) молодежь продолжать беспорядки. Именно ему принадлежат слова: «Чего вы туда не идете, там ребята кровь льют, а вы здесь прячетесь, идите туда, а то мы сами перережем вас». В любом случае Манышин, по мнению следствия, идеально подходил на роль главного обвиняемого — его вместе с Заговским суд приговорил к расстрелу (в декабре 1959 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР заменил обоим расстрел на 15 лет лишения свободы)[228]).

Стремление возглавить волнения обнаружили еще двое обвиняемых — Аплоцинь и Жиряков. Именно они отправили приятелю в палаточный городок записку следующего содержания? «Олег, собери ребят, человек 500–600, и приходи на Тайвань (так: на молодежном сленге называли комсомольский городок. — В. К.), здесь есть мусора, их нужно потратить (убить. — В. К.)». Эти же двое, захватив машину, ездили в соседний Комсомольский городок «поднимать народ». Однако и формирование руководящего «ядра», и осознание им своей роли явно отставали от действий властей по подавлению волнений. Собственно и «организовывать» беспорядки они начали уже после подавления бунта в палаточном городке — вечером 3 и 4 августа. И если 3 августа еще были некоторые шансы на успех — в этот день, почти 25 тысяч рабочих не вышло на работу, то на следующий день почва для агитации почти исчезла — не работало только полторы тысячи человек.

По своему социальному опыту «зачинщики» мало отличались от других участников беспорядков. Шестеро русских, латыш, еврей и украинец. Двое комсомольцев. Трое имели уголовное прошлое. Один, самый старший из девятки (ему было 26 лет) был трижды судим. В 1951 г. за подделку документов, в 1952 г. — за хищение личного имущества граждан, в 1956 г. — за хранение холодного оружия. Второму в 1958 г. было условно осуждено на два года лишения свободы за растление несовершеннолетних. (Подробности нам неизвестны, но судя по Мягкости наказания, речь, скорее всего, шла о половых отношениях двух несовершеннолетних и скандале, поднятом по этому поводу родителями подруги). Вероятно, этот участник событий в Темиртау считал, что с ним обошлись несправедливо и «засудили» неправильно. Третий был ранее судим за мелкое хулиганство. Еще один зачинщик судимостей не имел, но относился к «блатным», полукриминальным

элементам, которых было множество на строительстве. В июне 1959 г. он самовольно оставил работу, систематически пьянствовал, устраивал драки.

Эти люди имели личные причины ненавидеть милицию и явную склонность к агрессивным действиям. Но, призывая к погромам и поджогам, они не пытались вдохновить толпу на грабежи. И двигала ими не возможность пограбить, а ненависть к милиции, пьянящее чувство власти над толпой, жажда восстановления справедливости. Те же, кто постоянно провоцировал толпу на грабежи, по всей вероятности, растворились в массе молодых строителей и никак не «засветились», бесследно исчезнув вместе с награбленным добром.

Пятеро «активистов», если судить по материалам дела, вообще никакого криминального опыта не имели. Вряд ли у них были какие-то особые личные мотивы для участия в беспорядках. И именно эти молодые люди попытались организовать продолжение волнений 3 и 4 августа. Из четверых «зачинщиков», составивших некое подобие «комитета» и пытавшихся поднять на беспорядки Комсомольский городок, трое имели совершенно «чистое» прошлое. Они только что приехали на стройку и не могли иметь устойчивых связей с уже существовавшими там полукриминальными группировками. Модель действий этих стихийных лидеров навеяна смутными воспоминаниями о поступках героев-революционеров из пропагандистских фильмов советской эпохи. И в то же время они были явно не в состоянии контролировать не только ход стихийного бунта молодых рабочих, но и собственное поведение.

Выражая протест против несправедливости местной власти, «зачинщики» были в действительности не руководителями волнений, а скорее их «голосом». Не удивительно, что инфантильные бунтовщики то почти буквально воспроизводили знаменитый эпизод («мясо с червями») из фильма С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» и выливали на землю «розоватую воду» с криком: «Смотрите, чем поят!», то, подчиняясь какому-то стадному чувству, брали вещи в разгромленном универмаге и потом не знали, что с этими вещами делать.

Итоги и уроки волнений в Темиртау.

Уроки, которые извлекла власть из происшедших событий, к счастью для нее, не ограничились подготовкой суда и жестоким судебным приговором активным участникам беспорядков. Сразу после событий прокурор и министр внутренних дел Казахской ССР посетили другой рабочий поселок в «Тен-Теке», где встречались и беседовали с молодыми рабочими, прибывшими по комсомольским путевкам из различных областей Советского Союза на строительство шахты по добыче коксующихся углей. Там ситуация почти зеркально напоминала Темиртау накануне беспорядков. Достаточно было какого-либо малозначительного повода, чтобы сухой хворост вспыхнул. Власти на этот раз реагировали оперативно. Прокурор и министр внутренних дел Казахстана под страхом уголовной ответственности потребовали от начальника треста немедленно провести свет, установить достаточное количество умывальников и т. п. Прибывшие на место заместитель министра; торговли республики и заместитель председателя облисполкома приняли меры для улучшения торговли и общественного питания. Обком КП Казахстана направил целый десант партийных работников для организации партийной и политико-массовой работы в тресте.[229] На случай новых беспорядков численность отдельной команды МВД в Караганде доводилась до 85 человек. Кроме того, в случае необходимости предполагалось использовать часть личного состава отряда по охране мест заключения (находился в 40 км от Караганды).[230]

17 октября 1959 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О положении дел на строительстве Карагандинского металлургического завода». В постановлении отмечалось: «ЦК КП Казахстана не дали правильной политической оценки создавшемуся положению на стройке, в течение двух месяцев никто из членов бюро ЦК на стройке не был и необходимых мер по улучшению организации производства и культурно-бытового обслуживания трудящихся бюро ЦК не приняло. Бюро ЦК КП Казахстана проявило недисциплинированность, выразившуюся в том, что несвоевременно доложило ЦК КПСС о событиях в г. Темиртау».[231] Первый секретарь Карагандинского обкома КП Казахстана П. И. Исаев был не только снят со своего поста, но и исключен из партии. Правда, с оговоркой о возможности «возвращения в партию» через год. [232] Различными партийными наказаниями были подвергнуты также секретари Карагандинского обкома КП Казахстана, руководитель областного совнархоза. Сняли с должности и исключили из партии управляющего трестом «Казметаллургстрой» А. С. Вишневого. Руководство строительством было «укреплено». Министр строительства Казахской ССР А. Д. Кротов был назначен управляющим трестом «Казметаллургстрой», а член Госплана СССР Б. Ф. Братченко стал председателем областного совнархоза.[233]

В конце 1959 г. пришли новые сообщения МВД СССР в ЦК КПСС о происшествиях на целине.[234] Однако ситуация в целом была взята под контроль, и событий, подобных бунту в Темиртау, ни на целине, ни в других новостроечных районах больше не было. Власть благополучно выбралась из кризиса.

Глава 4

Солдатские волнения и беспорядки

Динамика солдатских волнений 1950-х годов

Солдатские волнения и беспорядки[235] можно уверенно отнести к числу традиционных. Возможные в любой армии и при любых режимах, они сигнализируют властям о прорехах в системе армейской организации и дисциплины, моральном разложении отдельных подразделений и даже частей, несоответствии тех или иных командиров занимаемым должностям и т. п. Армия, вгоняющая группы и личности в жесткие рамки законных ограничений и воинской дисциплины, располагает несопоставимыми с «гражданкой» возможностями контроля за поведением. В то же время «зажатость» человека армейской дисциплиной, невероятная скученность больших групп людей, отягощенная ненормальным соотношением полов, при малейших сбоях в устоявшемся «порядке» чревата катастрофическими выбросами отрицательной энергии, прорывающейся через неожиданно возникшие в воинской системе «дыры».

Потенциально опасные ситуации давно и хорошо известны воинским начальникам: призыв на воинскую службу, демобилизация отслуживших свой срок солдат, транспортировка воинских частей и подразделений. Прекрасно известны и пусковые механизмы возникновения массового хулиганства, волнений и беспорядков в таких ситуациях: разгульное пьянство и ослабление, (либо полная потеря) контроля за поведением подчиненных со стороны командиров. Подобные случаи криминального поведения военнослужащих, «выпавших» из привычных рамок воинской дисциплины и захлебнувшихся «глотком свободы», либо переживающих статусный шок (призыв на военную службу, прощание с гражданской жизнью, демобилизация), можно считать, не просто традиционными, а как бы и вневременными. Их происхождение и причины, в большинстве случаев лишь косвенно] связаны с характером политического режима и актуальными социальными проблемами. Можно даже сказать, что подобные события близки традиционным формам карнавальная культуры, хотя и являются в современном обществе криминальным способом снятия психологической напряженности и разрядки в условиях ограниченной личной свободы и жестко регламентированного образа жизни.

И все же особая социальная значимость солдатских волнений 1953–1959 гг. определялась тем, что военнослужащие стали в этот период одной из самых конфликтных групп населения СССР. Из 94 насильственных конфликтов (случаев массового хулиганства, групповых драк, волнений и беспорядков), о которых стало известно высшим советским руководителям в 1953–1960 гг. по каналам МВД и прокуратуры, в 44 эпизодах принимали участие солдаты. Подобные конфликты имели явную тенденцию перерастать в столкновения с властями,[236] причем речь шла не только о «попутном» насилии в отношении милиции, встававшей на пути хулиганов, но и о прямой агрессии (нападения на милиционеров, попытки освобождения задержанных; товарищей или захвата спрятавшихся противников, захват оружия). Солдатские конфликты довольно часто сопровождалась стрельбой — как при подавлении коллективных драк и волнений представителями власти, так и в столкновениях между конфликтными группами. Дракам и массовому хулиганству нередко сопутствовали погромы жилых и административных помещений, лавок и магазинов.[237]

Гораздо реже в солдатских конфликтах чувствовалось влияние скрытой этнической напряженности[238] и почти совсем стерильными выглядели эти события с политической точки зрения. Тема «антисоветской агитации и пропаганды» (антисоветские выкрики, уничтожение портретов руководителей партии и правительства) весьма глухо прозвучала лишь в трех эпизодах из 44. Лишь в одном случае (Кемерово, 1955 г.) массовые волнения мобилизованных для работы на строительстве в угольной промышленности приобрели отчетливый политический смысл (хотя и обошлись без «антисоветчины» в вульгарном смысле этого слова). Они были направлены против распоряжения правительства, отложившего для некоторых категорий военных строителей объявленную демобилизацию, носили многодневный характер и отличались довольно высокой спонтанной самоорганизованностью.

«Гарнизонные» волнения и конфликты

1953 г. отличала повышенная конфликтность окраинных, расположенных на территории союзных республик гарнизонов и отчетливые симптомы падения дисциплины в воинских частях. По крайней мере дважды в течение года представителям центральной власти (аппарат Главного военного прокурора Советской армии и МВД СССР) приходилось расследовать случаи массового нарушения воинской дисциплины и порядка, а также уголовных преступлений военнослужащих — в Ленинабадском гарнизоне и на территории Эстонской ССР. В обоих случаях речь шла не о локальных малозначительных эпизодах, а о фактическом разложении и конфликтности значительных групп людей, имевших доступ к оружию. Подобные ситуации не были, конечно же, специфически «послесталинскими» или уникально «хрущевскими». В свое время Сталину и другим высшим советским руководителям докладывали, например, о многочисленных преступлениях, совершаемых военнослужащими воинских частей, дислоцированных на территории Молдавии (ноябрь 1945 г.), [239] «хулиганских проявлениях» и бандитизме военнослужащих местных гарнизонов в Алма-Ате и других, областных центрах Казахстана (декабрь 1945 г.), [240] а также о криминализации тех или иных воинских частей. [241] В одном случае, чтобы не допустить разложения личного состава Прикарпатского военного округа, высшему руководству пришлось заниматься деятельностью 220 притонов, активно посещавшихся военнослужащими. [242]

Расследование противоправных действий, совершенных военнослужащими Ленинабадского гарнизона, обнаружило широкое распространение самовольных отлучек, уклонения от военной службы под разными предлогами, «промотания обмундирования»; и т. п. [243] Город, по всей вероятности, был наполнен слухами о бесчинствах солдат. Молва многократно преувеличивала действительность, и на солдатский «беспредел» одна хитроумная торговка попыталась списать даже собственную растрату (заявила, что ее ограбили в парке трое солдат) — знала, что любому заявлению о бесчинствах военнослужащих местные власти легко поверят. В ряде случаев уличенные в хулиганстве солдаты не останавливались перед сопротивлением милиции. Периодически в городе вспыхивали драки между местными жителями и военнослужащими, в которых принимали участие даже офицеры. Сценарий подобных драк очень напоминал традиционную модель начала массовых беспорядков — столкновение военнослужащего с местным жителем, призывы о помощи, месть обиженных и т. д. Ситуация в Ленинабаде была явно накалена и могла разрешиться ответными действиями гражданского населения. По всей вероятности, воинские начальники успели в этом случае принять меры и остановить перерастание конфликта в масштабные беспорядки.

«Принятие мер» не ограничилось наказанием виновных. Были названы причины повышенной конфликтности гарнизона (точнее, трех зенитных дивизионов и одного строительного батальона). Расследование прокуратуры показало, что при комплектовании зенитных дивизионов был нарушен очень важный принцип — в подобные части обычно призывали молодых людей из так называемых внутренних округов, поскольку жители окраинных и западных областей считались менее надежными. Более того, гарнизон отличался опасной, по оценке военной прокуратуры, полиэтничностью (в одном дивизионе служили представители 25 национальностей, в другом — 20). Очевидно, имелась в виду плохая управляемость полиэтничных частей (разный уровень и тип культуры, языковые проблемы, различная степень адаптивности к воинской службе), а также возможность возникновения внутренних этнических группировок, объединявших солдат по неуставному принципу и похожих на своеобразные полукриминальные «землячества».

Обнаружилась и чисто бюрократическая, весьма тривиальная причина криминализации ленинабадского гарнизона. Опасаясь ответственности за многочисленные чрезвычайные происшествия, командование дивизионов и строительного батальона иногда просто скрывали от военной прокуратуры факты преступлений военнослужащих. Зачастую виновные оставались ненаказанными. [244] Командование старалось не допускать милицию в расположение частей, а само дознаний не вело, спуская дело «на тормозах».

Если «предбеспорядочное» состояние в Ленинабаде так и не разрешилось массовыми волнениями, то в другом окраинном гарнизоне — в городе Чарджоу — конфликт солдат танкового полка с населением города (февраль 1953 г.) закончился трагически — пострадало 17 человек, 9 человек были госпитализированы (по другим данным, пострадавших было даже больше [245]). Возможно, ситуация была с самого начала отягощена «этническим фактором», а погромные действия военнослужащих, связанных круговой порукой (впоследствии никто не хотел выдавать инициаторов драки), были спровоцированы активными действиями другой группы — местных учащихся фельдшерской школы. Как показало последующее расследование, именно они были главными зачинщиками постоянных коллективных драк в городе, неоднократно избивали отдельных военнослужащих. За участие в драках и хулиганство из фельдшерской школы было отчислено 20 студентов. Солдаты старались не оставаться в долгу. [246]

Катализатором побоища стало сообщение о «первой крови».

12 февраля 1953 г. во время очередной перебранки между двумя пьяными солдатами танкового полка и

несколькими студентами из фельдшерского училища откуда-то явился измазанный кровью солдат. Он сказал, что его ранил ножом кто-то из студентов. Достоверно известно только, что двое солдат подрались со студентами и сами получили побои. Вечером того же дня «пострадавшие» стали призывать сослуживцев отомстить обидчикам. Собралась группа «мстителей», возглавляемая старшиной. Старшину же благословил на «подвиги» некий пьяный офицер. Он не только рассказал, как сам дрался в аэропорту, но и добавил: «Действуй тут смелей».

Таким образом, группа солдат обрела руководителя, самовольно покинула казарму и начала драку с учащимися медицинской школы. Вскоре к «бойцам» присоединились другие военнослужащие того же полка. Они оттеснили учащихся к общежитию педагогического института (заодно досталось и студентам), разбили дверные стекла. Выломав ворота медицинской школы, солдаты загнали учащихся в помещение и продолжили избиение. На следующий день зачинщики были выявлены и арестованы. Власти, судя по всему, обошлись в этом случае без применения оружия.

По сходному сценарию развивались «гарнизонные беспорядки» в городе Горьком (сентябрь 1953 г., групповая драка и погром в рабочем общежитии[247]), в селе Уречье Слуцкого района Бобруйской области (октябрь 1953 г., коллективная драка танкистов с местными жителями, один человек убит[248]), городе Пермь (август 1958 г., коллективная драка на танцевальной площадке между кандидатами в курсанты учебного отряда пожарной охраны и местными жителями[249]), в Кяхтинском районе Бурятской АССР (декабрь 1958 г., коллективная драка в женском общежитии между военнослужащими и студентами местного сельскохозяйственного техникума[250]).

«Гарнизонные беспорядки» в большинстве своем были довольно вульгарными групповыми драками без сколько-нибудь серьезной социальной подоплеки. Слабый проблеск «политики» во время драки и погрома, устроенных студентами, проходившими военную подготовку, на станции Артик (Армянская ССР) в июле 1957 г. («оскорбительные выпады в адрес одного из руководителей советского правительства»[251]) вряд ли может изменить общий вывод. Вмешательство властей, как правило, быстро прекращало вспышку насилия, не вызывая встречной агрессии и перерастания группового конфликта в столкновение с «начальством». Участники массового хулиганства и групповых драк «законопослушно» исчезали с места событий. Известен лишь один случай нападения на милиционера (Находка, апрель 1955 г.[252]).

Никаких требований участники подобных событий не выдвигали, никакой угрозы для существующего режима подобные события не представляли и никакой реакции кроме «наказания виновных» не требовали.

«Железнодорожные» беспорядки

Столь же бессмысленными, но гораздо более ожесточенными, были «железнодорожные» волнения военнослужащих. Особенно выделяется в этом отношении все тот же 1953 г. Во всех четырех привлечших внимание московских властей «железнодорожных» конфликтах этого года пролилась кровь и применялось оружие (в трех случаях — огнестрельное, в одном случае — холодное). В трех эпизодах зафиксировано столкновение с милицией и/или представителями военных комендатур.

Серьезные беспорядки были организованы военнослужащими войск Ленинградского района ПВО, которые в конце апреля 1953 г. в соответствии с директивой Генерального штаба передавались в железнодорожные войска. 30 апреля 1953 г. 184 солдата и сержанта во главе с капитаном были отправлены на станцию Алакурти Кировской железной дороги. Сделано это было, несмотря на запрет отправлять воинские эшелоны из Ленинграда в праздничные дни. Зная о потенциальной конфликтности военнослужащих при железнодорожных перевозках, и повышенной опасности массового пьянства в предпраздничные и праздничные дни, власти справедливо опасались ЧП.

За первым нарушением последовало второе. Часть личного состава получила деньги вместо продовольственного пайка и, пользуясь бесконтрольностью, начала пьянствовать уже на Московском вокзале Ленинграда. Там же вспыхнула обоюдная драка между солдатами, во время которой 15 военнослужащих получили легкие ранения и побои. Офицеры погрузили зачинщиков драки и пьяных солдат в эшелон и вместе с остальными военнослужащими отправили по маршруту.

На станции Волховстрой Кировской железной дороги 1 мая 1953 г. во время длительной стоянки поезда военнослужащие затеяли драку с местными жителями и стали заниматься грабежами: забрали из буфета

ведро пива и несколько бутылок водки, сняли с какого-то случайного встречного пиджак. Прибывший, на вокзал наряд патрулей (26 солдат местной части ПВО) не смог восстановить порядок. Начальник наряда и военный комендант станции растерялись и попытались переложить ответственность на милицию. Выполняя поручение военных, работники железнодорожной милиции стали задерживать хулиганивших солдат. Пьяная толпа потребовала освобождения товарищей. Вооружившись камнями и солдатскими ремнями, она напала на работников милиции... Начальник военного патруля, пытаясь остановить толпу, трижды выстрелил в воздух. Затем милиционеры открыли стрельбу из пистолетов. Два солдата были убиты, четверо ранены. Однако беспорядки это не остановило. На помощь милиции была вызвана пожарная охрана. Солдаты попытались перерезать пожарные шланги. Милиционеры снова открыли стрельбу и ранили еще одного человека. События разворачивались одновременно с первомайской демонстрацией в другом конце города. В конце концов в конфликт в качестве третейского судьи пришлось вмешаться местным партийным работникам. Они пресекли дальнейшее применение оружия милицией и уговорили солдат успокоиться.[253]

В этот же день на станции Элисенвара, Октябрьской железной дороги, группа военнослужащих (около 100 чел.) учинила хулиганство, избила и отняла 50 рублей у помощника машиниста. Еще у двух человек были отобраны часы. В момент задержания пьяные солдаты пытались обезоружить работников милиции. В ответ раздались выстрелы, один из участников нападения был ранен в руку. Это не напугало, а еще больше подогрело солдат. Они ворвались в комнату дежурного по станции, разбили оконные стекла, повредили телефонную связь, нанесли побои случайно оказавшемуся в помещении сцепщику вагонов, попытались обезоружить двух пограничников, которые, обороняясь, начали стрелять вверх из автоматов.[254]

Несколько по иному сценарию, но все на том же фоне массового пьянства и потери контроля за ситуацией со стороны офицеров, более того, при их непосредственном участии, развивались события на станции Хабаровск 16 сентября 1953 г. (о них Генеральный прокурор СССР Руденко докладывал непосредственно Хрущеву). Конфликт возник между призывниками, следовавшими на Дальний Восток в двух эшелонах — из Новосибирска и Ташкента. Один из офицеров, сопровождавших ташкентский эшелон, напился пьяным, выстрелил в группу призывников новосибирского эшелона и убил одного из них. В итоге начались волнения, которые продолжались несколько часов и были прекращены лишь после вмешательства дежурных частей хабаровского гарнизона. В ходе беспорядков часть военнослужащих, сопровождавших эшелоны, была обезоружена призывниками. Захваченное оружие немедленно пошло в дело, превратив драку в кровавое побоище.

4 человека были убиты, шестеро получили тяжелые, опасные для жизни ранения. Около ста активных участников беспорядков было задержано, что само по себе говорит о размахе волнений.

Последним «железнодорожным» эпизодом 1953 г. (ноябрь), о котором Генеральный прокурор СССР информировал Хрущева и Маленкова, было столкновение группы пьяных призывников с пассажирами пригородного поезда на станции Баржава, закончившееся поножовщиной (17 пассажиров получили ножевые ранения, пятеро из них отправлены в больницу). Разрастание бесчинств удалось остановить только благодаря вмешательству команды пограничников.[255]

В 1954–1959 гг. нами зафиксировано еще четыре аналогичных «железнодорожных» эпизода. Первый из них представлял собой столкновение призывников с другой конфликтной группой — молодежью из города Баку, возвращавшейся домой с уборки урожая (Новосибирск, сентябрь 1956 г.); второй — заурядное хулиганство призывников, бросавших во встречные поезда камни и бутылки (Грузинская ССР, Закавказская железная дорога, сентябрь 1958 г.).[256]

Еще два конфликта носили более серьезный характер, сопровождались погромами и столкновениями с милицией. В декабре 1955 г. беспорядки, массовое хулиганство, грабежи были организованы военнослужащими, следовавшими в эшелоне из Белорусского военного округа на лесоразработки в Архангельскую область. В пути они ограбили магазин и семью работника железной дороги, украли чемодан у пассажира. На станции Медведево были вскрыты два товарных вагона, из которых похитили 3 кипы хлопчатобумажной ткани и один ящик с боеприпасами.

Попытка задержать двух подозрительных солдат с большими свертками привела к вмешательству в ход событий большой группы военнослужащих (70–100 человек). Задержанные были силой освобождены. Пять сотрудников милиции получили телесные повреждения. У одного из них отобрали пистолет ТТ с боевыми патронами. Отобранное оружие преступники пустили; в ход. В результате стрельбы был ранен в ногу осмотрщик вагонов. Отбив задержанных солдат, участники беспорядков разошлись по вагонам, и эшелон был отправлен.

По приказу начальника Ярославского гарнизона усиленный; войсковой наряд и милиция остановили и оцепили эшелон на станции Всполье. Однако попытки найти и «изъять» зачинщиков вызвали ответные действия толпы. Солдаты (около 100 человек) сумели выйти из вагонов, проникнуть на вокзал и привокзальную площадь. 16 человек были задержаны. Хулиганы стали силой добиваться их освобождения. Милиция применила оружие, двое солдат были убиты. Однако и это не остановило толпу. Военнослужащие избили троих работников милиции, а двоих из них обезоружили. Начальнику Ярославского гарнизона пришлось не только назначить нового начальника эшелона, но и прицепить к поезду вагон с 50 автоматчиками. В пути следования была усилена охрана общественного порядка на станциях и прекращена торговля спиртными напитками в станционных ресторанах и буфетах.[257]

В июле 1958 г в Москву поступило известие о волнениях призывников на Северо-Кавказской железной дороге. В пути следования воинского эшелона (всего в нем ехало около 2000 человек в сопровождении 25 офицеров) призывники грабили продовольственные магазины и палатки, швыряли из окон бутылки, а затем забросали камнями прибывшие на место происшествия наряды милиции. В конце концов, уже на станции Ростов Ярославский в поезд была посажена группа автоматчиков из местного гарнизона, что позволило прекратить беспорядки.[258]

Большинство (если не все) рассмотренных выше случаев традиционных солдатских конфликтов вряд ли можно интерпретировать в категории осмысленных коллективных действий. Даже столкновения с властями и милицией не делают участников этих волнений ни бледной тенью, ни даже карикатурой на борцов с режимом. Вместе с тем в этих спонтанных массовых действиях обнаруживалась принципиальная «незаконопослушность» населения в его взаимоотношениях с властью, наличие в советском обществе потенциально опасных неформальных групп, способных легко выходить из-под контроля. Эта постоянная готовность бунтовать заставляла власти проявлять исключительную «чуткость» к таким событиям.

Военные строители: группа повышенного риска

«Обычность» солдатских волнений как бы выводит их за рамки политической истории, делает проблемой исключительно управленческо-административной, поскольку разрешение каждого конкретного конфликта требует не политической реакции, а заурядного «наведения порядка». В то же время анализ временной окраски и специфики подобных явлений, их динамики и частоты в различные периоды открывает перед исследователем самые сокровенные тайны социальной истории, позволяет понять разлитый в социуме опыт конфликтного поведения, реализуемый в иных — ситуативных — конфликтах.

К числу таких ситуативных конфликтов хрущевского времени можно отнести многочисленные случаи групповых драк, массового хулиганства и волнений военнослужащих строительных батальонов и призванных (мобилизованных) через военкоматы на работу в промышленность рабочих либо досрочно демобилизованных в тех же целях солдат. Волнения, связанные с милитаризованным трудом, в известном смысле «сигнализировали» власти о кризисе быстрой урбанизации и о неразрешимом противоречии: ослабление репрессивного давления на общество в целях выживания режима плохо гармонировало с перегруженностью социума старыми (либо вновь принятыми) стратегически важными или политически амбициозными экономическими программами. Привлечение необходимой для реализации этих программ рабочей силы через оргнабор, идеологические кампании призыва молодых энтузиастов и т. п. давали лишь частичный успех. А возвращение на родину еще в конце 1940-х гг. нескольких миллионов военнопленных, прежде всего немцев и японцев, прекращение массовых репрессий, реабилитация политических заключенных и массовые амнистии привели к значительному сокращению объемов принудительного труда после смерти Сталина и создали огромную прореху в трудовом балансе страны, истощенной тридцатимиллионными военными потерями.

Системе принудительного труда — важной составляющей сталинского режима — был нанесен ощутимый удар. Центр тяжести в политике трудовых ресурсов хрущевского времени несколько сместился от жестких форм использования принудительного труда (заключенные, военнопленные) к мягким формам — частичная милитаризация отдельных стратегически важных секторов экономики (освоение целины, новое индустриальное строительство, военные объекты).

Армейские начальники отреагировали на новую политику массовым «сбросом» в строительные части физически ослабленных солдат, а также тех, кто имел криминальное прошлое или отличался недисциплинированностью. А военкоматы, призванные обеспечить мобилизацию рабочих для строек, шахт, уборки целинного урожая, тревожились прежде всего о выполнении количественных разнарядок, а отнюдь не

о качестве призываемой рабочей силы. В результате в 1950-е гг. наряду с традиционными солдатскими беспорядками появилась новая сфера социальной напряженности — милитаризированный труд в условиях мирного времени (строительные батальоны, группы мобилизованных через военкоматы либо переданных для работы в промышленность военнослужащих, а также воинские команды, направленные на сельскохозяйственные работы). Именно в сфере милитаризованного труда возникли нетривиальные формы конфликтного поведения военнослужащих, составившие большую часть всех известных нам случаев солдатских беспорядков, массового хулиганства и коллективных драк (25 из 44 «солдатских» эпизодов 1953–1960 гг., зафиксированных в нашей базе данных).

Со специфическими проблемами применения милитаризованного труда в мирное время был знаком и сталинский режим. Однако, если судить по документам НКВД (МВД) СССР из «особых папок» Сталина и Хрущева, масштабы явления и формы разрешения конфликтов были несопоставимы, а беспорядки с участием военных строителей и мобилизованных через военкоматы для работы в промышленности — в отличие от «традиционных» солдатских волнений — составляли головную боль именно хрущевского, а не сталинского руководства. Некоторые строительные батальоны, ставшие активными разносчиками «конфликтной инфекции» на новостройках и целине, изначально представляли собой коллективы с ослабленными или еще не сложившимися внутренними социальными связями и неформальной (альтернативной) полукриминальной самоорганизацией.

При расследовании беспорядков среди солдат стройбата в г. Усолье-Сибирское (август 1953 г.) выяснилось, что конфликтная часть, существовавшая всего полтора месяца, с самого начала стала своеобразным «отстойником», куда командование «нормальных» частей отправило своих худших солдат. Из 650 солдат батальона 350 имели дисциплинарные взыскания (172 человека — от 2 до 10 дисциплинарных взысканий). 498 военнослужащих поступили с различными заболеваниями (дизентерией, гастритом, хронической гонореей, недержанием мочи, с остаточными явлениями туберкулеза и т. д.). 38 человек имели в прошлом судимости за хулиганство, хищения и др.

Одним словом, личный состав строительного батальона представлял собой идеальную почву для неформальной полукриминальной самоорганизации. С одной стороны, «отпетые» солдаты, активно отторгающие воинскую дисциплину и даже имеющие судимость, а значит и специфический опыт иерархической уголовной самоорганизации и подавления слабых, с другой — неприспособленные к военной службе и неспособные к сопротивлению «неудачники», больные и ослабленные военнослужащие. Не удивительно, что при формировании батальона ни одного дня не проходило без эксцессов. Офицеров избивали и обворовывали. Солдат привозили пьяными, сгружали с автомобилей за руки и ноги.[259] Доминируя в батальоне, «отпетые» сумели быстро подчинить себе и своим правилам жизни остальных солдат, создали неформальную иерархию, защищенную круговой порукой, подавили систему формальных социальных связей. При расследовании волнений никто из 242 комсомольцев и 14 коммунистов батальона не назвал имен организаторов беспорядков — боялись.

Ситуация усугублялась обычными новостроечными трудностями, способными довести до массовых беспорядков даже молодых комсомольских романтиков, не то что разложившуюся воинскую часть, — плохое снабжение, тяжелые условия жизни, перебои с продовольствием, отсутствие кухни, столовой, помещения для медицинского пункта, развлечений. Батальон расквартировали в летних палатках на окраине города — на открытой местности. Начались массовые самовольные отлучки. Гауптвахта просто превратилась в «дневной дом отдыха» — арестованные за нарушения дисциплины солдаты пользовались бездействием караульной службы, свободно уходили на ночь в город, а днем отсыпались.[260]

В феврале 1954 г. Генеральному прокурору СССР Руденко пришлось специально информировать председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова о неблагоприятном положении в строительных батальонах, переданных Министерством обороны СССР в распоряжение ряда отраслевых министерств. Солдаты были размещены в тесных и душных помещениях, не было комнат для умывания и сушилок, среди военнослужащих были распространены простудные и кожные заболевания, обморожения, вшивость. Труд стройбатовцев был организован из рук вон плохо, зарплата выдавалась с опозданием. Обычным делом стали массовые самовольные отлучки, пьянки, драки, дебоши в близлежащих населенных пунктах. Имели место случаи убийств, изнасилований и ограблений гражданского населения. После обращения Руденко к Маленкову вопрос о положении военных строителей, занятых в отраслевых министерствах, 18 апреля 1954 г. рассматривался на Бюро по электроэнергетике, химической и лесной промышленности при Совете Министров СССР.[261] Однако военные строители продолжали демонстрировать повышенную предрасположенность к конфликтному поведению.

Сценарии «стройбатовских» волнений

Модели поведения участников «стройбатовских» волнений и конфликтов (беспорядки военнослужащих, мобилизованных через военкоматы или переданных из воинских частей для работы в промышленность, прежде всего на шахтах, будут рассмотрены отдельно) мало чем отличались от традиционных солдатских волнений. Случаи прямого столкновения с воинскими начальниками, внутренние, «казарменные» беспорядки стройбатовцев были скорее исключением, чем правилом.

Один из немногих примеров подобных конфликтов — беспорядки в одной из рот отдельного строительного батальона МВД в Ашхабаде (апрель 1954 г.).[262] Обычно же агрессия стройбатовцев была обращена вовне — на гражданское население или на работников милиции и развивалась по двум возможным сценариям.[263]

В первом случае агрессивное поведение или криминальные действия военных строителей, статус и характер службы которых как бы выводил их за обычные рамки воинской дисциплины, вызывали защитную реакцию и ответную агрессию гражданского населения. Конфликт, развивавшийся более или менее длительное время в латентной форме, в конце концов разрешался групповыми драками, иногда сопровождался погромами. Особенностью этого сценария было отсутствие агрессии по отношению к представителям власти. Последних участники конфликта если и не воспринимали как третейского судью, то по крайней мере, не считали врагом, с которым следует попутно расправиться.

Не покушаясь на основания системы и священную неприкосновенность власти, эти волнения, тем не менее, требовали от «начальства» быстрой ответной реакции. Типичный эпизод — столкновение военнослужащих строительных батальонов со строительными рабочими в г. Кетове Горьковской области (февраль 1955 г.). Снежный ком событий покатился под гору в результате события малозначительного. Четверо солдат отобрали у рабочего бутылку водки и избили его. В ответ толпа рабочих (40–50 человек), вооружившись ножами, палками, ломami, ворвалась в женское общежитие, напала на группу находившихся там солдат, восьмерых избила, причем троим нанесли тяжкие телесные повреждения. Прибежавший из общежития в расположение строительного батальона участник столкновения сообщил о происшествии товарищам. На этот раз уже 100 человек выбежали из казарм и, тоже вооружившись железными трубами, черенками от лопат, ломami и палками, напали на рабочее общежитие. В результате погрома, продолжавшегося несколько часов, были выломаны двери и разбиты окна. Серьезно пострадали 15 рабочих и пятеро солдат.[264] После событий в Кетове причины чрезвычайного происшествия и «меры по укреплению воинской дисциплины» обсуждались на совещании в Горьковском обкоме КПСС.[265] Отдельный доклад о событиях был представлен главным военным прокурором Генеральному прокурору СССР Руденко.

Несмотря на усилия властей, ЧП с военными строителями продолжались. Захватом оружия, стрельбой, ранением 11 человек и убийством одного закончилась групповая драка между «стройбатовцами» и рабочими завода в городе Молотовске Архангельской области в январе 1955 г.[266] Аналогичное столкновение местного населения со «стройбатовцами» в г. Бийске Алтайского края (в декабре 1955 г.)[267] прорвало давно зревший нарыв — разрастание очага преступности и массового хулиганства — и потребовало от представителей власти более радикальных решений. Дело не ограничилось привлечением к уголовной ответственности активных участников массового хулиганства. Из города удалили «источник конфликта». 500 «стройбатовцев» было немедленно демобилизованы и организованно вывезены из Бийска. Местные жители могли торжествовать.

Второй сценарий «стройбатовских» волнений отличался перерастанием межгруппового конфликта в прямую агрессию против представителей власти. Не сумев перехватить инициативу в самом начале событий, но попытавшись сделать это хотя бы с опозданием и арестовать зачинщиков, сотрудники милиции или военные командиры сами становились объектом нападения. Раз милиция «заодно с „ними“» — «обидчиками», она не в праве рассчитывать на «неприкасаемость»! Совершалась подобная психологическая трансформация тем легче, что в России даже в образованном обществе всегда почиталось неприличным «любить начальство», тем более — полицию. Не случайно А. С. Пушкин однажды посоветовал своему молодому коллеге ставить между словами «начальники» и «враги» не запятую, а «маленькое тире»: «начальники-враги слова однозначие».[268]

Парадокс же подобных ситуаций в том, что агрессия носила как бы персонифицированный характер — отрицательные эмоции направлялись против «плохих» милиционеров, иногда против местного «начальства», но, как правило, не распространялись на власть верховную. В спонтанных действиях толпы в этих случаях чувствовалась большая самоорганизованность. Обычный мотив продолжения беспорядков в новой форме —

«наших забрали в милицию»! Для того, чтобы преодолеть подсознательный страх перед властью, толпе требовались более авторитетные лидеры, чем для вульгарной драки. И эти лидеры находились довольно часто, поскольку в разлагавшихся формальных коллективах неизбежно возникала внутренняя криминальная и полулегальная самоорганизация. Коллективная солидарность и "круговая порука" противопоставляли неформальное солдатское «Мы» остальному миру. Милиция же, отношения с которой у постоянно искавших приключений военных строителей и без того были достаточно натянутые, вмешиваясь в конфликт, становилась союзником «врагов».

При «мягком» течении конфликта милиция просто попадала меж двух огней. На нее обрушивались удары с обеих сторон, но милиционеры воспринимались скорее как досадная помеха, мешающая добраться до противника, чем как объект прямой агрессии. По подобной схеме разворачивались, в частности, массовые беспорядки в городе Барнауле Алтайского края. 22 августа 1954 г. двое солдат затеяли драку со строителем, который затем направился в рабочий клуб смотреть кино. Через некоторое время в клуб ворвалось около 40 солдат из расположенных поблизости двух строительных батальонов. Солдаты сняли ремни и стали пряжками избивать присутствующих, повредили киноаппаратуру, переломали мебель и скрылись. Находившийся в это время у здания клуба милицейский патруль из трех человек серьезного противодействия солдатам оказать не смог. Ночью городская милиция и военные власти задержали 40 солдат, находившихся в самовольной отлучке. Между тем по городу распространились ложные слухи о том, что во время драки в клубе солдатами был убит ребенок.

Вообще тема «убитого ребенка» обладала особым, катализирующим, воздействием даже на мирных жителей. Нам известно по крайней мере еще три случая, когда подобный слух вызвал быструю спонтанную самоорганизацию не расположенных обычно к волнениям мирных обывателей и спровоцировал стихийные массовые действия. В одном случае действительный факт убийства ребенка привел к ненасильственной демонстрации населения небольшого городка, требовавшей смертной казни для убийцы. В другом — ложный слух вызвал углубление этнического конфликта между возвратившимися на родину со спецпоселения чеченцами и солдатами местного гарнизона. Третий — будет рассмотрен в этой главе.

Утром следующего дня возбужденные слухами рабочие строительства и расположенных неподалеку предприятий стали группироваться, ловить одиночных солдат и избивать их. К полудню на строительстве ТЭЦ-2 собралась большая толпа рабочих. Она двинулась к казармам строительных батальонов, подстрекаемая некими «подвыпившими людьми». Возбужденная толпа смела группу работников милиции, состоявшую из 60 человек, и прорвалась к казармам.

Завязалась коллективная драка, в ходе которой обе стороны бросали друг в друга камни. Около 100 солдат, несмотря на предупредительные выстрелы, прорвалось через оцепление в жилые кварталы города, где били окна, бесчинствовали, затевали драки. В течение всего дня 23 августа рабочие продолжали собираться группами и избивали встречавшихся им солдат-одиночек. В свою очередь, просочившиеся в город небольшие группы солдат избивали встречавшихся им рабочих. Для прекращения беспорядков власти использовали дополнительные силы. Порядок был восстановлен. Между казармами, жилыми и производственными кварталами было организовано усиленное патрулирование. В прилегавших к строительству кварталах было подобрано избитых или отнято во время избиения 22 солдата строительных батальонов, 5 из которых к утру 24 августа умерли. В местную больницу на излечение поступило также двое рабочих.[269]

Министерство внутренних дел СССР, учитывая напряженную обстановку в городе, поставило перед ЦК КПСС вопрос о выводе строительных батальонов из Барнаула. Таким образом рабочие, которых, очевидно, уже давно возмущало поведение военных строителей, добились своего.

Показательно, что в докладной записке МВД СССР в ЦК КПСС события интерпретировались именно как столкновение двух конфликтных групп — и те, и другие не направляли своей агрессивности непосредственно против работников милиции и представителей власти, просто обе группы сметали со своего пути всякую досадную помеху на пути к истинному противнику. Однако гораздо чаще, коль скоро дело доходило до прямого столкновения с милицией и воинскими начальниками, события развивались по более «жесткому» сценарию, а иногда выливались в кровавый бунт.

14 июля 1953 г. в город Рустави Грузинской ССР для работы на строительстве химического комбината из Одессы и Тирасполя прибыли два строительных батальона Советской армии. Они разместились в поселке Мдавари-Архи близ Рустави. Новички, возбужденные дорогой, попытались начать со статусного самоутверждения — типичная реакция неформальных группировок на новую среду. Вечером того же дня группа пьяных солдат начала погром в городе. Сначала они просто шатались по поселку и приставали к

местным жителям. Но около 22 часов среди них разнесся слух, что «порезали солдата и забрали в милицию» (слух оказался ложным).

Группа военнослужащих, вооружившись палками, железными прутьями и камнями, напала на оперативный пункт милиции, взломала дверь, избила двух милиционеров. Спасаясь бегством, работники милиции открыли беспорядочную стрельбу и легко ранили одного солдата. Под крики «наших бьют!» к беспорядкам присоединился почти весь личный состав одного из строительных батальонов — около тысячи человек. В поисках скрывшихся милиционеров солдаты разгромили квартиры двух местных жителей. В одной из разгромленных квартир кто-то под шумок украл часы и деньги.

Прибывшие для восстановления порядка работники милиции были избиты палками, камнями, а при попытке укрыться от избиения — обстреляны. Вызванные к месту происшествия представители военных комендатур Тбилиси и Рустави также были обстреляны. Бесчинства военнослужащих удалось прекратить только утром следующего дня. Во время беспорядков, кроме двух милиционеров, получивших тяжкие телесные повреждения, было избито 8 человек из числа местных жителей.[270]

Тема «раненого солдата» — на этот раз действительно, а не мнимого — стала катализатором упомянутых ранее волнений «стройбатовцев» и в городе Усолье-Сибирское в августе 1953 г. В ночь на 9 августа неизвестные ранили ударом ножа в шею возвращавшегося в часть из городского увольнения военнослужащего. Двое друзей, навестивших пострадавшего в больнице, сказали в батальоне, что сослуживца порезали «гражданские», и надо им за это отомстить. Местом сбора выбрали городской сад, а сигналом к началу драки — команду «воздух» (применяется при налете авиации противника).

12 августа в 22 часа, когда военные строители смотрели кино в батальоне, некий солдат, приехавший из городского сада на велосипеде, сообщил: «Ребята, наших бьют в саду». Кто-то крикнул «воздух», остальные подхватили условленный сигнал. Около половины присутствовавших солдат бросились к городскому саду, часть выехала на грузовике. В пути к ним присоединились военнослужащие отдельного строительного батальона (бывший батальон МВД).

Солдаты с поясными ремнями, палками и ножами в руках, ворвались в городской сад. Они, отламывая рейки от забора и скамеек сада, группами бегали по прилегающим к саду улицам, набрасывались на местных жителей и избивали их. Попутно разбили окна в городском кинотеатре и магазине. Дважды толпа солдат пыталась ворваться в помещение городского отдела МВД, куда бежали люди, искавшие защиты. Всего в беспорядках участвовало примерно 350–400 человек. Шесть местных жителей получили тяжкие ножевые ранения (один — директор вечерней школы рабочей молодежи — от полученного ранения умер). Сорок пять человек отделались легкими телесными повреждениями.

Последующие события позволяют дать более детальный психологический портрет «отпетых» зачинщиков беспорядков. 15 августа военное командование отправило группу «наиболее недисциплинированных солдат» (50 человек) в лагерь отдельной гвардейской стрелковой бригады. Однако и там бунтовщики не смирились. Стремление «отпетых» и «беспредельщиков» сохранить высокий внутригрупповой статус в неформальном сообществе подавило даже естественное желание избежать дальнейших неприятностей. Двое вновь прибывших солдат нахально обратились к временно исполняющему обязанности командира бригады и начальнику особого отдела (военная контрразведка) с «заявлением», «что принимать их в бригаду не следует, так как они принесут много неприятностей, что их дело не служить, а воровать и «подрезать», чем они и займутся, если их оставят в бригаде».

Даже оказавшись на гауптвахте, неформальные лидеры беспорядков не успокоились. Они стали ломать перегородки и окна, выламывать решетки и призывать солдат караула присоединиться к ним. Чувствуя, что отключить механизмы психологической самозащиты и законопослушания у «нормальных солдат» не так-то просто, «отпетые» попытались использовать нехитрый, но эффективный психологический прием, построенный на импровизации образа «врага»: «Не слушайте офицеров, бейте их, они предатели, бандеровцы, только замаскировались в офицерские погоны». После этого арестованные подожгли гауптвахту.[271]

В нападение на представителей власти перерос в ноябре 1953 г. конфликт пьяных военных строителей с жителями Владивостока. Скандал с местными подростками закончился избиением тех, кто вступился за молодежь. Военный наряд и работники милиции задержали двух хулиганов. Остальные убежали и привели на подмогу около 60 солдат. Толпа потребовала освобождения задержанных. Вооружившись камнями, она окружила отделение милиции и напала на милиционеров. Водворить порядок удалось только с помощью дополнительного воинского наряда и работников особого отдела.[272]

После бурного 1953 г. серьезных столкновений «стройбатовцев» с милицией долгое время не было. Однако в июле 1958 года в непосредственной близости от Москвы, в поселке Перово Московской области (ныне в черте города), вспыхнул очередной конфликт между солдатами-строителями, занятыми на сооружении военных объектов, и рабочими Карачаровского механического завода. Пьяные солдаты самовольно отлучились из части и направились к рабочему общежитию. Там они затеяли между собой ссору. Рабочие попытались вмешаться. Завязалась драка. Оказавшиеся в меньшинстве солдаты послали в казармы за подмогой. Вскоре группа военных численностью 60–70 человек окружила четырехэтажное здание общежития, стала кидать камни в окна и ломиться в закрытые двери. Семеро рабочих получили телесные повреждения, одного из них с сотрясением мозга доставили в больницу.

Прибывшим на место происшествия 15 работникам милиции солдаты оказали сопротивление и угрожали расправой. Пришлось поднять по тревоге весь личный состав городского отдела милиции, вызвать дежурные подразделения из ближайшей воинской части и из города Балашиха. Только после этого удалось прекратить бесчинства солдат. Большинство задержанных при ликвидации беспорядков военнослужащих оказались пьяными.

В «стройбатовских» волнениях на станции Перово в 1958 г. впервые обнаруживаются намеки на некие политические обстоятельства. Как следует из сообщения МВД СССР ЦК КПСС, во время разгрома общежития «в ленинской комнате сорваны и разбиты картины и портреты». (Очевидно, речь идет о каких-то произведениях советского пропагандистского искусства и портретах Ленина, «руководителей партии и правительства»). По другим источникам нам известно, что «осквернение» портретов было обычной формой стихийного протеста против власти. Особенно доставалось в то время портретам Хрущева, которые вывешивали в дни революционных праздников и над которыми немало потрудились безвестные «осквернители», украшая их оскорбительными надписями или, если позволял художественный талант, превращавшими эти портреты в карикатуру. Подобные символические действия, оскорбляющие власть, в конце 1950-х гг., как мы видим, начинают сопутствовать и заурядным межгрупповым конфликтам. В вульгарном хулиганстве обнаруживается редкий намек на анархический протест против власти и ее политических символов.

1955 Год: волнения мобилизованных рабочих

Юридический статус и состав мобилизованных рабочих.

Специфическое место в общем ряду солдатских беспорядков занимают волнения, случаи массового хулиганства и групповых драк, в которых участвовала особая категория военнослужащих — мобилизованные через военкоматы рабочие призывного возраста или переданные из строительных частей для работы на стройках или в промышленности солдаты. Локализованные по времени (все 9 известных нам эпизодов имели место в 1955 г.) и составу участников эти события стали достаточно серьезной социально-политической проблемой для хрущевского руководства, поскольку их спровоцировали (и даже предопределили) не только конкретные обстоятельства места и времени, но и целый букет неуклюжих административных действий власти. В высшей точке своего развития (массовые многодневные беспорядки в Кемерово) события 1955 г. наглядно продемонстрировали Москве, насколько значительным может быть «бунтарский» потенциал и как далеко может зайти стихийная самоорганизация толпы в социально значимом массовом протесте.

Специальные постановления Совета Министров СССР, в соответствии с которыми военкоматы призывали рабочих и направляли их для работы на конкретных предприятиях и стройках, были достаточно распространенной практикой сталинского и послесталинского времени. Этот типичный для советского руководства метод «латания дыр» в трудовом балансе приоритетных стратегических отраслей народного хозяйства с помощью экстраординарных мер породил массу юридических казусов и разногласий правовых интерпретаций. Не ясно было, какие формы уголовного наказания и дисциплинарного воздействия вообще могут применяться по отношению к мобилизованным рабочим. Можно ли, например, рассматривать их самовольный уход с работы как дезертирство, а прогул — как уклонение от военной службы? Или же в данном случае предполагаются более мягкие, «гражданские», меры ответственности?[273]

Военкоматы, вынужденные заниматься несвойственным им делом, фактически, вербовкой рабочей силы, относились к этому занятию как к второстепенному и, поскольку речь шла о «ненастоящей» армии, отбором призывного контингента особенно себя не утруждали, призывали людей с судимостями, больных и т. п.[274] А кроме того, послесталинское руководство занялось новыми бюрократическими импровизациями. Задыхаясь от

дефицита рабочей силы в районах нового стратегического строительства, оно стало расформировывать строительные батальоны и передавать солдат срочной службы в распоряжение строительных организаций «для использования на работах до окончания срока обязательной военной службы».[275] Военнослужащие при этом приобретали формальный статус демобилизованных, получали зарплату, могли располагать своим свободным временем. Предполагалось, что они смогут вернуться домой одновременно с окончанием срока службы своих сверстников в Советской армии.[276]

«Полудемобилизованные» солдаты переживали обычные трудности строительных рабочих, но, в отличие от последних, были лишены свободы перемещения и, в буквальном смысле этого слова, «прикреплены» к строительству. Это новое «крепостное право», конечно же, не имело под собой решительно никаких юридических оснований. Оно ставило личности и группы в маргинальное положение, помещало их в зону особой анархической «свободы». Больше того, имела место как бы двойная маргинализация — «новостроечная» и «военно-гражданская», а значит и двойная предрасположенность к конфликтному поведению — суперконфликтность, отягощенная полукриминальным составом военно-строительного «контингента».

Неумная попытка хрущевского руководства превратить солдат-строителей в «полусолдат-полугражданских», скорее, спонтанная, чем рассчитанная, обернулась против самой власти.

В 1955 г. по районам активного трудового использования военизированных строительных «контингентов» прокатилось три волны волнений и беспорядков. Специфические обстоятельства места и времени трансформировали действие общих факторов в разнообразные формы конфликтного поведения — от массового хулиганства, групповых драк, столкновений группировок и криминальных агрессий против местного населения до осмысленного социального протеста и прямого противостояния власти.

Март. Беспорядки в Каменской области.

Первая волна бесчинств и массового хулиганства охватила в марте 1955 г. города и поселки Каменской области, и так страдавшей от высокой преступности. В январе 1955 г. в угольную промышленность и на строительство шахт прибыли одновременно две потенциально конфликтные группы — около 30 тыс. человек, завербованных по оргнабору, и почти 10 тысяч рабочих, призванных через военкоматы или «условно демобилизованных».[277] Военизированный «контингент» включал в себя значительное число лиц с уголовным прошлым. Большая часть этих людей оказалась в городе Новошахтинске и поселках Гуково и Шолоховка,[278] где впоследствии и вспыхнули беспорядки.

Как писал Генеральный прокурор СССР Руденко в докладной записке ЦК КПСС от 2 июня 1955 г., призыв был плохо организован как Министерством обороны, так и Министерством угольной промышленности СССР. [279] Отсутствовали положения, определяющие права и обязанности призывников. Строительные управления на местах оказались неготовыми к приему многочисленного и взрывоопасного «контингента». Приезжих ждали обычные новостроечные неурядицы: неустроенные общежития, плохое питание, очереди в столовых, плохое медицинское обслуживание, нехватка врачей и аптек, отсутствие досуга и развлечений. Некоторого запаса социальной прочности хватило лишь на то, чтобы новые рабочие на первых порах выполняли нормы выработки, — ничего другого строительному начальству и не требовалось. Однако вскоре началось дезертирство со строек, широко распространилось пьянство и хулиганство.[280]

Местное население было терроризировано. В некоторых городах и поселках началась борьба за доминирование между самими приезжими. Она шла по жестоким законам подавления конкурентов, принятым в уголовных или блатных сообществах. Все это разворачивалось на фоне переживаемого большей частью новостроечного населения стресса адаптации и растущего недовольства отдельных групп местных рабочих.

Криминальная самоорганизация мобилизованного контингента начиналась уже по дороге к месту назначения. Поэтому и проблемы возникли сразу, как только эшелоны с призывниками стали прибывать в Каменскую область. В ночь на 1 марта в Новошахтинск из Московской области прибыли эшелоном 1000 мобилизованных на работу в угольную промышленность. Половина из них должна была остаться в Каменской области, другие — проследовать дальше. «Хозяйственные организации, — сообщало областное управление внутренних дел, — не смогли быстро разместить прибывших по общежитиям, в результате чего часть людей из вагонов направилась в разные места города». Пьяные мобилизованные совершили несколько преступлений. При попытке ограбления продуктового ларька совершено нападение на сотрудника милиции. Последний в целях самообороны применил оружие и ранил в живот одного из нападавших. Раненого доставили в больницу. А группа мобилизованных (до 60 человек) во главе с бывшим уголовником явилась в городской отдел милиции, потребовала выдать раненого и устроила дебош. Милиции удалось прекратить беспорядки и арестовать

главного зачинщика. Были приняты меры к задержанию остальных преступников.[281]

В тот же день, 1 марта, в поселке Шолоховка часть призывников из Белорусского военного округа не вышла на работу, а стала пьянствовать и хулиганить. Несколько человек, угрожая администрации строительного управления расправой, предъявили требования о выдаче завышенных авансов, одежды и бесплатного питания. После этого, собрав вокруг себя около 100 призывников, они затеяли драку с военнослужащими строительного батальона, размещенного в поселке Шолоховка. Вооружившись ножами, железными палками и камнями, хулиганы ворвались в расположение штаба строительного батальона, разбили окна, обезоружили часового и избили восьмерых военнослужащих.

Через четыре дня (5 марта 1955 г.) в поселке Соколовка Новошахтинского района произошло столкновение двух групп мобилизованных рабочих. 18 марта несколько пьяных призывников, прибывших в поселок Самбековские шахты из Приволжского военного округа, во главе с двумя бывшими уголовниками (судимость за грабеж) затеяли ссору с людьми, стоявшими в очереди у магазина. Трех тяжело избили. Возмущенные рабочие задержали хулиганов и учинили над ними самосуд. Торжество первобытного «правосудия» стоило жизни обоим главарям. Трое призывников были тяжело ранены.

23 марта 1955 г. бесчинства и хулиганство военизированного «контингента» в поселке Гуковка Зверевского района приобрели этническую окраску. Группа призывников решила отомстить за старые обиды и, вооружившись железными прутьями и палками, избила мобилизованных узбеков. 3 человека были убиты, 48 получили телесные повреждения.

Все эти ЧП происходили на фоне общего разгула преступности.[282] Областная милиция растерялась и, судя по всему, на какое-то время потеряла контроль над ситуацией в 6 рабочих поселках. Для нормализации обстановки потребовалось вмешательство Москвы. 28 марта 1955 г. Совет Министров СССР отдал специальное секретное распоряжение о расследовании случаев нарушения общественного порядка со стороны лиц, призванных и направленных в Каменскую область для работы в угольной промышленности. В состав правительственной комиссии вошло несколько министров, по ее инициативе были проведены открытые судебные процессы. Вынесенные приговоры были демонстративно жестокими — управляемые советские суды всегда правильно понимали «политическую задачу», что сразу охладило преступный пыл призывников. В поселках Гуково и Шолоховка были созданы оперативные группы милиции численностью в 130 человек; рядовой и оперативный состав милиции в городах Шахты и Новошахтинск был увеличен; в местах расположения призывников была усилена постовая и патрульная служба.[283] Помимо чисто карательных действий власти увеличили отпуск продуктов питания в беспокойные районы.[284] Однако, несколько выправив положение в Каменской области, московские министерские начальники не смогли или не сумели извлечь урок из событий — увидеть за нагромождением неприятных частных эпизодов проблему.

Май: вспышка «праздничных» волнений.

1 и 2 мая 1955 г. в разных районах страны снова вспыхнули беспорядки с участием бывших солдат строительных батальонов и призывников, переданных на строительство предприятий угольной промышленности. Два эпизода произошли в непосредственной близости от Москвы (поселок Сокольники Гремячевского района Московской области и город Кимовск Тульской области). Еще один — в городе Экибастуз Павлодарской области Казахской ССР. В Кимовске развернулось настоящее побоище между бывшими солдатами строительных батальонов, переданными в промышленность, и местными жителями. С обеих сторон участвовало несколько тысяч человек, в основном пьяных. Дополнительным возбудителем стали слухи об убийстве женщины и ребенка и этнический антагонизм (часть бывших «стройбатовцев» были азербайджанцами, узбеками и грузинами). В результате обычный конфликт между «своими» и «чужими» был многократно усилен апелляцией лидеров толпы к чувству этнической солидарности, а поразительная жестокость расправы как бы нашла свое моральное оправдание в праведной мести за «невинно убиенных».

В действительности никакой убитой женщины и ребенка не было, а этнический аргумент оказался фальшивым (среди бывших военных строителей больше половины составляли русские и украинцы, которые так же, как узбеки, азербайджанцы и грузины попали в число пострадавших). Среди слухов, подогревавших толпу, были и какие-то неясные упоминания об антисоветских выкриках бывших стройбатовцев. Местные жители в стремлении уничтожить постоянный источник страха и агрессии готовы были поверить всему, откликнуться на любой провокационный призыв, а заодно и воспользоваться дополнительным «политическим» доводом, окончательно превращавшим противников в «исчадий ада». И «женщину они убили», и «против Советской власти выступают», да еще и «чучмеки» (эту оскорбительную этническую кличку участники беспорядков применяли к кавказцам и узбекам). Одним словом, толпа и ее лидеры подсознательно превращали своих врагов в «нелюдей», выводили их за некую моральную границу, что только и могло хоть

как-то оправдать собственную бесчеловечность и жестокость.

Расследование установило, что 377 строительных рабочих — бывших солдат строительных батальонов, прибыли в г. Кимовск 22 февраля 1955 г. Работали они хорошо, а вели себя отвратительно — хулиганили, участвовали в драках, врывались в женские общежития, избивали и пытались насильничать девушек.[285] За два месяца горожане успели возненавидеть пришельцев. А местная хулиганская «элита» явно искала случая подавить конкурентов. События начались в два часа дня 2 мая 1955 г. с очередной пьяной драки на центральной площади Кимовска. Местные хулиганы вышли победителями, три рабочих азербайджанца были сильно избиты. Спасаясь от преследования, они прибежали в свое общежитие, подговорили товарищей отбить нападение и с палками и ремнями направились к центральной площади. Не обнаружив там зачинщика драки, они избили его товарища. Вскоре, однако, зачинщик вернулся, а вместе с ним еще несколько местных хулиганов. В дело пошли камни и ножи. Военным опять сильно досталось от гражданских (один человек получил ножевое ранение), и они скрылись в общежитии. Прибывшая на место происшествия милиция закрыла вход в здание и оттеснила собравшуюся к тому времени толпу. Когда в 16 часов к общежитию подъехала машина скорой помощи за раненым, хулиганы окружили ее. Группа строительных рабочих, выбежав из общежития с палками и ремнями, попыталась разогнать собравшихся. Однако толпа с криками «Бей чучмеков!» стала бросать камни, и «контратака» захлебнулась.

Именно в это время слухи о якобы совершенных строительными рабочими убийствах и выкриках антисоветского характера придали вульгарному массовому хулиганству некий моральный смысл, а в орбиту событий оказались втянутыми более или менее добропорядочные обыватели. К общежитию стали стекаться местные жители. По показаниям очевидцев, собралось несколько тысяч человек. Было много пьяных. В отличие от инициаторов столкновения и погрома, для которых хулиганские действия были в определенной мере самодостаточными, собравшаяся толпа нуждалась в дополнительных источниках агрессивности и в иллюзорной рационализации происходящего. Уничтожению врага и собственной жестокости нужно было придать некий высший смысл. Раздались крики; «Бей чучмеков, они за Берию!». Имя Берии, превращенного к тому времени усилиями хрущевской пропаганды в самое скверное политическое ругательство, в высшее воплощение враждебных народу сил, окончательно освободило разрушительные инстинкты толпы.

Хулиганы, пользуясь моральной и физической поддержкой собравшихся местных жителей, смело напали на работников милиции, охранявших вход в общежитие, побили стекла в окнах, ворвались в помещение и учинили расправу над оказавшимися там рабочими (несколько человек были больными и лежали на койках). Спасаясь от нападения, строители, не оказывая никакого сопротивления, поднялись на чердак, где укрылись и забаррикадировались.

В течение нескольких часов охваченная манией убийства толпа неоднократно врывалась в общежитие, разыскивала там не успевших укрыться строительных рабочих, избивала их лопатами, молотками, табуретками, камнями, проявляя при этом исключительную жестокость. 6 рабочих — бывших солдат после избиения были выброшены на улицу со 2-го этажа и там забиты до смерти. В орбиту волнений вскоре попали строительные рабочие и из другого общежития. Лишь к 22 часам с помощью дополнительных воинских нарядов (до 450 человек) удалось полностью очистить помещение общежития и оттеснить толпу. Всего в результате побоища было убито 11 строительных рабочих из числа бывших солдат, тяжело ранено 3 человека. В общежитии выбили все стекла, выломали переплеты рам, сорвали двери, поломали столы, кровати, табуретки, взломали чемоданы с личными вещами. Сами вещи были расхищены.[286]

Еще два первомайских эпизода было гораздо скромнее по своим масштабам и разрушительной силе. Но и они сопровождалась столкновениями с властями. В поселке Сокольники Гремяческого района Московской области драка на танцах между группой местной молодежи и бывшими солдатами закончилась смертью двух строителей. Для предотвращения дальнейших столкновений в поселок пришлось направить военные патрули (70 человек) и две оперативные группы работников милиции.[287] Конфликт в Экибастузе имел этнический оттенок. Столкновение строителей со спецпоселенцами-чеченцами сопровождалось нападением на отделение милиции и убийством троих чеченцев.[288]

Очередная записка Генерального прокурора СССР Руденко по поводу этих и мартовских событий 1955 г., указывавшая на большие проблемы применения милитаризованного труда в промышленности и на стройках и необходимость уточнения правового статуса подобных «демобилизированных мобилизованных», эффекта не возымела. Правительство и министерства продолжали импровизации с использованием мобилизованных рабочих. Одна из этих импровизаций закончилась большим скандалом — в сентябре 1955 г. в городе Кемерово произошел наиболее значительный из всех известных конфликтов, связанных с применением милитаризованного труда в угольной промышленности.

Кемеровская стачка (сентябрь 1955 г.).

На этот раз волнения мобилизованных представляли собой социально осмысленный протест против несправедливого решения власти. По своему сценарию они очень походили на стихийную рабочую стачку дореволюционных времен. Однако рабочие имели дело со специфическим собственником — государством, что предопределило как характер конфликта, так и особую чувствительность московского «начальства» к требованиям участников беспорядков.

Расследование обнаружило в Кемерово стандартный набор причин, вызывавших повышенную агрессивность мобилизованных рабочих: множество нарушений трудовой дисциплины, прогулы, простои и в то же время отмены выходных дней и удлинение рабочего дня в случае «авральных» работ, задержки и незаконные удержания из зарплаты, тяжелые условия труда. В некоторых общежитиях было сыро и холодно, столовые и магазины — грязные, рабочих в них часто обсчитывали и обвешивали.[289]

Обнаружились и типичные симптомы «целинно-новостроечного» синдрома: высокая преступность, массовое хулиганство, появление криминализированных группировок, столкновения между этими группировками, терроризирование местного населения, в крайних случаях — столкновения с милицией, погромы, массовые беспорядки. В большинстве своем эти беспорядки не «дорастали» до уровня социально осмысленных действий, а вершиной сформулированных требований было требование наказать «плохих начальников» и освободить задержанных милицией товарищей — иногда действительных хулиганов, иногда попавшихся по ошибке или в результате недоразумения.

Только в ходе кемеровской стачки обычная конфликтность военизированного «контингента», свойственная ему «двойная маргинальность» были облагорожены осмысленным социальным вызовом, настойчивой борьбой за свои права против произвола власти. Это придало массовым беспорядкам мобилизованных рабочих в Кемерово очевидное политическое значение и наглядно продемонстрировало пределы всевластия московских правителей. Оказывается, они совсем не были всемогущи и не могли «делать все, что угодно». «Население» имело свои, спрятанные обычно за жестокостью и бессмысленностью бунтов и волнений, способы народной «корректировки» московской политики. Более того, не выдвигая никаких особенных политических требований, конфликтная группа оказалась в состоянии добиться уступок и «исправления линии», принося в жертву режиму своих стихийных лидеров — их роль зачинщиков беспорядков была оценена властью по самым высоким «ставкам» уголовного кодекса.

Суть вспыхнувшего в сентябре 1955 г. конфликта сводилась вкратце к следующему. 18 июля 1955 г. Совет Министров СССР секретным постановлением продлил до 1 апреля 1956 г. (на полгода!) срок работы строителям, демобилизованным в свое время из строительных батальонов и переданным на строительство двух номерных заводов и Новокемеровского химического комбината. Это постановление противоречило предыдущим обещаниям власти — отпустить домой вместе со сверстниками, проходившими срочную службу в регулярной армии. О принятом решении мобилизованным ничего не сообщили. Более того, строительное начальство пустилось на недостойные уловки, пытаясь решить проблему кадров за чужой счет. Всех мобилизованных перевели на те стройки, откуда (по новому распоряжению Совета Министров СССР) после общего приказа о демобилизации никто уехать домой уже не мог.[290]

6 сентября 1955 г. в газетах был опубликован приказ министра обороны, маршала Советского Союза Г. К. Жукова об увольнении в запас отслуживших свой срок военнослужащих срочной службы. Мобилизованные, остававшиеся в неведении относительно закулисных бюрократических игр, ждали скорого возвращения домой. Однако власти безмолвствовали. И тогда утром 10 сентября, через три дня после публикации приказа, большая группа рабочих строительных батальонов пришла к управляющему трестом и потребовала расчета и увольнения в соответствии с приказом Жукова. В ответ было зачитано упомянутое выше распоряжение от 8 августа со ссылкой на распоряжение Совета Министров СССР от 18 июля 1955 г.

Узнав, что по непонятным причинам и вопреки данным ранее обещаниям срок работы им продлили на полгода, люди возмутились. О дальнейших событиях подробно рассказал впоследствии управляющий трестом Степаненко (запись беседы заверена заместителем начальника следственного отдела управления КГБ по Кемеровской области, стиль документа оставлен без изменений):

«Вопрос: Воспроизведите картину происходивших массовых беспорядков в тресте № 96.

Ответ: 10 числа, это было в начале десятого часа, пришла большая группа из 606-го общежития, где проживают люди разной национальности... начали вести беседу. Все было спокойно. Как только зачитали, что правительство приняло решение временно задержать на строительстве до 1 апреля 1956 г., после этих слов,

тут ничего нельзя было разобрать, все начало трещать, стали ломать, бить. Стали кричать: «Давай отменяй приказ маршала Жукова». Один встал на ноги, берет ручку и чернило (так в тексте. — В. К.), дает мне — подписывай! Каждый вооружен газетами. «Подпиши, что отменяешь приказ Жукова, и ставь круглую печать». Я говорю: «Я не маршал Жуков и не правительство, я каких-либо документов не имею права подписывать». Потом они начали показывать свои документы, которые они получили из Министерства обороны».

Судя по рассказу Степаненко, толпа в это время еще была открыта для диалога с властями. Захватив с собой управляющего трестом, люди отправились в областной военный комиссариат. Но военком заявил, что его это дело не касается, что «это солдаты не мои, они демобилизованные, я к ним никакого отношения не имею, и веди их отсюда, куда хочешь». После препирательств рабочие разошлись, пообещав в понедельник вернуться.

Степаненко отправился в обком КПСС. Там собрались областной прокурор и заведующий административным отделом обкома. Прокурор, подобно военкому, попытался от ответственности уклониться: «Это не решение, а распоряжение, а для этого дела нужен Указ о продлении службы, они отслужили свое время». Стали звонить в Москву. Добрались до заместителя министра строительства СССР. Тот тоже решить ничего не мог и принялся звонить заведующему строительным отделом ЦК КПСС. Но в 6 часов вечера никого на месте не оказалось.[291]

11 сентября, в воскресенье, казалось, что все успокоилось. В саду организовали гуляния строителей. Рабочие подходили к Степаненко, выслушивали его обещания и миролюбиво расходились. В общежитие отправили члена партии, который попытался убедить людей выйти в понедельник на работу и прекратить волынку. Никаких эксцессов в этот день не было, и начальство несколько успокоилось. Впоследствии бюро Кемеровского горкома КПСС, разбирая ход событий, «указало», что заместитель начальника управления КГБ «проявил беспечность и не знал, что делалось среди рабочих накануне массовых беспорядков».[292]

Пока власти тешили себя надеждой на мирное урегулирование конфликта, рабочие уже обрели неформальных лидеров, которые занялись подготовкой стачки. Один из них, уроженец Таджикистана, узбек по национальности, имевший всего два класса образования и работавший бригадиром, ездил к своим знакомым из числа бывших солдат строительного батальона. Вернувшись в общежитие, он рассказал, что они 12 сентября не выходят на работу и все направляются в трест требовать увольнения с работы. Призывал рабочих поддержать своих товарищей и не выходить на работу. После этого трое бывших солдат направились в стройгородок и распространили это сообщение среди всех рабочих, также призывая их к стачке.[293]

Утром 12 сентября, в понедельник, на дверях одного из общежитий была обнаружена анонимная полуграмотная прокламация: не выходить на работу, а идти к зданию треста для решения вопроса о демобилизации с «высшим начальством с министерства строительства».[294] Степаненко так описывал события этого дня: «А в понедельник пришли в кабинет, побили стол, графин, кричали: „Когда нас отпустишь?“... Я стал говорить, что вот есть решение правительства, предложил записать себе номер, но дать его я вам не могу, так как оно секретное. Затем говорю, что есть такое решение и в облвоенкомате... Тут военком говорит: „Что вы их мне привели?“ Я ему говорю: „Я не вожу, а они меня водят“. Он опять сказал, что это не мои солдаты, и мы никакого отношения к ним не имеем, и мы никакого права не имеем их привлекать, служащие твои, и как хочешь, так и делай. Потом, когда они начали переть, лезть, он начал звонить в гарнизон, чтобы прислали войско. Я говорю: не делайте этого, ведь это не полтысячи, не двести человек, это же две-полторы тысячи. Я говорю: я к ним пойду, я не боюсь.

Вопрос: Где он с ними говорил?

Ответ: Он с ними говорил из окна второго этажа. Я вышел во двор и говорю: „Пойдемте в клуб“. Здесь начались выкрики: „Дайте генерала!“ Я говорю: я генералом не распоряжаюсь. И все мы, полторы тысячи человек, прямо пошли в клуб. Я позвонил по телефону в трест, к нам приехал наш парторг Семенов, приехал начальник политотдела — полковник. Там начали разговаривать, я объяснил, что я сообщил в Москву, должны приехать из главка, давайте разойдемся, выйдем на работу. А завтра нужно будет машины, я дам... и будет какая-то ясность... Слушать они не хотели, но разошлись».[295]

Вечером того же дня прилетел из Москвы начальник управления по строительству в районах Сибири Министерства строительства СССР («Сибстрой»). А 13 сентября, во вторник, рабочие, около 2000 человек, собрались у здания треста. Места для всех в клубе не было, и митинг переместился на стадион. Туда же прибыли представители обкома и горкома партии, областной прокурор и военный комиссар, заместитель начальника областного управления КГБ, прилетевший из Москвы начальник «Сибстроя» и управляющий трестом Степаненко. Они попытались «разъяснить» распоряжение правительства. Сначала рабочие слушали

спокойно, но когда, вопреки их ожиданиям, руководитель «Сибстроя» опять повторил, что срок им продлен до 1 апреля, поднялся шум. Начальство с этого момента потеряло контроль за ситуацией. Рабочие стали выходить на трибуну и читать «гарантийные письма», обещавшие демобилизацию вместе со сверстниками. Успокоить их обещаниями не удалось. Официальный митинг был сорван.

«Все бросились ко мне, — рассказывал Степаненко, — начали матом: „Так ты распускай“. Один толкнет, второй толкнет, а потом они окружили и говорят, что нужна кровь. Потом они меня толкнули, я ПОДНЯЛСЯ, ОНИ меня ударили ПО голове и потом под бок, потом по ногам. Затем они меня обыскали, они думали, что решение правительства у меня. У меня был партийный билет. Посмотрели его и положили в карман плаща. Потом они говорят: „Где решение?“. Я говорю: „У меня в тресте“, — и повели меня к тресту. Когда меня вели, я помню, что один черный человек стоял около меня и защищал, он говорил: „Убивать не надо“. А тут такой маленький с ножом лез ко мне, а тот, который меня защищал, его тоже ударил. Меня повели к тресту, я посидел и чувствую, что я теряю сознание. Там они кричат: „Давай приказ“. Я говорю: „Этот приказ не будет иметь силы. Я не могу отменять приказы правительства...“ Потом они все навалились, я чувствую, что уже все. Я говорю: „Военкомат же вас не отпустит“. — „Ну, тогда мы распорем толстый живот генералу“. Когда я подписал приказ, они говорят: „Ну, начальник хороший, несите вина, будем поить“...»

Вопрос: Какие вам помнятся выкрики, заявления из толпы по вашему адресу и вообще?

Ответ: Из толпы я слышал возгласы и крики, что это демонстрация будет известна в Америке, что „сила, которая вооружена одной идеей, чтобы противостоять, такой силы нет“. Милиции не давали подходить. Какой-то подошел ко мне в штатском, они говорят: „Это шпион, гоните всех этих шпионов“. Вытолкнули его. В основном требовали, что надо крови, тогда быстро решение из Москвы придет, во всяком случае, они требовали — убить».[296]

В конце концов, Степаненко потерял сознание и был доставлен в больницу, А толпа, получив «приказ», постепенно успокоилась.

По сравнению с обычными беспорядками и волнениями события в Кемерово отличались довольно высокой самодисциплиной участников. В толпе явно чувствовалась сдерживающая сила, не допустившая бессмысленной крови и человеческих жертв — несмотря на провокационные выкрики и призывы. Участники волнений не занимались обычными в таких случаях грабежами и погромами. Материальный ущерб поражает мизерными для такого большого числа участников размерами.

У стачечников была своя доморощенная идеология, основанная на коллективной солидарности некриминального типа, уверенности в силе объединенных справедливой идеей людей. В то же время в мотивах действий участников стачки присутствовала знакомая российским властям еще со времен крестьянской реформы 1861 г. идея о «поддельной грамоте» и нерадивых чиновниках, искаживших волю высшей власти, в данном случае — маршала Жукова.

КГБ, несмотря на все усилия, так и не удалось обнаружить в действиях участников беспорядков даже намек на «антисоветскую агитацию». Участники волнений в Кемерово готовы были ждать (и ждать достаточно терпеливо), когда, наконец, придет «правильная бумага» из Москвы. Выкрики о том, что происшедшее станет известно в Америке, похожи на подсознательную попытку «пристыдить» власть: что о нас подумают «империалисты»?! Московское руководство, со своей стороны, решило в этом случае пойти на компромисс с «народом» и поддержать репутацию доброго и справедливого ЦК. 300 агитаторов, направленных в трест «для проведения политработы» не уставали повторять: «имеется распоряжение правительства о демобилизации их с 1 декабря 1955 г.»[297] Целых четыре месяца «бунтовщики» у «начальства» отыграли!

По делу об организации массовых беспорядков в строительном тресте № 96 к уголовной ответственности было привлечено пятеро молодых людей (1931-1932 года рождения). В ноябре 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Кемеровского областного суда вынесла жестокий приговор. В. П. Михневич был осужден к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества и последующим поражением в избирательных правах на 5 лет, А. В. Новгородцев — к семи годам с конфискацией имущества и последующим поражением в избирательных правах на 3 года, А. Д. Диденко — к 6 годам с конфискацией имущества и последующим поражением в избирательных правах на 3 года. Длительные сроки получили Т. Кулахматов и И. И. Сивчук. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в процессе пересмотра дела выяснила, что никто из осужденных ни 10, ни 11 сентября в беспорядках и погроме не участвовал, вооруженного сопротивления не оказывал, тем более не был организатором и руководителем волнений. 24 февраля 1956 г. приговор Кемеровского областного суда был отменен, деяния, осужденных перекалвалифицированы, а сроки

лишения свободы снижены.[298]

Спустя месяц отголоски кемеровских событий донеслись до Киселевска — небольшого городка в той же Кемеровской области. Тридцатишестилетний Иван Трофимович Жуков — заместитель начальника Киселевского городского отдела МВД по политической части, член КПСС, участник Великой Отечественной войны, имевший боевые награды, сформулировал бессознательно мучившую «бунтовщиков» мысль о «неправильном коммунизме» и несправедливостях власти. Добропорядочный советский гражданин под впечатлением событий в Кемерово написал, расклеил по городу и отправил в ЦК КПСС несколько листовок:

«Товарищи шахтеры, рабочие! Рабочие Кемерово в сентябре бастовали. Почему бастовали? Они бастовали против противозаконных действий, произвола советской буржуазии, а не против советской власти.

Основной закон советской власти — это все для блага народа. Так говорят в лекциях и пишут в газетах. Что же на деле? На деле другое. Благами жизни пользуется небольшая кучка людей — советская буржуазия и их, прихвостни...

Рабочим муки нет или один мешок на 1000 человек, а для горкома партии привозят для закрытого распределения. Вот так вольная торговля...

Товарищи, критика на собраниях не помогает. Читайте наши листовки и передавайте их содержание своим товарищам. Выявляйте советских буржуев, произвол их в отношении вас и пишите листовки. Ищите контакт с нами.

За советскую власть без буржуазии.

„Союз справедливых“».[299]

Те слова, которые кемеровская толпа не умела и не могла сформулировать и произнести, но которые искала, мучаясь косноязычием, — о «неправильных» и несправедливых чиновниках — «советской буржуазии», подрывающих «правильную» советскую власть, в конце концов прозвучали — в другом месте и в другое время, но по тому же поводу. Сторонники режима испытали первое разочарование в коммунистической утопии. «Рай на земле» был украден «советской буржуазией» у народа.

Глава 5

Насильственные этнические конфликты на целине. Ингушский погром в Джетыгаре

География насильственных этнических конфликтов. «Конфликтные» этносы и власть

Основными районами насильственных этнических конфликтов и столкновений были в 1950-е гг. целина, новостройки и Северный Кавказ. Здесь произошло 20 из 24 известных нам открытых столкновений с этнической окраской. Вне обозначенной конфликтной зоны этническая напряженность либо находила себе иные, ненасильственные, формы выражения, либо носила политический характер (националистическое подполье на Западной Украине и в Прибалтике, боровшееся непосредственно с «имперским» государством специфическими методами «тайной войны»), либо существовала в латентном, «тлеющем», неочевидном для властей виде. Две групповые драки в Калмыкии, сопровождавшиеся выкриками «бей русских!» и «бей калмыков!»,[300] хулиганское нападение группы эстонской молодежи на русских (1957 г.),[301] стихийная демонстрация эстонских студентов в Тарту в ноябре 1957 г., для разгона которой понадобился наряд дежурного войскового подразделения,[302] и даже 11 «сомнительных» эпизодов, содержащих некие намеки на «этничность», но не воспринятые властями в этом качестве, вряд ли могут изменить общую картину.

Из анализа 24 известных нам «конфликтных пар» 1953–1960 гг. видно, что 13 из них составили столкновения чеченцев и ингушей (вайнахи) с русскими, 3 — с осетинами и аварцами, что дает почти 70 процентов всех известных нам насильственных этнических конфликтов. По вовлеченности в подобные конфликты чеченцы и ингуши уступали только русским (16 зафиксированных эпизодов с участием чеченцев и

ингушей против 19 эпизодов с участием русских).

Большей активностью в насильственных конфликтах (так же как и «антиимперскими» настроениями и действиями в прошлом) отличались чеченцы. В ссылке время от времени между двумя родственными этносами возникали споры, кто из них больше «виноват» в депортации. Как сообщал министр внутренних дел СССР Круглов Сталину, Молотову, Берии и Жданову в августе 1946 г., некоторые спецпереселенцы-ингуши, занимавшие в прошлом высокие посты в партийно-советской иерархии, «в беседах высказывали предположение, что ингушей не выселили бы, если бы они не были объединены с чеченцами». На почве этих разговоров, писал Круглов, даже «возник антагонизм между чеченцами и ингушами. Последние считают, что чеченцы первыми организовали банды и помогали немцам в оккупации Северного Кавказа».[303]

Вайнахи в 1944 г. были депортированы, главным образом, в Казахстан (335 тыс. чеченцев и ингушей), еще около 77 тыс. находилось на спецпоселении в Киргизии). В период ссылки, когда действовали так называемые ограничения по спецпоселению — запрет на свободу перемещения, систематические «проверки наличия» в спецкомендатурах, другие жесткие способы полицейского контроля (после войны депортированным народам было возвращено лишь пассивное избирательное право — они участвовали в выборах в Верховный Совет СССР в 1946 г.), «наказанные народы» (выражение А. Некрича) не доставляли особых хлопот правительству.

Понимая собственное бессилие перед жестокой государственной машиной и ее «всевидящим оком» — НКВД (МВД), чеченцы и ингуши, как и остальные депортированные этносы, демонстрировали внешнюю покорность, казалось, смирились, начали налаживать жизнь, обзаводиться хозяйством и обживаться в местах ссылки. Внимательно наблюдавшее за спецпереселенцами московское партийное начальство (Сталин, Молотов, Берия, Жданов) получило в августе 1946 г. успокоительные известия от министра внутренних дел СССР Дудорова: «Опубликование закона об упразднении Чечено-Ингушской АССР большинством спецпереселенцев чеченцев и ингушей встречено как мероприятие, окончательно исключающее перспективу их возвращения к местам прежнего жительства, в связи с чем они делают вывод о необходимости быстрее устраиваться на постоянное жительство в местах нового поселения».[304]

В какой-то мере миролюбивые высказывания вайнахов, во множестве приведенные в докладной записке Дудорова, носили демонстративный тактический характер. Они и произносились в расчете на то, что «слова смирения» дойдут до «начальства». В своем кругу, среди надежных людей, чеченцы говорили по-другому. Их не покидала надежда, питавшаяся самыми невероятными слухами: якобы США, Англия и Франция на предстоящей международной конференции потребуют от советского правительства возвратить спецпереселенцев в места прежнего жительства[305] и т. п.

Вообще, закончив депортацию, полицейское государство позаботилось о том, чтобы использовать старые и создать новые механизмы контроля за «опасными» этносами. Высланная вместе со всеми национальная партийно-советская элита сохранила свое членство в Коммунистической партии. Последнее давало некоторые привилегии (впоследствии члены партии первыми будут освобождены от «ограничений по спецпоселению»), но морально обезоруживало, делало советскую элиту неспособной возглавить активное сопротивление или просто влиять на общественное мнение.

Нейтрализовав «советскую» этническую элиту и интеллигенцию, тайная полиция занялась религиозными авторитетами и муллами, всегда находившимися как бы в естественной оппозиции к «неверным». Наряду с репрессиями против непримиримых органы госбезопасности довольно широко (и иногда не без успеха) использовали более лояльную часть мусульманского духовенства для контроля за поведением «опасных» народов. Кроме того, МВД Казахской ССР в 1946 г. сумело успешно провести «разложение нескольких антисоветских группировок, состоявших из мусульманского духовенства». Проповедь распропагандированных мулл, если верить министру внутренних дел Дудорову, способна была творить чудеса — например, улучшать трудовую дисциплину и даже повышать в два раза производительность труда.

Чеченцы и ингуши: между ссылкой и репатриацией

До 1954 г. депортированные народы, которым, по замыслу Сталина, предстояло остаться в местах высылки навечно, не доставляли властям особых волнений (жестокими мерами удавалось прекращать даже побегι свободолюбивых вайнахов на родину). Затем начался половинчатый и противоречивый процесс реабилитации и возвращения гражданских прав. В течение 1954, 1955 и первой половины 1956 г. были сняты с учета по спецпоселению, но без права возвращения к прежним местам жительства, все немцы, крымские

татары, калмыки и балкарцы.

Под подозрением у власти дольше других находились карачаевцы, чеченцы и ингуши. Правда «поблажки» были сделаны и им. 5 июля 1954 г. были сняты административные ограничения с детей в возрасте до 16 лет. Молодежь могла вздохнуть свободней. 10 марта 1955 г. чеченцы, ингуши и карачаевцы, как и все спецпоселенцы, получили право иметь паспорта, а 9 мая 1955 г. постановлением Президиума ЦК КПСС были ликвидированы ограничения для членов КПСС.[306]

Все эти принципиальные и в меру осторожные политические действия совпали по времени с массовым приливом нового населения в районы освоения целинных и залежных земель. В бурлящем котле социальных страстей и групповых конфликтов возникли новые потенциально конфликтные группы — освобожденные от полицейского контроля, но лишенные (до 1957 г.) права вернуться на родину репрессированные народы. Сегодня можно только предполагать, в каком направлении развивалась бы конфликтная ситуация на целине, если бы за снятием ограничений по спецпоселению довольно быстро не последовало другое решение — о восстановлении автономий большинства депортированных народов (кроме немцев Поволжья и крымских татар), что несколько разрядило ситуацию.

Судьба чечено-ингушской автономии какое-то время висела на волоске. Чеченцам и ингушам предстояло вернуться не на старое пепелище, а на землю, обжитую после их депортации новыми поселенцами из Центральной России и из малоземельных районов Северного Кавказа. Намерение высшего московского руководства восстановить чечено-ингушскую автономию неожиданно встретило очень скептическое отношение «главного полицейского» — министра внутренних дел Дудорова. Зная о потенциально высокой активности этих этносов и опасаясь эксцессов на Северном Кавказе, Дудоров доказывал нецелесообразность восстановления чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. Он предлагал чисто бюрократическое решение — создать автономную область (даже не республику) для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии.[307] Сам того не подозревая, советский министр повторял опасливую логику и аргументы царского правительства, которое, зная о высоком «антиимперском» потенциале чеченцев и ингушей, никогда не признававших легитимности власти «белого царя», мечтало о полной депортации «возмутителей спокойствия». В конце XIX в. были сделаны даже первые практические шаги — организовано «добровольное» переселение 2000. чеченских семей в Турцию, откуда они впоследствии нелегально вернулись назад или перебрались на Ближний Восток.

Оставим в стороне моральную сторону дела. Она очевидна. Но и с чисто утилитарной, полицейской, точки зрения оставлять чеченцев и ингушей на целине было опасно. Оба народа обжились и адаптировались к новой ситуации. Большинство из них работало в колхозах и совхозах, а также на предприятиях цветной металлургии, в угольной и местной промышленности. За 12 лет многие получили трудовую квалификацию, построили собственные дома с приусадебными участками или жили в коммунальных квартирах. И как ни рвались чеченцы и ингуши на родину, а среди них в середине 1950-х гг. возвращенческие настроения были особенно сильны, они в то же время чувствовали себя местными жителями, испытывавшими на себе мощное давление новой миграционной волны, все «прелести» целинно-новостроечного синдрома, и были способны внести свой «вклад» в «целинные» волнения и беспорядки.

Насильственные конфликты на целине с участием чеченцев и ингушей

Обладая высокой внутренней самоорганизацией, сохраняя и в ссылке традиции мюридов (иерархически организованные мусульманские религиозные братства, а перед войной в Чечено-Ингушской АССР в них, по оценке НКВД СССР, состояло около 20 тыс. человек[308]) эти этносы, только что пережившие стресс депортации и ссылки, на натиск новой переселенческой волны из России в Казахстан были способны ответить (и в ряде случаев ответили) встречной агрессией. По своей форме насильственные этнические конфликты с участием вайнахов мало чем отличались от обычных для целинных и новостроечных районов коллективных драк, массового хулиганства, столкновений соперничавших молодежных группировок. В ряде случаев чеченцы и ингуши были очевидными жертвами агрессии со стороны пришельцев, в Других — инициаторами столкновений. До серьезных этнических волнений и беспорядков дело на казахстанской целине обычно не доходило.

В первых известных нам конфликтах русских с чеченцами и ингушами представители репрессированных народов выступали еще в качестве спецпоселенцев (декабрь 1954 г.), причем дополнительным мобилизующим фактором для русских участников коллективной драки в селе Елизаветинка (Акмолинская

область Казахской ССР) стали политические обвинения в адрес чеченцев. Учащиеся школы механизации называли их не иначе как «предателями и изменниками родины».[309] Других подобных случаев «политической» мобилизации русских участников этнических столкновений в Казахстане, насколько нам известно, не было. Это, впрочем, никак не отразилось на криминальной активности известных нам по предыдущей главе мобилизованных в угольную промышленность рабочих. В мае 1955 года драка одного такого рабочего со спецпереселенцем-чеченцем в г. Экибастузе (Павлодарская область Казахской ССР) закончилась пьяным чеченским погромом, переросшим в нападение русских хулиганов на помещение милиции — там укрылись от нападения чеченцы.[310]

16 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР снял ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. Отмена административного контроля (не надо было больше являться регулярно в спецкомендатуры для проверки) не давала, однако, права ни на реституцию имущества, конфискованного при выселении, ни на возвращение на родину. Между тем, чеченцев и ингушей охватили мощные возвращенческие настроения. Под разными предлогами они стали самовольно возвращаться на Северный Кавказ. Остановить этот порыв можно было только силой. На это хрущевское руководство не могло пойти по политическим причинам. Только что Хрущев в секретном докладе на XX съезде КПСС разоблачил преступления Сталина, в том числе и насильственную депортацию народов. Действуя осторожными полицейскими мерами, увещеваниями и обещаниями скорого восстановления автономии, власти сумели на какое-то время остановить волну самовольного возвращения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ.

Восстановление чечено-ингушской автономии и массовая репатриация вайнахов

9 января 1957 г. Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР восстановили чечено-ингушскую автономию и определили ее территориальное устройство. Запрет на возвращение на родину был отменен. Для организации репатриации был создан специальный Оргкомитет, который до выборов Верховного Совета АССР должен был заниматься «хозяйственным и культурным строительством на территории республики».[311]

После этого политического решения этнические конфликты на целине с участием чеченцев и ингушей практически прекратились — до лета 1958 г. Однако напряженность ситуации сохранилась и даже усилилась. С наступлением весны начался массовый стихийный выезд чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую АССР. Люди боялись пропустить время весенних сельскохозяйственных работ. Но на дороге их встречали милицейские кордоны. В городах и пристанционных поселках скопилось большое количество неустroенных и нетерпеливых людей.[312] Агентура МВД сообщала, что все чеченцы и ингуши готовятся выехать к местам прежнего жительства в мае-июне.[313] Можно было ожидать массовых беспорядков. Возле здания Карагандинского Обкома партии ежедневно собирались большие толпы чеченцев и ингушей, останавливали машины секретарей обкома партии и требовали, чтобы им разрешили свободный проезд.[314]

Никаких законов, вообще юридических решений, которые препятствовали бы немедленному выезду, не было. Органы МВД, задерживая чеченцев и ингушей на станциях и снимая их с поездов, действовали на свой страх и риск. Это был неприкрытый произвол, который может быть и основывался на здравом смысле бюрократов, но решительно никаких юридических оснований под собой не имел. Занятое полицейскими проблемами, советское руководство, казалось, даже не заметило, что вместо «обычных» стихийных беспорядков и насильственных конфликтов оно столкнулось с явлением более существенным. Весенние события 1957 г. реанимировали вековой конфликт между «империей» и этносом, придали ему новое звучание, усилили новыми обидами.

МВД СССР, хотя и вставшее на путь произвольных административных решений, все-таки добивалось от местных партийных властей предоставления временного жилья и работы задержанным в дороге вайнахам. [315] Одновременно МВД просило у ЦК КПСС дополнительных ограничений на свободу передвижения чеченцев и ингушей (не снимать их с партийного и комсомольского учета по месту поселения, не продавать билеты на поезда и т. п.[316]) Все это было типичной полицейской импровизацией, которую ЦК КПСС, тем не менее, поддержал.

Летом 1957 г. возвращение чеченцев и ингушей на родину было временно приостановлено. У московского начальства были свои резоны. Оно оказалось как бы между двух огней. Чеченцы и ингуши, распродавшие дома и часть имущества, ушедшие с работы и сидевшие на чемоданах в конфликтной целинной зоне,

представляли собой потенциально дестабилизирующий фактор на целине. Однако и на Северном Кавказе складывалась напряженная ситуация — массовое и стихийное возвращение вайнахов к родным очагам застало власти врасплох. Центр этнических конфликтов начал перемещаться в чеченские районы. Там все чаще вспыхивали конфликты между вайнахами и переселенцами, занявшими после 1944 г. их дома и земли. Неуклюжие импровизации начались и там. Выбор был сделан из двух зол — чеченцев и ингушей предпочли задержать на целине, где уже было «налажено» полицейское обеспечение «организованного переселения».

Апрель 1957 г. Кордоны на дорогах

Чтобы остановить стихийный поток «возвращенцев», понадобилась широкомасштабная «операция». 8 апреля 1957 г. министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров доложил секретарю ЦК КПСС Н. И. Беляеву: «были приняты меры к немедленному прекращению этого переезда, задержанию переезжающих без разрешения Организационного комитета и возвращению их к местам бывшего поселения. В результате принятых мер дорожными отделами милиции при помощи территориальных учреждений внутренних дел к утру 8 апреля неорганизованное передвижение чеченцев и ингушей по железным дорогам было прекращено». Вместе с тем, по сообщению министра внутренних дел Казахской ССР, в областных центрах республики к тому времени уже скопилось большое количество чеченцев и ингушей, «которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства».[317]

В деятельности оргкомитета, который собственно и должен был ввести процесс стихийного возвращения в берега административного контроля, обнаружились серьезные злоупотребления, и факты коррупции.[318] Виновные получили партийные взыскания. Но оргкомитет, злоупотребления которого были многократно преувеличены слухами, уже потерял доверие вайнахов и не мог контролировать ситуацию. Кроме того, среди чеченцев и ингушей было распространено мнение, что некоторые члены оргкомитета, бывшие руководители Чечено-Ингушской АССР, являлись соучастниками депортации. Комитету не помогли даже попытки опереться на авторитетных стариков и членов семей шейхов.

Массовое бегство продолжалось. Его не остановили даже попытки подкрепить полицейский произвол массовой пропагандой и экономическими стимулами — право на получение довольно значительной ссуды на строительство домов, приобретение крупного рогатого скота и т. п. имели только те бывшие спецпоселенцы, которые возвращались «в организованном порядке».[319] Спустя почти полтора года после весенних событий 1957 г, органы МВД СССР еще продолжали ловить и задерживать «беглецов».

В 1958 г., летом — традиционное время притока на целину массы временных рабочих для сельскохозяйственных работ и «попутных» групповых драк и массового хулиганства, в Казахстане снова начались конфликты с участием чеченской и ингушской молодежи.[320] Этих конфликтов было не так много (нам известно три эпизода), и ничем особенным из обычного ряда целинных столкновений между местными и пришлыми они не выделялись.

К весне 1959 г. большинство вайнахов уехали.[321] Некоторые решили остаться. В их числе оказались будущие жертвы жестокого ингушского погрома и массовых беспорядков в городе Джетыгаре Кустанайской области Казахской ССР.

Июль 1960 г. Ингушский погром в Джетыгаре

Богачи Сагадаевы. События 31 июля 1960 г. начинались как типичное «целинное» столкновение между местными (постоянными жителями города — ингушами) и пришельцами. Однако дальше все пошло по необычному сценарию. Местные жители (не ингуши) не только не дали отпора чужакам, но присоединились к ним, Привнеся в конфликт вопиющую жестокость.

Ингушская семья Сагадаевых (фамилия изменена) была традиционной по своему составу — многодетная (14 детей), объединявшая под одной крышей три поколения. Главе семейства, пенсионеру, было 58 лет. Двое сыновей имели «хлебные» профессии зубного техника. Один работал в больнице, другой практиковал на дому. Два других сына были шоферами — работа, которая в провинции всегда считалась источником надежного дохода и «левых» заработков. Достаток, и немалый, в доме был. Семья купила две новых автомашины

«Победа» — и одной было бы достаточно, чтобы прослыть на всю жизнь богачами. В доме хранилось много дорогостоящих тканей, большое количество пшеницы и другие нужные и дефицитные в то время вещи, например, 138 листов кровельного железа. Все это в то время нельзя было просто купить, нужно было еще и «достать», «уметь жить», что в народном сознании ассоциируется обычно с хитростью и изворотливостью, а также с некоторой «неподсудной» нечестностью. Одного из братьев подозревали в том, что накануне событий он с помощью нехитрой махинации сумел похитить 2800 кг зерна. В возбуждении уголовного дела было отказано, поскольку подозреваемый был зверски убит во время беспорядков.[322] Сведения о предполагаемом хищении попали даже в обвинительное заключение по делу одного из убийц, как бы оправдывая косвенно его поступок.[323] Все остальные подозрения не подтвердились.[324]

Семья, судя по всему, жила довольно замкнуто. Сыновья, если верить сообщениям милиции, держали себя как «хозяева жизни», «вели себя по отношению к гражданам вызывающе, были случаи хулиганских проявлений с их стороны».[325] Подобное агрессивное самоутверждение, как мы знаем, было довольно, типично для многих конфликтных групп на целине и новостройках.

Оно представляло собой парадоксальную форму адаптации к чужой и чуждой среде в условиях глубокого культурного стресса. Особенность данной ситуации, отягощенной этнической конкуренцией, только в том, что в роли конфликтной группы выступает не случайное или формирующееся сообщество людей, а сплоченная как единое целое семья. И семья эта вызывала зависть и раздражение населения города Джетыгара. В обвинительном заключении специально подчеркивалось, «одной из причин массового беспорядка и самосуда над лицами ингушской национальности явилось то, что пострадавшие... вели подозрительный (преступный) образ жизни».[326]

Толпа и демобилизованные моряки.

В беспорядках по разным сведениям участвовало от 500 до 1000 жителей города Джетыгара. Следствие утверждало, что «вовлечению в групповую драку большого количества жителей гор. Джетыгара способствовало, главным образом, подстрекательство и активное участие в бесчинствах ранее неоднократно судимых и морально разложившихся лиц, большинство из которых были пьяны».[327] Однако большинство осужденных не были в прошлом судимы, а биографии имели ничем не замечательные. Вообще же местные жители предстают в материалах дела как некая аморфная и безликая масса — толпа, почти лишенная индивидуальностей, но воодушевлявшая своим грозным дыханием активных участников конфликта. В деле постоянно мелькают некие неназванные люди — то подростки, которые принесли родительское ружье и передали участникам нападения, то похитители украденного имущества (украденного уже у самих погромщиков), то распространители слухов, собравшие толпу у дома Сагадаевых. Больше о них ничего неизвестно, они как бы на миг возникали из толпы и тут же снова растворялись в массе людей. Общей для всех была ненависть к «нечестным богачам» Сагадаевым. «Нечестность» еще можно было простить, «все не без греха», но нельзя было простить «богатство». Лишь однажды в материалах дела мелькнуло упоминание о Н. Г. Ершове (фамилия не изменена), призывавшего участников погрома к порядку, за что его тут же ударили по липу.[328]

Демобилизованные моряки (их столкновение с одним из Сагадаевых и его другом стало прелюдией погрома и массовых беспорядков) представляли собой довольно типичную «целинно-новостроечную» конфликтную группу. Они были «чужаками», только что приехали в город (с момента приезда до кровавых событий прошло меньше месяца), учились на курсах шоферов, жили в 8 километрах от города, получали очень маленькую стипендию, и, кажется, были не очень довольны жизнью: развлечений мало, в клубе автобазы нет ни кино, ни проигрывателя, ни шашек с шахматами.

В агрессивных действиях моряков не чувствовалось ни этнической неприязни, ни какой-то особенной социальной зависти к Сагадаевым. Слишком плохо они еще знали город и горожан. В письме-жалобе бывших матросов Балтийского флота, направленном вскоре после событий Л. И. Брежневу, говорилось только об одном, достаточно стандартном для конфликтных сообществ мотиве — столкновении с группой-конкурентом. Незадолго до погрома ингуши обругали и избили на танцах одного из демобилизованных моряков.[329]

31 июля 1960 г. демобилизованные матросы выпили по случаю Дня военно-морского флота и пьяные бродили по городу. Около 3 часов дня трое моряков оказались в центре города, у плотины. Там возле грузовой машины стояли Сагадаев и его друг-татарин, тоже пьяные. Все участники конфликта, вспомнив прежние обиды, повели себя агрессивно и вызывающе. Один из моряков ударил татарина, в ответ ему до крови разбили нос. Разгореться драке помешали трое прохожих (судя по фамилиям, ингуши или татары). Они разняли драчунов.

Сагадаев с товарищем уехали. А оставшиеся моряки затеяли драку с новыми противниками. На место событий прибыла милиция. Пострадавшего с разбитым носом отправили в больницу. О драке узнали его товарищи (15–20 человек) и кинулись разыскивать злополучную троицу обидчиков. Поиски закончились неудачей. Но моряки не унимались, искали дом Сагадаевых. Милиция, предвидя недоброе, попыталась ликвидировать конфликт и задержать Сагадаева и его друга «для выяснения», но опоздала. У Сагадаевых милиционеры оказались почти одновременно с группой решительно настроенных моряков.[330]

Побоище у дома Сагадаевых.

Когда милиция выводила Сагадаевых со двора, к ним подбежала большая группа бывших матросов и стала избивать задержанных. Те с помощью милиции вырвались и скрылись в доме. К этому времени у усадьбы уже собралась большая толпа местных жителей (от 500 до 1000 человек). Раздались призывы расправиться с Сагадаевыми. Некоторые призывали к неповиновению милиции. Возбужденная толпа начала штурм дома, в окна посыпались камни и палки.

Семья готовилась к самообороне. В доме оказались две мелкокалиберные винтовки и три охотничьих ружья, на которые у Сагадаевых имелось разрешение от милиции — очевидно, будущие жертвы чувствовали себя неуютно в городе и заранее готовились защищать себя и свое добро. В конце концов, на агрессию толпы шестеро оказавшихся в доме мужчин ответили стрельбой. Кажется, стрельба велась прицельно — по морякам, которые выделялись из толпы своей формой.[331] Одна пуля случайно задела милиционера. По данным служебного расследования, он прибыл на место происшествия в разгар событий, увидел нескольких человек, раненых Сагадаевыми, получил легкое ранение в лицо и «открыл стрельбу из имевшегося у него служебного пистолета по дому».[332]

Сотрудники милиции попали в двусмысленную ситуацию. С одной стороны, они пытались остановить беспорядки и защитить Сагадаевых, с другой — после начала стрельбы фактически приняли участие в штурме вместе с толпой. Следствие отмечало впоследствии «отсутствие должной организации» в действиях милиционеров и прибывшего на место происшествия войскового подразделения — 20 безоружных солдат из автобатальона частей ПВО. На деле это означало применение военными гексахлорановых шашек, беспорядочную стрельбу милиционеров по дому и т. д.[333] В результате значительная часть толпы просто перестала понимать, что происходит. То ли они на свой страх и риск громят дом «богачей», то ли помогают начавшей штурм милиции, то ли милиционеры и солдаты пытаются спасти от расправы ингушей. Ожесточение нарастало по мере того, как выстрелами из оборонявшегося дома были ранены около 15 человек местных жителей и демобилизованных матросов (один человек впоследствии умер в больнице).

Оружие оказалось и в руках нападавших. Началась ответная стрельба. К дому подъехал самосвал, под защитой его поднятого металлического кузова атакующим удалось приблизиться к забору. Кто-то забрался на крышу дома и бросал оттуда камни. Один из подсудимых в своей жалобе впоследствии так описывал ход событий:[334]

«Со стороны дома, недалеко находившегося от толпы, раздавались выстрелы. Народ требовал от нас, чтобы мы помогли обезоружить ингушей, которые убили несколько матросов, Я спросил: „А где же милиция, и почему они допускают эти беспорядки?“...мне ответили: „Милиция испугалась и убежала“. Подробно расспросить я не успел, так как в это время я увидел, как трое ингушей выбежали на улицу с оружием в руках, а у одного из них было две мелкокалиберки, и начали стрелять в толпу. И действительно, на моих глазах упал один матрос, который стоял на краю крыши, этого матроса сняли с крыши и унесли какие-то гражданские... Вокруг кричали, что эти матросы убиты насмерть. Вокруг все шумели, что немедленно нужно разоружить ингушей. Я поглядел вокруг, надеясь увидеть работников милиции, но ни одного из работников здесь не было. Люди шумели вокруг, что с голыми руками ингушей не обезоружить, нужно принести несколько ружей и припугнуть ингушей, чтобы они прекратили убивать людей и сдали оружие. В это время ко мне подошли несколько подростков лет пятнадцати и сказали, что у них дома есть ружье, и они могут его дать, я пошел вместе с этими ребятами. Дома ребята дали мне ружье и патронташ с патронами. Я решил взять ружье для того, чтобы помочь обезоружить ингушей, а именно чтобы их припугнуть... И я отправился к месту, где продолжали слышаться выстрелы.

По дороге к месту происшествия ко мне подошла женщина и сказала: „Не ходи туда к дому сынок, там тебя могут убить. Ингуши ваших матросов уже много убили“».

В это время толпа жестоко добивала оказавшегося в беспомощном состоянии старшего Сагадаева — в отместку за раненых и убитого при штурме моряка. Оставшиеся в живых участники обороны дома готовились вырваться из окружения на машине.[335]

Поджог, погоня и нападение на милицию.

Возбужденную толпу не привели в чувство даже совершенные убийства. Кто-то проник в дом и поджег его. Во время пожара часть нападавших принялась грабить имущество Сагадаевых. Другими же овладела жажда бессмысленного разрушения. Им было не до корысти. Они просто хватали вытщенные из дома вещи и снова бросали их в огонь. Заодно сгорела одна из машин Сагадаевых и принадлежавший их гостю с Северного Кавказа мотоцикл.[336] В обвинительном заключении по делу о массовых беспорядках эти лишённые всякой логики действия одного из активных участников событий описывались следующим образом: «Во время начавшегося пожара неоднократно заходил в горящий дом и выносил оттуда различные вещи и предметы и бросал их в огонь, разбил-радиоприемник и настольные часы. Кроме того, вместе с другими участвовал в поджоге пшеницы, сложенной в мешках во дворе дома...».[337]

Прибывшие на пожар работники пожарной охраны так и не смогли приступить к тушению пожара. В их адрес раздались угрозы, выглядевшие весьма убедительно на фоне уже пролитой крови. А при первой же попытке погасить огонь, пожарная машина была выведена из строя. Дом и все имущество Сагадаевых сгорели дотла.

Пока большая часть толпы уничтожала жилище и имущество Сагадаевых, ингуши, вырвавшиеся из дома на машине, выехали за город и попытались скрыться. Началась погоня. Группа матросов и местных жителей на трех грузовиках стали преследовать убежавших. И снова возникла непонятная для всех участников событий ситуация. В том же направлении на двух автомашинах ГАЗ-69 выехали и работники милиции во главе с начальником районного отделения милиции и дружинники. И опять дело выглядело так, будто погромщики и милиция действуют заодно — ловят преступников.[338]

Ингуши, увидев, что их преследуют, возвратились в город и попытались укрыться в здании милиции. Они ворвались в открытый кабинет начальника. Быстро собравшаяся около милиции толпа (400–500 человек) принялась бить окна, ломать двери и требовать выдачи Сагадаевых. Те, в свою очередь, снова открыли стрельбу. Выстрелы, как казалось очевидцам, раздавались непрерывно. Несколько человек получили ранения. Попытки милиционеров защитить ингушей от самосуда немедленно сделали их самих объектом агрессии. Часть толпы ворвалась в служебное помещение. Была обрезана телефонная связь (вероятно, боялись, что милиционеры вызовут подмогу и помешают расправе), обезоружен постовой милиционер, охранявший камеру предварительного заключения, избит ответственный дежурный. Участники нападения «под угрозой насилия» заставили начальника районного отделения милиции открыть КПЗ и другие служебные помещения.[339]

В здании милиции и вокруг него царила полная неразбериха. Кто-то безуспешно пытался успокоить толпу, другие набросились на начальника отделения и пытались его обезоружить — собирались стрелять в ингушей, третьи останавливали нападавших,[340] Большинство искало ингушей. Их нашли в кабинете начальника милиции и жестоко убили. Толпа забрасывала свои жертвы камнями, топтала ногами, подкладывала под колеса автомашины и т. п.[341]

Что это было? Беспорядки в Джетыгаре, больше походили не на «обычные» целинно-новостроечные волнения, а на дореволюционный еврейский погром. Однако за оболочкой этнического конфликта скрывалась скорее уродливая эгалитаристская реакция послесталинского массового сознания на новое социальное явление — на рубеже 1950–60-х гг. его назовут «дачным капитализмом». В послевоенном советском обществе, вылезавшем из ямы сталинских «чисток» и нивелировок, из военной разрухи и послевоенных голодовок, презрение, а иногда, как мы видели, и беспредельная ненависть и жестокость «честных» по отношению к «умеющим жить» стали своего рода «превращенной формой» культивировавшегося режимом «классового чувства». Примитивное сознание воспринимало действительность 1950-х гг. не только с радостью и надеждой, но и с чувством удивления и разочарования. Традиционные чувства ненависти к «богатству» и социальная зависть возрождались. Бессознательный эгалитаризм, уже обернувшийся разочарованием в «заевшихся» советских «начальниках», ударил и по тем, кто жил не по правилам, чье благополучие, как это казалось или в действительности было, основывалось на «сомнительных» источниках..

Одним словом, события в Джетыгаре в неявной, предельно извращенной и «смазанной» форме намекали на некие существенные трансформации повседневной жизни, имевшие большое значение для судьбы советского коммунизма. Идеология, использовавшая семантику западноевропейского марксизма, но примитивная, «окрестьяненная» и вульгарная, обнаружила первые признаки деградации — разочарование народа в «неправильном социализме». Время патетики и энтузиазма сторонников режима уходило в прошлое. Ему на смену шло что-то новое и непонятное. Просоветское и прокоммунистическое массовое сознание теряло прежние ориентиры и озлоблялось.

В двойственном положении оказалась и власть. Ее представителям надо было защищать «богатых» и «политически сомнительных» ингушей от «своих» — добровольцев-целинников, демобилизованных военных моряков. Не случайно в служебной переписке, возникшей в ходе расследования и подготовки судебного процесса, постоянно муссировался вопрос: откуда «богатство»? Власть как бы пыталась подсознательно объяснить и оправдать патологическую жестокость толпы, состоявшей из «простых советских людей». И хотя из всех подозрений как будто бы подтвердился только факт кражи зерна с совхозного склада, вывод о «подозрительном (преступном) образе жизни» Сагадаевых все-таки был сделан и даже попал в обвинительное заключение. А непонятное поведение «советских людей» тут же было списано на некие «темные силы», что также не очень подтверждается материалами судебного разбирательства.

А может быть главных виновников так и не нашли?..

Глава 6

Возвращение депортированных народов Северного Кавказа. Волнения русского населения в Грозном в 1958 г

«Синдром возвращения»

В середине 1950-х гг. были восстановлены национальные автономии репрессированных в годы войны калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. В течение нескольких лет они вернулись на родные пепелища из ссылки. В целом репатриация прошла довольно мирно. Нам известно только восемь открытых насильственных конфликтов в районах возвращения. Речь, разумеется, идет о таких столкновениях, эхо которых докатилось до Москвы и стало фактором большой политики. Два эпизода произошли в столице Калмыкии — Элисте — в 1957 и 1959 гг. (групповые драки с поножовщиной между русской и калмыцкой молодежью[342]), Остальные — на территории Чечни, Ингушетии и в пограничных с ними районах Северной Осетии и Дагестана. Но один эпизод — массовые беспорядки, чеченский погром, двухдневные митинги протеста, распространение листовок и коллективных петиций, забастовки, нападения на обком, МВД и КГБ в городе Грозном — был одним из самых крупных (и самым загадочным) среди массовых беспорядков 1950-х гг.

Впервые «синдром возвращения» на территории Чечни и Ингушетии обнаружил себя в 1955 г., когда ограничения по спецпоселению были сняты с членов КПСС (без права возвращения на родину). Воспользовавшись относительной свободой, некоторые чеченцы и ингуши (в том числе и беспартийные) под предлогом отпусков или командировок решили на свой страх и риск вернуться на Северный Кавказ. Те немногие, которым в 1955 г. удалось пробраться через кордоны в Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Дагестан и Кабарду, пробовали найти работу и остаться, просили власти вернуть отобранные и переданные переселенцам из других районов дома. Пошли слухи, как всегда преувеличенные, об угрожающих ночных визитах прежних хозяев. Среди напуганных переселенцев из центральных областей России начали появляться возвращенческие настроения.

Партийное руководство Грозненской области, опасаясь то ли возможной встречной агрессии переселенцев, то ли неуправляемого исхода русских с Северного Кавказа, попыталось эти настроения локализовать. Поначалу это удалось. «Просочившихся» чеченцев и ингушей задерживали и возвращали на «законное» место жительства.

В 1956 г процесс стихийного возвращения на родину усилился. Со дня на день ждали восстановления автономии. Продолжавшие рваться на Северный Кавказ бывшие спецпоселенцы-вайнахи не только не хотели терпеливо ждать решения своей участи, но и не желали «расселяться» там, где предписывали бюрократические прожекты «начальства», — стремились в родные места, к покинутым в 1944 г. домам. Но дома были заняты, а люди, поселившиеся в них, не хотели, да и не могли в одночасье бросить хозяйство и убраться подобра-поздорову. Между этносами возникла неизбежная конкуренция за ресурсы и места обитания.

В декабре 1956 г, дело дошло до насильственного столкновения. В дом жителя селения Новый Ардон Коста-Хетагуровского района явился вместе со своей семьей вернувшийся из ссылки ингуш. Он заявил, что

этот дом принадлежал ему до выселения, и семья собирается в нем жить. Осетин ответил бывшему хозяину, что вопрос о его вселении в дом должен разрешить сельсовет. В спор вмешалась группа пьяных колхозников. Началась драка, во время которой один ингуш был убит, семеро ранено. Ранения получили также трое осетин. [343] Прозвучал первый тревожный звонок.

В январе 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР восстановил, наконец, чечено-ингушскую автономию. Этот акт, дополненный аналогичным решением Верховного Совета РСФСР, предусматривал не просто переименование Грозненской области в Чечено-Ингушскую АССР. Речь шла о сложной административно-территориальной перекройке. Автономия восстанавливалась практически в довоенных границах. Исключение было сделано для Пригородного района. Он остался в составе Северо-Осетинской АССР и на рубеже 1980–1990-х гг. превратился в очаг постоянно тлеющего осетино-ингушского конфликта. В Чечено-Ингушскую АССР были полностью возвращены четыре района (еще два частично) из состава Дагестанской АССР, а из Северо-Осетинской АССР — г. Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района. В состав Дагестана в связи с ликвидацией Грозненской области передавался город Кизляр и еще четыре района. Кроме того, Чечено-Ингушской АССР передавалась северная часть Душетского района Грузии. [344]

Новая перекройка границ предполагала очередное «плановое» перемещение части послевоенных переселенцев на другие территории. Бюрократические мечты о безболезненности этого перемещения натолкнулись на массовое (отчасти плановое, отчасти стихийное) возвращение чеченцев и ингушей на родину. Это возвращение — его удалось лишь слегка замедлить полицейскими мерами и пропагандистскими усилиями партийных и советских органов — было стремительным. По плану в 1957 г. в Чечено-Ингушетию должны были возвратиться 17 тыс. семей. В действительности уже к 1 сентября 1957 г. вернулось в два раза больше — 34 635 семей (136 444 человека). [345]

По сообщению МВД СССР (февраль 1957 г.), многие чеченцы и ингуши настойчиво добивались размещения только на земле предков — «в тех селениях и даже домах, в которых они проживали до выселения». [346] Это естественное желание наталкивалось на реальности жизни — родные места были заняты переселенцами из других районов Кавказа и Центральной России. На пришлое население Чечено-Ингушетии этнический натиск возвращавшихся вайнахов произвел шоковое впечатление. А начатое властями плановое переселение дагестанского населения [347] и осетин из Чечни и Ингушетии на родину, должно разрядить нараставшую напряженность, явно отстало от массового притока чеченцев и ингушей на занятые «чужаками» земли.

Возник острый конфликт интересов. Перспектива достойного для обеих сторон компромисса с самого начала оказалась под вопросом. В селении Моксоб Ритлябского района 32 семьи чеченцев были временно размещены в сельском клубе, в ужасной тесноте. Все усилия убедить местных жителей — аварцев — «самоуплотниться» и поселить у себя по одной чеченской семье были безуспешными. Отказались даже советские активисты, к «сознательности» которых апеллировало высокое партийное начальство. А попытка поселить одного из чеченцев в пустовавшем доме вызвала возмущение аварцев. Около дома немедленно собралось около 100 человек, которые попытались избить чеченца и избили бы, если бы не защита милиции. После этого толпа аварцев, вооружившись палками, направилась к Клубу с требованием «убрать чеченцев». Опасаясь перерастания конфликта в массовые беспорядки, власти уступили и вывезли чеченцев из селения. [348] Роли жертвы и агрессора в каждом конкретном случае определялись реальным соотношением сил. В Новосельском районе, например, уже чеченцы встали в дверях дома культуры, ругались, не пропускали никого в помещение, размахивали ножом и «допускали крики националистического характера». [349]

Этими малоприятными эпизодами «внешняя» история этнического противостояния в первые месяцы 1957 г. в основном исчерпывается. Однако людская молва и слухи многократно усиливали воздействие подобных фактов на население. А высокий уровень этнической мобилизации чеченцев, их готовность к демонстративной агрессии в отстаивании своих интересов в конечном счете делали их победителями в той «войне нервов», которая повсеместно шла на территории Чечено-Ингушетии и в некоторых пограничных районах соседних республик.

Этническая конкуренция и «стратегии выживания»

«Успешность» чеченцев определялась не кратковременными вспышками насилия (власти были все-таки начеку и принимали меры), а систематическим «выдавливанием» этнических конкурентов. Очевидно, эффективность этой тактики «малых дел» и сами чеченцы подсознательно чувствовали. Они явно избегали

открытых групповых насильственных конфликтов. Несмотря на постоянную этническую напряженность в сельских районах республики массовых столкновений было все-таки довольно мало.

И только одно из них было действительно серьезным (о нем МВД немедленно информировало ЦК КПСС). Участвовали в столкновении не загнанные в угол русские переселенцы, а солдаты местного гарнизона охраны МВД (селение Шали Чечено-Ингушской АССР). 17 июля 1957 г. четверо солдат отправились на речку за водой. Двое решили искупаться. К ним подошел молодой чеченец и, «оскорбляя солдат, запретил им купаться». Завязалась драка. Чеченец позвал на помощь родственников. Несколько мужчин и женщин, вооруженных мотыгами, палками, топорами и ружьем, начали избивать солдат. Одному рассекли мотыгой плечо, двум другим нанесли телесные повреждения.

Узнав о случившемся, командир подразделения прибыл на место Драки с вооруженным отделением, обезоружил нападавших, а шестерых доставил в Шалинское отделение милиции. Спустя некоторое время на улице Шали появилась плачущая женщина с распущенными волосами — дочь одного из участников столкновения. Она кричала, что во время драки солдаты вырвали у нее грудного младенца и утопили в речке. (В действительности во время драки она передала ребенка родственнице). Вокруг отделения милиции собралось около 200 мужчин и женщин. Они потребовали немедленной расправы с солдатами и вывода военных. После объяснений жители постепенно разошлись.[350]

Других аналогичных по накалу страстей эпизодов в 1957 г. не было.

Трудно сказать, осознанно ли чеченские старейшины и шейхи сдерживали молодежь, или сработал инстинкт самосохранения народа — открытые столкновения и массовые беспорядки могли спровоцировать власти на ответные меры. МВД и прокуратура в подобные тонкости не вникали, а документы КГБ для нас недоступны. Как бы то ни было постоянно усиливавшийся нажим на «чужаков» — «выдавливание» — обезоружил переселенцев. Желающих уехать из сельских районов Чечено-Ингушетии оказалось в несколько раз больше, чем первоначально планировали власти.

Люди засобирались на родину. Пошли коллективные жалобы в Москву. Общим для этих документов было одно — осознание невозможности компромисса и совместного проживания на одной территории с возвратившимися вайнахами и описание тактики «выдавливания», с помощью которой чеченцы и ингуши добивались возвращения своих домов и земель.

В апреле 1957 г. колхозники колхоза им. Ленина Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР писали Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину: «всюду слышишь факты бесчинства, оскорбление, драки, воровство, запугивание, выливающиеся в полном эгоизме — ненависти и национальной вражде между чеченцами и ингушами с одной стороны и русскими, осетинами и кумыками с другой стороны». Далее следовали примеры. Колхозники жаловались на то, что трактористом-чеченцем было вспахано русско-осетинское православное кладбище. Люди стали вывозить покойников для похорон за пределы Чечено-Ингушской республики. «Все это приводит к тому, чтобы мы выезжали», — подводили итог авторы письма и просили переселить их в более спокойную Северо-Осетинскую АССР.[351]

В заявлении партийной организации, исполкома сельского совета и правления колхоза им. М. Дахадаева селения Цатаних Ритлябского района Чечено-Ингушской АССР на имя председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина (1 апреля 1957 г.) звучали те же мотивы. Представители местной власти жаловались: «...мы, аварцы, которые переселены на эту же территорию, оказались в таком положении, когда бывший хозяин требует и нахально захватывает дома и приусадебные участки и говорит, что нам они как будто бы принадлежат. Если взять и представить себе созданное здесь положение, каждому станет ясно, что между чеченцев и аварцев создается и с каждым днем увеличивается национальная рознь».[352]

Попытки «политизации» этнических конфликтов

Проблемы, связанные с репатриацией чеченцев и ингушей, заключались не только в демонстративной агрессивности чеченцев и ингушей, освобождавших свою этническую нишу, но и в определенной несовместимости культур, ценностей, иногда в конфессиональных противоречиях. Этнические конкуренты чеченцев и ингушей в ряде случаев пытались гиперболизировать эти культурные различия и втянуть власть в конфликт на своей стороне. Жалоба жителей села Буковка Новосельского района Чечено-Ингушской АССР председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину, первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и

председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову (24 апреля 1957 г.), написанная «от имени русского народа», представляет собой интереснейшую попытку изобразить этнический конфликт как результат неприятия чеченцами политических и идеологических ценностей власти. Авторы жалобы явно хотели подтолкнуть «Москву» к тому, чтобы она заняла в конфликте «правильную» сторону: «Чечены и ингуши заявляют русским, якобы их выселение из Кавказа было незаконно. Вина в этом Сталин и Берия, а поэтому требуют от русских свои дома и все другое, ранее нажитое ими. Они заявляют о том, что при выселении их оставили все здесь, а теперь заставляют русских бежать в чем стоим, с игривой насмешкой о том, что скоро наш народ сядет во власть и вы будете нам уборные копать... Земля наша, русским делать нечего, русские нам мешают жить. Мы сами сможем управлять своей республикой, и теперь будем держать свой старый закон кавказский. От старого и до малого все начали молиться богу, избрали себе муллу, и под руководством муллы творят чудеса, от которых уши вянут. Русские женщины и дети боятся их взгляда, потому что ежедневно происходят все новые и новые происшествия в самых разнообразных ее формах...

В общем этот народ стал на дыбы, за что, он и сам недопонимает. Они на 40-м году Великой Октябрьской Революции хотят вернуть частную собственность, а республику сделать самостоятельно, независимой от русских, дагестанцев и других. Казахстан их не воспитал, а наоборот, обозлил против русских и советского государства. Они без всякого стеснения говорят в народе: все равно жить мы с русскими и дагестанцами вместе не можем, и два волка в одной берлоге жить не смогут, пусть уберут или нас, или русских и тавлинов с этой территории».[353]

Авторы письма, попавшие в нелепое и двусмысленное положение и тяжело пострадавшие из-за чужих, а не своих ошибок и грехов, явно преувеличивали «антисоветский» характер чеченцев. Но за идеологическими и политическими обвинениями скрывалась и некоторая доля реальности. Экономический уклад чеченцев устоял даже против колхозов. И этот уклад действительно противоречил колхозной «общинности» русских переселенцев. Большинство чеченских и ингушских колхозов, созданных в республике до войны, представляли собой лишь своего рода декорации, за «внешней видимой оболочкой» которых скрывались традиционные экономические формы. Так во всяком случае, говорилось в «Краткой исторической справке об экономическом и политическом состоянии бывшей Чечено-Ингушской АССР за период с 1937–1944 гг.» (подписана начальником управления МВД по Грозненской области в августе 1956 г.). Но даже если отказаться от идеологических клише главного грозненского милиционера, все равно следует признать: хозяйственные традиции чеченцев и ингушей выжили даже в 1930-е гг., а богатство, которым распоряжались руководители мюридов в те годы (при Сталине!) способно было поразить воображение не только провинциального бюрократа.[354] Мюридизм как особая форма воинствующего ислама выжил даже в ссылке, сохранив и специфическую систему ценностей чеченского народа.

Кроме попыток выдать этническую конкуренцию и культурные различия за несовместимость социальных целей и ценностей, а попросту говоря политизировать этнический конфликт, представив конкурентов «врагами социализма», некоторые участники бытовых межличностных ссор в своих целях использовали репрессивную инерцию послесталинской политической системы. Они приписывали личной вражде качество политического противостояния и через доносы в «органы» также пытались втянуть власти в конфликт на своей стороне.[355]

Попытки «вытянуть» бытовые этнические конфликты на уровень «большой политики» и заручиться поддержкой «начальства» отклика в «Москве» не нашли. Но этническая напряженность в Чечено-Ингушетии, жалобы на двусмысленность и взрывоопасность ситуации, в которой по, — вине власти — прошлой и нынешней оказались в конце концов все этносы, просьбы дагестанских, осетинских и русских переселенцев помочь им выбраться из Чечни заставили советское руководство обратиться хотя бы к очевидным решениям. 12 апреля 1957 г. (спустя целых три месяца после восстановления чечено-ингушской автономии!) Совет Министров РСФСР принял специальное решение о дополнительном переселении с территории Чечни и Ингушетии. Желающих выехать оказалось значительно больше, чем первоначально планировали власти.[356] Экономические возможности принять переселенцев в Дагестане были, но совсем не там, куда предпочитали возвращаться люди. На этой почве в Дагестане даже начались внутриэтнические столкновения.[357]

Ситуация усугублялась тем, что параллельно с неожиданным наплывом переселявшихся назад дагестанцев шло плановое и неплановое возвращение в тот же Дагестан чеченцев (до 1944 г. на территории Дагестанской АССР проживало 4700 чеченских семей). Часть вернулась в общем потоке и самовольно расселилась в городе Хасавюрте и районе, а также в Казбековском, Новолакском и Кизилюртовском районах республики. Большинство, так же как и возвратившиеся дагестанцы, оказалось в тяжелых бытовых условиях, некоторые вообще без жилья и работы.[358] Неудивительно, что местные власти просили задержать на некоторое время хотя бы возвращение оставшихся чеченцев.

В большинстве случаев московские руководители старались не втягиваться в спровоцированный ими же этнический конфликт на чьей-либо стороне, что в принципе было единственным возможным решением. Но они фактически уклонялись даже от столь привычной для себя роли верховного арбитра — воплощения высшей справедливости, продолжая «тасовать» этносы в конфликтном районе Северного Кавказа, полагаясь прежде всего на полицейские меры контроля.

В итоге власти попали в своего рода порочный круг. Приостановить массовое и отчасти стихийное, плохо управляемое возвращение чеченцев и ингушей, «придержать» их в местах ссылки, а тем более в пути следования — значило создать многочисленные потенциальные очаги конфликтов. Либерализовать полицейский контроль, а значит, допустить стихийное и стремительное возвращение вайнахов на родину было не менее опасно. Этническая напряженность на Северном Кавказе и так достигла чрезвычайно высокого уровня.

В конце концов проблема приобрела Политическое значение, но решать ее пытались по-прежнему полицейскими мерами.

10 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О самовольных переездах семей чечено-ингушей в район города Грозного». Немедленно после заседания Президиума ЦК КПСС МВД отдало указания министрам внутренних дел Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской СССР и РСФСР. Прежде всего опасались возникновения беспорядков и эксцессов на железных дорогах, где в эшелонах и отдельных вагонах скопилось к тому времени немало людей. На всех крупных железнодорожных станциях на пути репатриантов установили милицейские заслоны. К счастью, работникам МВД и милиции было «строжайшим образом запрещено применять к чеченцам и ингушам административные меры воздействия», которые могли бы вызвать те или иные эксцессы. Кое-кого удалось уговорить вернуться в места поселения и «ожидать организованной отправки на Кавказ».[359]

Власти надеялись успеть до того, как накал страстей достиг-, нет критической отметки. В свою очередь, этнические конкуренты чеченцев и ингушей, прежде всего — русские, представители «имперского» народа, попытались подтолкнуть «начальство» к действиям. Но произошло это не в сельских районах, где условий и возможностей для широкомасштабного конфликта не было, а в столице восстановленной республики — городе Грозном.

Массовые беспорядки в Грозном (26-28 августа 1958 г.)

Грозный накануне волнений.

Конфликтные ситуации в сельских районах Чечено-Ингушетии, где разворачивалась борьба между этносами за ресурсы, влияние, где «выдавливание» переселенцев из других районов страны наталкивалось на ответное сопротивление, тайное или явное, отвлекали на себя основное внимание органов милиции. Столица республики, довольно большой полиэтнический промышленный город, казалась более спокойной, да и находилась она под непосредственным контролем республиканского Министерства внутренних дел. Однако в Грозном чувствовалось напряжение. До жителей доходили слухи о конфликтах и столкновениях в сельской местности. Через город шел поток послевоенных переселенцев, возвращавшихся на родину. В сельской местности «историческая давность» была целиком за чеченцами. Представители других этносов — переселенцы, хотя и не чувствовали себя виноватыми, полагая, что отдуваются за чужие ошибки, все же оказались в психологически невыгодном положении. Они, фактически, занимали чужое место.

Иначе было в Грозном. Город построила империя. Он был основан русскими как военная крепость в начале XIX века. В 1920-е гг. при создании чечено-ингушской автономии в высших эшелонах власти прошла даже небольшая дискуссия о необходимости придания Грозному особого статуса самостоятельной административной единицы. На этом настаивали руководители местных нефтепромыслов. В 1930-е гг. благодаря усилиям властей «цивилизовать» чеченцев и ингушей город стал политическим и культурным центром автономии, но его экономическая жизнь по-прежнему была связана с нефтепромыслами, на которых в то время чеченцы работать не хотели, да, наверное, и не могли. И если депортация чеченцев и ингушей в 1944 г. опустошила сельские районы, в том числе плодородную плоскость, куда и направили поток новых поселенцев, то в Грозном, который стал центром новой области, ситуация была иной. В 1950-е гг. большую часть населения составляли рабочие различных национальностей, занятые в нефтяной промышленности. Их «давность» могла, по крайней мере, конкурировать с чеченской. И психологически они чувствовали себя

более спокойно. Да, город стоял на чеченской земле, но в Грозном уже целый век существовало многонациональное (в значительной мере — русскоязычное) сообщество, которое чеченцы, вообще говоря, не в состоянии были «выдавить» — по крайней мере, в близком будущем. В городе доминировали не чеченцы. Но многонациональное население столицы восстанавливаемой автономии, как и все на Кавказе, имело обостренную этническую чувствительность. Поэтому местные жители не просто постоянно жаловались на плохую работу органов внутренних дел, на уличное хулиганство и рост преступности. Обиженные горожане, не вникая в статистику (кого на самом деле было больше среди преступников и хулиганов — чеченцев, русских, азербайджанцев, евреев?) склонны были повсюду замечать «чеченский след» и придавать своему недовольству этническую окраску. Сама по себе такая примитивная психология довольно обычна в полиэтнических сообществах. Всегда находятся некие «козлы отпущения», включенные в примитивную систему «опознавательных знаков» и этнических стереотипов: кто есть кто, от кого и чего можно ожидать и т. д. У тех, кто не хочет или не может утруждать себя более сложными способами интеллектуального освоения социального пространства (а таких, вообще говоря, большинство), этнические символы (так же, как и классовые ярлыки) часто выполняют роль ориентиров и «опознавательных знаков» в мире людей и вещей. В нормальных, спокойных ситуациях, при эффективно функционирующих полицейских службах и разумной политике центральных и местных властей эти психологические конструкции «дремлют», включенные в бытовое общение, и при всей своей моральной сомнительности не таят непосредственной угрозы для социума.

В столице только что восстановленной Чечено-Ингушской АССР не было ни нормальной ситуации, ни эффективно работающей милиции, да и разумность и дальновидность политики центральных и местных властей может и должна быть поставлена под сомнение. Симптомы потенциального конфликта с этнической подоплекой были зафиксированы в Грозном еще до массового возвращения чеченцев. Под новый 1955 г. МВД СССР счел необходимым информировать ЦК КПСС о случае коллективного избиения и столкновения с властями молодежи Сталинского района Грозного. 25 декабря 1954 г. ученик ремесленного училища № 2 Лисовский «на почве личных счетов» затеял ссору с курсантом автошколы Г. С. Атабековым, возвращавшимся поздно вечером из дома культуры вместе с С. А. Акбулатовым, слушателем школы механизации. Приятель Лисовского побежал к общежитию ремесленников с криком «наших бьют!». Выбежавшая толпа начала забрасывать Атабекова и Акбулатова камнями. Те вскочили в проходивший трамвай. Но ремесленники трамвай остановили, вытащили своих противников на улицу и стали избивать. К избиению присоединились учащиеся расположенного рядом ремесленного училища № 2. Наряд милиции с трудом отнял жертв у разъяренной толпы молодых людей и задержал двух хулиганов. По дороге в отделение милиции вооруженная камнями молодежь требовала освобождения задержанных. В этих беспорядках участвовало около 200 молодых людей, которые разошлись только после освобождения их задержанных товарищей.[360] Никаких намеков на этническую подоплеку событий в докладной записке МВД СССР не было, но именно на этническую составляющую событий указывали фамилии участников конфликта.

В 1956–1957 гг. в ходе массового возвращения в республику чеченцев и ингушей серьезных изменений, учитывающих специфику ситуации, в работе правоохранительных органов Грозного сделано не было. Наружная служба милиции работала неэффективно. В Грозном совершалось более 50 процентов всех преступлений, зарегистрированных на территории республики. Распространенный характер получили драки с поножовщиной.[361] Одна из таких драк привела к убийству. Оно взволновало весь город и столкнуло под гору снежный ком беспорядков.

23 августа 1958 г. Убийство рабочего Степашина.

Началось все с «интернациональной» выпивки. В ней участвовали три чеченца и русский. Один из чеченцев, М., разогретый спиртным, стал требовать от русского, чтобы он «поставил» еще одну бутылку водки. Завязалась ссора. Русский получил легкое ножевое ранение в живот, убежал в общежитие и лег в постель. Остальные продолжали пьянствовать. Вскоре один из чеченцев, Везиев; отправился в общежитие проведать раненого. Туда же заявили и двое других, которые, увидев раненого, бросились на него с ножом. Расправе помешал Везиев (тоже чеченец, заметим это в скобках) который не только защитил жертву, но и сам получил ножевое ранение в руку.

Раздосадованные и агрессивные хулиганы отправились на танцы в дом культуры, где встретились с двадцатитрехлетним рабочим химического завода Е. Степашиным и его товарищем и ровесником А. Рябовым — военным моряком, приехавшим из Севастополя в отпуск к родителям. Пьяные чеченцы начали ссору из-за девушки. Конфликт закончился нападением большой группы молодых чеченцев на Рябова и Степашина. Рябову удалось убежать за угол дома и скрыться, а Степашин поскользнулся и упал. Преследователи настигли его, жестоко избили и нанесли пять ножевых ранений. Молодой рабочий умер на месте. Два преступника были арестованы и помещены в камеру предварительного заключения КГБ.

25 августа. Слухи и разговоры в городе.

Жестокое убийство получило широкую огласку. По городу поползли слухи. Активизировались античеченские разговоры. Появилась психологическая почва и моральное оправдание для «жестких» античеченских высказываний. Обычно источники не дают сведений о том, кто и как распространяет слухи и «нагнетает обстановку», о чем говорят между собой люди на улицах, в транспорте, дома. Крайне трудно понять, что, собственно, скрывается за стандартными полицейскими фразами о «провокационных слухах» и «подстрекательских разговорах». Однако некоторые образчики таких высказываний, так же как и сведения об их авторе, у нас все-таки есть. Правда, произнесены они были за месяц до описываемых событий.

Принадлежат эти высказывания личности весьма необычной. Сорокашестилетний С. был человеком семейным (двое детей восьми и десяти лет). В свое время закончил четыре класса начальной школы. Тем образование и ограничилось. В самые трудные месяцы Великой Отечественной войны — с июля по сентябрь 1941 г. — воевал, затем попал в плен. Был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией». В 1958 г. работал слесарем на одном из предприятий нефтяной промышленности.

Судя по материалам дела, С. был озлоблен против власти, особенно ненавидел Хрущева. Кажется, любил делать антихрущевские надписи на заборах и стенах общественных туалетов. Щеголял обычной для бытовых «оппозиционеров» того времени и шокировавшей «простых советских людей» фразой: «Будет тогда хорошо, когда придет в Советскую страну президент Америки». Хвастун и фанфарон, он, как рассказывали свидетели, во время выпивок «говорил, что если будет война, то он сразу перейдет в плен и воевать не будет».[362]

С. был довольно типичным образчиком той анархической, бунтарской человеческой массы, которую хрущевский режим унаследовал от жестоких сталинских времен. Недовольный жизнью и судьбой, с психикой, изломанной пленом в фашистских лагерях, этот выходец из курской деревни был пропитан еще и вульгарным бытовым шовинизмом. Чеченец, которому пришлось выслушивать в трамвае оскорбительную пьяную болтовню С., процитировал одно из высказываний скандалиста: «Кто вас сюда чеченцев прислал в Грозный, вы паразиты, бандиты, вас нужно резать. Вы ждете турков»...[363]

Пока по Грозному носились слухи об убийстве, а будущие участники беспорядков тешили свою злость на чеченцев и на весь мир, в доме убитого готовились к похоронам.

25 июля. Вечер и ночь в доме убитого.

Понимая значение происшедшего и его общественный резонанс, дирекция химического завода попыталась превратить похороны Степашина в официальное мероприятие. Этого же хотели и друзья убитого. К председателю комиссии по организации похорон, созданной решением дирекции, они обратились с просьбой установить гроб для прощания в клубе завода. Однако заводское начальство туг же увязло в бюрократических согласованиях. Друзья убитого, обиженные и разочарованные, занялись всем на свой страх и риск. Власти инициативу упустили.

Когда около 3–4 часов дня гроб с телом Степашина привезли из морга, то, «вопреки указаниям горкома партии», установили его в саду, перед домом невесты, в поселке Черноречье. Там жила основная масса рабочих химического завода. В родном доме гроб все равно поставить не могли (узкий коридор), а в разрешенном горкомом красном уголке — не захотели. Стихийно у молодых людей созрело решение превратить прощание с другом в митинг протеста: «...этими действиями чеченцев надо положить конец и хорошо бы провести митинг по случаю убийства Степашина... и потребовать выселения из Грозного чеченцев».

Были написаны и расклеены на видных местах в поселке и на заводе объявления о митинге. Начальство объявления сняло, но подготовка продолжалась: «как-то стихийно мы все пришли к решению, чтобы провести митинг, несмотря на то, что будет запрещено». Чересчур силен был шок от убийства, и слишком несправедливым показался запрет. Люди хотели потребовать у властей защиты, а они (эти власти), руководствуясь какими-то своими соображениями (может быть, и правильными: не разжигать межнациональной розни), попросту отмахнулись от рабочих химического завода. Но митинг уже нельзя было просто запретить.

У гроба Степашина начались стихийные выступления. Инициатива исходила от заслуженных, уважаемых и вполне законопослушных людей. Примерно в 8 вечера к дому Степашина вместе с Рябовым (вторая жертва нападения чеченцев, которому удалось убежать) приехал семидесятилетный старик Л. И. Мякинин, хорошо знавший убитого, как товарища своего сына. Участник Гражданской войны, он был инвалидом труда, в

1951 г. лишившимся обеих ног; в 1955 г. за долголетний и безупречный труд в нефтяной промышленности его наградили орденом Ленина. Вместе с Мякининым прибыл шестидесятилетний отец Рябова, тоже инвалид.

Мякинин сказал у гроба Степашина: «Чеченцы убивают русских — то одних, то других, не дают нам спокойно жить. Надо написать коллективное письмо от имени русского народа, собрать подписи, выделить человека, который отвезет письмо в Москву с просьбой направления к нам в г. Грозный комиссии, а если комиссии не будет, пусть приедет сайтов. Хрущев, чтобы разобраться на месте». Его поддержали Рябов и некоторые другие.

Уже ночью во время дежурства у гроба близкие знакомые и товарищи Степашина договорились, что если будет запрещен траурный митинг в Черноречье, то гроб с телом они понесут на руках к обкому партии, где и проведут митинг. Наутро участники ночного разговора сказали об этом решении матери убитого. И она согласилась.

26 августа. Утро похорон.

Утром 26 августа стихийная самоорганизация жителей Черноречья и рабочих химического завода продолжалась. Стали появляться петиции к властям. Автор одного из этих документов — Галина Корчагина, инвалид первой группы (ходила на костылях), описала убийство Степашина в ученической тетради, привела и другие обвинения против чеченцев. Автор зачитала свое «обращение» у гроба, попросила собравшихся подписать документ и собрать деньги, чтобы отправить его с «надежным человеком» в Москву. Присутствующие подписывали обращение и бросали в гроб деньги. По данным следствия, «неизвестными лицами» было написано еще две петиции на имя Ворошилова — от имени рабочих химического и нефтеперерабатывающего заводов. В них выдвигалось гораздо более жесткое требование — выселить чеченцев из города. Все три письма (с подписями жителей и рабочих) Корчагина через несколько дней сожгла, а собранные деньги передала матери Степашина.

К часу дня в поселок Черноречье явилось партийное начальство — секретарь обкома КПСС и четыре работника аппарата обкома. Вместе с ними приехали 15 работников милиции. Большинство были переодеты в гражданскую одежду. Вероятно, там же были и сотрудники КГБ, но доступные нам источники об этом умалчивают. Секретарь обкома запретил выступления перед выносом тела. Тогда вспомнили о ночном плане друзей Степашина. Начались разговоры о том, что надо идти к обкому и устроить митинг там. Обстоятельства этому благоприятствовали. Мать Степашина решила похоронить сына на городском кладбище Грозного, а дорога туда из Черноречья (окраина Грозного) проходила близко от центральной площади.

При выносе гроба с телом убитого собралось около тысячи жителей пос. Черноречье. На кладбище отправились приблизительно 200 человек. Траурная процессия тронулась в путь в 15 часов 30 минут. Предстояла дальняя дорога: от Черноречья до центра Грозного и оттуда еще 5 километров до городского кладбища. Организаторы и участники похорон имели твердое намерение сделать остановку около обкома КПСС и провести траурный митинг там.

26 августа. Траурная процессия.

Гроб с телом Степашина его товарищи понесли сами, на руках. От всех предложений похоронной комиссии завода и работников милиции везти гроб на машине участники процессии категорически отказались. В пути процессия обрастала новыми людьми. Она постепенно превращалась в античеченскую демонстрацию. Раздавались угрожающие выкрики. Наибольшую активность проявила пожилая женщина, член КПСС с 1927 г. Она же постоянно призывала идти к обкому. Власти, со своей стороны, сделали все для того, чтобы направить траурную процессию в обход центра Грозного. Подступы к центральной площади были перекрыты нарядом милиции и автомашинами. Некоторые участники похорон возмущались и кричали: «Почему не разрешают нести гроб там, где хочется!». Наконец, толпа женщин, около 50 человек, побежала вперед, обогнала идущих с венками, прорвала оцепление милиции и с криками повернула толпу на улицу, ведущую в центр. Так женщины (до 300 человек) и шли впереди, не давая милиции перекрывать улицы к центру города. Около продовольственного рынка кто-то из женщин стал звать народ на митинг.

К 5 часам вечера похоронная процессия, обросшая множеством случайных людей — за гробом шло уже около 800 человек, подошла к обкому. Площадь тоже была запружена людьми. Их, по разным данным, собралось от 4 до 7 тысяч человек.[364] Было много пьяных, а также люмпенов, воров и хулиганов, которых похоронная процессия «прихватила» на рынке. В собравшейся толпе носились разные слухи. Когда мать покойного упала в обморок, разнеслась молва, что она от перенесенного горя умерла. Постоянно раздавались выкрики и призывы к расправе над чеченцами...

Предыстория грозненских событий на этом заканчивается.

Чернореченцы поддались, наконец, на уговоры властей, перебрались от здания обкома на площадь Орджоникидзе и оттуда, уже на машинах химического завода, отправились на кладбище. На церемонии погребения присутствовал один из секретарей обкома. Все прошло спокойно. Вероятно, участники похорон и сами были напуганы произведенным эффектом. Их отвезли в Черноречье. На улице были установлены столы и устроены поминки.

Никакого участия в массовых беспорядках чернореченцы не принимали, состава преступления в их действиях не было. Однако некоторые, вероятно, те, кто продемонстрировал неприятные для властей способности к неформальному политическому лидерству и самоорганизации, попали на заметку КГБ. (Подробности нам, к сожалению, неизвестны). Следственные материалы на старую коммунистку, выкрикивавшую шовинистические лозунги, направили для рассмотрения в партийные органы, что, впрочем, было совершенно справедливо.

26 августа. Стихийный митинг на центральной площади.

Траурная процессия удалилась на кладбище, на площади у обкома осталось большое количество обывателей, не имевших никакого отношения к похоронам — тех самых пьяных, хулиганов и люмпенов. Там же вертелось много подростков 15–16 лет, а также учащихся ремесленного училища, известных в городе своими хулиганскими выходками.[365] Толпа продолжала требовать открытия митинга и выступления секретарей обкома КПСС. В конце концов, митинг возник стихийно. На нем прозвучали уже не только античеченские, но и «антисоветские» мотивы, недовольство Хрущевым и его политикой, даже призывы к забастовке.

Силою случая на первых ролях оказался Виктор Егорович Исаев, 51 года от роду, русский, со средним образованием. В 1922–1923 гг. он был бойцом ЧОНА (отряд чрезвычайного назначения). С 1922 г. — в комсомоле, затем с 1927 г. — в коммунистической партии, откуда выбыл, «так как не снялся вовремя с учета». [366] Воевал в 1941–1943 гг., в начале 1950-х гг. работал директором Краснодарского крайкниготорга. Затем был осужден «за злоупотребление властью и служебным положением». Имел трех взрослых детей. В 1958 г. нигде не работал — не мог устроиться, биография была «с пятном» и для руководящих должностей не подходила.

Исаев сидел целыми днями дома, готовил обеды, ходил на рынок, в магазины и чувствовал себя обиженным. 26 августа он весь день занимался по хозяйству, выпил два стакана вина и кружку пива. Вечером в 7 часу пошел в новый универмаг на Августовской улице. Там услышал, что чеченцы убили рабочего, и народ собрался около памятника Ленину.[367] Исаев передал жене корзинку, с которой ходил по магазинам, и побежал к площади. «Там, — рассказывал впоследствии Исаев, — действительно стояла большая толпа и многие выступали. После одного из выступлений кто-то из толпы выкрикнул: „Сделать забастовку“. Я тоже возмутился и сказал окружающим, что я выступлю. Меня поддержали, подняли на руки, и я начал выступать.

В своем выступлении я говорил о бесчинствах чеченцев, об убийствах... и требовал приезда руководителей ЦК. Помимо этого я говорил о лжекоммунистах и также требовал расправы и с ними. После выступления я пошел по направлению Ленинского моста и стал плакать. Ко мне подошел один гражданин и сказал, что он коммунист с 1941 года и, если так сказал, то начинай бить меня. Я ему ответил, что я говорил не обо всех коммунистах... Когда я пошел домой и плакал, ко мне подошла женщина и успокаивала. Ей я сказал, что я не работаю, имею большой стаж работы и меня возмущает все, например, то, что меня не принимали на работу».

Свидетели запомнили, что Исаев был пьян, и рассказали на суде о подробностях событий. Сотрудница райкома партии Л. рассказала: «Он говорил, что пришло время, когда ему можно высказаться: „Долой лжекоммунистов“. Требовал приезда из ЦК и выселения чеченцев... В этот момент подняли еще одного гражданина на руки и кто-то из них двух сказал: „Долой Советскую власть“». Свидетель Т. сообщил, что Исаев «просил людей не расходиться и поддержать его выступление... говорил, что когда он воевал с белоказаками, то там он не видел обкомовских работников, а сейчас в обкоме лжекоммунисты, требовал выселения чеченцев». Х. дополнил картину. По его показаниям. Исаев говорил: «Поднялась на ноги великая Русь», — имея в виду собравшуюся толпу, и добавил: «не работает химзавод и если поддержит завод „Кр[асный] молот“ и другие, то можно многого добиться».

Исаеву одному из первых пришла в голову идея связаться с Москвой по телефону или телеграфу и потребовать приезда представителей ЦК. Кажется, к словам Исаева толпа отнеслась благосклонно. Но когда речь зашла о забастовке, многие испугались: «не стали слушать и даже сбросили с рук». Но на площади уже

звучал знакомый нам мотив «неправильных коммунистов», спасение от которых можно найти только в Москве. Оттуда на жителей Грозного должна была снизойти коммунистическая благодать и справедливость, только ЦК и Хрущев могли спасти от «злых чечен». Собственно, и к забастовке Исаев призывал, чтобы привлечь внимание Москвы. Он был против «лжекоммунистов», из-за которых пострадал, которые мешали устроиться на работу, но при этом призывал: «поднимем высоко ленинское знамя».[368]

Ночь с 26 на 27 августа. Штурм обкома.

Толпа, собравшаяся на стихийный митинг, поначалу готова была к диалогу с властью и даже к выдвижению осмысленных политических требований. Однако ближе к ночи зеваки и любопытные, то есть более здравомыслящая публика, отправились по домам. А агрессивная и «незаконнопопослушная» часть толпы откололась от митинга и начала штурм обкомовской твердыни. Привлеченные для усиленной охраны здания работники милиции (70 человек) действовали вяло и, слава Богу, что не стали стрелять в толпу. Ворвавшись в здание, бунтовщики «бесчинствовали, открывали служебные кабинеты, искали секретарей обкома». К полуночи милиция и подразделение войск МВД (120 солдат и офицеров) очистили помещение от хулиганов. Но толпа наиболее «отпетых» и подогретых спиртным людей не расходилась. Во втором часу ночи оцепление было снова прорвано, и нападавшие лавиной рванулись в здание. Главной ударной силой была молодежь во главе с известными местными хулиганами — учащимися ремесленного училища. Поснимав с себя поясные ремни и взмахивая пряжками, они бессмысленно носились по коридорам и кабинетам, вряд ли отдавая себе отчет в том, зачем они это делают.

Силами милиции и КГБ здание было вновь очищено от хулиганов. К трем часам ночи утомленная толпа разошлась, а «мелкие группы рассеяны». Милиция задержала 20 человек, в основном пьяных, 11 посадили в камеру предварительного заключения. После «выяснения личности» всех отпустили. Милицеское начальство, полагая, что общественный порядок, наконец, восстановлен, успокоилось.

27 августа. Утро на площади. Листовки.

С утра в городе появились листовки, обращенные к рабочим. Кажется, властям так и не удалось выяснить, кто во время короткой ночной передышки (с 3 ночи до 8 утра) успел написать и размножить на машинке эти листовки). По имеющимся сведениям, в начале десятого утра плотник одного из строительно-монтажных управлений по дороге из курилки встретил на строительной площадке химического завода неизвестного в возрасте 20 лет, среднего роста, худощавого, одетого в костюм черного цвета. У молодого человека в руках была целая пачка отпечатанных на машинке листовок (около 15 штук). Одну из них он протянул рабочему:

«Листовка.

26 августа 1958 года наши товарищи проносили гроб с трупом убитого чеченцами рабочего мимо Обкома партии. Органы милиций вместо принятия мер к наказанию убийц задержали 50 человек наших рабочих. Так давайте же в 11 часов бросим работу и пойдем к Обкому партии требовать их освобождения». (

Слова «задержали наших рабочих» были подчеркнуты чертой на пишущей машинке).

Вручая листовку, неизвестный сказал, что для поездки к обкому специально выделены автомашины — находятся около гаража химического завода. Плотник показал листовку бригадиру и другим рабочим. Призыв попал на подготовленную почву. По указанию бригадира члены бригады бросили работу и вместе с другими рабочими химического завода поехали в центр города — на митинг.

Это один из самых непонятных эпизодов в истории грозненских волнений. Что это были за машины, уже стоявшие наготове? Кто и когда сумел организовать коллективную поездку рабочих на митинг? И можно ли подозревать авторами грамотно написанной листовки, да еще отпечатанной на пишущей машинке, хулиганов, громивших ночью обком и бессмысленно метавшихся по зданию, размахивая ремнями. Предположение (не предположение даже, а, скорее, догадка), которое первым приходит в голову, шокирует. Не попытался ли кто-то из местных «начальников» или работников «органов» использовать беспорядки для провокационной цели — подтолкнуть ЦК КПСС к силовому решению чеченской проблемы, возрождению репрессивного духа сталинского времени?

Из других источников нам, например, известно, что в это время в городе находилось несколько бывших сотрудников НКВД, виновных в незаконных (даже по сталинским меркам) расстрелах мирных чеченцев еще в 1943 г. Земля под ними горела — очевидцы расправ добивались наказания преступников.[369] В дошедшей до нас информации МВД есть еще несколько темных мест. Что случилось с неизвестным работником консервного завода, который выезжал в поселок Черноречье и, по сведениям милиции, играл «наиболее активную роль в

разжигании национальной вражды и подстрекании рабочих на беспорядки». Этим человеком занималось КГБ. Однако никаких следов следствия и суда над ним в делах надзора за следствием в органах госбезопасности и прокуратуры СССР нет. А если официального следствия не было, то почему? Почему так легко спустили на тормозах дело организаторов похорон? Только ли потому, что не хотели раздражать население? Ничего не удалось найти и о той девятке из числа организаторов похорон, которыми тоже занималось КГБ. Чуть ли не целая организация действовала, листовки печатали — и ничего! Непонятно и бездействие тайной полиции, знавшей о плане превращения похорон в митинг протеста, но ничего не предпринявшей. Все, что было сделано, хотя коряво и безуспешно, было сделано партийными органами и милицией. Почему толпа, как мы увидим ниже, весь день 27 июля с удивительной настойчивостью и целеустремленностью добивалась связи с Москвой и сделала все, чтобы о событиях стало известно в центре? Сказанное ни в коей мере не ставит под сомнение спонтанный характер беспорядков в Грозном и стихийную самоорганизацию бунтовщиков. Но невозможно избавиться от мысли, что кто-то, «по известной ему причине», как пишут в милицеских протоколах, «помог» волнениям развернуться в полную силу. И не был ли этот «кто-то», так же как и причины его действий, известен КГБ.

С 8 часов утра на площади перед обкомом снова стала собираться толпа. Раздавались выкрики с требованием вызвать представителей из Москвы. В 10 часов часть собравшихся, несмотря на уговоры, оттеснила охрану и через главный подъезд ворвалась в здание. Секретаря горкома Шепелева на руках вытащили на площадь и заставили выступать. Как это часто бывает в подобных случаях, действия толпы не отличались логичностью. Когда Шепелев, наконец, начал говорить, раздались «дикие выкрики и свист». Теперь его не хотели слушать.

27 августа. Поддень. Митинг. Захват обкома. Погром.

Утренняя атака на обком захлебнулась. Бунтовщиков удалось вытолкать из здания. Но толпа не расходилась, готовилась к новым атакам — у нее уже был опыт многократных «прорывов». К полудню на площади собралось уже более 1000 человек. Здесь же оказалась грузовая автомашина, в кузове которой стоял стол и был установлен микрофон. У микрофона выступала некая женщина в возрасте 20–25 лет среднего роста, полная, одетая в розовое платье. Она призывала направить делегацию на заводы и фабрики, остановить их работу до тех пор пока не освободят 50 задержанных ночью. Она же объявила, что химический завод и завод «Красный молот» уже остановлены. На самом деле они продолжали работать. Выступал также неизвестный мужчина старше 40 лет, среднего роста, в хлопчатобумажном костюме темного цвета и черном кепи. Он призывал к выселению чеченцев и ингушей, требовал освободить задержанных и прекратить работу на заводах.

Примерно в час дня от митингующих откололась большая группа хулиганов, снова ворвалась в обком и заполнила все помещения. Неоднократные попытки очистить здание успеха не имели. Погромщики ломали мебель, били стекла в окнах, графины и стаканы, разливали чернила, рвали настольные календари, выбрасывали на улицу деловые бумаги, кричали, свистели. В столовой обкома были открыты все водопроводные краны и краны газовых горелок. К счастью, «Горгаз» довольно оперативно прекратил подачу газа в здание. На крыше здания горела бумага.

Некоторые участники беспорядков призывали бить чеченцев и «устранить» руководителей местных республиканских и партийных органов. Погромщики попытались использовать местную радиотрансляционную сеть для выступлений перед толпой. Однако одному из коммунистов удалось вывести радиовещание из строя.

Опасались захвата оружия. Участники нападения действительно искали комнату, где оно хранилось. К счастью, его успели перенести в безопасное место. Напуганные работники обкома просили вооружить их для самообороны. Этого тоже не сделали — не было разрешения первого секретаря. И слава Богу!

Попытки уговорить нападавших ни к чему не привели. Толпа набрасывалась на «начальников», избивала их, рвала одежду. Некоторые руководящие работники обкома КПСС и Совета Министров автономной республики укрылись от хулиганов в подвальных помещениях обкома, другим удалось уйти через запасные выходы.

В это же время на улицах города отдельные группы участников беспорядков останавливали автомашины — искали чеченцев. Опасаясь нападения хулиганов, «руководящий состав и значительная часть сотрудников МВД и райотделов милиции сняли форменную одежду».

Около 400 человек коммунистов, посланных Сталинским и Ленинским райкомами КПСС, пытались образумить толпу. Их не слушали, им угрожали, и ничего сделать эти люди не сумели.

27 августа. Между 5 и 7 часами вечера. Нападение на МВД и КГБ.

Около пяти часов дня группа хулиганов набросилась на заместителя министра внутренних дел республики Шадрина. Требовали освободить задержанных 26 августа. Заверениям, что всех задержанных выпустили еще утром, не поверили. Переодетые сотрудники милиции попытались освободить своего начальника, но им это не удалось. Шадрин силой повели в МВД и, несмотря на сопротивление охраны, всей толпой ворвались в здание. (В это же время другая часть погромщиков ворвалась в здание КГБ. Подробности этого эпизода в доступных нам документах отсутствуют.)

Оружия сотрудники МВД не применяли, пытались уговаривать. Их не слушали, открывали двери служебных комнат, искали задержанных. Около здания МВД был избит милиционер. Примерно 250 человек с криком и свистом проникли во двор, а затем в камеру предварительного заключения (КПЗ). Там в это время находились в том числе и убийцы рабочего Степашина. Однако на них почему-то не обратили внимания — хотя, казалось бы, должны были отреагировать «на чеченцев». Интересовались только ночными хулиганами. Поверили, что всех отпустили, только после заверений сидевших в камерах. Потребовали у начальника КПЗ адреса освобожденных. Пробыв в КПЗ около полутора часов и получив адреса, толпа ушла из помещения. На прощанье разбили телефонный аппарат и сорвали погоны с начальника КПЗ. Взяли милицескую машину и отправили несколько человек по городу — проверять сообщение об освобождении.

Остальные погромщики вернулись на площадь к обкому. Там бушевала стихия. Некоторых работников обкома заставляли выступать перед толпой. В 18 часов 30 минут на место событий прибыли 2 пожарных машины, якобы для тушения пожара. Одну тут же опрокинули, у другой — повредили электропроводку и выпустили воздух из шин.

27 августа. Вечер. Шваюк: «проект резолюции».

Около 8–9 часов вечера в захваченный обком пришел Георгий Шваюк и принес написанный им «проект резолюции». Шваюк родился на Северном Кавказе в 1914 г. в семье служащих. Имел высшее образование и работал старшим инженером-гидротехником Гудермесского совхоза Чечено-Ингушской АССР. 27 августа он приехал в Грозный, где у него была квартира, из Гудермеса. «В автобусе, — рассказывал Шваюк на суде, — я услышал разговор. Говорили о том, что назначается митинг по поводу зверского убийства работника химзавода... в порыве гнева по поводу услышанного, я дома написал проект резолюции митинга и поехал на площадь. Прибыв на площадь, я зашел в обком партии, где этот проект резолюции отдал двум комсомольцам».

Автор «проекта» на короткий срок стал идеологом беспорядков, попытавшимся облагородить действия погромщиков осмысленными политическими требованиями. Сам Шваюк на суде виновным себя не признал и заявил: «...свои действия не отрицаю и считаю их не преступными», добавив: «мой проект не направлен на разжигание национальной вражды».

В документе говорилось:

«Учитывая проявление со стороны чечено-ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающегося в резне, убийстве, насиловании и издевательствах, трудящиеся города Грозного от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа переименовать ЧИ АССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.
2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10 процентов от общего количества населения...
4. Лишить всех преимуществ чечено-ингушское население по сравнению с другими национальностями...»

Этот шовинистический «проект» был немедленно размножен на пишущих машинках и оглашен участникам беспорядков. Нашли его через несколько часов в здании обкома вместе с копиями, отпечатанными на обкомовских бланках.[370]

27 августа. 9 часов вечера. «Свяжите нас с Москвой».

Около 9 часов вечера толпа, убедившись, что задержанные прошлой ночью на свободе и чувствуя вакуум власти, задалась новой целью: немедленно добиться «главной правды» у «верховного арбитра» — Правительства, ЦК КПСС. Под красным знаменем или транспарантом, взятым в здании обкома, что, очевидно, имело символический смысл для погромщиков и как бы превращало их действия из уголовного преступления в «слово и дело государево» бунтовщики направились на городскую радиотрансляционную станцию.

Возглавлявший эту группу мужчина лет пятидесяти, одетый в спецовку синего цвета, в соломенной шляпе кричал, что о» житель поселка Черноречье и «ему надоело терпеть бесчинства чеченцев, из-за которых нельзя вечером выйти на улицу». Что делал чернореченец в Грозном, когда весь поселок справлял поминки по убитому, почему следствие настойчиво утверждало, что чернореченцы в беспорядках не участвовали, кто, наконец, был этот странный руководитель погромщиков в соломенной шляпе — еще одна загадка грозненской истории.

Охранявшие радиостанцию солдаты (всего три человека) толпу в здание не пустили — загородили вход. Погромщики, натолкнувшись на отпор, повели себя необычно — насилие применять не стали, а мирно удалились. Отправились попытать счастья в другом месте — на междугородную телефонную станцию. На этот раз они действовали более решительно, но охрана применила оружие и ранила двоих человек — мужа и жену (мужчина вскоре умер в больнице, а женщине пришлось ампутировать руку). Еще одна женщина получила случайное ранение. Толпа хотела расправиться со стрелявшими солдатами, но они сумели укрыться в помещении. Ворвавшись в здание, погромщики потребовали соединить их с Москвой. Особенно активна была некая молодая женщина 19–20 лет, одетая в костюм темного цвета, «которая с дерзкой настойчивостью требовала немедленного соединения с Москвой». По сведениям МВД, «разговора с правительством» на этот раз не было. Работники телефонной станции заявили, что повреждена линия связи. Зато у двух телефонисток после визита толпы пропали дамские сумочки.

Лишь с третьей попытки, с городской почты, участники волнений дозвонились, наконец, в Москву. Разговор вел автор «проекта резолюции» Шваюк. Именно он, по мнению суда, был «инициатором разговора по телефону с приемной секретариата ЦК КПСС». Как рассказал сам Шваюк, телефонистка «соединила нас с Москвой, но так как по телефону некому было говорить, то мне передали трубку. Я стал разговаривать с Москвой, с приемной Первого секретаря ЦК партии. Я у него спросил: „Знаете ли вы о том, что творится в Грозном, что народ ждет представителей из Москвы, что нужно положить конец зверским убийствам, дело дошло до того, что некоторые требовали возвращения Грозненской области и выселения чеченцев...“»[371] Что Шваюк услышал в ответ (наверное, обещание «разобраться»), и с кем он на самом деле разговаривал — неизвестно.

Пока участники беспорядков добивались связи с Москвой на площади у обкома произошел странный эпизод, очень похожий на провокацию. В 22 часа 30 минут к обкому подъехал автобус. Его водитель взобрался на крышу автобуса и заявил, что он, якобы, перевозил убитых людей и кровью убитых испачкан весь салон. Люди бросились к автобусу, кто-то хотел задержать водителя. Толпа заступилась, и он вскоре уехал. По сведениям МВД, личность водителя была установлена, а его делом занималось КГБ. Никаких документов о том, что оно (это дело) дошло до суда нам найти не удалось.

Ночь с 27 на 28 августа. На вокзале.

Все под тем же красным знаменем около 300 человек прямо с почты отправились на городской вокзал. За полчаса до этого линейное отделение милиции на станции получило предупреждение от МВД. Однако подготовиться к встрече не успели. Толпа почти на два часа задержала отправление пассажирского поезда Ростов — Баку. На рельсы набросали камни, костыли, похитили ключи от двух стрелок. Большая часть толпы собралась возле паровоза. Раздавались античеченские выкрики. На вагонах делали какие-то «провокационные надписи». Некоторые агитировали пассажиров. Другие бегали по вокзалу в поисках чеченцев. Двух человек нашли и избили. Кто-то продолжал целеустремленно добиваться связи с ЦК — хотели послать телеграмму. Наряд милиции сумел эту телеграмму изъять. (Вообще на всем протяжении событий местные партийные власти и милиция делали все, чтобы подтвердить расхожий миф о плохих местных начальниках, скрывающих правду от справедливого Центрального Комитета).

В полночь в Грозный были введены войска. Через 20 минут они были на станции. Толпа сопротивлялась — забрасывала военных и железнодорожников камнями. Солдаты, действуя прикладами и не открывая стрельбы, быстро подавили сопротивление. С вагонов были стерты надписи, с путей убрали посторонние предметы. Меньше чем через час поезд отправился по назначению.

Беспорядки были прекращены. Четыре дня в городе действовал комендантский час. До 30 августа охрану

важнейших объектов и патрулирование по городу осуществляли армейские подразделения.

29 августа. Городской рынок. «Агитация» безработного Ковалева.

Напряжение в городе спало не сразу. 29 августа на городском рынке пьяный безработный Ковалев «выражался неприлично в адрес Хрущева и правительства, называл их дармоедами, что живут они за счет трудящихся», ругался на чеченцев, кричал «Долой Чечено-Ингушетию!» и даже говорил, что пойдет по заводам агитировать за восстание.[372] Обиженный на жизнь, с расстроенными нервами, постоянно готовый к пьяной агрессии, он одинаково ненавидел и чеченцев и Хрущева, был зол на весь мир. Именно люди этого психологического типа, «базарные хулиганы», придавали действиям толпы жестокий погромный характер, а потом в большинстве своем растворялись в городе, оставаясь потенциальными источниками этнической напряженности и политически окрашенной злобы.

Количество жертв. Поиск виновных. Аресты. Следствие. «Профилактические меры».

В результате беспорядков пострадало 32 человека, в том числе 4 работника МВД и милиции республики. Два человека (из числа гражданских) умерло, 10 были госпитализированы. В числе пострадавших оказалось много официальных лиц — секретарь обкома КПСС, заместитель министра внутренних дел республики, заместитель начальника районного отделения милиции, два оперативных, уполномоченных милиции, лектор Грозненского горкома КПСС И. С. Осадчий, а также два преподавателя Нефтяного института (судя по фамилиям — русский и украинец), шофер-чеченец и другие. В списке пострадавших очень мало людей с чеченскими фамилиями — лишнее доказательство того, что волнения, начавшиеся под античеченскими лозунгами, явно переросли рамки этнического погрома и превратились в бунт против власти. Отсюда и вывод МВД о том, что беспорядки в Грозном «по своему характеру являлись антисоветским выступлением».[373]

После событий органы МВД тщательно «профильтровали» город. На поддержку приехало много квалифицированных оперативников из Москвы и из других автономных республик и областей. Была создана специальная следственная группа, занимавшаяся расследованием и «выявлением главных организаторов и подстрекателей беспорядков». Все сотрудники органов МВД были «ориентированы» «на выявление участников беспорядков, лиц ведущих провокационные разговоры среди населения города и задержание разыскиваемых». Через участковых уполномоченных вели наблюдение за обнаруженными зачинщиками. К 15 сентября было взято на оперативный учет 273 участника массовых беспорядков и хулиганов. Задержано к этому времени было 93 человека, из них арестовано 57, отобрана подписка о невыезде у 7 человек. 9 человек были переданы в КГБ, 2 человека — в прокуратуру. Органы КГБ арестовали 19 организаторов и активных участников беспорядков. Милиция возбудила 58 уголовных дел на 64 человека, из которых 8 человек были моложе 18 лет, 27 — от 19 до 25 лет, старше 25 лет — 29 человек. Среди арестованных был 31 рабочий и 26 безработных. 14 имели в прошлом судимость, 29 — участвовали в беспорядках в двух и более местах.[374] Неясным же до сих пор остается только одно. В материалах отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР нам не удалось обнаружить никаких следов этих широкомасштабных арестов и следствия — хранятся только несколько малозначительных, периферийных, случайных дел. Где остальные — неизвестно.

Я допускаю, что преступления людей, арестованных МВД, могли квалифицироваться как, например, злостное хулиганство и не попасть на контроль отдела. Но куда испарились арестованные КГБ? Неужели ни на одного участника массовых беспорядков в Грозном не было заведено надзорных производств, никто не обжаловал приговор, не было просьб о помиловании и т. д.? Создается впечатление, что надзорные дела либо изъяты из общего секретного делопроизводства (почему?), либо не дошли до суда. Между прочим, аналогичный «пробел» существует в надзорных производствах по делам о другом, тоже довольно неясном событии 1950-х гг — массовых выступлениях населения Тбилиси в поддержку Сталина в 1956 г.

Власти не только «профильтровали» население города, но и «почистили» его. Выявлялись «лица, не занимающиеся общественно-полезным трудом, ведущие паразитический образ жизни и склонные к совершению уголовных преступлений для решения вопроса об удалении из гор. Грозного». На 15 сентября 1958 г таких оказалось 365 человек (167 ранее судимых, 172 не работавших, 22 проститутки, 32 нищих и т. д.).[375]

15-16 сентября состоялся суд над убийцами рабочего Степашина. Один из них был приговорен к расстрелу, другой — к 10 годам лишения свободы и 5 годам «поражения в правах». Эксцессов во время суда в городе не было.

После Грозного

Участники волнений в Грозном добились одного. Ситуация в городе и в республике стала предметом обсуждения на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1958 г. Это единственный известный нам случай подобного обсуждения массовых волнений на партийном Пленуме. Если быть совсем точным, то обсуждения как такового все-таки не было. Подготовленный заранее проект резолюции («принять к сведению» и т. п.) так и не был пущен в дело. И формально дискуссия ограничилась краткой информацией на совещании секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии уже после Пленума (5 сентября 1958 г.). Само сообщение, сделанное Н. Г. Игнатовым, выезжавшим в Грозный для разбирательства, даже не стенографировалось. Тем не менее информация была весьма поучительной. Она зафиксировала серьезные пробелы в механизмах функционирования партийной власти в экстремальных ситуациях и очевидную потерю новой партийной бюрократией политических качеств, свойственных раннему большевизму.

По оценке Игнатова, одной из главных причин возникновения беспорядков были «крупные ошибки в работе бюро обкома, горкома КПСС и Совета Министров республики» — между ними не было «должного единства». В результате, в ходе событий «секретари и члены бюро каждый по своему усмотрению принимал решения и определял свое место». Другими словами, провозглашенный Хрущевым принцип «коллективного руководства» продемонстрировал свою неработоспособность в экстремальной ситуации. Игнатов констатировал прискорбный для власти факт: 26 и 27 августа обком, горком и Совет Министров республики не только были парализованы, но даже не попытались перехватить инициативу и апеллировать к «партийному активу и рабочим».[376] Между новыми партийными руководителями и «массой» явно не было взаимопонимания. Бюрократы не умели и боялись «говорить с народом» (это прекрасно делали их предшественники в годы революции и Гражданской войны). В экстремальной ситуации они апеллировали к насилию, а не к политической поддержке социальных групп, интересы которых, как предполагали идеологические мифы режима, они должны были выражать. Раскол между властью и населением начал приобретать форму хронической болезни, хотя, как показали прошедшие после беспорядков собрания партийного и рабочего актива, сил, готовых поддержать восстановление порядка в Грозном, было еще достаточно. Но бюрократия так и не смогла опереться на них, уступила инициативу и в конце концов использовала армию. Московские партийные руководители не сумели дать серьезной политической оценки событиям, которые явно вышли за рамки случайного эпизода. В центре относительно небольшого города достаточно долго буйствовала толпа численностью до 10 тыс. человек! Дело же ограничилось чисто полицейскими мерами к обычной идеологической болтовней.

Не удивительно, что несмотря на все усилия властей этническая напряженность как в Грозном, так и в республике сохранялась. В октябре 1958 г. в столовой завода «Красный молот» произошла ссора между учащимися ремесленного училища — русскими и чеченцами. Ссора переросла в драку. Узнав о драке, 40 чеченцев, вооружившись палками, стали избивать русских.

3 человека получили серьезные побои.[377] Через год после беспорядков в Грозном, 22 августа 1959 г. в 10 часов вечера в железнодорожном парке другого конфликтного города Гудермес произошла групповая драка между вайнахской[378] и русской молодежью. Участвовало около 100 человек. Девять человек получили телесные повреждения, двое из них — тяжкие. Прекратить столкновение удалось только с помощью военнослужащих местного гарнизона.[379]

6 сентября в том же парке Гудермеса 19-летний русский убил 29-летнего чеченца. На следующий день около 80 чеченцев потребовали снятия с работы начальника районного отделения милиции. На место происшествия выезжали председатель Совета Министров и министр внутренних дел республики. С большим трудом им удалось уговорить чеченцев разойтись.[380] Несколько раньше, 29 августа 1959 г., в грозненском парке культуры неизвестным преступником были нанесены ножевые ранения русскому шоферу, который 6 сентября в больнице скончался. Во время похорон раздавались резкие высказывания по адресу чеченцев.[381]

Конфликт продолжал тлеть. Однако до серьезных волнений дело больше не доходило.

Глава 7

Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС

5 марта. Первая манифестация

25 февраля 1956 г. на закрытом заседании XX съезда КПСС прозвучал «секретный доклад» Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина» и преступлениях сталинского режима. Слухи о том, что великий и безгрешный Сталин объявлен чуть ли не «врагом народа», быстро распространились по стране. Подробностей поначалу никто не знал, а сам доклад Хрущева так и оставался секретным вплоть до горбачевской «гласности». Известно, однако, что доклад произвел шокирующее впечатление даже на привычных ко всему старых коммунистов. Многие так и не смогли по команде нового лидера понять и принять правду о Сталине. «Вождь» был несущей конструкцией всей системы символов раннего советского коммунизма. Обращение с ним как с простым «врагом народа» не могло не смутить умы. Рушилась сама идея высшей правды и справедливости, воплощенной в «Нем».

В Грузии скандальные разоблачения задели не только политические эмоции, но и национальные чувства, народную традицию почитания мертвых.[382] В марте 1956 г. жители Тбилиси протестовали не только против очередного непонятного политического решения высшей власти, но и против нанесенного «Москвой» национального оскорбления. Существенное значение имела память прошлогодних (март 1955 г.) стихийных митингов, собраниях, выступлениях и возложениях венков к памятникам и монументам Сталину. Тогда они прошли безо всякого противодействия властей, более того, при их активном участии.[383]

Исторический миф и народная память связывают начало волнений со спонтанным порывом детей — пионеров и школьников Тбилиси — почтить память Сталина 8 марта 1956 г. Однако из специального сообщения министра внутренних дел Грузинской ССР В. Джанджгавы и начальника управления милиции МВД Грузии О. Мусеридзе в МВД СССР следует, что события начались уже 4 марта 1956 г., и не только с цветов и венков, но и с поножовщины. В собравшейся в этот день у монумента Сталину толпе были пьяные. Некоторые из них, по определению милиции, вели себя «вызывающе». 50-летний сельский житель, член КПСС Н. И. Парастивили «взобрался на постамент монумента и выражался нецензурными словами. При этом он, отпив из бутылки вино, а затем разбив ее, сказал: „пусть так же погибнут враги Сталина, как эта бутылка“». Один из организаторов возложения венков к монументу Сталину студент-заочник Грузинского политехнического института, житель города Кутаиси 23-летний З. Деврадиани в грубой форме потребовал от неизвестного майора Советской армии встать в почетный караул. Когда офицер отказался, Деврадиани попытался ударить его ножом, но был задержан милиционерами. По дороге в городское управление милиции большая толпа (до 300 человек) отбила задержанного.[384] Стихийный митинг продолжался до 12 часов ночи. Уже в этот день на территории монумента Сталину находился наряд милиции — 84 человека (половина из них была в гражданской одежде).[385]

На следующий день, 5 марта, как рассказывал очевидец событий, корреспондент газеты «Труд» Статников, в центре города в десять часов утра раздались резкие продолжительные гудки автомашин, запрещенные в обычных условиях автоинспекцией. Вскоре журналист увидел: по середине улицы шла процессия студентов (человек 120–150) без головных уборов. Передний ряд нес портрет Сталина. Организаторы шествия призывали стоявших на тротуарах зевак почтить память вождя и снять шапки. Время от времени кто-нибудь требовал от водителей машин давать Продолжительные гудки. Всего прошло несколько процессий. Все они направлялись на площадь к монументу Сталина и возлагали венки.[386]

Организовать подобное траурное шествие при благосклонном отношении властей было довольно несложно. Привычный ритуал и стандартный сценарий таких официальных мероприятий был разработан до мелочей. В каждой школе, институте, на предприятиях и в учреждениях — везде, начиная от ЦК партии и кончая самыми захудалыми коммунальными конторами, имелся необходимый реквизит: знамена, плакаты, портреты вождей и т. п. Вероятно, ждали «команды», неясным слухам не очень верили (только 6 марта высшим сановникам республики прочтут «Закрытое письмо» ЦК КПСС), и достаточно было легкого толчка, чтобы множество людей начало действовать в соответствии со сложившимися стереотипами поведения в подобных ситуациях.

Начавшиеся 5 марта траурные шествия имели все обязательные атрибуты официального государственного мероприятия, и, вероятно, мало кто из очевидцев понимал поначалу, что проводятся они без разрешения свыше. Высшее же грузинское «начальство» отмалчивалось, траурных шествий не запрещало. Возникший организационный вакуум был заполнен стихийной самоорганизацией и действиями неформальных лидеров с различными, часто противоположными политическими и идеологическими ориентациями. Движущей силой событий стали молодежь и студенты. Особенно активную роль сыграла маргинальная группа молодых людей, — те, кто закончил институты, но не захотел поехать «по распределению» в сельские районы,

остался в столице и нигде не работал. Среди них была и «золотая молодежь» — дети высокопоставленных родителей, высших партийных и советских чиновников, творческой интеллигенции и т. д.

6-7 марта. Слухи о «закрытом письме» ЦК КПСС. Нарастание напряженности

Демонстрации продолжались на следующий день. Но теперь они стали более организованными и многочисленными, особенно в середине дня, когда закончились занятия в институтах. К портретам Сталина добавились портреты Ленина, появились флаги с траурными лентами.[387]

В 4 часа дня в ЦК КП Грузии состоялось заседание, на котором присутствовали руководители министерств, газет и журналов — человек 70-80. Открыл заседание первый секретарь ЦК Мжаванадзе. Извинившись перед собравшимися, он быстро ушел. Зачитали закрытое письмо ЦК КПСС «О культе личности». С документом предполагалось ознакомить всех коммунистов и комсомольцев.[388] Молва быстро разнесла слухи об этом по городу. Вместо оплакивания великого покойника ему было нанесено новое оскорбление. Национальные чувства грузин были задеты. Сознательно этого делать никто не собирался, но, как часто бывает в России, «так получилось».

Ничего более глупого и беспомощного, чем слепо выполнять команды из Москвы и немедленно зачитывать «Закрытое письмо» в подобной ситуации придумать было нельзя. Ослушаться коммунистические руководители Грузии не осмелились. Но недовольство свое все-таки сумели выразить. С плохо скрытым сочувствием, хотя и с опаской, взирали они на разгоравшуюся просталинскую истерию. Может быть даже хотели использовать массовые манифестации как аргумент для московского, начальства — «скорректировать генеральную линию».

Если даже привычные ко всему коммунистические боссы были растеряны и дезориентированы разоблачениями Сталина, то рядовые жители города, среди которых было много убежденных «сталинистов», которым долгие годы «промывали мозги» и вбивали в голову миф о величии «Вождя народов», просто не могли в одночасье «переключиться». Рушился целый космос привычных мифов, образов и идей. Картина мира разваливалась на глазах. И многие люди просто не захотели поверить, что такое возможно.

Устоявшаяся система ценностей защищала себя от разрушительного натиска разоблачений. Жена одного из осужденных по делу о массовых беспорядках в Тбилиси так объясняла поступки мужа в жалобе на имя Хрущева (25 августа 1956 г.): «Он не представлял, в сознании не имел, что Ленина и Сталина можно разлучать. Он не знал и не мог знать, что и Сталин был простым человеком и что у него тоже могли быть ошибки».[389] В подобной ситуации оказались в начале марта 1956 г. многие рядовые участники событий. Они не знали и не верили в преступления своего кумира.

Утром 7 марта студенты Государственного университета имени Сталина вместо лекций вышли на улицы. Их поддержали студенты сельскохозяйственного, политехнического и некоторых других институтов (всего в городе было 19 вузов). Вместе со студентами в манифестации участвовали школьники. Иногда, по сообщению Статникова, студенты выводили школьников на улицы чуть ли не силой, срывали занятия, угрожали директорам. Манифестанты шли по главной улице — проспекту Руставели — к площади Ленина. Толпа остановилась у Дома правительства и под продолжительные гудки машин выкрикивала: «Слава великому Сталину!». Следующая остановка — у здания горсовета на площади Ленина. Несколько человек прочитали стихи о Сталине. Хор исполнил песни в его честь.[390]

Милиция пыталась остановить манифестацию или изменить ее маршрут. К месту событий была направлена оперативная группа, «которая дважды в пути следования студентов врывалась в их среду», но остановить демонстрантов не сумела.[391] У монумента Сталину вновь начался стихийный митинг. Выступавшие обрушились с проклятиями в адрес «очернителей Сталина».[392] Толпа была настроена агрессивно. Милиции пришлось спасать от побоев М. Пышкова (его заподозрили в фотографировании выступавших) и Л. Г. Иванову (майора в отставке), которая сказала окружающим ее людям: «Почему эти бездельники и дураки стоят здесь, неужели у них нет другого дела». В результате с места событий ее увезла машина скорой помощи.[393] Мужественно вступившийся за женщину полковник милиции Осепаишвили был избит до бессознательного состояния.[394] К концу дня число манифестантов достигло 70 тыс. человек.[395] Судя по всему, руководство МВД в Москве не придавало большого значения начавшимся 7 марта демонстрациям. Информация в ЦК КПСС со ссылкой на доклад министра внутренних дел Грузии Джанджгавы была отправлена только во второй половине дня 8 марта.[396]

8 марта. Митинги на площади Ленина и у монумента Сталину

Эскалация насильственных действий. Организующие «центры»

Под утро 8 марта в студенческий городок явился неизвестный, заявивший, что у монумента, якобы, снимают венки. В ответ на это сообщение большая группа студентов (до 1000 человек) к 4 утра собралась у монумента. Утром 8 марта город частично не работал. Одни просто не пошли на службу. Другие в течение дня оставляли рабочие места и выходили на улицы. В Верховном суде республики отменили слушание назначенных к рассмотрению дел — подсудимых просто не привезли из тюрьмы.[397] Очевидно, боялись эксцессов на улицах.

Появились грузовые машины, заполненные людьми. Они разъезжали по городу с флагами и портретами Ленина и Сталина. С машин кричали «Ленин — Сталин!», «Слава Сталину!» и т. д. Журналист Статников был уверен, что эти машины никто не выделял. Их просто захватывала толпа, заставляя водителей выполнять свои приказы. Грузин убеждали патриотическими лозунгами, прочих — по-разному, иногда угрозами. По сообщению МВД Грузии, захват машин и автобусов начался после того, как один из выступавших на митинге на площади Ленина (после полудня) сказал с трибуны, что все принадлежит народу, в том числе и транспорт. [398] Одного из водителей, отказавшегося везти демонстрантов, сбросили с моста в Куру, нескольких непослушных шоферов избили. По свидетельству Ф. Баазовой, демонстранты «регулировали движение транспорта, в некоторых случаях останавливали его».[399] Произошло несколько столкновений участников беспорядков с работниками милиции, пытавшимися останавливать захваченные машины.

Один из водителей был задержан; после этого от стихийного митинга у монумента Сталину отделилась толпа в 700–800 человек, которая сначала избивала сотрудников ГАИ на площади Меликишвили, а затем окружила отделение милиции и потребовала освободить всех задержанных, в том числе и водителя машины, кстати, отобранной у законного хозяина. Требования сотрудников милиции, пытавшихся останавливать захваченный автотранспорт, не выполнялись, участники беспорядков отвечали им упорным сопротивлением. Стички чаще всего заканчивались в пользу толпы. Например, в течение 9 марта милиции удалось задержать лишь 80 машин: с некоторых из них, «чтобы временно исключить возможность использования», милиционеры снимали отдельные детали.[400]

Демонстрации приобрели массовый характер. Одна колонна (около 3 тыс. человек[401]) собралась на площади им. Ленина, напротив здания ЦК КП Грузии. Вторая (до 4 тыс. человек) — около монумента Сталину на набережной. Демонстранты держали портреты Ленина, Сталина, Молотова. Выкрикивали лозунги «С Лениным и Сталиным к победе коммунизма», «Сталина не забудем».[402] Изображения Ленина, а с каждым часом их появлялось все больше, выполняли важную функцию — они психологически обезоруживали власти. Митинг как бы демонстрировал свою «советскую» лояльность, а имя Ленина использовал как «щит, ограждающий неприкосновенность величия Сталина».[403]

Демонстранты потребовали выступления первого секретаря ЦК КП Грузии «в связи с решениями XX съезда КПСС».[404] По рассказу Ф. Баазовой, «выбранная делегация вошла в комендатуру и передала требование демонстрантов — вызвать первого секретаря ЦК партии Василия Павловича Мжаванадзе». «В тот период мавзолее на Красной площади, — поясняет Баазова, — где рядом с Лениным лежал Сталин, был закрыт. Циркулировали слухи о том, что Сталина умышленно так бальзамировали, что он сразу же почернел. Утверждали, что Мао Цзэдун потребовал выдачи праха Сталина, которого китайские специалисты способны были „оживить“». Теперь демонстранты, якобы, «решительно потребовали от Мжаванадзе поддержать усилия Мао по восстановлению праха и чести Сталина».[405]

В 12 часов дня 8 марта Мжаванадзе действительно выступал перед толпой и обещал Сталина в обиду не давать.[406] Но после выступления первого секретаря собравшиеся предъявили властям следующие требования:

«9 марта объявить нерабочим траурным днем.

Во всех местных газетах поместить статьи, посвященные жизни и деятельности И. В. Сталина.

В кинотеатрах демонстрировать кинофильмы „Падение Берлина“ и „Незабываемый 1919 год“.

Пригласить на митинг представителя Китайской Народной Республики Чжу Дэ.

Исполнение гимна Грузинской республики в полном тексте».[407]

После речи Мжаванадзе толпа захотела услышать маршала Китайской Народной Республики Чжу Дэ (он гостил в Грузии после участия в XX съезде КПСС). Немедленно снарядили делегацию. Фигуре маршала Чжу Дэ принадлежала важная функция — он должен был подтвердить международное значение Сталина.

Встреча демонстрантов с Чжу Дэ действительно состоялась и была продолжением начавшихся в городе беспорядков. Попытки малочисленных милицейских заслонов остановить огромную толпу (около 5 тыс. человек), двигавшуюся к даче в Крцаниси на захваченных машинах и пешком, не удались. Демонстранты, вооружившись палками, «прорвали заслоны и ворвались на территорию дачи, где вели себя необузданно и дерзко».

По просьбе руководителей республики Чжу Дэ дважды выступал с приветствиями. Однако толпа не расходилась и требовала принять ее представителей. Пятеро студентов, по сведениям МВД Грузии, действительно встретились с маршалом КНР. Посетить монумент Сталина в Тбилиси он отказался. Но кто-то из китайцев действительно выступал на митинге.[408]

Журналист Статников в это время был на площади Ленина. Кто-то с трибуны крикнул: почему в городе нет траурных флагов? Почему на здании горсовета не вывешено положенное в таких случаях панно с портретами Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Площадь одобрительно загудела и немедленно проголосовала «за». Несколько десятков человек немедленно нашли коменданта здания, и панно было вывешено. Та же история повторилась со зданием штаба Закавказского военного округа. После попытки штурма двум молодым людям удалось взобраться по водосточной трубе на балкон и вывесить два траурных флага. Затем военное начальство, видимо, отдало приказ, и появилось большое полотно с изображением Ленина и Сталина.

Милиция очень вяло реагировала на происходящее. Она была психологически блокирована апелляцией участников митинга к патриотическим чувствам грузин, сохранявшимся почтением к Сталину и его неземному величию, красным цветом толпы, очевидной «нормальностью» большинства присутствовавших и их неподдельным энтузиазмом. В итоге власти полностью упустили инициативу. На вопрос руководства МВД СССР, почему в самом начале беспорядков не были приняты необходимые профилактические меры, — министр внутренних дел Грузии Джанджгава ничего вразумительного ответить не сумел.[409] МВД СССР обвинило его в трусости.[410] Однако совершенно ясно, что пассивность милиции объяснялась отсутствием внятных указаний политического руководства республики. ЦК КП Грузии, деморализованное закрытым письмом ЦК, не решилось выступить против собственного народа и мифа о великом Сталине.

Так Грузия, вся Грузия, включая партийных бонз, вынужденных обещать «не давать в обиду» «нашего дорогого Сталина», фактически оказалась в оппозиции к Хрущеву. Политическая неуклюжесть московского лидера обернулась протестами в Тбилиси. Народ демонстрировал власти психологические пределы пренебрежения его политическими и национальными чувствами и эмоциями.

Весь день на площади Ленина продолжались выступления. Работали микрофоны. В выступлениях появились новые мотивы. От сталинизма некоторые ораторы переходили к национализму, намекали на иноземных врагов, угрожали «им» кровью. Тех, кто выпадал из всеобщей экзальтации и психоза, сохраняя критическое восприятие происходящего (и осмеливался высказать свое отношение вслух) избивали или оштрафовали. Кто-то, выдавая себя за русского, хоть и говорил с грузинским акцентом, зачитал фальшивое письмо московских студентов в поддержку «начатого дела»: А некая женщина вслед за этим выкрикнула: «Слышите, грузины! Нас поддерживают в Москве. Сейчас митинги проходят не только в Грузии, но и в Сталинграде, Ленинграде и других городах. Будем бороться за дело Сталина, клянемся!» На трибуну подняли молодого поэта Нонейшвили, который под гул одобрения прочитал стихи о Сталине и закончил словами: «Я тоже с вами».[411] Участвовали и некоторые другие представители творческой интеллигенции. Но руководители митинга требовали все новых и новых выступлений. «Отметиться» должен был, чуть ли не каждый известный в Грузии человек.

У памятника Сталину, усыпанного венками, тоже шел митинг: Статников на нем не был. По свидетельству одного из участников, «я выступал с речью возле монумента Сталина по своей доброй воле. Я говорил, что от имени Сталина я на фронте много бомб бросал в врагов Сталина».[412] В редакции республиканских газет «Коммунист» (на грузинском языке) и «Заря Востока» (на русском) «ворвались неизвестные и пригрозили, что если не будут выпущены траурные номера, то разнесут здания редакции и типографии (после этого случая в

обеих редакциях была установлена охрана)».[413]

И коммунист Статников, и будущая политическая эмигрантка из СССР Фаина Баазова почувствовали в согласованных действиях демонстрантов направляющую руку некоего организующего центра. Статников пишет об этом достаточно бесхитростно: «заметна была организующая рука, кто-то детально разработал план действий».[414] Кто именно? Не ясно. Может быть, «шовинисты всплыли на поверхность и стали активно действовать», но не исключена и «возможность существования шпионского центра».[415] Баазова, не обсуждая специально вопрос о «зачинщиках», вспоминает об охватившей ее 8 марта тревоге: «Постепенно возникло ощущение, что где-то непонятным образом возник какой-то „штаб“, который регулирует и направляет колонны в разные районы города».[416]

9-10 марта. Политические требования Штурм дома связи. Ввод войск Расстрел демонстрантов

Утром 9 марта власти попытались, наконец, перехватить инициативу и ввести траурные манифестации в официальные рамки. Газеты вышли с передовыми статьями «Третья годовщина со дня смерти И. В. Сталина» и с фотографией Ленина и Сталина в Горках (1922 г.). Было объявлено о проведении в 13 часов траурных митингов на всех предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях республики. Все это выглядело и на самом деле было уступкой местной власти митингующим. Ведь по всей стране в это время в закрытых, «коммунистических», аудиториях читали письма ЦК КПСС о культе личности Сталина.

Но запоздалая попытка властей перехватить инициативу и ввести траурные митинги в рамки официальных мероприятий провалилась. «Фанатизм, — рассказывал Статников, — предельно накалился. На улицах бесновалась не только молодежь, но и взрослые. Большинство артелей были закрыты. Служащие мелких учреждений бросали работу и выходили на улицу. Были случаи невыхода на работу в нескольких предприятиях легкой и пищевой промышленности». Нарушилась работа городского транспорта. Десятки грузовых машин, набитых людьми, целый день разъезжали по городу с флагами и портретами. Люди пели песни и кричали «Ленин — Сталин», «Слава Сталину». Некоторые ругали Хрущева, а для убедительности потрясали ножами и финками.[417] Утром 9 марта по городу распространились написанные от руки листовки, «призывающие рабочих и служащих оставлять работу и принять участие в шествиях и сборищах».[418]

Митинги в Тбилиси состоялись. Они представляли собой странное смешение коммунистического официоза (выступления «начальства» повторяли передовые утренних газет, рабочие рассказывали о выполнении плана и т. д.) с нападками на власть.

В митинге на площади Ленина принял участие первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе. После его краткой речи люди начали было расходиться. Но тут какая-то женщина крикнула в толпу: «Остановитесь! Меня сегодня вызывали в МВД и взяли расписку, что я не буду выступать. Я спрашиваю вас, почему это делается?».[419] Толпа осталась на месте. Ее поведение сделалось более агрессивным. Людей насильно заставляли высказывать восторги по адресу Сталина. Были случаи избиений неизвестными лицами работников органов внутренних дел.[420] Судя по докладной записке начальника главного управления милиции Филиппова министру внутренних дел СССР Н. П. Дудорову от 10 марта 1956 г., аналогичные события имели место также в Гори, Сухуми и Кутаиси.[421]

Уже на дневных митингах в Тбилиси прозвучали политические требования «о немедленной смене руководителей партии и правительства», «о необходимости захвата почты, телеграфа, редакций», «даже если потребуется пролить кровь за это».[422] Кроме того, приняли какое-то обращение ко всем советским республикам с просьбой о помощи и поддержке.[423]

Вечером 9 марта на митинге около монумента Сталину при неясных обстоятельствах и в присутствии некоторых партийных и советских руководителей, посланных «овладеть трибуной», были зачитаны политические требования митингующих. Нам удалось найти надзорное производство Прокуратуры СССР по делу Рубена Кипиани, которого судили именно за чтение этого документа. Оригинал «петиции» бесследно исчез. Однако ее содержание Кипиани и свидетели пересказали на суде.

Показания Кипиани: «Первое — возвращения в ЦК КПСС закрытого письма; второе — снятие с должности Микояна, Булганина и Хрущева; третье — составление нового правительства; четвертое — освобождение Багирова (бывший первый секретарь ЦК КП Азербайджана. — В. К.) из заключения; пятое — выдвижение

Мгеладзе и Мжаванадзе (очевидно, в состав Президиума ЦК КПСС. — В. К.), шестое — проведение сына Сталина Василия в состав ЦК; седьмое — проведение амнистии».[424]

Если содержание «петиции» более или менее ясно, то все остальное в этой истории покрыто туманом. Кипиани утверждал, что вообще не был автором документа. По словам подсудимого, он 3 или 4 часа простоял в очереди на трибуну. Это подтвердили свидетели. Учитывая, что Кипиани появился на площади около 6 часов, оглашение петиции произошло между 9 и 10 часами вечера. Дальнейшие события Кипиани по-разному описывал в разных документах.

На суде. «9 марта я выпил водки и встал в очередь желающих выступить. Когда подошла моя очередь, мне передали в президиуме написанную бумагу и попросили прочесть ее. Я взял и прочел...»[425]

В жалобе от 4 февраля 1957 г. «По сигналу председателя подошел к микрофону и, вздохнув полной грудью, приготовился к чтению стихотворения. Но в этот момент на трибуну влетели три отважных витязя (курсив мой. — В. К.). Они походили на гонцов, доставивших очень важное и очень срочное сообщение. Не только я, но весь президиум митинга и сотни людей, стоявших у главной трибуны, обратили внимание на этих гонцов и проявили понятный интерес к тому документу, который они мне вручили. Я опомнился тогда, когда один из них, вручив мне доставленную им бумагу, ясно, членораздельно произнес: „Это от секретаря ЦК товарища Мжаванадзе, немедленно огласите ее“. Я поспешно стал читать, не понимая смысла прочитанного».

В жалобе от 22 июля 1959 г. «У памятника Сталину происходил митинг, куда попал с толпой и я — Кипиани. Я протиснулся вперед, чтобы услышать, что говорят ораторы. Вся моя грудь была в знаках отличия за заслуги в Отечественную войну. Ко мне подошло несколько человек, настоятельно требуя прочитать текст для всех своими глазами, ибо толпа знала, что я сталинец, веря мне. Отказаться я не мог [...], ибо толпа разорвала бы меня».[426]

Автором документа суд, фактически; признал Кипиани. Вопрос о настоящих авторах на суде, по всей вероятности, вообще не возникал. Все свалили на одного случайного человека. Заявления подсудимого о том, что «по своей доброй воле» он выступал, как и многие другие, только 8 мая, в расчет приняты не были. Непонятна и дальнейшая судьба «петиции». Один из свидетелей утверждал, что Кипиани положил ее в карман. Сам же Кипиани на суде заявил, что передал бумагу члену президиума. А в жалобе от 4 февраля 1957 г. добавил новые подробности: «Я слышал только гул одобрения и продолжал читать громко, внятно, как это делают вошедшие в роль пьяные люди. Под гром аплодисментов и возгласы „Ленин — Сталин!“, „Ленин — Сталин!“ я окончил чтение, и документ этот был выхвачен из моих рук тем, кто его мне вручил со словами: „Надо вернуть лично Мжаванадзе“».[427]

После оглашения документа в так называемом деловом президиуме возникли разногласия. Один из его членов немедленно «предложил объявить о неправильности речи Кипиани».[428] Кажется, его не послушались. И уж совсем загадочно прозвучало заявление Кипиани на суде: «После этого меня на машине отвез домой сам Мжаванадзе».[429]

Доступная нам информация не позволяет убедительно ответить на вопросы, невольно возникающие при знакомстве с делом Кипиани. Главный из них — не попыталось ли и в самом деле республиканское начальство, не решившееся возражать в открытую, использовать массовые волнения и протесты в провокационных целях: испугать Москву возможностью аналогичных протестов по всей стране и заставить изменить политический курс? Второй не менее важный вопрос — какова действительная роль Мжаванадзе, фамилия которого время от времени мелькала на суде. То ли какие-то опытные провокаторы умело использовали имя первого секретаря ЦК КП Грузии, то ли он очень глупо «подставлялся».

Не имея пока возможности ответить на эти вопросы, важные для понимания политического смысла событий, ограничимся хотя бы констатацией очевидного. Суд над Кипиани косвенно подтверждает единодушное впечатление очевидцев — во время волнений в Тбилиси, кажется, действительно был некий закулисный «штаб». Первый заместитель министра внутренних дел Грузии Асмолов, докладывая о ночи с 9 на 10 марта, сделал вывод о существовании в Тбилиси «какого-то подпольного центра, который руководит всеми этими беспорядками».[430] В другом милицеском документе мнение о существовании такого «центра», о «подготовленности» волнений оценивается как «твердое предположение».[431]

Вообще говоря, сопоставление источников наталкивает на мысль, что «штаб» или «центр» был не один, а по крайней мере два! И возможно, между ними существовала конкуренция за влияние на толпу. По свидетельству Ф. Базовой, вечером 9 марта еще одним центром событий стала Колхозная площадь, куда некие неизвестные молодые люди направляли толпу. В центре этой небольшой площади «была сооружена

импровизированная трибуна. Сменяя друг друга, выступали какие-то молодые люди, лица которых в темноте невозможно было разобрать. Они кричали очень громко, но их не было слышно из-за всеобщего гвалта. Где-то запели давно запрещенный грузинский национальный гимн. Какие-то лица в гражданском пытались помешать. Поющих поддерживали из толпы, и завязались местные стычки. Неожиданно на месте стычек появились неизвестные с повязками (курсив мой. — В. К.), и пение гимна продолжалось»:[432] Затем появились листовки. Баазова запомнила только один пункт: призыв о выходе Грузии из состава СССР. Это было что-то, действительно, новое.

Если действовал некий единый штаб, то почему он так стремительно переключился от просоветской оппозиционности и защиты имени Сталина («петиция» Кипиани) на сепаратистские лозунги. Кажется, за кулисами волнений шла скрытая конкуренция разных организованных сил, преследовавших свои — особенные и малопонятные — цели. На Колхозной площади эти силы на какой-то момент столкнулись друг с другом: «лица в гражданском» и «неизвестные в повязках».

Существование одного или нескольких организующих центров, благодаря которым события явно вышли за рамки «стандартных» массовых беспорядков, косвенно подтверждается нападением на автобусный парк для захвата большого числа автобусов, не вышедших в этот день на линию, попыткой группы молодых людей направить обращение «к студентам нескольких центральных городов Союза» по радио (около полуночи 9 марта), наконец, обнаруженным у одного из арестованных 10 марта радиопередатчиком.[433]

Вечером 9 марта, по свидетельству начальника пограничных войск Закавказского военного округа генерал-майора Банных, Тбилиси, по существу, был «во власти стихии. Никакого порядка. Полная анархия. Транспорт — легковые и грузовые автомобили, такси, автобусы, троллейбусы — находятся в руках толпы. Машины разъезжают по городу с непрерывными гудками. Митингующими предъявлен ультиматум — заменить местное правительство. Выражается недовольство верхами». Во время митинга у поста Сталина раздавались даже призывы к погромам «Бить армян», «Вон отсюда русских!».[434]

По утверждению генерал-майора Банных, в конце дня произошло событие, придавшее трагическим событиям необычный, почти карнавальное колорит: из Гори приехали на грузовиках около двух тысяч человек. Головная машина была оформлена под броневик. На ней стояли два человека, загримированные под Ленина и Сталина, в окружении одетых в матросскую форму людей с пулеметными лентами через плечо.[435] Достоверность этой информации другими источниками не подтверждается. Известно, что колонна из Гори выехала поздно ночью. 9 марта («к концу дня») она никак не могла оказаться в Тбилиси. Может быть, речь идет о другой колонне, а возможно Банных, который должен был оперативно информировать Москву и не имел возможности для немедленной проверки поступавших сведений, поверил ходившему по городу слуху. В любом случае, появление (действительное или мнимое) в колоннах демонстрантов «оживших» Ленина и Сталина придавало событиям некий сакральный смысл, освящая действия организаторов волнений именами великих вождей.

Когда в 22.25 министр внутренних дел Дудоров проинформировал секретаря ЦК КПСС Аристову о нарастании напряженности в городе, а Аристов, в свою очередь, распорядился проинформировать другого секретаря ЦК — М. Суслова, выяснилось, что последнему «все известно», а командующему войсками Закавказского военного округа Федюнинскому уже «отданы все необходимые указания».[436] Москва приняла решение пустить в дело армию.

9 марта ближе к вечеру появилось «Обращение к коммунистам, комсомольцам, к рабочим и служащим, ко всем трудящимся Тбилиси!». В обращении говорилось, что «дни с 5 по 9 марта были для трудящихся Тбилиси днями траура, когда отмечались скорбные даты кончины и похороны И. В. Сталина». Однако «нашлись бесчестные люди — дезорганизаторы и провокаторы». Они «встали на путь бесчинств, нарушений общественного порядка с целью помешать нормальной работе учреждений, предприятий, учебных заведений и жизни города». Зачем «бесчестным людям» это понадобилось, обращение не объясняло. Короткий документ заканчивался призывом «восстановить полный порядок в городе» и «обуздать дезорганизаторов и провокаторов». «Обманутым» предлагали «немедленно вернуться к обычным занятиям».[437] Приказом № 14 начальника тбилисского гарнизона с 0 часов 10 марта вводилось военное патрулирование.[438] Оба документа передавали по радио 9 и 10 марта каждые 15–20 минут на грузинском и русском языках. Утром 10 марта приказ был расклеен на улицах.[439] Кое-где его немедленно сорвали. Люди почувствовали надвигавшуюся угрозу. Началось бегство многих участников митинга из центра города.

Еще во время митинга у монумента Сталину, где зачитали «петицию» Кипиани, было решено послать группу приблизительно в десять человек к Дому связи (около 400 метров от монумента) для отправки какой-то телеграммы в Москву. Делегацию впустили в здание и задержали для «выяснения личности». Когда

об этом стало известно у монумента, часть толпы бросилась на выручку.

Между 11 и 12 часами вечера произошло кровавое столкновение. «Путь к зданию, — рассказывает Статников, — естественно, преградила охрана. Кто-то из задних рядов стал стрелять в автоматчиков, одному солдату всадили нож. Толпа наседала, пришлось отбиваться прикладами. Хулиганы все пустили в ход: кулаки, ножи, камни, пояса. В воздух Дали предупредительные залпы. Выстрелы в упор повторились из толпы, дезорганизаторы продолжали наседать. У бойцов выхода не было, жизнь их находилась под угрозой. Пришлось принять оборонительные меры (характерно, что для описания этого и последующих эпизодов Статников использует эвфемизмы. Выстрелы военных в толпу он предпочитает называть «оборонительными мерами». — В. К.). И только после этого толпа была рассеяна».[440] При штурме Дома связи были жестоко избиты несколько офицеров милиции.

По докладу генерал-майора Банных, после первых выстрелов у Дома связи толпа отхлынула с проспекта Руставели в окрестные переулки, где «крики и митинговщина» продолжались. Позднее от Дома связи вновь стали доноситься «стрельба, крики „ура“, гудки автомашин». На проспекте Руставели выросли две баррикады из троллейбусов и автобусов: одна — возле гостиницы «Тбилиси», вторая — около Дома связи.[441]

Одновременно с попыткой захватить Дом связи демонстранты попытались (безуспешно) захватить редакцию газеты «Коммуниста». Около полуночи возбужденная толпа (около 3 тыс. человек), возвращавшаяся от Дома связи, начала осаду городского управления милиции «с целью разоружения работников милиции и захвата оружия». В ход пошли камни и палки, были выбиты окна и двери в дежурном помещении, некоторые сотрудники милиции избиты. Кто-то угнал 4 служебных легковых автомобиля «Победа». Три были наутро найдены в городе, одна утоплена в Куре.

С помощью танков скопление людей на площади имени Ленина было рассеяно. Многие разбежались по домам. Но у Дома правительства, который охраняли пограничники, еще митинговала толпа около 500 человек. В числе лозунгов можно было услышать: «Да здравствует Берия!».[442]

Митинг у монумента Сталину, на котором, по некоторым оценкам, около 1 часа ночи 10 марта присутствовало около 5 тысяч человек, продержался дольше всех остальных. Митинговавшие выкрикивали некие «призывы к свержению центрального правительства». Особенно резко нападали на Микояна, Булганина и Хрущева. Этим «изменникам» кто-то из выступавших противопоставил Молотова: «Да здравствует новое правительство во главе с товарищем Молотовым!».

В район монумента были направлены бронетранспортеры.[443] Разогнать митингующих было здесь труднее, чем в других местах. Монумент находился в парке и был окружен деревьями. Из толпы кричали: «Грузины, за Сталина уже пролита кровь, продолжать будем борьбу, ни один грузин не должен уходить».[444] Военные окружили парк и предложили разойтись. «В ответ, — как рассказывал журналист Статников, — послышались насмешки и оскорбления. На неоднократные предупреждения показывались кулаки и ножи. И когда около трех часов ночи их стали оттеснять, то хулиганы и провокаторы оказали сопротивление — стали нападать на солдат, вырывать автоматы, среди военных появились раненые. Снова пришлось применить оружие».[445]

Корреспондент «Труда» склонен был представить события как «необходимую самооборону» солдат. Этой же версии придерживалось и МВД Грузии: когда (после 2 часов ночи) солдаты попытались рассеять толпу, им было оказано «сильное физическое сопротивление, били солдат камнями, палками, металлическими прутьями, бутылками и другими предметами», называя военнослужащих фашистами, гестаповцами, извергами. По утверждению МВД Грузии, солдаты открыли огонь вверх без команды офицеров, а через минуту, уже по команде, прекратили его. Толпой был затоптан молодой человек. Кроме того, на площади была обнаружена девушка «с тяжелым ранением в области головы тяжелым предметом». Оба скончались в больнице. Еще двое — парень и девушка отказались сойти с пьедестала памятника. Девушка была сброшена ударом штыка и умерла на месте, парень — убит выстрелом из пистолета.[446] Один из очевидцев (свидетельство недостаточно достоверно, но заслуживает упоминания хотя бы как пример слухов о волнениях в Тбилиси) рассказывал спустя год после событий: «По демонстрантам открыли огонь и одна тяжело раненная девушка заявила подошедшим к ней представителям советской власти: „Уходите, я вас ненавижу...“».[447]

Когда у монумента Сталина появились танки (впоследствии они открыли огонь) и начали теснить толпу, безоружные люди полезли на боевые машины, бросали под них портреты и знамена. На некоторые танки была наклеена свастика.[448] В адрес пограничников, разгонявших толпу у Дома правительства, раздавались выкрики: «Зачем вы пришли сюда?», «Здесь армия не нужна!», «Русские, вон из города!», «Уничтожить русских!».[449] Когда по городу разнеслись слухи об убитых, зазвучал лозунг «Кровь за кровь».[450]

Полной информации о числе жертв с обеих сторон мы, к сожалению, не имеем. Очевидно, что был приказ стрелять. Кроме того, как пишет Ф. Баазова, когда после полуночи в город вошел 8-й полк, вооруженный танками, его солдаты неожиданно, без всяких предупреждений, стали в упор расстреливать школьников и студентов.[451] Только во время столкновений у Дома связи и у монумента Сталину было, по данным МВД Грузии, убито 15 (из них 2 женщины) и ранено 54 человека (7 человек впоследствии умерли).[452] Ясно, что среди убитых и раненых было гораздо больше восторженных и наивных молодых людей, чем провокаторов и подстрекателей, действовавших из-за спин толпы. По некоторым сведениям, пострадавшие были также среди солдат.[453] Кроме того, за несколько дней волнений были избиты толпой 146 работников милиции.[454]

За ночь в городе было арестовано около 200 человек (на следующий день — еще 100 человек), главным образом, учащаяся молодежь. У некоторых были отобраны револьверы или холодное оружие — кинжалы, финки, ножи. Арестованные оказались во внутренней тюрьме КГБ под усиленной охраной. Они были возбуждены ночными событиями, вели себя достаточно смело (по определению милиции, «нагло»), время от времени выкрикивали: «Сегодня нас придут и освободят»; «Скоро придут союзники и помогут нам».[455]

10-11 марта. В Тбилиси

Утром 10 марта жители Тбилиси обсуждали ночной расстрел, обвиняли правительство и русских солдат. Вокруг монумента стояло оцепление из автоматчиков. По основным улицам, на перекрестках, мостах, на выездах с магистралей располагались войсковые пикеты с пулеметами на машинах. Люди пытались собираться в группы (особенно у монумента Сталина и у вокзала), но их разгоняли патрули. В 11 часов из Гори поездом приехала группа молодежи (около 150 человек). Она попыталась организованно, колонной, с красными флагами пройти в центр города, но была остановлена войсками. Власти опасались попыток освобождения арестованных (получив об этом информацию по оперативным каналам). Около 12 часов дня группа демонстрантов, собравшаяся на мосту, бросилась к монументу. Предупредительные выстрелы в воздух рассеяли толпу. В тот же день кто-то пытался захватить военный склад.

Во второй половине дня некий «Организационный комитет» (именно так были подписаны обнаруженные между 3 и 4 часами дня 4 рукописные листовки) попытался устроить (или спровоцировать!?) акцию гражданского неповиновения. «В ночь на 10 марта, — говорилось в листовках, почему-то на русском языке, — расстреляны наши лучшие люди, в том числе студенты. Завтра (11, воскресенье) созывается траурный митинг, посвященный этим жертвам. Место митинга — площадь Ленина и у монумента Сталина».[456] Аналогичные обращения и призывы распространялись устно.

Около 7 часов вечера войска и милиция получили ориентировку КГБ о том, что, якобы, из центра города в армянский район Авлабара трамвайными маршрутами направляются погромщики. Информация не подтвердилась, но дополнительные меры безопасности были приняты.

В течение дня более двух тысяч человек, по данным милиции, выехали из города в деревню.

После 11 вечера народ с улиц разошелся.

11 марта милиция отмечала на улицах «нормальное наполнение». Были зафиксированы «единичные случаи, когда к рабочим, идущим на работу, подходили „личности“ и предупреждали, чтобы на работу не ходили, так как сегодня, 11 марта, будет митинг в память погибших жертв». Розыск «личностей» оказался безрезультатным. На рассвете было подобрано еще несколько листовок на русском языке (снова о траурном митинге).

Через оцепление к памятнику Сталину пропускали только небольшие группы людей.

Во второй половине дня боевую технику с улиц и площадей убрали. Военное патрулирование продолжалось.

Прежнего накала страстей в Тбилиси уже не было. Однако сильным раздражающим фактором для всего населения города оставался нерешенный властями вопрос о похоронах жертв. Родственники убитых настаивали на выдаче трупов. Партийное руководство республики с ужасом представляло себе, какой взрыв эмоций могут вызвать такие похороны. Раненые находились в больницах под охраной милиции, а родственники и знакомые допускались к ним «организованно».

По ориентировке органов милиции, отмечалось «обилие различных провокационных слухов и угроз». Поговаривали о возможном повторении беспорядков вечером 11 марта. Однако вечером ничего не случилось. [457] Агентура сообщила, что траурный митинг, намеченный на 11 марта, «переносится провокаторами на 24 марта». [458] Косвенно это подтверждает существование организационного центра волнений. Его влияние каким-то образом распространилось даже на другие города республики. Во всяком случае в Гори аналогичный митинг был также перенесен на 24 марта.

Несмотря на отмену траурного митинга, грузины все-таки выразили свое отношение к трагедии. Например, на рынках города Сочи (Краснодарский край РСФСР) появились жители Грузии с траурными повязками на рукавах. [459] Кое-кто выражал сожаление, «что у них нет оружия», распространялись «большие угрозы в адрес начальника гарнизона, по приказу которого был открыт огонь». [460]

Горииский «заговор»

5 марта 1956 г. на родине Сталина, в городе Гори, на площадь Сталина и к домику, где родился «отец народов», пришло около 50 тыс. человек, главным образом молодежь. Столпотворение продолжалось весь день, а некоторые даже ночевали у памятника. 6–8 марта площадь и домик Сталина ежедневно посещали 5–6 тыс. человек. Кто-то организовал почетный караул. Шел стихийный митинг, на котором читали стихи о Сталине и выступали с хвалебными речами. Утром 9 марта толпа значительно увеличилась в размерах. К жителям города присоединились делегации (организованные группы) жителей других городов и районов республики, в том числе из Тбилиси.

В 1 час дня, так же как и во всей республике, состоялся официальный митинг. [461] И так же как и в Тбилиси, он был «захвачен» неформальными лидерами. Среди них особенной страстью в защите Сталина выделялась 25-летняя Маквала Окроперидзе, литературный работник местной партийной газеты «Сталинели». У нее впоследствии было изъято 45 заявлений и предложений, оглашенных на митинге. Другой активной участницей стихийного митинга была 28-летняя швея Мери Джиеова. Она также зачитывала с трибуны заявления и призывы. Всего милиция обнаружила в венках и цветах у памятника Сталину 323 написанных от руки документа, спрятанных там, по всей вероятности М. Джиеовой. [462] Выступавшие на площади имени Сталина уверяли толпу, что она не одинока, что подобные митинги проводятся и в других городах СССР. Заодно ругали Хрущева и все московское начальство за клевету на Сталина. [463]

Во второй половине дня площадь Сталина и прилегающие улицы были заполнены народом (до 70 тыс. человек). Вечером с трибуны прозвучало требование освободить двух человек, задержанных милицией в ночь на 9 марта. Огромная толпа (около 5 тыс. человек) окружила городское отделение милиции. «Во избежание осложнения и нежелательных последствий», как говорилось в спецсообщении МВД Грузии МВД СССР, задержанные были отпущены. Приблизительно в это же время группа молодежи после неудачной попытки проникнуть в вагон поезда Тбилиси — Москва выбила камнями окна в десяти вагонах. Отправление поезда было задержано на 38 минут. [464]

Несколько машин с рабочими комбината уехали в столбцу республики. Большинство было задержано в пути заслонами войсковых частей и милиции. Некоторые к утру пробрались в Тбилиси и с портретами Ленина и Сталина, транспарантами и венками попытались подойти к монументу Сталина. Угрозами и уговорами их вернули обратно. [465]

Митинг в Гори продолжался до 9 часов утра 10 марта, постепенно затихая. Этот митинг не был разогнан силой. Его прекратили по предложению с митинговой трибуны. Кто-то из президиума заявил, что выдвинутые требования должны быть выполнены властями к 24 марта. Если же последует отказ, то тогда следует объявить всеобщую забастовку и остановить движение транспорта. После этого народ с площади разошелся. В город были введены войска. У памятника оставалась лишь небольшая группа молодежи — почетный караул. В полночь с 10 на 11 марта власти потребовали, чтобы они покинули площадь. Молодые люди выполнить это требование отказались и были задержаны милицией. Один из них, имевший в прошлом судимость, попытался обезоружить полковника милиции. В ответ раздался выстрел и нападавший был ранен в ногу. [466]

Но этим дело не ограничилось.

После подавления волнений в Тбилиси в ночь с 11 на 12 марта 1956 г. на квартире старшего лейтенанта И. Кухианидзе (работал в горийском военкомате) собралась группа организаторов и активных участников

траурного митинга — старший лейтенант Георгадзе и артист Гонгадзе. Они обсудили события в Гори и Тбилиси и перспективы проведения нового митинга, назначенного на 24 марта. Кухианидзе предложил перенести место его проведения, чтобы обмануть бдительность властей. Выбрали Кутаиси, где, по мнению Кухианидзе, можно было «опереться на одну из национальных воинских частей». Кухианидзе заверил своих товарищей, что может достать оружие, а если массовое выступление сорвется — нужно бежать за границу. Все трое решили укрыть Маквалу Окроперидзе от возможного ареста, той же ночью отправились к ней и предложили спрятать ее в Кутаиси, Сванетии или в Тбилиси. Окроперидзе согласилась и переехала на квартиру Гонгадзе, где находилась до утра 12 марта 1956 г.

Вероятно, неудавшиеся заговорщики были арестованы 12 марта и их «план» продолжения политических выступлений в Грузии так и не вступил в силу. Кухианидзе впоследствии утверждал, что все им сказанное было шуткой. Даже военный трибунал в действиях Кухианидзе не обнаружил ни покушения на организацию вооруженного восстания, ни «особо тяжкого вида пропаганды и агитации» при отягчающих обстоятельствах (использование религиозных или национальных предрассудков, военная обстановка и военное положение). [467] Приговор тем не менее был жесток — 8 лет лишения свободы за антисоветскую агитацию и пропаганду.

Сухуми и Батуми: 5-9 марта 1956 г

События в Сухуми развивались, как зеркальное повторение волнений в Тбилиси и Гори, хотя и протекали в менее агрессивной форме. Косвенно это еще раз свидетельствует о возможности общенациональной координации действий лидеров и руководителей стихийных митингов и манифестаций. С утра 5 марта 1956 г. в центральном парке Сухуми у памятника Сталину стали собираться группы учащихся грузинских школ с венками. Это продолжалось до 9 марта. Ежедневно кто-то из митингующих покупал в ресторане «Сухуми» по 20–30 литров вина, которое распивали в парке, и которым (по ритуалу) поливали памятник.

С каждым днем количество митингующих увеличивалось, достигнув в конце концов 2–2,5 тыс. человек. Они непрерывно выступали с речами и читали стихи. Когда вечером 6 марта рабочая цветочного магазина (русская) по распоряжению начальства попыталась убрать принесенные венки и цветы, толпа набросилась на нее и стала избивать. Женщину спасло вмешательство переодетых работников милиции, дежуривших у памятника. С этого момента участники стихийного митинга установили у памятника свою охрану. 7 марта митинг продолжался с неослабевающей силой. 8 марта митингующие установили в парке прожекторы, а для укрытия от дождя натянули два брезентовых полога. До поздней ночи с чтением стихов выступали школьники, студенты и взрослые.

9 марта в 13 часов, как и во всей Грузии, в Сухуми прошел официально объявленный властями митинг. Как и в Тбилиси, его участники отказались разойтись после официальной церемонии. Выступления продолжались. От толпы стали отделяться большие группы людей. Они останавливали проходившие мимо парка машины и угрозами заставляли водителей давать продолжительные сигналы. Отказавшихся (водители трех легковых автомобилей и четырех автобусов) избивали. Проходившие мимо парка городские автобусы останавливали, пассажиров выгоняли на улицу и принуждали становиться на колени.

Вечером на митинге милиция зафиксировала «националистические высказывания». По улицам пошли манифестации с пением грузинских национальных песен. Находившиеся на улицах и в парке время от времени совершали коленопреклонения. В организации этих манифестаций активное участие приняли изгнанные с руководящих постов после смерти Сталина партийные и государственные функционеры — бывший первый секретарь Сухумского обкома КП Грузии и бывший заместитель председателя Совета Министров Абхазской АССР.

Одна из групп (вновь, как в Тбилиси) начала стихийный митинг у здания Абхазского обкома КП Грузии. Вторая — организовала митинг у Дома правительства, а затем направилась на так называемую гору Сталина. Там также прошел митинг «с антисоветскими выступлениями». Женщины после этого митинга разошлись по домам. Мужчины, возвращаясь назад, забросали камнями окна педагогического училища. После остановки на непродолжительный митинг у дома отдыха Закавказского военного округа группа направилась в Сухумский морской порт. От капитана стоявшего там теплохода потребовали, чтобы он дал продолжительные гудки в память Сталина. Капитан категорически отказался. Из порта группа молодежи (около 200 человек) переехала к городскому театру. Там как раз закончился спектакль. Расходившиеся зрители были втянуты в новый митинг, который продолжался 40 минут. Толпа в конце концов распалась на мелкие группы и расползлась по городу. Эти группы были, по определению милиции, «рассеяны» только к трем часам утра 10

В столице Аджарии Батуми беспорядков не было. 5 марта у памятника Сталину прошел довольно спокойный митинг, в котором, как и всюду в этот день, участвовали дети и молодежь. 9 марта в 13 часов состоялся разрешенный властями митинг. Он продолжался, уже после официального закрытия, до 23 часов.

После этого народ разошелся. По сведениям милиции, в Батуми «хулиганских проявлений и нездоровых выступлений не было».[469]

Политическое эхо событий в Грузии

Под влиянием мартовских волнений 1956 г. возникла молодежная подпольная организация, в которой участвовал сын известного грузинского писателя, будущий диссидент Звиад Гамсахурдия — в конце 1980-х гг. лидер движения за отделение республики от СССР, первый президент независимой Грузии, впоследствии свергнутый и убитый. Из материалов надзорного производства Прокуратуры СССР по делу З. К. Гамсахурдии, А. А. Микадзе, Т. Т. Гунджуа и В. В. Сихаруладзе видно, что еще раньше между ними шли разговоры о создании нелегальной группы. Но к активным действиям их подтолкнули именно события 5–9 марта 1956 г. Можно даже предположить, что среди «неизвестных молодых людей», пытавшихся руководить событиями в городе, были члены и этой группы. Вскоре после мартовского расстрела Гамсахурдия «вновь поставил вопрос... о ведении нелегальной антисоветской работы», а «целью наметили» — создание самостоятельного грузинского государства. Так что молодые люди вполне могли быть и авторами листовок об отделении Грузии от СССР на Колхозной площади Тбилиси.

Группа впервые собралась в июле 1956 г. на квартире Гамсахурдии. Решили добиваться увеличения числа участников, «установить связь с теми лицами, которые входят в другие нелегальные группы», а на собранные деньги приобрести пишущую машину. В ночь с 1 на второе декабря 1956 г. группа Гамсахурдии распространила на улицах Тбилиси листовку, в которой, напомнив о мартовском расстреле 1956 г., подавлении восстания гурийских крестьян в 1924 г., репрессиях 1930-х гг., вводе советских войск в Венгрию, призывала к изгнанию «русских оккупантов» и «предателей — грузинских коммунистов».[470]

О существовании других нелегальных групп нам ничего не известно, что, впрочем, не значит, что их не было совсем. Достоверно зафиксировано несколько случаев распространения (или попыток распространения) листовок и анонимных писем, прямо или косвенно откликавшихся на события в Тбилиси.[471] Известен также случай спонтанного выступления молодежи Тбилиси на месте кровавых событий на проспекте Руставели у Дома связи. По спецсообщению МВД Грузии в МВД СССР, 3 октября 1956 г. группа студентов (25 человек) выпила по случаю стипендии в клубе им. Ворошилова. После этого они дошли до здания Дома связи, остановились на ступенях, установили глиняный горшок с цветами и запели любимую песню Сталина «Гапринди шао мерцхало». Требованию заместителя начальника городского управления милиции разойтись студенты не подчинились и запели еще громче. 15 человек были задержаны милицией. Остальные разбежались. Ночью (в присутствии родителей задержанных) были составлены административные протоколы о нарушении общественного порядка, и молодые люди в сопровождении родных были отпущены по домам. Начальник городского управления милиции попытался «прикрыть» студентов, не дал делу хода и не доложил о происшествии руководству МВД Грузии. Когда же о событиях у Дома связи стало известно милицейскому руководству республики, был отдан приказ о «выявлении организаторов данного происшествия».[472] История в конце концов дошла до ЦК КПСС.[473]

Спровоцированная событиями в Тбилиси вспышка грузинского национализма напугала представителей других этносов и усилила этническую напряженность в Грузии. Один из очевидцев волнений (очевидно, армянин) спустя месяц после событий — 13 апреля — отправил в Центральную ревизионную комиссию КПСС анонимное письмо-жалобу «на грузин». Повторяя распространенные в то время слухи, аноним рисовал ужасающую картину беспорядков — чуть ли не массовое убийство русских и армян, трупы которых выбрасывали в Куру. Он пытался убедить московское начальство в полной политической неблагонадежности грузин и призывал власть («пока не поздно») «предателей родины расстрелять, а их детей и родственников сослать в Сибирь и содержать их в запретной зоне».[474] Открещиваясь от имен Сталина и Берия, он готов был в этническом конфликте действовать теми же методами.

События в Грузии были болезненной реакцией общества на умирание великого сталинского мифа, страшным концом страшной эпохи. Разоблачение Сталина психологически обезоружило наиболее преданных

и фанатичных сторонников режима — на их нерассуждающей преданности, так же как и на тотальном насилии держалась сталинская система. Великий святой оказался великим дьяволом. Но его развенчание было построено не по законам мифа — не было «падшего ангела», превратившегося в Сатану. Для преданных почитателей Вождя оскорбительным и невыносимым было не низвержение кумира, в этом еще можно было бы найти некое потустороннее величие, а простота и обыденность, с которыми оно совершилось. Сталин оказался простым смертным, но это означало, что теряла смысл вся мессианская проповедь мирового коммунизма. Жертвы становились бессмысленными, жестокость — неоправданной, жизнь — потраченной напрасно. На место великого и страшного вождя пришел лысый толстяк Хрущев. К нему можно было относиться, как к равному, его можно было ругать, и поносить как обычного человека — не так, как проклинают и наказывают своих идолов язычники, не так, как проклинали антихриста Сталина его враги.

Идейно-психологический кризис, который пережило общество в результате половинчатых разоблачений Сталина (а кульминацией этого кризиса были волнения в Грузии), насторожил коммунистических правителей. Они поняли, что полное развенчание мифа будет означать и полную потерю легитимности режима, обесценение всех его реальных и мнимых достижений. «Переоценка» роли и значения Сталина началась слишком быстро. Массовое сознание не выдержало, и даже привыкшие «колебаться вместе с генеральной линией» партийные функционеры растерялись. События в Тбилиси стали сигналом власти. Если идеологические устои режима и способны были выдержать разоблачение сталинских преступлений, то легитимность нового лидера страны — Хрущева — явно оказалась под вопросом.

Хрущев сигнал понял — до 1961 г. (XXII съезд КПСС) официальная критика Вождя отличалась заметной умеренностью. Были сохранены многие «сталинские» названия — городов, улиц, площадей, поселков, колхозов. Тело Сталина осталось в мавзолее вместе с Лениным, что имело бесспорный символический смысл. Сталина как бы постепенно «выдавливали» из массового сознания, но на его месте уже невозможно было представить никого другого. Время фанатической веры в коммунистических кумиров и идолов прошло. Можно было возродить ритуалы и заклинания, но никто уже не воспринял бы их всерьез. Миф умирал, «великая коммунистическая мечта» оборачивалась фикцией. Система переставала работать. Попытки Хрущева мобилизовать народ на «новые исторические свершения» — «строительство коммунизма за 20 лет» (а «программа строительства коммунизма» была принята одновременно с новой атакой Хрущева на Сталина в 1961 г.) уже не были ни мифом, ни великой утопией — они были наивным обманом, который народ, «живущий повседневностью», многозначительно проигнорировал. Фанатичных сторонников Хрущева не было, его отставка стала будничным делом, которое никого не взволновало и не задело, а некоторых обрадовала настолько, что они снова принялись писать анонимные письма в «инстанции» с руганью в адрес свергнутого «Никиты». Эпоха вождей, великих и страшных, закончилась.

Стихийная мобилизация толп под знаменами поверженного кумира ушедшей эпохи оказалась кратковременной. Большинство здравомыслящих людей, затянутых в воронку массовых беспорядков в Тбилиси, испытали страх и желание уйти в сторону. Некоторые почувствовали, что их иллюзиями и политическими страстями пытаются манипулировать. Делалось это либо в узко политических целях — заставить Хрущева «притормозить», чтобы сохранить остатки коммунистической легитимности, либо для того, чтобы переключить «культ личности» на «культ нации». Апелляция к национализму, сама по себе превратившая имя Сталина из символа коммунизма в символ оскорбленного национального чувства, была симптомом будущего кризиса «советской империи» — не в меньшей степени, чем уже начавшегося кризиса «русского коммунизма».

Кульминация этих кризисов и их катастрофическая развязка были еще далеко впереди.

Глава 8

Волнения верующих

Религиозные праздники как потенциальный катализатор конфликтов

Религиозные праздники в России всегда содержали в себе потенциальную опасность возникновения локальных межгрупповых конфликтов — толпы, собиравшиеся у храмов, состояли не только из истинно

верующих. Официально разрешенное властями массовое скопление людей привлекало уголовников, маргиналов, пьяниц, хулиганов. К тяжелым последствиям приводили драки, возникавшие во время религиозных праздников на почве массовых пьянок. Иногда в этих пьянках и драках принимали участие партийные и комсомольские активисты, представители колхозного руководства.[475]

До политически значимых конфликтов в дни религиозных праздников дело доходило только на окраинах СССР. Имея форму «конфессионального хулиганства» (осквернение храма), агрессия в большей мере отражала политическую эмоцию — негативное отношение к русским и к их религиозным символам как эквиваленту «империи», «захватчиков», «оккупантов» и т. п. Известны, в частности, случаи хулиганских нападений на православные храмы в дни религиозных праздников в прибалтийских республиках. Например, в Риге на православную Пасху 1960 г. группа хулиганов пыталась ворваться в собор и сломала входные двери. Похожий инцидент произошел в тот же день в Таллине.[476]

Однако, повторим это еще раз, само по себе празднование религиозных праздников в России при всей потенциальной конфликтности праздничной ситуации никакими беспорядками на религиозной почве не сопровождалось. Во всяком случае нам такие случаи неизвестны. Другое дело, что даже участие в религиозном празднике было в «безбожном» Советском государстве если не формой политического протеста, то по крайней мере демонстрацией неконформистских настроений. Именно так это воспринималось властями — независимо от субъективных намерений и осознанности неконформистских действий и переживаний людей, вовлеченных в события.

В определенных ситуациях подобный завуалированный про-, тест выливался в события, весьма похожие на локальные политические демонстрации. Наиболее ярко это проявлялось в Литве в «Задумный день». В этот день КГБ при Совете Министров Литовской ССР обычно направлял на кладбища республики своих оперативных работников, поскольку считалось, что «вражеские элементы для своей подрывной работы используют массовое скопление верующих». В ноябре 1956 г. обычное напряжение «Задумного дня» было усилено сочувственным отношением многих литовцев к антикоммунистическому выступлению в Венгрии. В Каунасе собравшиеся пели гимн «Литовская наша отчизна», песню «Литва, ты моя красивая родина». В толпе раздавались выкрики: «Да здравствует Венгрия», «Долой Москву», «Ура за независимость Литвы», «Свободу и независимость».

В России также известна по крайней мере одна попытка (правда, в более позднее время — 1970 г.) подпольной группы использовать скопления верующих в пасхальные дни для распространения листовок (Свердловск).[477]

Ни эти, ни им подобные эпизоды нельзя было отнести к беспорядкам на религиозной почве. Верующие старались «мирно сосуществовать» с властью и, если сама власть не совершала грубых ошибок, даже в потенциально конфликтных ситуациях сами контролировали поведение толпы в местах массовых скоплений. Известные нам немногочисленные случаи стихийных беспорядков верующих были всецело спровоцированы общим «закручиванием гаек» в церковной политике Москвы в сочетании с бюрократическим скудоумием местных чиновников.

«Ограничительная» политика государства по отношению к церкви, как фактор стихийных волнений верующих

Во второй половине 1950-х гг. закончился период «новой религиозной политики», продолжавшийся, по мнению церковного историка протоиерея Владислава Цыбина, около 15 лет — с конца Второй мировой войны. [478] В справке, подготовленной председателем Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карповым для председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева (подписана 15 января 1960 г. в связи с подготовкой встречи патриарха Алексия I с Хрущевым) сообщалось, что «основное увеличение числа церквей произошло в период войны за счет массового, беспрепятственного открытия их на оккупированной территории». После окончания войны (1946–1948 гг.) рост числа православных церквей продолжался. Три тысячи «новых» православных храмов были результатом воссоединения греко-католической (униатской) церкви с православной в пяти западных областях Украины (при одновременном сокращении униатских церквей). На 1 января 1948 г. в СССР насчитывалось 14 320 церквей. С этого времени началось сокращение православных храмов — результат сознательной политики властей.

12 последних лет, сообщал Карпов Хрущеву, «мы сдерживаем натиск, игнорируя все заявления об

открытий церквей и молитвенных домов». Одновременно шло закрытие церквей, особенно на Украине.[479] Наступление на православную церковь, начавшееся в 1948 г., означало ряд существенных ограничений в деятельности духовенства. С 1948 г. действовало «распоряжение патриарха о том, чтобы не проводить никаких общественных молебствий на полях или вообще вне храма, в том числе и молебнов по случаю бездождья. С того же времени епископы и духовенство не должны делать разъездов по районам и селам в рабочее время, а с большой свитой вообще». Была запрещена организация духовных концертов в церквях вне богослужения. Дано разъяснение, что проповеди объясняют только Евангелие и должны быть чужды всякому вмешательству в политику. С 1949 г. запрещено «водосвятие» на реках и других водоемах. С того же года не допускалось совершение треб вне храма, если нет приглашения или просьб отдельных верующих. С 1950 г. пострижение в монахи было возможно только с разрешения патриарха.[480]

Несмотря на усилия властей, православие совершенно не собиралось «отмирать». По явно заниженным сведениям самой церкви, в Кировской области, например, в 1959 г. 56 процентов родившихся младенцев прошли обряд церковного крещения, а 75 процентов умерших — отпевания. Во Владимирской области эти цифры составляли соответственно 39 и 46 процентов, в Курской — 48 и 35 процентов.[481] (Отметим в скобках как весьма типичное явление: автор этих строк, родившийся в 1950 г., был тайно от родителей крещен бабушкой-коммунисткой и ее беспартийной родственницей.)

Хрущев, пытавшийся увлечь население страны романтической химерой «немедленного коммунизма» (принятая в 1961 г. Программа КПСС обещала построение материально-технической базы коммунизма за 20 лет) и реанимировать угасавший, энтузиазм первых послереволюционных десятилетий, всячески поощрял усиление борьбы с «религиозными пережитками». Пропагандистский тезис о «полной и окончательной победе социализма в СССР» плохо гармонировал с «остаточной» религиозностью значительной части населения страны. По свидетельству Карпова, в 1959 г. было «проведено наибольшее число ограничительных мероприятий», что вызвало острую реакцию церкви и духовенства.[482] Даже покладистый престарелый патриарх (в 1959 г. Алексею I был 81 год) возмутился.[483] Тем не менее под нажимом Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР Алексею I пришлось согласиться на новые ограничения в деятельности церкви. Церкви был нанесен и серьезный финансовый удар — повышен налог (в 47 раз! — с 1,5 до 70 млн руб. в год) на свечное производство, дававшее большую часть (до 70 процентов)[484] всех доходов церкви.[485]

Антицерковная волна 1958–1959 гг. была вполне в духе пресловутого хрущевского «волюнтаризма». Казалось, что наступление на права церкви и верующих нельзя ни остановить, ни замедлить. Коммунистические начальники готовы были уверовать в то, что реальная жизнь настолько податлива их приказам и решениям, что политическое пространство их произвольных действий чуть ли не совпадает со стихией повседневной жизни народа, готового смириться со всем, что навязывает ему Кремль. Христианское смирение церковных иерархов, демонстрировавших готовность пожертвовать многим ради компромисса с властью, только вдохновляло коммунистических вождей в центре и в провинции на новые антицерковные подвиги. Наступление на права верующих было в конце концов приостановлено (только приостановлено!) не столько организованной оппозицией религиозных деятелей, сколько стихийными протестами самих верующих. Последней каплей оказались решения о резком сокращении монастырей и их усердное проведение в жизнь руководителями Молдавии и Украины.

Стихийные выступления верующих против закрытия монастырей и церквей в 1959–1960 гг

16 октября 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление «О монастырях в СССР». Во исполнение этого постановления Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР предполагал в 1959–1960 гг. сократить «путем укрупнения» 29 монастырей и скитов из 63 имевшихся на территории СССР. Особых проблем не предвидели. Помнили, как в 1946 г. «сокращение путем слияния» монастырей прошло без эксцессов.[486] С 1947 по 1957 год было закрыто еще 38 монастырей. «Безответность» церкви вдохновляла на административные подвиги. Однако на этот раз верующие продемонстрировали власти возродившуюся готовность к защите своих прав и предел «административного восторга» и чиновничьей бесцеремонности.

Даже покладистые обычно церковные иерархи попытались использовать стихийные выступления верующих для давления на Хрущева и его чиновников. В 1958 г. патриарх Алексей I согласился с «сокращением» монастырей, но высказал пожелание провести его в течение двух-трех лет.[487]

Впоследствии, видя, что творится на практике, он фактически дезавуировал свое согласие.[488] У Алексия I не было другого выбора. Солидаризироваться с глупостью антицерковных гонений 1959 г. значило уронить престиж патриархии до недопустимо низкой отметки.

5 июня 1959 г. Совет Министров Молдавской ССР постановил «сократить» 8 православных монастырей из 14 имевшихся в республике. Уже 3 июля 1959 г. из Молдавии сообщили по телефону в Москву о закрытии сразу четырех монастырей.[489] При ликвидации пятого — Речульского женского своекоштного монастыря (225 монашествующих) «произошел серьезный инцидент». По осторожному выражению Карпова, местные власти проявили поспешность, «не учли особенности этого монастыря и стали закрывать церковь» — верующим не разрешили сохранить монастырский храм как приходскую церковь, хотя в рекомендациях Совета по делам русской православной церкви такая возможность предусматривалась.

23 июня 1959 г. монахини Речульского монастыря пожаловались своим родственникам и знакомым в ближайших селах: нас притесняют, гонят из монастыря и т. д. Распространился слух о том, что, якобы, всех монашек сошлют на Север. Многие жители из окрестных сел (150–200 человек) бросились к монастырю и организовали круглосуточный пост, вооруженный вилами, палками и камнями. При каждом появлении представителей местной власти и попытках закрыть церковь добровольная охрана звонила в колокола, собирала с полей население и никого к храму не допускала. Монахини приютили собравшихся в монастырских домах на ночлег, кормили их и поили вином.

По сведениям МВД, 1 июля группа советских и партийных активистов попыталась «установить контакт с лицами, находящимися в монастыре», но была избита камнями и палками. 2 активиста получили тяжкие телесные повреждения. Лейтенант милиции, также ставший жертвой, дважды выстрелил из пистолета, ранил двух нападавших. Один из них от полученных ранений умер.[490] Дело закончилось арестом 11 человек.

Поспешно, с налета, пытались ликвидировать монастыри местные власти на Украине. Их действия также вызвали массовые протесты верующих. 18–19 июня 1959 г. уполномоченный Совета по Тернопольской области вместе с представителем местной власти г. Кременца объявил монахиням Кременецкого монастыря о закрытии их обители. Монахини распоряжению не подчинились, а верующие установили, по некоторым сведениям, дежурства, чтобы не допустить ликвидации монастыря. Игуменья отправила телеграмму Хрущеву с просьбой о сохранении обители, а архиепископ Львовский и Тернопольский Палладий просил патриарха принять срочные меры — добиться уступок от властей и отсрочить закрытие монастыря хотя бы на год, когда «все успокоится». Алексий I переслал рапорт архиепископа Карпову, сопроводив его своим комментарием: «Что можно сделать по рапорту? Во всяком случае мы, т. е. церковная власть, бессильны помочь, если со стороны гражданских властей не будет оказана помощь в разрешении этого вопроса, принявшего такие формы».[491] Власти временно отступили.[492]

В Закарпатской области Украинской ССР Совет Министров республики постановил закрыть один женский монастырь и два женских скита. Переговоры с монашествующими Успенского женского монастыря в с. Червенево Мукачевского района вели епископ Мукачевский Варлаам и уполномоченный Совета по области. В ответ они слышали: «Костями ляжем, но никуда из монастыря не уйдем, нас теснили католики в Венгрии, затем униаты, а сейчас нас гонят и непонятно почему».[493] В городе Лохвицы Полтавской области Украинской ССР «при закрытии церкви применили грубость и автогеном вскрывали двери и удаляли кресты, а утварь выбросили и вызвали массовый протест».[494]

Эксцессы продолжались и в 1960 г. В марте 1960 г. в г. Златоусте Челябинской области при участии уполномоченного Совета по делам православной церкви Салова бульдозерами было снесено здание церкви (на его месте предполагалось строительство кинотеатра) и в беспорядке вывезено культовое имущество. Это вызвало недовольство верующих и даже «распространение паники». «Ликвидация» прошла по военному — в течение часа. Верующих ни о чем не предупредили. Слухи о событиях в Златоусте достигли Челябинска, где практически одновременно были отобраны регистрационные справки у духовенства и прекращена служба в местном храме. В результате в течение 10 дней из Челябинска в Москву, в Совет по делам русской православной церкви приезжали три делегации верующих. И здесь властям пришлось пойти на частичные уступки. Служба в соборе была возобновлена.

В июне 1960 г. в село Пасковщина Згуровского района Киевской области в 4 часа утра приехала группа дружинников,

4 милиционера, заведующий партийным кабинетом райкома партии и заместитель председателя райисполкома. Они сбили замок с двери церкви и стали складывать культовое имущество. Несмотря на раннее время, собралось 200 человек верующих. Возмущенные бесцеремонным вторжением в церковь, они

выгнали представителей власти из села, поломали их автомобиль, на котором приехало «начальство». Для «наведения порядка» было направлено 7 работников милиции. Но это лишь ухудшило положение. Между милиционерами и находившимися около церкви местными жителями завязалась драка. События стали предметом обсуждения на бюро Киевского обкома КП Украины.[495]

Одно из последних известных нам волнений вспыхнуло в июле 1962 г. в селе Дуплиски Залешицкого района Тернопольской области. В донесении заместителя прокурора Тернопольской области М. Сидорова в Прокуратуру СССР сообщалось, что 5 июля «местными органами власти было организовано снятие крестов и купола с закрытой церкви». Группа жителей села начала звонить в колокола и созывать односельчан. Когда трое активистов (председатель сельсовета, инструктор райкома комсомола и местный рабочий) попытались вмешаться, они были избиты. Четверо наиболее активных участников событий были привлечены к уголовной ответственности по ст.71 УК УССР (массовые беспорядки) и в октябре 1962 г. приговорены к заключению на срок от 4 до 6 лет.[496]

Волнения верующих, хотя и не отбили у Хрущева и его чиновников охоты в рекордно короткие сроки покончить с «религиозным дурманом», но все-таки оказывали на власть определенное дисциплинирующее воздействие. В ряде случаев исполнение решения удавалось приостановить и даже добиться его отмены. После каждого эксцесса местные начальники попадали «на ковер» в вышестоящих инстанциях и обвинялись в «администрировании». Верующие, хотя и не смогли защитить свои права, но, по крайней мере, добивались от властей несколько большей административной сдержанности. Конфликты способствовали консолидации верующих и давали церковным иерархам некоторые дополнительные аргументы в их взаимоотношениях с властями.

Часть II

КРИЗИС «ЛИБЕРАЛЬНОГО КОММУНИЗМА». «АНТИХРУЩЕВСКИЕ» ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ И БЕСПОРЯДКИ 1961-1964 гг

Глава 9

Начало 1960-х гг.: симптомы социально-политического кризиса

19 июля 1962 г. Президиум ЦК КПСС обсудил проект постановления Совета Министров СССР о дополнении статьи 40 Положения о паспортах. Список местностей, где запрещалась прописка лиц, отбывших лишение свободы или ссылку за совершение ряда особо опасных преступлений, был дополнен некоторыми городами юга России. Часть городов из «запретного» списка были курортами Северного Кавказа, где любила отдыхать партийно-советская элита, другая часть представляла зоны повышенной социальной конфликтности. Там уже происходили или могли произойти в будущем массовые волнения и беспорядки — Краснодар, Грозный, Новочеркасск, Шахты[497] и другие.

Среди документов, собранных аппаратом ЦК КПСС к заседанию Президиума, оказались справки КГБ при Совете Министров СССР. Они прямо говорили о симптомах социально-политического кризиса на территории СССР. Приказ председателя КГБ «Об усилении борьбы органов государственной безопасности с враждебными проявлениями антисоветских элементов» (1962 г.) констатировал: «В последние годы в некоторых городах страны произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами административных зданий, уничтожением общественного имущества, нападением на представителей власти и другими бесчинствами. Зачинщиками этих беспорядков, как правило, были уголовно-хулиганствующие элементы, однако в ходе беспорядков всплывали на поверхность и проявляли повышенную активность враждебно настроенные лица, бывшие немецкие каратели и пособники, церковники и сектанты, которые в ряде случаев своими действиями стремились придать стихийно возникшим событиям контрреволюционную направленность».[498]

Власти явно опасались «соединения» стихийных массовых волнений с деятельностью антисоветских групп и организаций, способных придать этим волнениям политическую направленность, превратить асоциальные волнения городских жителей в антисоветские восстания. В свое время удар по инакомыслию, вдохновленному

«венгерским синдромом» и растущей «внеструктурной» политической активностью отдельных групп населения после разоблачений XX съезда КПСС, сопровождался существенными уступками рабочим для снижения их потенциальной конфликтности. Недаром в конце 1956 г. пленум ЦК КПСС принял решение о снижении норм выработки — фактически об увеличении зарплаты.[499] Политическая опасность «соединения» рабочего недовольства с интеллигентским инакомыслием была в значительной степени ликвидирована. А жестокий удар по «бытовым антисоветчикам», среди которых оказалось много заурядных пьяниц и болтунов из рабочей и мещанской среды, позволил властям благополучно выйти из первого после смерти Сталина кризиса взаимоотношений с народом.

В начале 1960-х гг. то, что раньше было лишь миражем и фантомом, начало приобретать более отчетливые очертания реальной угрозы. Руководство СССР своими собственными размахистскими действиями спровоцировало конфликт и создало опасность «соединения» народного недовольства с идеологией политического протеста. В короткое время, практически одновременно, были проведены денежная реформа 1961 г., повышение цен на основные продукты питания и пересмотр норм выработки в сторону их увеличения. Все это вызвало массовое недовольство, которое сочеталось с обострением проблем социальной справедливости, массовой эгалитаристской критикой новых «советских бар» и «дачного капитализма». В итоге, как отмечалось в информации КГБ в ЦК КПСС от 25 июля 1962 г., «после длительного перерыва вновь начали рассылаться анонимные документы с восхвалением участников антипартийной группы. Значительно больше стало поступать писем, содержащих террористические намерения в отношении руководителей коммунистической партии и правительства».[500]

Общее количество так называемых враждебных проявлений в первом полугодии 1962 г. в 2–3 раза превысило уровень 1961 г.[501] Среди авторов антисоветских документов (писем и листовок) около трети составляли рабочие, почти половина была моложе 30 лет, 40 процентов имели среднее и высшее образование. В 1960–1962 гг. на территории Советского Союза было распространено более 34 600 антисоветских анонимных документов, в том числе 23 213 листовок.[502] В начале 1960-х гг. заметно активизировалось создание подпольных антисоветских групп. В первом полугодии 1962 г. органы госбезопасности «вскрыли» 60 таких групп, а за весь 1961 г. — только 47.[503]

В известном смысле на рубеже 1950–1960-х гг. власть попала в заколдованный круг. Экономические проблемы невозможно было разрешить, не вызывая возмущения граждан, не создавая предпосылок для роста оппозиционных настроений, не провоцируя невыгодных для власти сравнений между декларируемыми целями (строительство коммунизма и т. п.) и унылой действительностью. Дисбаланс зарплаты и цен на потребительские товары (и особенно — продукты питания), отчасти вызванный уступками рабочим во второй половине 1950-х гг., обострял традиционную советскую проблему дефицита. При низких ценах на сельскохозяйственные продукты и при относительном росте заработной платы дефицит становился катастрофическим и вызывал ропот недовольства.

За полгода до повышения цен, в ночь с 30 на 31 декабря 1962 г. в Чите были обнаружены листовки, иллюстрирующие растущее возмущение: «Внутренняя политика Хрущева — гнилье!»; «Долой диктатуру Хрущева!»; «Болтун Хрущев, где твое изобилие?».[504] Ожидания народа явно дисгармонизировали с требованиями экономики. В надписях на избирательных бюллетенях, опущенных в урны для голосования в день выборов в Верховный Совет СССР 10 марта 1962 г., часто звучали мотивы выравнивания или повышения зарплаты и снижения цен на продукты, обувь, одежду: «Почему многие продукты, а главное сахар, конфеты и ширпотреб — не довоенные на них цены?»; «Хороший ты мужик. Да хорошо бы денежек нам прибавил». При этом народное сознание апеллировало к «положительному опыту» предшественника: «Тов. Хрущев! За время вашего вступления на пост вы еще не сделали ни одного снижения цен. Время снижать и улучшать материальное положение трудящихся»; «Исключая культ личности Сталина, мы совместно с вами должны подойти к новому снижению цен».[505]

Вскоре после этих выборов, летом 1962 г., народная репутация «хорошего мужика» оказалась под угрозой. Он попал в своеобразный политический цейтнот: сохранение статус-кво в ценовой политике грозило ростом недовольства из-за нехватки продуктов. А экономически оправданная мера — повышение закупочных и розничных цен — означала разрыв с популистской политикой систематического снижения цен, принесшей Сталину немалые политические дивиденды в больших городах. Немногие понимали искусственный, внеэкономический характер подобной политики, люди ждали «новых проявлений заботы партии и правительства» о народе. Когда «забота» обернулась для населения обманутыми надеждами, последовала закономерная вспышка возмущения.

Важным симптомом кризиса личной репутации Хрущева в начале 1960-х гг. стали время от времени раскрывавшиеся органами госбезопасности «заговоры» с целью его физического уничтожения. Ничего

серьезного для практического осуществления своих намерений потенциальные «террористы» не делали. Но показательным было само по себе появление террористической темы среди стандартного набора «антисоветских проявлений». Среди арестованных КГБ террористов были, например, два молодых человека из Тбилиси — Шота Меквабидзе и Альберт Меладзе. По данным КГБ, они собирались в конце 1960 г. совершить покушение на Хрущева во время его предполагаемого приезда в Грузию. Похоже, молодые люди считали, что террористический акт повлек бы «за собой изменение внешней и внутренней политики Советского государства». «Заговорщики» долго обсуждали возможный сценарий покушения, где достать оружие, как изготовить бомбу и т. д. К счастью для них и для Хрущева, практически ничего сделано не было. [506]

Еще один «террорист» был арестован КГБ в Душанбе (Таджикская ССР). 1 октября 1962 г. во время визита Хрущева в Таджикистан Станислав Воробьев (осужден впоследствии на 12 лет лишения свободы) взял огромный булыжник, засунул его в букет цветов и приготовился швырнуть его в проезжавший по улицам кортеж. За полчаса до торжественной встречи Воробьева задержали. Станислав решился на покушение спонтанно, в момент душевного кризиса. На суде рассказал, что «газет он не читал, политзанятий не посещал, что его личная жизнь сложилась очень неудачно, вследствие этого он много пил, коллектив им не интересовался и все это привело его к тем действиям, за которые он был арестован». [507] В известном смысле Воробьев был типичным участником массовых беспорядков и волнений начала 1960-х гг. Просто он был не востребован конфликтной ситуацией где-нибудь на рынке или на городской площади, а «сорвался с тормозов» в момент визита Хрущева. То, что он сказал на суде, было расхожей темой множества антисоветских документов, высказываний и бытовых разговоров начала 1960-х гг., прямо или косвенно присутствовало в настроениях инициаторов массовых беспорядков: «Я хотел убить Хрущева за неправильную его политику. Взяв Германию, разве можно с ней дружить. Германия убила моего отца, а теперь, какой она мне друг? Я не согласен, что мы дружим с Польшей, Чехословакией. Мы посылали туда оборудование, хлеб, а оттуда что к нам идет? Из Китая идет товар по одним ценам, а покупаем мы втрое дороже. Чтобы купить костюм, надо работать целый месяц». [508]

Задуманное Хрущевым повышение цен, при всей его болезненности, могло бы и не сопровождаться острыми формами социального протеста. Запас идеологической и политической прочности системы был в то время достаточно велик. Но руководство страны допустило грубейший политический просчет: повышению цен сопутствовал пересмотр (в сторону ужесточения) норм выработки и расценок на целом ряде предприятий. Новочеркасская трагедия (массовые беспорядки и массовые жертвы в результате бездарных попыток властей силой подавить недовольство) была лишь видимой частью айсберга, невидимая его часть — глухой ропот и разнообразные «антисоветские проявления» по всей стране.

После официального сообщения о повышении цен на мясо, мясные продукты и масло КГБ при Совете Министров СССР ежедневно информировал ЦК КПСС о настроениях народа. Докладные записки за 1–4 июня 1962 г., хранящиеся в Архиве Президента РФ, были опубликованы в 1993 г. Из этих документов следует, что листовки с протестами появились даже в Москве: «Сегодня повышение цен, а что нас ждет завтра» (улица Горького, ныне Тверская, главная улица Москвы). На Сиреневом бульваре листовка призывала рабочих «бороться за свои права и снижение цен». На подмосковной железнодорожной станции «Победа» (Киевская железная дорога) была «учинена надпись с клеветническими измышлениями в адрес Советского правительства и требованием снизить цены на продукты». Уже в первый день пришли сообщения о различных проявлениях недовольства в Донецке, Днепропетровске, Павловском Посаде, Загорске, Ленинграде, Выборге, Тбилиси, Новосибирске, Грозном. Имели место попытки открытых протестов: рабочий Карпов из Выборга прикрепил себе на грудь надпись «Долой новые цены» и попытался пройти с ней по городу.

В следующие дни сфера критики расширилась, появились обобщения. Недостаток мяса в стране — результат наступления на подсобные хозяйства колхозников: «Индивидуальных коров порезали, телят не растят. Откуда же будет мясо? Тут какой-то просчет». [509] Появились сомнения в эффективности самой системы: «Все плохое валят на Сталина, говорят, что его политика развалила сельское хозяйство. Но неужели за то время, которое прошло после его смерти, нельзя было восстановить сельское хозяйство? Нет, в его развале лежат более глубокие корни, о которых, очевидно, говорить нельзя». [510] Раздались многочисленные призывы к забастовкам протеста. Некоторые ссылались на опыт борьбы западных рабочих: «если бы рабочие по примеру Запада забастовали, то сразу бы отменили повышение цен». [511]

По имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным, уже в 1961 г. появились первые намеки на стихийное забастовочное движение. Его начало было связано не с ростом цен, а с политикой в области труда и заработной платы. Например, все три известных нам случая коллективного невыхода на работу на предприятиях Приморского края в 1961 г. были связаны либо с повышением норм выработки, либо с задержкой выплаты заработной платы. [512] 7 декабря 1961 г. на ткацкой фабрике Горьковского

хлопчатобумажного комбината после введения новых норм выработки отдельные рабочие остановили станки. Работа фабрики возобновилась лишь на следующий день.[513]

Нараставшая на протяжении 1961 г. — первой половины 1962 г. социальная напряженность завершилась ситуативным всплеском оппозиционных настроений и действий в июне 1962 г., непосредственно спровоцированным повышением цен. Вершиной кризиса стали волнения в Новочеркасске. Данное обстоятельство как бы подсказывает логическую цепочку причинно-следственных связей: экономические трудности режима (обострение дефицита), попытки выхода через ужесточение в политике труда и заработной платы, наконец скачкообразное повышение закупочных и розничных цен на продукцию сельского хозяйства вызвали рост «внеструктурной» политической активности населения и разрешились забастовками и восстанием в Новочеркасске. Но в эту соблазнительную логику не вполне укладываются многодневные и многотысячные волнения и беспорядки, которые имели место еще до повышения цен. 1961 г. в этом отношении оказался даже более спокойным, чем 1962-й. Стихийные бунты в Краснодаре, Муроме, Александрове, Бийске, в чем-то похожие по своему сценарию на волнения в Новочеркасске, были связаны совсем не с повышением цен.

Социально-политический кризис начала 1960-х гг. выражался как в очевидном росте «антисоветских проявлений» и всенародном «ворчании», спонтанных стачках и забастовках, так и в неявных формах — всплеск преступности, «хулиганизация» страны, распространение социальных патологий (тунеядство, мелкие хищения, спекуляция, фарцовка, проституция, пьянство и наркомания). В 1961 г. наблюдался заметный рост некоторых особо опасных преступлений, а также осуждений за совершенные преступления. Больше чем на 50 процентов (по сравнению с 1960 г.) выросло число привлеченных к уголовной ответственности — 771 238 человек. Почти в два раза больше по сравнению с 1960 г. стало осуждений за особо злостные случаи хулиганства,[514] что приближалось к критическому уровню середины 1950-х гг.

Наступление государства на массовые формы преступности (мелкие хищения, спекуляция, хулиганство, самогоноварение) на рубеже 1950–1960-х гг. было воспринято многими как удар по устоям повседневной жизни народа, для которого со времен Сталина (несмотря на жестокие репрессии) полукриминальное поведение было либо специфическим условием выживания, либо извращенной формой снятия социального стресса, вызванного войной, репрессиями, голодовками, массовыми миграциями и т. п. Ответом на новый социальный стресс, спровоцированный размахистой борьбой режима за «наведение порядка», значительные слои маргинализованного населения ответили новой волной «хулиганского сопротивления», которое стало составной частью беспрецедентной вспышки бунтов и волнений 1961–1962 гг.

Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. были отмечены еще и явными признаками идейно-психологического кризиса, возникшего как на почве разоблачения «культа личности» и «подведения итогов социалистического строительства» (в конце 1950-х гг. КПСС заявила, что социализм построен «полностью и окончательно», но этот «полностью и окончательно» построенный социализм был весьма далек от идеала «светлого будущего»), так и грубых ошибок в проведении социально-экономической политики. На фоне дефицита, снижения расценок и повышения цен на продукты питания кризис идеологии породил сумбур и хаос в сознании «маленького человека», «человека из толпы». Он искал форму для выражения своего недовольства действительностью повсюду: в коммунистическом фундаментализме, национализме, анархизме, антикоммунизме. «Кристаллизации» стихийного протеста в то время так и не наступило. Но немалое количество «маленьких людей» отличалось очень неустойчивым настроением и испытывало идеологический дискомфорт из-за внезапно обнаружившейся несостоятельности привычных догм и жизненных ценностей.

Некоторые пытались как-то выразить свое недовольство, но готовы были быстро раскаяться и вернуться в лоно коммунистической ортодоксии, а могли, не раскаиваясь, превратиться в отвергнутых всеми «борцов за правду», неожиданно обретших смысл существования в отрицании режима. Высказываясь спонтанно и ситуативно, такие люди сегодня ругали евреев как причину своих и народных бед, завтра «начальство», послезавтра лично Хрущева. Они то следовали за спасительными объяснениями официальной идеологии и объявляли все грехи системы пережитками сталинщины, то видели панацею в возвращении к сталинскому режиму с его ежегодными снижениями цен и «порядком».

Это глухое брожение умов и то, что принято называть «недовольством народа», имеющего, вообще говоря, в большинстве своем обыкновение «многозначительно безмолвствовать», начало превращаться в более или менее реальный политический фактор в результате ухудшения социально-экономической ситуации в стране на рубеже 1950–1960-х гг. В такие моменты неизвестно откуда и непонятно как толпа выделяет сиюминутных харизматических лидеров, которые ведут ее по дороге бунта и протеста. Спровоцировать беспорядки в таких ситуациях — дело исключительно простое, достаточно одного-двух человек, готовых пострадать за народ, с отключенными «социальными предохранителями» и/или ослабленным инстинктом самосохранения (иногда

это могло быть результатом вульгарного опьянения), либо лично заинтересованных в беспорядках (освобождение товарища из милиции, корыстные интересы и т. п.), чтобы в людях из толпы заработали ассоциации, связывающие актуальную ситуацию с личными проблемами и недовольствами. Как результат появлялась готовность действовать, скрываясь за анонимностью и растворенностью в толпе.

В таких ситуациях власть обнаруживала, что воспитанная ею в ходе систематической идеологической обработки внушаемость «населения», его открытость психологическому манипулированию (поиск «врагов» и т. п.) оборачиваются против нее самой. Оказывалось, что у власти нет монополии на такое манипулирование, а «сон разума», столь удобный для управления огромной страной, может быть использован любым демагогом в совершенно противоположных целях. Каждый раз власть с удивлением открывала для себя очевидную истину: зачинщиком и организатором массовых действий может быть не только она, в экстремальных ситуациях всегда найдутся, люди определенного психологического типа, способные возглавить толпу и использовать подавленную пропагандой и особенностями социализации при коммунистическом режиме способность личности к самостоятельному восприятию действительности в совершенно противоположных целях. Не случайно, при поиске зачинщиков антигосударственных беспорядков властям никогда не удавалось найти своих действительных идейных противников. Большинство осужденных по таким делам случайно оказывались в водовороте событий, как правило, ни за кем из них не числилось антисоветских «грехов», вроде занятий антисоветской агитацией и пропагандой.

Глава 10

Краснодар — 1961 (15-16 января)

15 января. 12 часов дня. Сенной рынок. Солдат Грень

Двухдневные волнения в Краснодаре начались с малозначительного эпизода на Сенном рынке. Главный участник инцидента — рядовой Василий Грень ушел в самовольную отлучку, прихватив с собой солдатское белье для продажи с рук. На рынке, как раз в тот момент, когда спрятанное под полой шинели белье по несчастью упало на землю, он попался на глаза военному патрулю. Солдат отказался пройти в комендатуру, начал сопротивляться, привлек внимание рыночного люда, который тут же проникся сочувствием к «солдатику». Сам Грень утверждал на суде, что толпу «о помощи не просил».[515] Патрульных схватили за руки и дали возможность бесшабашному рядовому сбежать и спрятаться за корзины и ящики около торговых ларьков.

Хорошо знавшие рынок местные дружинники быстро нашли солдата и помогли патрулю доставить задержанного в комнату военной комендатуры (там же находился и оперативный пункт милиции). Среди дружинников оказался рабочий завода измерительных приборов комсомолец Васадзе, от которого, по всей вероятности, не раз доставалось рыночным пьяницам и хулиганам, а в возбужденной толпе, требовавшей освобождения «солдатики», — личный враг и антипод дружинника, двадцатитрехлетний Юрий Буянин. Уроженец города Краснодара с пятиклассным образованием, он был осужден в 1956 г. за грабеж к 15 годам лишения свободы, однако уже в 1959 г. его условно-досрочно освободили.[516] Устроиться на работу Буянин не захотел или не смог и проводил свои дни в праздности и пьянстве. Васадзе несколько раз задерживал его за хулиганство. Представился случай свести личные счеты, и Буянин его не упустил — на короткое время он превратился в катализатор начинавшихся беспорядков.

Когда патруль вместе с прибывшим подкреплением попытался увезти задержанного Греня с рынка на машине, толпа, разогретая выкриками о том, что у солдата перебиты руки и ноги, а дружинник (Васадзе) ударил девушку, напала на командира дружины. В этом жестоком избиении (пострадавший был в тяжелом состоянии отправлен в больницу) первую скрипку играл именно Буянин.[517] Сведя личные счеты, он, очевидно, потерял интерес к происходящему и никакой активностью в последующих событиях не отличился.

Избиение Васадзе не удовлетворило толпу, собравшуюся у оперативного пункта. Она требовала освобождения Греня и выдачи патрульных солдат для расправы.[518] Чтобы утихомирить возбужденных людей, начальник патруля отпустил Греня и предложил ему явиться в военную комендатуру, что тот впоследствии и сделал.

Инициатива и роль «мотора» беспорядков в это время перешла к Николаю Остроуху, 25-летнему уроженцу станицы Елизаветинской Краснодарского края, имевшего на иждивении жену и двоих детей.[519] Этот малограмотный человек был в день событий пьян и впоследствии утверждал, что ничего не помнит. Однако, попав в гущу событий, он действовал как бы по наитию и фактически направлял действия толпы. Остроух одним из первых напал на патрульного Паишева, участвовавшего в задержании Греня. Именно Остроух предложил «устроить демонстрацию» и вести Паишева по улицам города. В результате возбужденные участники беспорядков повернули к Красной улице, где находился штаб армейского корпуса и военная комендатура. Николай всячески привлекал внимание жителей к происходящему, время от времени выкрикивал: «Стойте! Пусть народ видит», — и призывал повесить патрульного на ближайшем дереве.[520] Именно действия Остроуха положили начало стихийной самоорганизации толпы, но после того, как эпицентр событий переместился на Красную улицу, Остроух как будто исчерпал запас энергии и выпал из активного «ядра» бунтовщиков.[521]

15 января. 14.30. Красная улица

Побоище у военной комендатуры и штаба армейского корпуса. Смерть Савельева

В 14 часов 30 минут толпа с рынка (120–150 человек) подошла к зданию штаба корпуса, где помещалась и военная комендатура. Люди кричали, что изуродовали солдата и требовали освободить его. Грень 3–4 раза выходил к толпе с заявлениями, что его никто не избивал. Однако в ответ на эту «игру не по правилам» — толпа была убеждена, что «солдатик» должен быть избитым, — зазвучала типичная в такие моменты тема: солдат подставной, ненастоящий, верить ему нельзя. Красная улица через короткое время оказалась запруженной народом. Собралось около 3000 человек. Среди них было много молодежи, и подростков. Толпу неумолимо затягивало в воронку погрома, одновременно она выдвигала из своей среды все новых «лидеров на час». Они определяли физиономию событий, выкрикивали призывы к погрому и расправе с солдатами, охраняющими здание штаба, с дружинниками и работниками милиции. Среди этих людей оказались не только городские маргиналы и завзятые хулиганы, но и некоторые вполне благополучные, если судить по их биографиям, обыватели.

Рассказывая впоследствии о своем участии в событиях, 24-летний Анатолий Ляшенко (судимостей в прошлом не имел, в хулиганстве не замечен, отец грудного ребенка[522]) ссылаясь на некую «неведомую силу», которая пробудилась в нем после того, как он выпил после работы с приятелями.[523] Ляшенко рос сиротой. Когда ему пошел четвертый год, погиб отец, в 1952 г. умерла мать. Оставшись с братом и сестрой, он рано начал работать. Во время службы в армии Анатолий заболел и вернулся на гражданку инвалидом.[524] Оказавшись очередным «пьяным мотором» беспорядков, Ляшенко, очевидно, и в самом деле не задумывался о смысле своих поступков. Его увлекала вперед сама по себе стихия активного действия.

Другой «благополучный» участник волнений — двадцатипятилетний Петр Симоненко — состоял в комсомоле, имел жену и дочь, работал токарем в мастерских.[525] В его организующих действиях можно обнаружить гораздо больше осмысленности и даже политической целеустремленности. Оказавшись у военной комендатуры, он назвал себя «представителем народа» и, по оценке обвинения, «организовывал других хулиганов и подстрекателей, чтобы их пропустили в помещение комендатуры, выставляя провокационные требования об освобождении задержанных, возбуждал толпу криками: „Давай офицеров и генералов!“».

Одним из первых в ходе погрома Симоненко озвучил антисоветскую тему: призывал «смести советскую власть, устроить здесь вторую Венгрию». Те же мотивы прозвучали из уст пятидесятичетырехлетнего Владимира Никулина, человека без определенного места жительства и работы, в молодости попавшего в маховики бездушной репрессивной машины и с тех пор не вылезавшего из тюрем и лагерей. Впервые Никулин был осужден в 1929 г. за хулиганство к году лишения свободы условно, в 1934 г. как «социально-опасный элемент» получил 3 года ссылки. В 1935 г. — еще три года лишения свободы за побег из ссылки, в 1938 г. потерял паспорт и получил месяц исправительно-трудовых работ. 1939 г. — новый приговор. На этот раз за злостное хулиганство и антисоветскую агитацию (в 1965 г. это дело было пересмотрено и прекращено). В 1946 г. был вновь осужден за злостное хулиганство к 5 годам лишения свободы. С 1953 по 1960 г. Никулин жил в одиночестве, без семьи и близких, в Красноярском крае, окончательно опустил, постоянно пьянствовал; за это его часто увольняли с работы. Несколько раз привлекали к ответственности за мелкое хулиганство.[526] У этого сломленного режимом человека были все основания ненавидеть власть и ее

представителей. В Краснодар Никулин приехал в день событий — 15 января 1961 г. на товарном поезде около 16-17 часов. Тут же напился пьяным и утверждал, что своих действий не помнит.[527] По показаниям свидетелей, Никулин вторил Симоненко, кричал у здания комендатуры, что «народ добивается правды», а над ним издеваются, призывал «к уничтожению руководителей Коммунистической партии и Советского государства» и обещал «устроить лучше, чем в Венгрии».[528]

Стихийные лидеры беспорядков не только воодушевляли толпу на подвиги, но и подавали личный пример. Когда попытка проникнуть в помещение комендатуры не удалась, Симоненко вместе с Ляшенко организовали погром комендатуры. Именно их иступленная и заразная активность, воодушевила многих присутствовавших на участие в беспорядках. Несмотря на предупреждения военнослужащих, Симоненко вместе с Ляшенко разбил стекла в окнах первого этажа комендатуры, размахивал железной коробкой (багажник мотоцикла), кричал, что этой «миной» подорвет комендатуру. Достав из «мины» несколько металлических деталей, он начал вместе со стоявшим рядом подростком швырять их в окна второго этажа. Затем Симоненко снова бросился к дверям комендатуры, ломился в них, выкрикивал требование освободить солдата, но был, наконец, задержан военнослужащими.

Толпа потеряла «вождя», но не утратила способности «регенерировать» своих стихийных руководителей. Когда волнения вступили в новую стадию, произошла очередная смена стихийных лидеров. Во время нападения на комендатуру бунтовщикам удалось прорваться внутрь помещения. Девятнадцатилетняя Анна Полусмак написала записку с призывом освободить задержанных и выбросила ее из окна в толпу. В сумятице погрома раздались первые предупредительные выстрелы. Стрельба велась как холостыми, так и боевыми патронами. Когда нападавшие попытались проникнуть в комнаты с секретными документами, прозвучали новые выстрелы. Семнадцатилетний десятиклассник был убит, а двадцатичетырехлетний пожарный легко ранен. Пролилась первая кровь. Толпа получила повод для продолжения волнений — месть за убитого.

15 января. Вторая половина дня.

У городской больницы. Траурное шествие по улицам Краснодара

Труп убитого юноши на машине доставили в больницу. Врачи констатировали смерть. В толпе произошла очередная смена лидеров. Ими стали обиженные на власть Юрий Покровский и Александр Капасов. Уроженцу Краснодара, выходцу из рабочей среды Покровскому было 25 лет. В 1956 г. его привлекали к ответственности за хулиганство в г. Советская Гавань (Хабаровский край). Покровский скрывается и прятался до 1958 г., когда его розыск был прекращен в связи с амнистией.[529] Капасову было всего 19 лет, но он уже имел некоторый криминальный опыт (хулиганство, мелкие хищения).[530]

Вечер 15 января 1961 г. стал звездным часом в жизни этих людей. Их обида на власть впервые нашла свое выражение в активных социальных действиях, а бессмысленность личного бытия на короткое время приобрела политически значимое содержание. Юрию Покровскому принадлежала идея продолжения волнений. Это он призвал нести труп Савельева в крайком КПСС, выкрикивая какие-то «оскорбительные выражения в адрес коммунистов».[531]

Убитого положили на кушетку. Восемь человек подняли и понесли его к зданию крайкома КПСС в сопровождении большой толпы. Траурное шествие отличалось организованностью и торжественностью. Впереди шли Покровский и Капасов. Капасов пел революционную песню «Вихри враждебные». Эту песню в самые патетические моменты борьбы пели революционеры в советских фильмах о революции. Она была узнаваемой, вызвала устойчивые ассоциации с борьбой за справедливость. Став лейтмотивом траурного шествия, этот революционный гимн превращал заурядные массовые беспорядки в борьбу за правду и справедливость. Революционные ассоциации и пафос восстановления справедливости трансформировали типичную для подобных волнений асоциальную модель поведения во что-то гораздо более осмысленное. Не случайно Капасов, который только что в духе классических хулиганских традиций угрожал врачам избиением, [532] вдруг принялся руководить «движением толпы, призывал людей идти рядами... От граждан, находившихся на тротуаре, он требовал снимать головные уборы». Правда, те, кто не успевал быстро отреагировать на требования «вождя», тут же получали «по шее».[533] Других, более эффективных «воспитательных мер» Капасов не знал.

Траурное шествие сопровождалось лозунгами и призывами, которые Покровский выкрикивал то забравшись на крышу машины, то с близлежащего дерева. Капасов время от времени подогревал толпу заявлениями о том, что Савельева якобы убил военный комендант.[534]

15 января. Вечер. Стихийный митинг у крайкома КПСС. Попытки связаться с Москвой

Процессия подошла к зданию крайкома. Капасов продолжал руководить толпой. Он указал, куда поставить кушетку — выбрали такое место, откуда труп было бы лучше видна. Кровь и смерть всегда раскрепощающе действуют на толпу, любые действия протеста воспринимаются в контексте извечной несправедливости насильственной смерти и придают погрому и насилию ореол «святого» возмездия, освобождают от чувства вины. В присутствии смерти обычное для анонимной и растворенной в толпе личности чувство безопасности и безнаказанности психологически усиливается. Возбужденному сознанию начинает казаться, что за действия, освященные местью за невинно убитого, «ничего не будет», что власть не посмеет перешагнуть границы примитивной справедливости. Именно эти психологические механизмы «включил» Капасов, когда, продолжая следовать «революционному» сценарию, поднял над головой окровавленное пальто убитого, показал его собравшимся и сказал: «Вот, смотрите, рабочие мозги». После этого он призвал толпу добиваться удовлетворения своих требований и объявил о намерении звонить в Москву.[535]

К 19 часам у крайкома собралось около 2000 человек..[536] Начался стихийный митинг — сперва у входа в крайком, а затем в вестибюле здания. В митинге участвовали «вожди», приведшие толпу из больницы. Кроме «ветеранов» волнений выступали и новички. Среди них выделялся Николай Малышев — одинокий человек с героическим прошлым (имел боевые награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Кавказа» и др.), 49-летний майор запаса, член КПСС, он работал после увольнения из армии разнорабочим в столовой.

Выступление Малышева носило не погромный, а почти политический характер. Задержание солдата на рынке и убийство часовым военной комендатуры десятиклассника майор назвал актами насилия и произвола со стороны руководителей местных органов власти. Он кричал в толпу: «До каких пор мы будем терпеть весь этот произвол», требовал создать комиссию для расследования убийства и наказать виновных.[537] После того, как толпа ворвалась в здание крайкома КПСС, отставной майор выступил более пространно. «Советская власть, — говорил Малышев, — передала бразды управления органам милиции и народным дружинам. Говорят, что у нас существует свобода слова, печати, собраний. Но где это все? Мы этого не видим!». Тогда же Малышев заявил: «Власть народная, а народ расстреливают».[538]

В выступлениях «новичков» прозвучало еще несколько злободневных политических тем. 24-летний Виктор Божанов, вполне благополучный молодой человек, окончивший десятилетку и собиравшийся поступать в институт, оказался на Красной улице случайно — шел в кино с девушкой.[539] Он призывал толпу добиваться повышения заработной платы и даже «высказывал неверие в построение коммунизма».[540] 66-летний Иван Беленков, беспартийный, малограмотный, несудимый, с 1953 г. безработный, начал свое выступление на лестничной площадке в крайкоме с личных обид (милиция за продажу на базаре трех рыб выкручивала ему руки), а закончил призывом «к смене существующего правительства».[541]

Политические лозунги сменялись обычными погромными призывами и «воодушевляющими» речами.[542] Несколько очевидцев событий, призывавших к восстановлению порядка, получили побои. Случайно попавшегося под горячую руку коммуниста Метелкина «вожди» волнений угрозами и побоями заставляли выступать с одобрением своих действий.[543] Попытки работников крайкома успокоить толпу были блокированы криком и руганью собравшихся.[544]

Одним из наиболее существенных для понимания беспорядков в Краснодаре эпизодов была попытка группы бунтовщиков связаться с Москвой. Эта неудавшаяся попытка говорит о том, что протест стихийных лидеров волнений был сугубо локален. В наспех созданных ими идеологических конструкциях в общем-то не хватало места для «генерализации» обвинений власти и расширения сферы конфликта. В «Москве» некоторые из них еще видели верховного арбитра, способного навести порядок и восстановить справедливость. Традиционный социально-психологический комплекс «неправедные чиновники — справедливая верховная власть» эффективно сработал на локализацию конфликта, превращая волнения из удара по режиму в специфический «сигнал с мест».

Инициатива звонка, как уже говорилось выше, исходила от Александра Капасова. Во главе небольшой группы бунтовщиков он поднялся на второй этаж, ворвался в один из служебных кабинетов крайкома, вызвал по телефону междугороднюю телефонную станцию и потребовал от телефонисток соединить его с Москвой. При этом Капасов называл себя «представителем народа», заявлял телефонисткам, что в городе восстали рабочие, о чем он намерен сообщить в Москву. Остальные в это время по требованию Капасова кричали в

телефонную трубку, изображая «шум толпы». Связаться с Москвой не удалось. Капасов из открытого окна кабинета объявил об этом стоявшим на улице. Выйдя из здания, он крикнул: «Все за мной, на телеграф!»[545] (тоже похоже на цитату из революционного кинофильма). Но связаться с Москвой опять не удалось.

Вероятнее всего, после того, как группа Капасова отправилась на телеграф, бунтовщиков удалось вытеснить из здания крайкома. Однако Виктор Божанов снова выступил перед толпой. Он заявил, что милиция якобы задержала несколько человек в здании крайкома, и призвал к их освобождению. Призыв возбудил толпу, и она вторично ворвалась в здание крайкома. Вспышки хулиганской активности были отмечены и около здания. Тот же Божанов, пытаясь сохранить высокий накал страстей, кричал: «Меня задерживают», — и спровоцировал тем самым избиение человека, призывавшего прекратить беспорядки.[546]

Лишь к одиннадцати часам вечера усилиями сотрудников милиции, управления КГБ, войск местного гарнизона и партийного актива города толпу Удалось рассеять. Участники волнений разошлись до утра.

16 января. Утро. Листовки на ремонтно-механическом заводе

С утра у здания комендатуры снова стала собираться толпа. «Особых проявлений» не было.[547] Однако в полдень в обеденный перерыв, на ремонтно-механическом заводе было обнаружено несколько листовок. Одну из них рабочие тут же порвали, еще две немедленно сдали в партком завода. Попытка агитации с треском провалилась, а члены подпольной группы, напуганные собственной активностью, после беспорядков фактически прекратили свою деятельность.

Автором листовок и фактическим руководителем этой группы был Владимир Горлопанов. Жизнь этого 35-летнего человека, имевшего двоих детей, сложилась неудачно. Он прослужил в армии 14 лет (с 1943 по 1957 г.). Однако в 1957 г. за какую-то малопонятную историю он предстал перед судом офицерской чести и был уволен из армии «за моральное бытовое разложение». Сам он считал это решение несправедливым и тяжело переживал случившееся. После демобилизации Горлопанов постиг ряд неудач в трудоустройстве и получении квартиры, он заболел и превратился в инвалида.[548] Обиженный и неустроенный бывший офицер, как он сам выразился, «не смог найти нужных путей сближения и растворения в гражданских условиях жизни страны».[549]

Группа Горлопанова возникла незадолго до массовых беспорядков в Краснодаре. В конце декабря 1960 г., за несколько недель до волнений Горлопанов был в гостях у Решетова (впоследствии признан «пассивным соучастником преступления» и с учетом происхождения — из бедной крестьянской семьи, безупречного прошлого и положительных характеристик с работы — от уголовной ответственности освобожден). Под выпивку состоялся откровенный разговор между Горлопановым, Решетовым и Луневым — слесарем на заводе, отцом двоих детей, 31 года от роду, с пятиклассным образованием. По определению следствия и суда, все трое были недовольны «материальными условиями жизни в СССР» и договорились о «совместном распространении антисоветских листовок».[550] Вообще же разговор носил сугубо бытовой характер и не выходил за рамки обычного «ворчания» на власть: «Говорили о рынке, распределении квартир, понижении зарплаты, что Хрущев выступает хорошо, но безрезультатно». Горлопанов рассказывал о своих встречах с «начальниками» и об их бездушном отношении к его судьбе. Лунев, судя по показаниям на следствии и суде, находился под впечатлением многочисленных разговоров в рабочей среде («зарплату не добавляют, а снижают, и условия ухудшаются») и думал, что «рабочие завода соединятся и добьются того, что расценки снижать не будут».[551]

Горлопанов начал сочинять текст листовки. В первых числах января он закончил и прочитал Луневу черновик. Тот посоветовал добавить в текст критику на Хрущева. Так появился окончательный вариант листовки, разбросанной 16 января 1961 г. в одном из цехов ремонтно-механического завода № 4:

«ОБРАЩЕНИЕ

Ко всем рабочим, крестьянам, солдатам, офицерам и трудовой интеллигенции.

Дорогие товарищи! Помните, что положение нашей Родины критическое. И спасти это положение можете только вы; больше спасать некому. Вы должны объединиться вокруг честных, твердых избранных вами товарищей, которые сумеют объединить вас в твердую ударную силу для борьбы с советским капитализмом. После свершения Октябрьской революции был допущен ряд ошибок и особенно после смерти Сталина. Сынки

и дочери старой русской буржуазии, пролезшие нелегальным путем в ряды партии и на руководящие посты, почувствовали полную свободу действий... А эти взяточники, в свою очередь, среди Вас служат рассадником травли в подстрекательстве. Вы прекрасно видите сами и много говорите о сложившихся обстоятельствах, т. е. тех жизненных условиях, в которых Вы живете в данный период времени. Многие из Вас уже неоднократно слышали о борьбе в Союзе за улучшение жизненного уровня и прожиточного минимума. Забастовки в Москве, Ленинграде, Грозном, Горьком, Донбассе и др. О восстании на Ангартроме, Братская ГЭС — где расстреляны тысячи рабочих. А о забастовках у нас в крае: камвольно-суконный комбинат, сахарный завод в Гиалинской...

Дорогие товарищи! Дело революции, спасение революции в ваших руках!..

К борьбе, товарищи! Иного пути у вас нет!

Организационная группа.

С осторожностью передай товарищу».[552]

Критика режима вновь построена на его же идеологических ценностях, активно использует популярные со времен «рабочей оппозиции» мотивы «измены» и «буржуазного перерождения». Другими словами, для Горлопанова система была плоха не потому, что она «коммунистическая», а потому, что в ней мало «настоящего коммунизма», потому что она переродилась в «советский капитализм». При этом он апеллирует к мифу «правильного», «сталинского коммунизма», а «ошибки» относит ко времени Хрущева, когда в личной жизни автора «Обращения» началась полоса неудач, а в близкой ему среде появилось субъективное ощущение ухудшения условий жизни и усиления «эксплуатации» рабочих в результате пересмотра норм оплаты труда. Документ отличают и обычные для многих «антисоветских» писем и листовок того времени эгалитаризм и «революционный блеф» (основанные на слухах и выдумках, сведения о массовых протестах в разных городах СССР), перемешанные с многочисленными революционными аллюзиями и апелляциями к октябрьскому прошлому.

Перед нами типичный «подпольный марксист», не способный вырваться из идеологической клетки, а в поисках методов борьбы всецело опирающийся на большевистский опыт. «Я боролся за ту правду, — говорил сам Горлопанов, — за которую боролся Ленин».[553] Понятно, что Горлопанов отнесся к массовым беспорядкам в Краснодаре с настороженностью и некоторой брезгливой отстраненностью: «беспорядки ни к чему не приведут». Эффективным методом борьбы за права рабочих он считал только забастовку.[554]

«Главный идеолог» не был причастен к распространению листовок на заводе 16 января. Их, по собственной инициативе и под влиянием момента, на свой страх и риск разбросал Лунев, «после чего стал наблюдать, какая будет реакция рабочих». Реакции никакой не последовало.

16 января. 15 часов.

Стихийный митинг у крайкома КПСС

Листовками на ремонтно-механическом заводе дело не ограничилось. В течение дня было зафиксировано, по крайней мере, несколько попыток агитации за возобновление беспорядков. Среди особенно активных агитаторов был Гавриил Александров, 46-летний уроженец Украины, довольно образованный (среднее техническое образование) человек с изломанной судьбой и плохой репутацией. Александров имел две судимости: в 1944 г. за пособничество немецким оккупантам он был осужден на семь лет лагерей (подробности неизвестны, и насколько обоснованно было обвинение — неясно). После этого жизнь покатила под уклон.[555]

По показаниям свидетелей, Александрова в течение дня видели переходящим от группы к группе. Везде он «вел нездоровые разговоры». Его высказывания придавали событиям иную окраску и отодвигали на второй План тему невинной жертвы. Александров говорил, что на рынке ничего нет, что продукты стали дороже и т. п. Другими словами, он касался более существенных, но и более «скучных» тем, перемежая свои «разъяснения» с погромными призывами.[556]

Во второй половине дня, когда толпа достигла тысячи человек, ситуация застыла в неустойчивом равновесии. Снова раздались выкрики и угрозы, но, помня о крови и выстрелах, собравшиеся не решались на

более активные действия. Руководители крайкома КПСС попытались склонить чашу весов в пользу власти. Около 15 часов 16 января перед собравшимися выступили первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Г. И. Воробьев и командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Плиев. Они призвали толпу разойтись. Некоторые ушли, но большинство осталось на месте.[557] В этот критический момент в ход событий попытался вмешаться Александров. Он, по словам свидетелей, «был злой, с пеной у рта»,[558] говорил, что «власти захватили лучшие квартиры, а простой народ ютится в лачугах», руководителей называл «толстопузыми»: «загрэбаєте деньги, а народ притесняете».[559] Во время выступлений Воробьева и Плиева Александров свистел, матерился, призывал толпу не верить коммунистам, а «бороться за правду» и требовать своего. В конце концов он вместе с другими начал останавливать проходившие по Красной улице автомашины. Когда несколько рабочих попытались этому помешать, Александров показал на одного из них и закричал: «Это секретарь парторганизации, нас окружают коммунисты».

В разгар всех этих событий, уже под занавес, в дело вступил Алексей Черненко. Этот сорокалетний человек, имевший среднее техническое образование, последние 6–7 лет систематически пьянствовал, работу часто прогуливал. Его отовсюду рано или поздно увольняли. В 1958 г. Черненко дважды привлекали к ответственности за мелкое хулиганство. 16 января Алексей был пьян. Около 17 часов он остановил на Красной улице грузовую автомашину, отобрал у водителя ключи, взобрался на подножку автомашины и обратился к толпе с призывом превратить Краснодар в «город всеобщего восстания».[560] При задержании оказал сопротивление. Ударил милиционера ногой в грудь.

Существенно важно, что, по оценке прокурора Краснодарского края И. Баранова, на помощь властям «были приглашены рабочие предприятий, которые рассеяли собравшихся».[561] У власти, как выяснилось, было еще достаточно сторонников и союзников. Открывать еще раз стрельбу для устрашения народа не потребовалось.

Последнюю попытку возбудить толпу предпринял В. Никулин. На улице Мира и привокзальной площади он продолжал выкрикивать: «Давить надо Советскую власть, нам не дают жить спокойно».[562] Сам Никулин на следствии и суде утверждал, что был сильно пьян и ничего не помнит.

Волнения в Краснодаре закончились. Начались аресты зачинщиков.

Следствие и суд

Напуганные событиями милиция и КГБ произвели эти задержания активных участников волнений, не очень разбирая правых и виноватых. Поэтому из 32 человек были почти сразу отпущены 13. Предварительное дознание пришло к выводу, что активной роли в беспорядках эти люди не сыграли.[563] Следствие вело управление КГБ. Уже 14 февраля расследование дела о массовых беспорядках в Краснодаре (на 10 человек) было закончено. Материалы еще на одного человека были выделены в отдельное производство.

На качестве следствия явно сказалась спешка. Некоторые сомнительные моменты в определении состава преступления привлекли внимание Прокуратуры СССР. В письме заместителя Генерального прокурора СССР А. Мишутина прокурору Краснодарского края И. А. Баранову (18 февраля 1961 г.) предлагалось «обратить внимание — действительно ли имеется необходимость и целесообразно привлечение по этому делу широкого круга лиц и насколько правильно действия всех этих лиц квалифицируются по ст. 16 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления...».[564]

Всего за участие в массовых беспорядках в Краснодаре были привлечены к уголовной ответственности 15 человек. Кроме того, 7 участников беспорядков привлечены к уголовной ответственности по ст. 206 ч. II УК РСФСР (хулиганство).[565] Два дела были рассмотрены в краевом суде, остальные — в районных народных судах.

С 14 по 20 марта 1961 г. краевой суд рассмотрел первое дело. Были подобраны трое рабочих для выступления в роли общественных обвинителей. Ежедневно в зале суда присутствовало до 300 заранее отобранных благонадежных зрителей. К обвиняемым в пылу политического задора суд подошел огульно. Какой-то работник Прокуратуры СССР недаром сделал на докладной записке о процессе рукописную пометку: «Общая оценка всем по 15 лет, хотя вина у всех разная».[566]

22–24 марта краевым судом было рассмотрено второе дело о массовых беспорядках в Краснодаре 15–16

января 1961 г. По нему были осуждены пять человек. На этот раз приговоры были немного помягче и гораздо более дифференцированными.[567] А уже в мае 1961 г. кассационная инстанция (Верховный суд РСФСР) пересмотрела несколько приговоров в сторону их смягчения. Одному из осужденных наказание было даже заменено на условное.[568] Хрущевское правосудие продемонстрировало, наконец, свою способность к минимальной гибкости и стремление удержаться в рамках хотя бы «социалистической законности» при рассмотрении дел, имевших очевидный политический оттенок.

Глава 11

За 101 километром от Москвы (Беспорядки в Муроме и Александрове)

Похороны по-муромски (июнь 1961 г.)

Смерть в КПЗ (26–27 июня).

Город Муром находится во Владимирской области. Он относился к той категории небольших провинциальных городков, социальный статус которых определяется словосочетанием «за 101 километром от Москвы». А туда, «за 101 километр», попадали, в частности, те, кто не имел права на прописку в больших городах: выселенные из Москвы тунеядцы (при Хрущеве прошло несколько кампаний по «депортации» из столицы тех, кто не мог или не хотел работать) и проститутки, некоторые категории вернувшихся из заключения и т. п. В советской политической культуре «101 километр» имел множество смыслов, в основном негативно нагруженных, а в определенных ситуациях выступал синонимом «второсортности» того или иного населенного пункта. К этому следует добавить, что снабжение большинства таких городов продуктами и продовольствием было значительно хуже, чем в столице, а концентрация потенциально конфликтных групп населения, напротив, несколько выше. Это доставляло немало беспокойств как законопослушным гражданам, так и власть предержащим. Любые кризисные ситуации воспринимались в таких провинциальных городках острее, а способность милиции и КГБ контролировать течение конфликта была ниже, чем в больших городах. При этом сама ситуация небольшого города, где социальные отношения не так анонимны и обезличены, как в столицах, создавала предпосылки для персонализации конфликта личности и власти. Люди знали своих обидчиков в лицо и подолгу помнили обиду.

26 июня 1961 г, житель города Муром, старший мастер завода Орджоникидзе Ю. Костиков выпил и в порыве русской удали попытался на ходу сесть в кузов грузовой автомашины. На повороте Костиков сорвался, упал на асфальт и разбил голову. Этот «непорядок» увидел проезжавший мимо начальник городского отдела милиции. Воспринимая действительность в традициях гоголевского городничего, вместо того, чтобы отправить пострадавшего в больницу, он приказал убрать его с улицы и доставить в милицию. Там Костикова без медицинского освидетельствования поместили в камеру, «предназначенную для водворения пьяных». В этой камере пострадавший и провел всю ночь. Наутро его нашли при смерти. Вызвали «скорую помощь», но было уже поздно. В больнице, не приходя в сознание, Костиков умер от кровоизлияния в мозг.[569]

Об этой трагической и нелепой смерти стало известно в городе. Распространились слухи о том, что Костикова в милиции избивали. Уполномоченный КГБ информировал горком КПСС «о нездоровых настроениях рабочих». 29 июня прокурор города возбудил уголовное дело по факту смерти Костикова. Судя по всему, доказательств избиения Костикова прокуратура не нашла или же найти не захотела. На заводе провели совещание актива, где прокурор и судебно-медицинский эксперт сообщили «о подлинных причинах смерти Костикова».[570] Однако обстановка в городе оставалась напряженной. Всем было ясно, что человека с тяжелой травмой вместо больницы отправили в кутузку.

«Заговор» Панибратцева (27–29 июня).

Усилия горкома КПСС взять ситуацию под контроль натолкнулись на стихийный «заговор», во главе которого оказался Михаил Панибратцев. Этот человек, по сегодняшним меркам, типичная жертва сталинского произвола, в глазах власти в 1961 г, был прежде всего бывшим государственным преступником и потенциально «антисоветским элементом». В момент событий Панибратцеву было 45 лет, он был женат, имел трехлетнего ребенка, работал маляром-художником в том же цехе, что и Костиков. У Михаила было «пятно» в

анкете. Он имел в прошлом судимость. Газета «Муромский рабочий» в статье «Бандитам воздано по заслугам» сообщила после процесса по делу о массовых беспорядках, что Панибратцев был в свое время осужден «за провокационные измышления к 10 годам тюремного заключения».[571] В действительности, это была вульгарная пропагандистская утка. Его действительно судили в 1941 г, в возрасте 25 лет по ст. 19-58-8 и 1658-7 УК РСФСР. В переводе на человеческий язык это означало, что человека осудили за покушение на террористический акт (19-58-8), а также непонятно за что, поскольку ст. 16 предусматривает осуждение за действия, которые прямо в уголовном кодексе не предусмотрены. В этом случае используется «ближайшая статья». В результате скорое сталинское правосудие привлекло Панибратцева к уголовной ответственности по ст. 58-8 — за подрыв государственной промышленности, совершенный в контрреволюционных целях путем использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности. Примерно так звучала соответствующая статья уголовного кодекса. Можно уверенно утверждать, что Панибратцев вообще ни в чём не был виноват перед режимом. Ему «впаяли» десять лет лагерей «просто так».

Понятно, что такой человек не только мог, но просто должен был ненавидеть режим. А после того, как его самого ни за что продержали 8 лет в лагерях, Панибратцев готов был поверить в любые преступления власти, а уж в такую «малость» как избивание пьяного в милиции — тем более. Хрущевская либерализация не могла произвести на него ровным счетом никакого впечатления. Ведь при Хрущеве его даже не реабилитировали, а просто пересмотрели состав преступления. Одним словом, власть поломала молодому человеку жизнь, а потом даже не сочла нужным извиниться, стереть клеймо преступника.

29 июня Михаил вместе с несколькими другими возмущенными рабочими посетил морг и встретился с судебно-медицинским экспертом. Официальному заключению о причинах смерти рабочие не поверили. Они решили, что за Костикова «нужно отомстить». Панибратцев сказал товарищам по работе, нужно написать лозунг «Смерть убийцам» и идти с ним к милиции. Он сам и изготовил плакат. Надпись гласила, что начальник Муромского городского отдела милиции садист и убийца. По показаниям свидетельницы, Панибратцев у себя дома вечером того же дня говорил: «Завтра во время похорон разобьем все окна в милиции», а в ответ на сомнения в виновности работников милиции сказал: «Все равно ничего не оставим».[572]

Бунт на фоне похорон (30 июня).

30 июня дирекция и общественные организации завода организовали похороны Костикова. По замыслу начальства, похоронная процессия должна была обойти здание городского отдела милиции стороной. У неформальных лидеров рабочих были другие планы. Они попытались поднять над толпой написанный Панибратцевым транспарант.[573] Транспарант изъяли, но направить процессию в сторону от горотдела милиции не удалось. Михаил выскочил из колонны и одним из первых с криком «бей гадов» бросил два камня в окна милиции. Вслед за этим, по показаниям свидетелей, «посыпался град камней».[574]

Судя по материалам дела, в последующих событиях Панибратцев уже не участвовал. Ничего не сказано о его роли в разгроме милиции и в обвинительном заключении. Вероятно, он ушел с места событий вместе с траурной процессией. Вскоре после начала беспорядков она двинулась на кладбище.[575] Как и во время волнений в Грозном, в 1958 г. инициатор протеста остался в стороне от начинавшегося бунта. В пьяной толпе, оставшейся у здания милиции, появились новые лидеры. Никакого участия в подготовке похорон они не принимали и покойного не знали. Но зато имели личные причины ненавидеть милицию.

После шести часов вечера около городского отдела милиции уже бушевал стихийный митинг. По рассказу одного из участников беспорядков, «народу было много, и все кричали разные выкрики в адрес работников милиции. Окна были все выбиты, но камни лететь продолжали, а у входа лежала перевернутая машина, и с нее выступали разные люди».[576] Осмысленных выступлений практически не было. Все свелось к раздраженным выкрикам и погромным призывам.

Председатель Муромского горисполкома Сорокин сам залез на перевернутую машину и призвал толпу к порядку. В ответ раздались возгласы: «Убили человека в милиции!». Сорокин обещал все выяснить и наказать виновных. Но какой-то солдат, имевший личный опыт общения с городским главой, закричал, чтобы Сорокину не верили.[577] Озлобление толпы достигло критической точки.

Снежный ком погрома покатился под гору после выступления Сергея Денисова, который забрался на перевернутую машину после солдата. Этот 39-летний выходец из нижегородской деревни, работавший канализатором на комбинате «Красный луч», был малограмотен (3 класса образования), имел в прошлом две судимости за малозначительные преступления, был женат и воспитывал двоих детей.[578] В начале событий

Денисов находился в камере предварительного заключения — 20 июня он подрался с отцом и братом, за что и получил 15 суток административного ареста. Около 17.00 арестованный услышал шум на улице и хитростью выбрался из КПЗ на Московскую улицу. Там он закричал в толпу: «Бей фашистов, бей гадов! Освобождай арестованных!».[579] Призыв попал на благоприятную почву: в толпе находились знакомые некоторых задержанных за хулиганство.[580]

По показаниям одного из свидетелей, Денисов якобы заявил, что «в милиции бьют арестованных, бросают их в камеры, а в лагерях вообще убивают». Он сказал, что лично видел, как работники милиции избивали Костикова, что его, Денисова, тоже били в милиции. В подтверждение своих слов он задрал рубашку и показал левый бок со следами побоев. Председатель Муромского горисполкома А. К. Сорокин, встретив Денисова через несколько дней на улице, полюбопытствовал, кто же его все-таки избил. В ответ услышал, что это результат драки с братом.[581]

После выступления Денисова «началось избиение работников милиции, дружинников и других должностных лиц, наводивших порядок».[582] Но Денисов был далеко не единственным оратором на стихийном митинге у здания милиции. Среди выступавших активную роль сыграл 28-летний Степан Мартынов, неграмотный бессарабский цыган, отец которого погиб на фронте в 1943 г., а мать в тот же год умерла с голоду. До 1956 г. Мартынов жил с двоюродной сестрой и кочевал. В 1956 г. переехал в Муром, осел, женился на женщине с двумя детьми, поступил на кирпичный завод разнорабочим. После этого сменил еще несколько занятий — искал более высокую зарплату, нужно было содержать четырех иждивенцев.

Степан имел личные причины ненавидеть милицию — в 1959 г. его арестовывали за мелкое хулиганство. [583] По рассказу Мартынова, с самого утра в городе только и говорили, что о смерти Костикова. Об этом он слышал сначала на базаре, потом около собственного дома, куда вышел покурить и разговорился с женщинами, наконец, по дороге в кинотеатр. На выпившего Мартынова сильное впечатление произвели выкрики Денисова, напомнившие о личных обидах. В итоге Степан тоже полез на трибуну призывать к погрому.[584]

Митинг продолжался уже на фоне погрома, как бы поддерживая на определенном уровне и накал страстей и моральную легитимность бунтовщиков. «Ораторы» выкрикивали призывы и сами претворяли их в жизнь. В их числе оказался и жестянщик Максим Усов, 48-летний отец семейства (трое детей, младшему 16, старшему 26 лет), деревенский, с четырьмя классами образования, неоднократно «обиженный» милицией — задерживали за появление на улице в пьяном виде и мелкое хулиганство.[585]

30 июня Усов был пьян. По показаниям одних свидетелей, он кричал: «Бейте милицию! Она нас обижает, и бьет, а чего вы смотрите! Бейте, громите больше». Другие слышали: «Давай жги, громи! Нечего жалеть! Пусть горит!».[586]

Крики неслись не только с импровизированной трибуны, но и из окружавшей ее толпы. Лукин, один из осужденных по муромскому делу, призывал: «Бить надо милицию, громить их», сопровождая все это пьяной матерной бранью. Когда же один из свидетелей обратился к Лукину со словами: «Что ты кричишь, к чему призываешь народ?», — то в ответ услышал: «А ты что, тоже имеешь красную книжечку (партийный билет члена КПСС. — В. К.), и тебя надо вместе с ними, гад».[587] Столь же агрессивно реагировала толпа и на все другие призывы образумиться и успокоиться. Свидетелю Чекалову, например, за подобные слова кто-то из пьяных хулиганов до крови разбил лоб.[588]

Между 18.00 и 19.00 «активисты» из толпы ворвались в здание городского отдела милиции и аппарата уполномоченного КГБ. Мебель разбили (рубили топором), на улицу выбросили сейф с секретными «кэзбешными» документами, часть милицейских бумаг была уничтожена. Загорелась милицейская машина. Несколько сотрудников милиции были избиты. С них пытались сорвать милицейскую форму, силой вытаскивали на улицу на «суд народа». Защищаясь, они стреляли в нападавших, один из которых был ранен. Толпа взломала кирпичную стену КПЗ и освободила часть заключенных. Значительное количество боевых патронов было похищено. Все это сопровождалось выкриками: «бей гадов», «фашистов», «они не народ» и т. п. После выстрелов и появления раненого раздраженные погромщики закричали о том, что «убивают народ». Они попытались втянуть в беспорядки столпившихся у здания зевак. Пожарным, приехавшим к месту событий, не давали работать, перекрывали рукава для подачи воды.

Большинство активных погромщиков появились на месте событий именно для того, чтобы участвовать в беспорядках, и имели, как уже говорилось выше, личные причины ненавидеть милицию. В то же время все они находились под растормаживающим воздействием алкоголя и, в определенном смысле, не только и не столько создавали своими выкриками и действиями специфическую атмосферу погрома («тянули» его за

собой, были его организаторами), сколько несли в себе «инстинкт толпы», придававший спонтанным действиям видимость целенаправленности и логики. Некоторые впоследствии плохо помнили свои поступки. «Я не могу до сих пор понять, что меня толкнуло...»[589] — в этом высказывании одного из осужденных было, по всей вероятности, больше правды, чем лукавства.

Глубокое чувство обиды на власть, усугубленное действием алкоголя, превращалось в коллективный психоз, перекрывало сдерживающее воздействие страха перед наказанием. Праведность же поступка освящалась идеей возмездия за «невинно убиенного», что, как уже говорилось, всегда придает погрому некий «высший смысл». Вряд ли кому-либо из «активистов» приходило в голову, что, растворившись в анонимной обезличенности толпы, они совершают что-либо более серьезное, чем привычное для них лихое хулиганство. Как только мысль об этом доходила до их сознания, они «выключались» из погрома и исчезали с места событий.

Алексей Поликарпов, одним из первых ворвавшийся в помещение горотдела милиции, где «применял физическое насилие к работникам милиции, пытаясь силой вытащить их на улицу для расправы», [590] так описывал свое участие в беспорядках в жалобе Генеральному прокурору СССР от 3 августа 1962 г.: «К зданию я подошел, было немного минут седьмого вечера. Я был выпивши, всему поверил, и глупо поступил, полез не в свое дело вслед за другими, вошел наверх и стал сотrudникам доказывать, как могли допустить до того шума. Наверху я услышал выстрелы, стреляли внизу в дежурном отделении, после выстрелов слышались крики: „Убийцы, за что стреляете в народ, убили еще одного“. Я стал им говорить: „Что вы делаете, бьете людей“, и назвал их гадами, „вы не достойны носить эту форму и оружие“. Больше я в здании ничего не делал и вышел в дверь... Ударять я никого не ударял, и цель эту не держал в голове, причем напомним, за прожитую свою жизнь ни с кем не дрался... Проходя мимо окна, где сидели указники за мелкое хулиганство, я сказал им: „Ребята, выходите, здесь убивают“. Но подумав: „Не мое дело“, — вышел в ворота, которые были открыты, на Московскую улицу... меня увидела мать, сказала: „Здесь с детьми жена“, — увидев меня, она подъехала ко мне, спросила меня: „Почему ты не в бане“, я ей объяснил, как все получилось, и мы пошли домой, пройдя квартал, я пошел в баню, а она поехала с детьми домой, она была с коляской».[591]

Важную роль в нападении на милицию сыграл Константин Лукин, 31 года от роду. Детство его пришлось на годы войны. В юности, в возрасте 17 лет, он был осужден за кражу личной собственности. Никакого другого «компромата» следствие не обнаружило. Очевидно, после заключения Лукин, выражаясь языком тех лет, «твердо встал на путь исправления»: устроился на работу, женился, у него родились двое детей. Однако старая обида крепко сидела в памяти. 30 июля Лукин выпил и был возбужден пронесшимися слухами об убийстве человека в милиции. Он кричал из толпы: «Бить надо милицию, громить их».[592] Вооружившись топором, Константин рубил мебель, выбрасывал на улицу милицeйское обмундирование и другие вещи, документы.[593]

Одним из организаторов погрома суд признал 23-летнего Валентина Романенкова. Он выделялся из прочих зачинщиков беспорядков более высоким образованием (незаконченное среднее), но походил на многих из них беспутным образом жизни. Был женат, но с женой не жил. Имел судимость за злостное хулиганство (апрель 1959 г.). Нигде не работал, органы милиции дважды «предупреждали» его о необходимости трудоустройства. По его собственным показаниям, за год до событий был задержан по подозрению в карманной краже и хотел уничтожить документы об этом малоприятном событии во время нападения на милицию. Романенков принял активное участие в освобождении заключенных из КПЗ — взломал дверь, ведущую к камерам предварительного заключения. Он кричал: «Гады, убьете одного или двух, но всех не перестреляете», требовал от милиционеров «выбросить белый флаг» и сдать оружие. Вслед за ним ворвались остальные. Романенко взломал ломом камеру № 4 и выпустил арестованных, среди которых был его знакомый.[594]

Среди бунтовщиков оказались две женщины — 38 и 30 лет от роду. Обе имели детей и растили их без мужей, обе были в прошлом судимы за малозначительные преступления и, вероятно, были убеждены, что их «засудили» несправедливо. Обе не сумели вынести «бремя жизни» и ожесточились в борьбе за существование. Государственный обвинитель охарактеризовал одну из них как «морально разложившуюся личность», а о другой в обвинительном заключении сказал, что она вела «себя непристойно, систематически пьянствовала, вела развратный образ жизни».[595] Действия этих несчастных, опустившихся женщин в ходе погрома отличались особым озлоблением, сопровождалась матерной руганью. Как и большинство погромщиков они были пьяны, швыряли камни в окна, кричали «бей милицию» и т. п. Обе внесли в атмосферу волнений истерические, кликушеские нотки, как бы вымещая на жертвах беспорядков свою личную обиду и боль.

Беспорядки продолжались около 5 часов. В результате были приведены в негодность все окна и двери городского отдела милиции и УКГБ, разрушена телефонная связь, поломаны и вскрыты сейфы, похищено около 60 стволов оружия и большое количество боеприпасов. Из КПЗ было освобождено 26 человек,

арестованных за уголовные преступления, и 22 — за мелкое хулиганство. Здание было выжжено изнутри, многие милицмейские документы и частично документы уполномоченного КГБ были похищены или сгорели. Пятеро работников милиции и прокурор города были избиты. При подавлении волнений применялось оружие. Двое нападавших получили огнестрельные ранения.[596] Отличительная особенность бунта — его почти исключительная направленность на работников милиции. В этом смысле муромские беспорядки были одним из кульминационных моментов начавшейся в 1950-е гг. «хулиганской войны». Хулиганы и городские маргиналы перехватили инициативу протеста у рабочих и превратили траурную демонстрацию в кровавый погром.

«Показательный» суд. Для расследования дела о массовых беспорядках в Муроме была образована следственная группа из 8 следователей органов госбезопасности во главе со старшим следователем по особо важным делам следственного отдела КГБ при Совете Министров СССР. В ходе следствия 8 человек было арестовано за участие в массовых беспорядках (по ст. 79 УК РСФСР) и 11 человек — за «хулиганские проявления» (по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР).[597]

Всего состоялось два судебных процесса. Первый из них прошел с особой помпой. Предварительное расследование по этому делу было закончено 3 августа, прокурор области в тот же день утвердил обвинительное заключение. Для суда выбрали Муромский клуб строителей, рассчитанный на 300 с лишним человек. Заранее отпечатали пригласительные билеты для «представителей общественности» на каждый день процесса. Распределял их непосредственно горком на предприятиях и в учреждениях Мурома. По-своему готовились к суду и некоторые обвиняемые. Как жаловались отдельные свидетели во время предварительного следствия, они боялись «мести со стороны хулиганствующих элементов».[598]

Суд продолжался три дня. Зал был полон, а результат процесса — предрешен. Отобранная горкомом публика была готова «правильно реагировать». Когда государственный обвинитель потребовал смертной казни для трех подсудимых, зал разразился аплодисментами. Аплодисментами были встречены и речи общественных обвинителей! После вынесения приговора публика устроила настоящую овацию. Адвокаты же не могли и не пытались в сложившейся обстановке всерьез защищать своих подзащитных, но по различным мотивам (семейное положение, прошлая деятельность, признание вины и т. п.) просили суд о смягчении мер наказания.[599]

В день вынесения приговора — 11 августа — на всех предприятиях города прошли митинги и собрания. Выступали рабочие, присутствовавшие в зале суда. Участники митингов и собраний, разумеется единодушно и гневно, «осуждали преступную деятельность подсудимых и других бандитов и хулиганов, высказывали свое удовлетворение вынесенным приговором и требовали его исполнения».[600]

Дело Струнникова, или «Отомстим за муромлян» (июль 1961 г.).

Процесс закончился в пятницу, 11 августа 1961 г. В воскресенье, 13 августа, областная владимирская газета «Призыв» и городская газета «Муромский рабочий» поместили статью «Бандитам воздано по заслугам», подписанную П. Ивановым (скорее всего, псевдоним). Особый пропагандистский упор был сделан на уголовном прошлом трех осужденных. Их называли не иначе как «матерые бандиты», что вполне соответствовало политическому газетному сленгу сталинской эпохи и было, мягко говоря, очень далеко от (реальности. Информация о судимости Панибратцева (жертвы политического террора) была искажена (об этом уже говорилось раньше). Цель искажений и подтасовок была понятна — изобразить активных участников волнений «отщепенцами», социальными париями, ничего общего не имеющими с «советскими людьми». Сами же «трудящиеся», по сообщениям тех же газет, «единодушно одобряли справедливый приговор бандитско-хулиганствующим элементам».[601] (17 августа короткая заметка «Справедливая кара» была помещена в во всех республиканских, в частности, в «Советской России»)[602] и областных газетах СССР. Ее тон был более спокойным, «информирующим». Очевидно, партийные власти полагали, что сообщение о трех смертных приговорах само по себе возымеет должное действие.)

Никакого «единодушия трудящихся» в оценке событий в действительности не было. Более того, во время организованного властями на предприятиях г. Мурома «всемирного осуждения» произошел инцидент, о котором, конечно же, ни одна газета не сообщила. Владимир Струнников, 35 лет от роду, отец двух детей (4-х и 10 лет), с пятиклассным образованием, имевший в прошлом судимость по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР, осмелился публично высказать свое несогласие с приговором и призвал рабочих своего цеха к забастовке. Рабочие, как рассказывал впоследствии Струнников, «промолчали, а я в знак протеста бросил работу и ушел из цеха. Зайдя домой, я оделся и поехал в город, чтобы выступить перед молодежью в Окском саду и призвать ее присоединить свой голос к моему протесту.

Приехав на ул. Московскую, я зашел в ресторан, где выпил 300 гр. водки, и захватив бутылку вина, пошел в парк культуры и отдыха. Пройдя на веранду, где собралось около 50 человек молодежи, я вышел на середину и обратился с призывом присоединить свой голос к моему протесту против приговора суда... После этого я был доставлен в отдел милиции».[603]

Задержавшим его дружинникам Струнников никакого сопротивления не оказывал, вел себя очень достойно и говорил, что, по его мнению, муромские бунтовщики «поступили правильно» и возмущался их «незаконным арестом».[604] Скоропалительная хрущевская юстиция в тонкости дела вникать не стала. Немедленно было организовано «гневное осуждение» поступка Струнникова его товарищами по работе и фальшивая «просьба» работников цеха в КГБ привлечь Струнникова к уголовной ответственности.

Несогласного впопыхах обвинили в призыве к массовым беспорядкам (чего на самом деле не было) и осудили к семи годам лишения свободы, хотя дело не «тянуло» даже на мелкое хулиганство. В Прокуратуре СССР уже в мае 1963 г. готовился протест по этому делу. Предполагалось переквалифицировать состав преступления на «хулиганскую статью» и изменить меру наказания — снизить до трех лет лишения свободы. В конце концов, уже после снятия Хрущева, в 1965 г. Владимир Струнников был реабилитирован постановлением Президиума Верховного суда РСФСР.

Еще одной ложкой дегтя в пропагандистской кампании «всемирного осуждения» стала появившаяся 25 августа в городе Коврове Владимирской области надпись: «Отомстим за муромлян». В тот же день и в том же городе на стене дома № 5 по улице 2-я Полевая обнаружили призыв: «Долой коммунистический режим. Молодая гвардия».[605] События в Муроме приобрели, таким образом, особый политический оттенок. А попытки властей напугать потенциальных организаторов подобных волнений смертным приговором суда, в определенном смысле имели противоположный эффект. Многих удивила, а некоторых и возмутила жестокость власти.

«Бей гадов! Они полжизни у меня отняли»

Массовые беспорядки в Александрове 23-24 июля 1961 г

События в Муроме вызвали «эффект домино». Надписи на домах в Коврове, призывавшие к мести, были первой ласточкой. Волнения в Александрове (тоже город во Владимирской области) были уже серьезным симптомом. Они вспыхнули спонтанно, под влиянием стандартной конфликтной ситуации — «обиженные солдаты». Но зачинщиков беспорядков бесспорно вдохновляло желание «устроить, как в Муроме».[606] Эта фраза в различных вариациях неоднократно прозвучала в ходе бунта. Несмотря на апелляцию участников волнений к муромскому опыту, беспорядки в Александрове представляли собой довольно «чистый» пьяный бунт, в котором почти не было «политики» и «антисоветчины».

В составленный нами список осужденных за беспорядки в Александрове попало 19 человек. Из них 12 имели в прошлом судимость или привлекались к ответственности за хулиганство, мелкие хищения, как минимум отсидели по 15 суток в милиции под арестом. Четверо в прошлом были приговорены к длительным срокам заключения за серьезные преступления (покушение на убийство, грабеж и т. д.) или имели по несколько судимостей. Один из зачинщиков беспорядков был отпетым хулиганом (четыре судимости). Только у семерых из нашего списка не было криминального или хулиганского прошлого (во всяком случае, в милицию они не попадали). Один из них был кандидатом в члены КПСС. Другой — героем войны, с наградами, которые давались за личную храбрость: медалью «За отвагу» и орденом Слава III степени. Вся семерка, имевшая репутацию «морально-неустойчивых», была во время беспорядков пьяной, легко поддавалась коллективному психозу и впоследствии с трудом вспоминала о своих действиях.

Лейтмотивом событий в Александрове стало обычное стремление доминировавших в толпе «обиженных» к социальному реваншу, к расправе с ненавистной милицией, сконцентрированное в выкриках: «Бей гадов! Они полжизни у меня отняли».[607] «Совсем обнаглели» и т. п.

В воскресный день 23 июля 1961 г. два солдата, В. Грездов и А. Крылов, приехали из Загорска в Александров поразвлечься. К вечеру они напились пьяными и нелегкая занесла их на центральную площадь города — Советскую, где находился и городской отдел милиции. Там они и попались на глаза майору милиции Кузнецову. Майор был в штатском, и солдаты не приняли всерьез его «приглашения» в горотдел. Начались препирательства. В конце концов нарушителей спокойствия скрутили и силой затащили в помещение

милиции. Дежурный по горотделу немедленно поставил в известность начальника местного гарнизона подполковника Черейского.

Конфликт незадачливых солдат (впоследствии оба были осуждены за хулиганство) с милицией привлек внимание нескольких сердобольных женщин. Обиженные «пьяненькие» часто вызывают иррациональную жалость у русских женщин. Так было и на этот раз, тем более, что некоторые женщины, оказавшиеся свидетельницами происшествия, тоже были выпивши. На их выкрики стала собираться толпа.

По случаю выходного дня в городе было много пьяных. В толпе выделялись автослесарь Леонид Логинов (33-х лет, несколько раз привлекался к ответственности за мелкое хулиганство, от жены ушел, платил алименты на содержание троих детей), помощник машиниста Владимир Федотов (29 лет, три судимости за хищения государственного имущества, отец малолетней дочери), конюх железнодорожной больницы Александр Кручинин (33-х лет, инвалид III группы — нет левого глаза, отец двоих детей) и плотник Владимир Дмитриев (32-х лет, отец десятилетнего сына, судимостей и приводов в милицию не имел).[608] Все они призывали к расправе над милиционерами.

Кручинину принадлежало авторство лозунга «Устроим второй Муром!», напрямую отсылавшего толпу к опыту предшественников. Эта же тема присутствовала и в выкриках Дмитриева. Он же неосознанно пытался вывести ненавистных милиционеров из-под защиты советских мифов о «самой справедливой власти на свете», превратить их в «чужих» и «чуждых» не только толпе, но и самому режиму. После нескольких часов погромного активизма, замахиваясь на работника тюрьмы Степанова, Дмитриев закричал: «Бейте его, он такой же полицей».[609] Это моральное «уравнение», как бы превращавшее александровских милиционеров в нацистских пособников — «полицаев», избавляло не имевших криминального опыта участников погрома от комплекса вины перед властью. Большинство зачинщиков не углублялись в моральные дебри. Они нападали на милицию потому, что она была «плохая» и выкрикивали лозунги: «Отпустите, гады, солдат».[610]

Около 7 часов вечера 50–60 взбудораженных людей, собравшихся у горотдела милиции, ругались и требовали освобождения задержанных солдат.[611] Чуть позднее на площадь приехал подполковник Черейский с четырьмя солдатами, затем городской прокурор, уполномоченный КГБ и несколько местных партийно-советских руководителей среднего звена, безуспешно пытавшихся утихомирить толпу. Военный комендант хотел увезти задержанных военнослужащих в комендатуру. Толпа достигла 100 человек. Под выкрики об избитых солдатах люди преградили коменданту путь к машине. Конфликт разворачивался во дворе милиции. В сутолоке охрану оттеснили и силой освободили Крылова. Он затерялся в толпе и скрылся. Впоследствии Крылов явился в свою часть в Загорске.[612]

Активность и воодушевление вожаков нарастали. Леонид Логинов, например, не давал машине с задержанным Грездовым выехать из ворот милиции, упирался в буфер, подставлял ноги под колеса, бил кулаками по капоту, отстегивал брезент, открывал двери, не давал открывать ворота и кричал: «Давите, я не отойду»; «Бей их, и не выпускай машину». На требования милиционеров Логинов отвечал матом, а одному из них сказал: «Я тебя, гад, сейчас загрызу».[613]

Овладесть ситуацией в начале событий властям не удалось. К толпе присоединялись новые люди, которые заражались друг от друга истерическим воодушевлением. Когда машина с Черейским и Грездовым все-таки уехала, погромщики попытались взломать входную дверь горотдела. Около 8 часов вечера подполковник Черейский вернулся на площадь, надеясь задержать Крылова, — на этот раз в сопровождении уже 8 солдат. Но и толпа, в которой было много пьяных, достигла 500 человек. Именно в это время впервые прозвучал лозунг «Устроим, как в Муроме!» в сопровождении стандартных погромных выкриков: «Давайте громить отдел!», «Бейте милицию!» и т. п. Люди окружили машину, на которой приехал Черейский с солдатами, и стали ее раскачивать, пытаясь перевернуть.[614] В общем-то логических причин громить милицию уже не было. Грездов был перевезен в комендатуру, Крылов — сбежал. Именно это и пытались объяснить толпе Черейский, а также представители властей и начальник милиции. Все было бесполезно. Больше всех досталось военному коменданту, который оказался в руках толпы. Его оскорбляли, хватали за одежду, наносили удары.[615]

В толпе появились новые «активисты», развившие первый успех погромщиков. Почти все они в момент событий были пьяны. Около 20.00 в ход событий энергично включился двадцатитрехлетний слесарь-сантехник Евгений Вачин, имевший в городе репутацию «нарушителя трудовой дисциплины и общественного порядка». Вачин мешал выезду машины со двора милиции, требовал освобождения задержанных солдат, гнался за подполковником Черейским по площади, призывал к расправе над милиционерами: «Бить их надо, гадов».[616] Позднее, около 9 часов, он попытался ворваться в здание городского отдела милиции и участвовал во взломе входной двери.

Боевое настроение толпы подогревал своими выкриками шорник Василий Барабанщиков (31 год, четыре судимости за хулиганство[617]). Его отец вернулся с войны инвалидом II группы и в 1949 г. умер от ран и болезней. Сам Василий в 1941 г. попал под немецкую бомбежку и получил увечье руки. Будучи типичной жертвой обстоятельств и тяжелого детства, Барабанщиков попал в дурную компанию, начал пить и хулиганить. Молодость его прошла в лагерях. В заключении он тяжело заболел и был признан негодным к физическому труду.[618]

Василий требовал освободить задержанных солдат, рвался в помещение горотдела, преследовал по площади, подполковника Черейского, кричал, что работники милиции избивают арестантов. Увидев стоявшую на крыльце дружинницу, Барабанщиков закричал: «Тащи ее! Если не отсюда, то из суда она живой не уйдет!». [619] Допросами свидетелей было установлено, что Барабанщиков не только спас от избиения одного из них, но и помог выбраться из толпы секретарю горкома партии.[620] Очевидно, в сознании сына бывшего фронтовика, сражавшегося за Советскую власть на фронте, органично уживались стандартные идеологемы коммунистической эпохи и ненависть к «гадам-милиционерам». Секретарь горкома партии скорее всего олицетворял для Барабанщикова «справедливую власть», до которой нужно только докричаться, а работники горотдела милиции были воплощением «темной силы», поломавшей жизнь Василия. На подобных психологических стереотипах в значительной мере базировалась устойчивость советского режима. Даже многие его потенциальные противники старались вписать свое «альтернативное» поведение в систему идеологического мифа об «отдельных недостатках», вызванных действиями конкретных «врагов-бюрократов».

В избиении подполковника Черейского принял участие Василий Гречихин, неработающий инвалид I группы, 31 года от роду, отец троих детей, имевший судимость за мелкую спекуляцию и приводы в милицию за нарушение общественного порядка. На месте событий Гречихин оказался совершенно случайно. Автобус, на котором выпивший Василий и его жена ехали домой, был остановлен толпой на Советской площади. Но Гречихин так органично влился в бушующую людскую массу,[621] что трудно поверить, что это у него, инвалида, были изуродованы кисти обеих рук.

Еще одним героем «погони» за Черейским был грузчик Павел Зайцев, 1925 года рождения, отец троих детей, герой войны (награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу»). В день волнений Зайцеву не повезло вдвойне. Он не только оказался замешанным в массовых беспорядках, но и сам стал жертвой погромного безумия. Когда, уже после 10 часов вечера, милиция начала стрелять в людей, ворвавшихся в здание горотдела, группа хулиганов приняла Зайцева, оказавшегося в одном из кабинетов, за сотрудника милиции. Несколько человек зверски избили его ногами, а затем схватили за руки и за ноги и стали швырять на пол. Зайцев попал в больницу с тяжелыми побоями.[622]

Активное участие в преследовании Черейского на площади принял разнорабочий Анатолий Сингинов, имевший две судимости (за грабеж и за кражу) и несколько приводов за хулиганство. Жил в общежитии, с женой разошелся, но развод не оформил. Своего малолетнего ребенка Сингиновы отдали в детский дом. Сингинов энергично призывал собравшихся к погрому, а когда толпа начала раскачивать военную машину, приехавшую за задержанными, именно он выступил в роли «координатора», подавая команду: «Раз, два».[623]

Около 8 часов вечера в гущу событий попал плотник Константин Савасеев, люто ненавидевший милицию. Во время прогулок по городу с подругой он всегда старался обойти стороной «эту милицию».[624] Причины такого отношения понятны. К 35 годам Савасеев имел судимость за покушение на убийство и два привода за хулиганство. Он вырос в большой семье (шестеро детей), тяжело болел в детстве, и, по уверению матери, из-за осложнений после скарлатины начал говорить только в семь лет. В школу пошел с опозданием на два года. Отчим часто пьянствовал и выгонял мальчишку на улицу. В 15 лет Константин начал работать. В 1953 г., опять-таки по рассказу матери, он встретил на улице убийцу своего брата, спросил, за что убил и получил в ответ: «Собаке собачья смерть». Савасеев жестоко избил обидчика, что и было квалифицировано как покушение на убийство. В семье считали, что с Константином поступили несправедливо.[625]

Савасеев активно заступался за товарищей по несчастью — задержанных солдат, кричал, что их задержали незаконно, что над ними издеваются, что их надо освободить силой. Он не давал машине с задержанным выехать со двора милиции, вырывал руль из рук шофера, оторвал ручку от двери автомобиля, поранив при этом себе руку. Савасеев показывал окружающим эту окровавленную руку и обвинял в своем ранении работников милиции, что еще больше возбудило толпу.[626]

Черейскому в конце концов удалось скрыться от преследования толпы в помещении городского отдела милиции. А события вступили в свою наиболее активную фазу. О «солдатиках» забыли. Толпу вдохновляли новые цели. Около 20 часов 40 минут группа в 40–50 человек под крики «Бей, громи милицию!» стала

забрасывать здание горотдела камнями и кирпичами.[627] Вооружившись палками и брусками от садовой изгороди, хулиганы стали бить стекла, выламывать рамы и металлические решетки в окнах помещения милиции. Пока одни забрасывали горотдел камнями, другие перевернули и подожгли милицкий мотоцикл с коляской (Савасеев устроил даже что-то вроде ритуального танца вокруг горящего мотоцикла[628]). Они откатали на площадь и опрокинули на бок милицмейскую машину ГАЗ-69, а затем подожгли и ее. Тогда же хулиганы избили командира отделения пожарной охраны, пытавшегося предотвратить поджог. Прибывшим на площадь пожарным автомашинам погромщики преградили путь и не допустили их к горящим автомобилям. [629]

Нападающие осадили здание горотдела милиции с трех сторон и стали ломиться в парадную дверь горотдела милиции. В качестве тарана использовали садовую скамейку, вырванную из земли изгородь палисадника и т. д. В это время в здании находилось 12 милиционеров. Часть из них, охранявшие входную дверь и дежурное помещение на первом этаже, забаррикадировались мебелью и произвели 364 выстрела вверх. Это не остановило нападавших. Около 10 часов вечера дверь поддалась напором нападающих. Подбадривая себя криками: «Не бойтесь, они только пугают!», — погромщики ворвались на первый этаж. Они вламывались в кабинеты, разбивали мебель, вытаскивали и выбрасывали на улицу сейфы со служебными документами. Именно тогда в коридоре был зверски избит П. Зайцев, принятый по ошибке за сотрудника милиции, стрелявшего в погромщиков.

Спустя некоторое время было подожжено правое крыло здания. Пожар быстро распространялся.[630] Арестованные из горотдела были переведены в находившуюся рядом тюрьму. Около 23 часов загорелось и левое крыло здания. Находившиеся на втором этаже городской прокурор, начальник милиции и уполномоченный УКГБ по телефону информировали о ситуации горком КПСС, областного прокурора и руководство УКГБ и УВД Владимирской области. На место событий были высланы войска. Первые две роты были без оружия и никакого влияния на ход событий оказать не сумели. Некоторые лидеры толпы попытались даже распропагандировать этих солдат, призывали их повернуть оружие против милиции («перейти на сторону народа»), объясняли, что толпа бьется за «правое дело» — мстит за обиженных солдат. Только прибывшее позднее вооруженное подразделение под командованием генерал-майора Корженко сумело взять ситуацию под контроль, да и то не сразу.

В ходе этой активной фазы беспорядков жертвами погромщиков стали некоторые представители власти и очевидцы событий, призывавшие к восстановлению порядка. Так, у здания милиции были избиты начальник горотдела милиции Никифоров, секретарь партийной организации одного из александровских заводов Романов, неизвестный подполковник пограничных войск, находившийся в Александрове в отпуске, рабочий александровской фабрики, И. Бабашкин, В. Быватов (оба — бывшие сотрудники КГБ), заместитель командира народной дружины П. Шилов. Милиционер Г. Прошман получил ножовое ранение в область груди.[631]

Такова была внешняя канва событий развернувшихся на Советской площади у здания городского отдела милиции и внутри него с половины девятого до одиннадцати часов вечера 23 июня 1961 г. Среди «активистов» разгрома милиции оказались наши старые герои. Первый сигнал к взлому дверей городского отдела подал Гречихин.[632] Его поддержали уже известные нам Логинов, Барабанщиков и Сингинов. Именно Барабанщиков вместе с новым персонажем погромной драмы экскаваторщиком Александром Сидоровым догадался использовать садовую скамейку в качестве тарана. 32-летний Сидоров (имел три судимости — за грабеж, за хулиганство и за «нанесение телесных повреждений»[633]) появился на месте событий около 10 часов вечера. Он был одним из авторов идеи поджога здания милиции: «Их, гадов, надо убивать и сжечь!». Александр участвовал и в избиении начальника милиции Никифорова. Поступков своих он не помнил или, опираясь на свой прошлый криминальный опыт, предпочел не вспоминать.[634]

Другой активный поджигатель — стрелок отряда военизированной охраны железной дороги Алексеи Зюзин — трижды оказывался в центре событий: освобождал заключенных из камеры для вытрезвления, бросил в помещение бутылку с горючей смесью и пытался поджечь здание тюрьмы горящим мотоциклом. Следствие и суд охарактеризовали его впоследствии как «морально-недостойную личность». Однако по меркам режима Зюзин не просто был законопослушным гражданином (не имел судимостей и приводов в милицию), его лояльность подтверждалась принадлежностью к КПСС (кандидат в члены партии). Он оказался замешанным в событиях прежде всего по пьянке — после работы выпил с тестем пол-литра.

Обстоятельства участия Зюзина в поджоге здания не ясны. Трудно поверить, что пьяный человек, затянутый в воронку погрома, имел время и мог самостоятельно изготовить бутылку с «коктейлем Молотова». Сам Зюзин писал в жалобе Генеральному прокурору СССР, что к нему подошли двое неизвестных и стали предлагать «бутылку с горючим, а каким я не знаю. Я отказывался и вступил с ними в брань. Но они мне угрожали расправой, и я взял, заставили идти за ними, они шли по обе стороны, я у них был в середине.

Дошли до здания ТОМ (городского отдела милиции. — В. К.) метров 15–20, и заставили кинуть, они показывали куда ее кидать, вовнутрь, но я ее кинул об угол с наружной стороны».[635] Косвенно рассказ Зюзина свидетельствует о существовании обычных для таких ситуаций закулисных сил, ловащих рыбку в мутной воде погрома и в конце концов остающихся в тени. К сожалению, никаких других свидетельств мы не имеем. Это тоже довольно типично для подобных историй. Власти судили и наказывали в таких случаях, как правило, самых крикливых и громких, а не самых опасных.

Одной из первых жертв физического насилия со стороны погромщиков стал И. Бабашкин. Именно его жестокое избиение (первым был подполковник Черейский) развязало кровавые инстинкты толпы. Попытка Бабашкина вписаться в ход событий была одним из критических моментов волнений. Погромщики в такие минуты демонстрируют повышенную агрессивность, дают «инакомыслящих» единственным доступным им средством — насилием или угрозой насилия. После этого они, как бы перейдя Рубикон, и соединенные общим грехом, становятся еще агрессивнее. А сопровождающая обычно такие действия уголовная истерика, рассчитанная на запугивание, окончательно гасит призывы к здравому смыслу. Так было и на этот раз.

В избиении Бабашкина участвовали некоторые из «старых» лидеров беспорядков, например, Гречихин. Но решающую роль в критический момент погрома сыграла истерическая активность Зинаиды Клочковой. Эта женщина, как и многие другие, попала на площадь случайно (шла с подружкой из кино), но вела себя так, как будто давно готовилась к этому «звездному часу». В каком-то смысле это не так уж и далеко от истины. В 1961 г. Клочковой было 30 лет, и работала она поваром в поликлинике Красноярского аэропорта. Но, наверное, всю свою жизнь помнила об обиде юности. В 16 лет (в 1947 г.) ее приговорили к одному году лишения свободы за покушение на грабеж, совершенное без насилия. Фактически же, речь скорее всего шла о какой-нибудь попытке стащить кусок хлеба у торговца на базаре или о чем-нибудь подобном. Но жестокий сталинский режим в то время проводил свою очередную кампанию — боролся с преступностью, действительно захлестнувшей страну после войны. Применялся тот же, что и в политике метод репрессивного массового устрашения, а наказание сроком в один год давали тогда «просто так», «ни за что» — чтобы другим неповадно было. Жизнь девушки-подростка переехало колесо бездушной государственной машины.

В 1961 г. Зинаида Клочкова попыталась «вернуть» власти старый долг, и действовала она при этом по образу и подобию своих обидчиков — не разбирая правых и виноватых, слепо и жестоко, добавив к этому еще и полученный в «зоне» криминальный опыт. Не случайно, когда присутствовавшие на площади женщины возмутились поведением Клочковой («женщина, а что может делать»), из глубин ее подсознания выплыла лагерная фраза: «Замолчите падлы, а то горло перегрызу».[636] Клочкова вообще пыталась всячески нейтрализовать тех, кто призывал погромщиков образумиться. «Здравомыслящим» она угрожала расправой, поджогом их домов, т. е. использовала довольно обычные приемы уголовного запугивания жертв. Позднее призывала солдат не препятствовать беспорядкам, а наоборот — оказать помощь в разгроме милиции и тюрьмы.[637] Тогда же, по утверждению следствия и суда, Клочкова обращалась к толпе с призывом к расправе над коммунистами и к разгрому городского комитета партии (сама подсудимая это обвинение отрицала).[638]

Едва в действиях толпы, громившей милицию, возникла некоторая «заминка» (предупредительные выстрелы милиционеров в связи с началом штурма), на чашу весов в пользу продолжения волнений легли громкие выкрики штукатура Владимира Горшкова. Именно он «озвучил» традиционный для большинства волнений такого рода просоветский миф: не бойтесь, в народ стрелять не будут.[639] Подобная уверенность особенно присуща случайным людям из толпы, тем, кто не имел лагерного и тюремного опыта. Именно таким и был 28-летний Горшков, человек довольно образованный по сравнению с другими «активистами» погрома — окончил 9 классов, не имевший ни судимостей, ни приводов в милицию за хулиганство. Он попал на Советскую площадь после 9 часов вечера, был, по его собственному признанию, «пьян и поддался мнению возбужденной толпы».[640] Во многом благодаря его усилиям была взломана входная дверь в помещение милиции. Горшков во главе толпы первым ворвался внутрь здания с криком: «Братцы, вперед!», «Бей гадов!», «Громи!».[641] Важную роль сыграл Горшков и в нападении на тюрьму (об этом будет рассказано ниже). В конце концов (около 11 часов) после двухчасовых подвигов жене удалось увести пьяного супруга с места событий.

В эпизоде с пожарными машинами толпа также «вытолкнула» несколько «солистов». Одним из первых бросился навстречу пожарной машине уже известный нам Сингинов. В результате дорога к очагу пожара была заблокирована, а пожарные повернули назад.[642] Из «новичков» особенно отличился прессовщик Николай Воронов, который имел боевое прошлое (участник и инвалид войны, награжденный медалями «За отвагу» и «За победу над Германией»), После войны он не сумел адаптироваться к мирной жизни, был дважды судим за злостное хулиганство, с последнего места работы уволен «за систематическое нарушение трудовой дисциплины и хищение цемента».[643]

Пьяный Воронов включился в беспорядки около 10 часов вечера. Вместе с другими погромщиками он откатывал милицескую машину от здания горотдела (впоследствии машину подо, жгли), а когда работница паспортного стола милиции попыталась им помешать, ударил ее ногой в живот и потребовал, чтобы она ушла. [644] Потом участвовал в погроме и поджоге паспортного стола. С появлением пламени призывал остальных швырять в окна что-нибудь горячее, чтобы сильнее разгорелся огонь. Все это сопровождалось словами: «Правильно сделали, что сожгли. Давно бы надо сжечь».[645]

Одновременно с Вороновым к погромщикам примкнул кочегар Анатолий Борисов (30 лет от роду, трижды привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка).[646] Как и Воронов, он участвовал в эпизоде с милицеской машиной и мешал пожарным подъехать к очагу пожара, угрожая шоферу: «Что тебе, жить надоело?».[647]

Все эти зачинщики, вытолкнутые толпой вперед, как бы отыгрывали свои роли и исчезали за кулисами событий, растворяясь в толпе, чтобы затем или отправиться домой спать, как Горшков, или вынырнуть из бурного потока волнений — в другой роли, в другом месте или в другое время. При этом, как это было в случае с Зюзиным, всегда остается некоторое сомнение: имеем ли мы дело исключительно со спонтанной самоорганизованностью толпы или, помимо очевидных зачинщиков, были еще зачинщики закулисные, подставлявшие вместо себя других. Скорая на расправу власть, как правило, редко докапывалась до ответа на этот вопрос, что, впрочем, только усиливало ее подозрительность и энтузиазм в поисках тайных врагов режима.

Самостоятельным эпизодом погрома, завершившимся настоящим сражением, было нападение на тюрьму № 4 (находилась в прилегавшем к городскому отделу здании). Всего в тюрьме во время нападения содержалось 169 заключенных, в том числе 82 особо опасных преступника.[648] Охрана насчитывала 22 человека. Идея освобождения заключенных почти одновременно была «озвучена» несколькими зачинщиками беспорядков в то время; когда в милиции начался пожар.[649] Само нападение на тюрьму спонтанно выросло из предыдущей фазы волнений. И наиболее важную роль сыграл, вероятно, 25-летний шофер Алексей Федоров,[650] брат которого сидел в это время в КПЗ за мелкое хулиганство.

Алексей появился на месте событий около восьми часов вечера, пьяный. В жалобе на имя Генерального прокурора СССР Федоров писал: «В этот вечер я был выпивши. Гражданин прокурор, я все это сделал легкомысленно, не подумав своей головой. Я шел не специально громить, я шел на танцы в парк, цели у меня никакой не было. Попал под несчастный случай, все у меня получилось случайно».[651] Тем не менее, Федоров вел себя крайне агрессивно. Он с самого начала участвовал в погроме юротдела.[652] На замечания нескольких коллег по работе ответил матерной руганью.[653] Когда загорелось здание милиции, Федоров почувствовал тревогу за брата: «Крикнул, что надо освободить, которые сидели в КПЗ за мелкое хулиганство...».[654]

В нападении на тюрьму участвовало, по оценке милиции, лишь человек 30 или 40. Большинство столпившихся на площади предпочли в это дело не вмешиваться. Боялись! Константин Савасеев безуспешно пытался вселить в собравшихся боевой дух: «Народ, что стоите, если народ пойдет, стрелять не будут».[655]

Когда начался штурм, охрана сделала несколько предупредительных залповых выстрелов вверх. Безрезультатно. Возникла угроза пролома ворот и дверей. Освобождение заключенных преступников становилось все более реальным. Дежурный помощник начальника тюрьмы отдал приказ стрелять на поражение в ворота тюрьмы и в дверь дежурной комнаты на уровне человеческого роста. Решение было принято на основании «Инструкции об организации охраны и надзирательской службы в тюрьмах МВД». Даже выстрелы не остановили участников штурма. «Боевики» трижды закрывали окно дежурного помещения щитом и пытались под его прикрытием приблизиться к тюрьме, но выстрелами через щит их отгоняли.

Одновременно была предпринята попытка подкатить к воротам тюрьмы горящий мотоцикл и использовать его для поджога здания. Один из участников этой авантюры был убит. Остальные отступили. Но наступательного духа не потеряли. Они сумели захватить и поджечь тюремную автомашину ГАЗ-51. Огонь мог перекинуться на канцелярию, где находились личные дела заключенных, а также на некоторые тюремные помещения. Выстрелами погромщиков удалось отогнать от горевшей машины, затем охрана сумела погасить огонь.[656]

Во время штурма тюрьмы четверо нападавших были убиты, и одиннадцать ранено. Случайное ранение в колено получила 15-летняя школьница. Несколько человек попали в больницу с ожогами, полученными на пожаре. Количество раненых было, вероятно, больше, поскольку в городе были зафиксированы случаи анонимных обращений за медицинской помощью с легкими огнестрельными ранениями.[657]

Только к 2 часам ночи 24 июля прибывшие в Александров воинские подразделения подавили бунт, а пожарные команды смогли приступить к тушению пожара. Помещения милиции и аппарата к этому времени уже полностью выгорели. В огне погибло множество служебных документов, уголовных дел, бланков паспортов и т. д.[658]

24 июля по факту беспорядков в г. Александрове было возбуждено уголовное дело по признакам ст.79 УК РСФСР (массовые беспорядки). Расследование вела специально созданная и выехавшая в Александров оперативная группа КГБ при Совете Министров СССР.[659] На место происшествия прибыли руководящие работники Владимирского обкома КПСС, исполкома областного совета, управления внутренних дел, прокурор области, начальник следственного отдела прокуратуры области и другие. В городе был проведен городской партийный актив, а на предприятиях и в учреждениях партийно-комсомольские собрания.

Идеологическими мерами дело в таких случаях никогда не ограничивается. Власти подумали и о полицейских предосторожностях. Несколько дней город патрулировали военные. Были усилены народные дружины, члены которых также присматривали за порядком.[660] Шел поиск активных участников беспорядков. Найти их не составляло особого труда — в первые же дни было арестовано 13 человек.[661]

Спустя месяц (22–25 августа) на открытой выездной сессии Владимирского областного суда было рассмотрено уголовное дело по обвинению девяти активных участников нападения на Александровский горотдел милиции и на тюрьму. На процесс были допущены только тщательно проверенные люди. Пропуска распределялись партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями. По обычной практике подобных воспитательных процессов, призванных подтвердить «отщепенство» подсудимых, наряду с государственным обвинителем выступали так называемые общественные обвинители — электромонтер и ткачиха. Четверо подсудимых (Савасеев, Горшков, Сидоров и Барабанщиков) были приговорены к расстрелу, пять остальных (Клочкова, Гречихин, Сингинов, Федоров и Логинов) получили максимальный срок тюремного заключения — по 15 лет.[662] После процесса на промышленных предприятиях города Александрова и района прошли митинги и собрания, «на которых трудящиеся единодушно одобрили приговор суда». О приговоре сообщили областная газета «Призыв» и все районные газеты области,[663] 5–9 октября 1961 г. состоялся второй открытый процесс. Место заседания перенесли в областной центр — город Владимир, общественные обвинители на суде не выступали. Приговоры были без смертной казни. Но все 9 подсудимых были осуждены на максимальный срок лишения свободы — 15 лет.[664] Особой пропагандистской шумихи вокруг этого процесса власти устраивать не стали.

Массовые беспорядки в Александрове и судебные процессы над их активными участниками не вызвали никаких политических реакций и со стороны «антисоветских элементов» (в отличие от Муроме). Вероятно, очевидный для всех криминальный характер этих событий, совершенно не облагороженных хоть каким-то подобием «политики», не мог вдохновить потенциальных «протестантов» на выражение недовольства, а подпольных «антисоветчиков» — на написание листовок. Но интерес у оппозиционных групп к событиям как Муроме, так и Александрове, безусловно, был. Известно, например, что участник одной из московских подпольных групп, студент вечернего отделения философского факультета МГУ Э. С. Кузнецов, узнав о волнениях в Муроме и Александрове, специально ездил в эти города, чтобы выяснить, «не носили ли эти беспорядки политического характера».[665] Подробности поездки нам, к сожалению, неизвестны.

Глава 12

Бийск-1961, или бунт в базарный день (25 июня 1961 г.)

«Пьяный базар» в Бийске и его завсегдатай

Лето 1961 г. было урожайным на пьяные бунты и волнения. Среди них (наряду с Муромом и Александровым) оказались события в Бийске (Алтайский край). В этом городе типичный для советской системы конфликт между «экономикой» (выполнение плана) и «политикой» (кампания по борьбе с пьянством) завершился победой «экономики». Торговые организации, стремясь выполнить план любой ценой, игнорировали ограничения на продажу крепких спиртных напитков, а в выходные дни торговали водкой на рынке прямо с машин. Городской базар стал своеобразным «клубом» для всех окрестных пьяниц. Все знали,

что на базаре, и особенно в воскресные дни, можно без труда достать выпивку. Всегда находилось и место для немедленного распития водки. Рынок был переполнен потенциально горячим социальным «материалом». Между милиционерами и местными хулиганами установились личные неприязненные отношения. Ситуация, подобная бийской, не была ни уникальной, ни специфически конфликтной. Пьяный «шалман» на базаре мог и дальше в больших количествах поставлять задержанных за пьянство и хулиганство в КПЗ местного отдела милиции, пока у местных властей в ходе какой-нибудь очередной кампании по борьбе с пьянством не дошли бы руки до «наведения порядка».

Утром 25 июня милицейский наряд (участковый уполномоченный Зосим и рядовой Лейзерзон) занимался привычным делом. Составили протоколы о нарушении общественного порядка и доставили двух пьяных в милицию. Базарный день вполне мог закончиться как обычно, если бы не взбрело в голову главе семьи Трубниковых из Бийского зерносовхоза отправиться в город покупать машину или мотоцикл, имея при себе большие по тем временам деньги — 2580 рублей.

Семейство Трубниковых: в райцентр за машиной

Николай Трубников работал плотником, в 1947 г., в разгар репрессивной кампании по борьбе с хищениями государственного имущества, был осужден. Во время бийских событий ему было 38 лет. На рынок Трубников приехал с женой Марией, домохозяйкой, и зятем А. Прилепских. Машину Трубниковы не купили, зато встретили знакомых — мужа и жену Сафроновых. С ними они по базарной традиции выпили около 2 литров водки в близлежащем скверике. Пили, в основном, мужчины. После приятного застолья женщины отправились в туалет. Сумку с деньгами на это время Мария Трубникова передала на попечение зятя. Мужчины пошли с базара к автобусной остановке. По дороге Трубников довольно громко матерился, что привлекло к веселой компании внимание милицейского наряда — Зосима и Лейзерзона. На требование «прекратить безобразие» Трубников ответил потоком брани. А при попытке доставить его в дежурную комнату милиции (находилась на рынке) Николай Михайлович, наделенный большой физической силой, стал сопротивляться. Ему на помощь пришел зять, которого, впрочем, скрутили довольно быстро.

Милиционер Лейзерзон и бригадмилец Огнев доставили Прилепских (и сумку с деньгами!) в дежурную комнату. Взглянем на ситуацию глазами Трубникова: двое увели зятя, а вместе с ним исчезли в недрах милиции и деньги. Раздосадованный (не уберег семейных сбережений!) и возбужденный спиртным Трубников остался наедине с Зосимом. Конфликт разрешился нападением на милиционера. Узнавший о случившемся дежурный по городскому отделу направил на место «происшествия» машину с двумя сотрудниками. Трубникова задержали. На его крики уже сбегалась толпа зевак, состоявшая в значительной своей части из пьяных завсегдатаев Бийского рынка. Они явно сочувствовали Николаю, поскольку и сами раньше оказывались на его месте. Раздались угрозы освободить задержанного силой. Трубников побежал. Зосим выстрелил вверх из пистолета. Люди отхлынули. Беглеца скрутили и с трудом затолкали в милицейскую «линейку». Николай продолжал вырываться, кричал, что его избивают, требовал вернуть астрономическую сумму денег, якобы отобранную у него — 30 тысяч рублей. Это было раз в 10 раз больше того, что привезли с собой Трубниковы. Снежный ком событий покатился под гору.

Мария Трубникова: «Отпустите мужа и отдайте деньги!»

Когда Трубников оказался в «линейке», на месте происшествия появилась его жена — Мария Петровна. Она поняла только одно. Мужа «забрали» в милицию, зять исчез, где семейные сбережения — неизвестно. Трубникова начала кричать: «За что забрали мужа?», схватила Зосима за рубашку и порвала ее. Под выкрики: «Грабители, паразиты, забрали деньги, надо убивать таких работников милиции», «Грабители, отдайте деньги», — Мария Петровна оказалась в машине, куда ее «вдавила» толпа. Трубникова плевала Зосиме в лицо, сорвала с него погоны... В конце концов разозленную женщину все-таки вытащили из машины. Тогда Мария Петровна забралась на «линейку», как на трибуну, и закричала: «Мы честно заработали деньги, а эти гады милиционеры их отобрали».

Трубникова была полностью сосредоточена на потерянных сбережениях. Муж уже сказал ей, что деньги у Прилепских. Но, могло ли это успокоить женщину? Ведь зять-то был еще раньше задержан милицией. Потому, наверное, и не могла сорокалетняя домашняя хозяйка откликнуться на призыв одного из милиционеров и

сказать, что деньги нашлись. Для этого нужно было увидеть их воочию, «живьем», а словам милиции, она, по всей вероятности, ни на грош не верила.

Масла в огонь подлил Николай Трубников. Когда ему удалось выбраться из милицейской «линейки», он пошел по одной из прилегавших к базару улиц. Остановил машину скорой помощи и во всеуслышание заявил: «Меня избили и отняли деньги работники милиции». Ему перевязали голову и руку. В таком боевом виде Николай Михайлович, со словами: «Пойду расправляться с теми, кто меня избил», вернулся на рынок. Жены не нашел. Залез на перевернутую милицейскую машину и, размахивая руками, обратился к публике. Свидетели изложили несколько версий его короткой речи. Но неизменным во всех показаниях был один мотив: «их (милицию. — В. К.) надо бить».[666]

Инвалид Лисин

Столкновение семьи Трубниковых с милицией вряд ли переросло бы в массовые беспорядки, если бы толпа тут же не «вытолкнула» новых зачинщиков для защиты «правого дела». Физиономию бунта определили несколько человек, среди которых был особенно замечен Виталий Лисин. Он первым призвал группу пьяных хулиганов задержать милицейскую «линейку», освободить задержанного и «убить работников милиции». Именно его действия в критический момент превратили частный конфликт Трубниковых с милицией в погром. Лисин принадлежал к людям, по которым война прошла особенно жестоко. Мало кто из молодых людей 1924 года рождения (год рождения Лисина), встретивших войну семнадцатилетними, уцелел. Виталию повезло — остался живым, хотя потерял ногу и стал инвалидом III группы. Во время описываемых событий он нигде не работал, имел на иждивении троих детей (12, 9 и 7 лет).[667] Очевидно, как и некоторые другие инвалиды войны, он не сумел адаптироваться к своему увечью и мирной жизни, озлобился, начал пить.

Еще одним подстрекателем толпы к беспорядкам был Иван Ляхов, 55 лет, полутунеядец, полубродяга, обиженный на жизнь и на милицию, от которой ему, надо полагать, не раз доставалось. С 1953 г. Ляхов нигде не работал и не имел постоянного места жительства.[668] Сам он в насилии и избиениях не участвовал, но всячески воодушевлял толпу на подвиги, призывал к убийству. Иван пытался действовать исподтишка, внимательно следил за происходящим и в определенные моменты старался «подсказать» погромщикам, что делать. В аналогичной роли подстрекателя выступил и 45-летний Байрам Кукоев. Как и Лисин, он был инвалидом войны III группы.[669] Кукоев, «не применяя лично физической силы», в течение нескольких часов подогревал толпу выкриками: «Растерзать их надо»; «Убивать их надо»; «Давно бы им надо это устроить»; «Бейте их, ребята» и т. п.

Старым врагом Зосимы и Лейзерзона был Михаил Мельников, сорока одного года от роду, инвалид II группы,[670] известный любитель выпить, промышлявший на базаре мелкой торговлей предметами кустарного изготовления. Милиция не раз задерживала его как за мелкую спекуляцию, так и за мелкое хулиганство. Показательно, что и судили Мельникова не просто за участие в беспорядках, а за «совершение неоднократных хулиганских поступков». С самого начала конфликта он явно обрадовался возможности свести счеты и в момент нападения толпы на Зосима закричал: «Попался гад, бейте его, чтобы он не мешал жить нашему брату...».[671]

Шофер Станислав Косых попал в погромщики довольно банальным образом. Выпил с товарищами пол-литра «на троих», у выхода увидел шумевшую толпу и «откликнулся» на чью-то просьбу помочь «вытолкнуть машину».[672] В. общем-то Косых был довольно распространенным типом рядового участника беспорядков. Легко, внушаемый, инфантильный и безответственный, он легко подчинился чужой воле, с маниакальным упорством следовал заложенной другими «программе» и даже проявлял при этом изобретательность. Именно Косых догадался вывернуть передние колеса милицейской машины так, чтобы удобнее было ее переворачивать. Кроме того Косых, попав в колею погрома, «ругался, тыкал железной в кузов, ударял ей по машине и одним из ударов попал Зосиму по виску».[673]

Похожий психологический тип «инициативного подпевалы» представлял собой двадцатилетний слесарь Николай Ченцов,[674] попавший в поле зрения следствия и суда благодаря своим последующим подвигам, однако первые шаги в карьере погромщика сделавший в момент возникновения беспорядков, когда Трубникова освобождали из «линейки». Ченцов примкнул к погромщикам после выпивки с друзьями и рассказывал о своих поступках эпически просто: «Люди шумели, бросали камни, какой-то мужчина дал мне камень и я тоже бросил его в машину. Я схватил второй камень и попал им в окно. Я заскочил на машину, Зосим на меня заругался, и я плюнул ему в лицо. Лейзерзон побежал мимо меня, и я стукнул его по спине».

[675] Ченцов догадался залезть под капот и оборвать провода, чтобы не дать машине уехать.[676] В ходе событий Николай становился все более жестоким и агрессивным. Когда Зосим попытался перевязать разбитую голову остатками разорванной рубашки, Ченцов сорвал эту самодельную повязку с истекавшего кровью милиционера.[677]

Местные власти: попытка договориться. Вызов солдат

Пока возбужденные хулиганы пытались вытащить Зосима из перевернутой машины для расправы, а погром не набрал еще полной силы, представители властей надеялись договориться с толпой по-хорошему. Но председателя горисполкома Гаркавого просто освистали и согнали с перевернутой машины, превращенной на короткое время в трибуну. Толпа уже достигла того уровня погромной истерики, когда слушают и слышат только «своих» и только «свое». Не помогли — как и в других случаях — и попытки разогнать собравшихся с помощью пожарных брандспойтов. Хулиганы просто порезали пожарные рукава, и пожарная команда бесславно уехала с места событий.

В попытках местных властей уговорить бунтовщиков был один примечательный эпизод. Заместитель начальника милиции, выступая перед толпой, «рекомендовался представителем горкома партии», [678] скрывал свою принадлежность к милиции, что впоследствии было оценено как нерешительность. За этим малозначительным, на первый взгляд, фактом стоит в действительности инстинктивное понимание мудрым милиционером Клягиным избирательной агрессивности в действиях участников беспорядков. Он понадеялся на большую легитимность партийной власти, осознавая, что милиция из «зоны послушания» уже выпала, и принадлежность к ней лишает говорящего всяких шансов докричаться до разума бунтовщиков. В том же ряду явления — указание ответственного дежурного горотдела подчиненным милиционерам (а их в конце концов собралось на базаре 28 человек) отправиться к месту событий в гражданской одежде.[679] И хотя Мария Трубникова была поначалу готова отделить «хороших» милиционеров (их можно было отпустить) от «плохих», которых следовало «убить», даже косвенная принадлежность к милиции в момент погрома была своего рода «каиновой печатью», выводившей человека из круга «своих».

Некоторые зачинщики беспорядков в Бийске в своей враждебности к власти как таковой явно пытались внедрить в сознание толпы более обобщенный образ врага, чувствуя, что пока «горком» или «горисполком» отделены в сознании бунтовщиков от «гадов милиционеров», участники волнений остаются потенциально открытыми для уговоров. Девятнадцатилетний слесарь Юрий Чернышев, известный в городе хулиган и старый враг милиции,[680] во время выступления Гаркавого пренебрежительно швырнул в него редькой (момент, явно снизивший патетику выступления председателя горисполкома). Некоторые намеки на критику режима в целом («недовольство существующим порядком», «недовольство Советской властью») встречались в высказываниях Ляхова. Именно ему принадлежит одна из самых осмысленных фраз, произнесенных участниками погрома: «Грабители, давайте молока, бить вас надо, убивать, они грабят людей».[681] Выше этого «давайте молока» «программа» бунтовщиков не поднялась. Это, впрочем, совсем не значит, что у 500 человек, участвовавших в погроме, не было других причин для бунта, кроме мести милиции. Конечно, были! Но коллективное подсознание так и не вывело это глухое недовольство и тайный ропот на уровень сколько-нибудь осмысленного протеста. Толпа металась в тупиках матерной ругани и злобных оскорблений.

Попытки властей уговорить погромщиков закончились полной неудачей. Они были заблокированы активной работой социально-психологических механизмов, создавших полное отчуждение между двумя группами «актеров», жестко проведенной зачинщиками границей между «нами» и «ими». Не случайно некоторые «активисты» погрома, подобно сорокапятилетнему Петру Лукьянову (имел в прошлом две судимости — за кражу и за нанесение телесных повреждений[682]), буквально вбивали в сознание толпы мысль о «гадах» и «фашистах», враждебных «народу».

Видя полную бессмысленность дальнейших уговоров и переговоров, представители власти вызвали на подмогу солдат. Но до спасительного прибытия военных жизнь участкового уполномоченного Зосима висела на волоске. Сами же уговоры и «дискуссии» разворачивались на фоне выстрелов, крови и жестокого насилия.

«Выходи из машины и отдай свою душу народу»

Толпа долго не могла добраться до своей жертвы — участкового уполномоченного Зосима, который из последних сил отбивался он нападавших хулиганов, угрожая им оружием. В какой-то момент погромщики почувствовали даже некоторую неуверенность. Но тут в события вмешался еще один новоявленный лидер — шофер Михаил Панькин (1924 г. рождения, неоднократно арестовывался за мелкое хулиганство[683]). В день волнений Панькин появился на базарной площади Навеселе, как раз в тот момент, когда представители властей уговаривали толпу разойтись. По свидетельствам очевидцев, именно после его вмешательства в ход событий бунтовщики снова двинулись к машине.[684] По рассказу Лейзерзона, Зосим попросил Панькина о помощи. Михаил ответил: «Сейчас помогу». А сам заскочил в машину, схватил одной рукой Зосима за руку, а другой рукой за горло. Зосим упал. Когда Панькин попытался вырвать из рук милиционера пистолет, произошел выстрел.[685]

С захваченным пистолетом Михаил вылез из машины. На счастье, начальник милиции Овчинников тут же вырвал у него оружие. Сам Панькин впоследствии утверждал, что отдал пистолет добровольно, но большинство свидетелей этого не подтвердили. А выстрелов было в действительности два. Первым был легко ранен Панькин, а вторым — З. Соколов, забравшийся вслед за Панькиным в машину. Соколов в результате ранения умер в больнице не приходя в сознание.

Толпа окончательно озверела. Ей, наконец, удалось вытащить Зосима и Лейзерзона из машины. Назревал кровавый самосуд. В этот момент на рынке появились солдаты. Они вместе с милиционерами сумели отбить Зосима у толпы, при этом многие хулиганы отчаянно сопротивлялись, а Юрий Чернышев ударил одного из милиционеров ногой в пах. Избитого Зосима перенесли в санитарную машину. Вывести пострадавшего с места событий сразу не удалось. В дело снова вмешался Лисин. Он не только не давал «скорой помощи» уехать, но сумел забраться на нее, долбил костылем. Из машины вытащили медиков, а затем выбросили на землю Зосима.[686] Под призыв Лисина: «Топчи!», — истерзанного Зосима зверски избили. Бил и сам Лисин. Его лицо, одежда, ботинок были вымазаны кровью жертвы. Остановить это истерическое убийство не могли даже солдаты. (Они сумели спасти от избиения только Лейзерзона, который, судя по всему, оказался в другой «скорой помощи» вместе с Панькиным; тот, не переставая, ругался.)[687] Наконец, Лисин решил, что Зосим мертв. Он дал команду: «Ну, теперь хватит, уже готов».[688]

Толпа расступилась. Она добилась своего. Через пять часов после начала конфликта погром был прекращен совместными усилиями милиции и военных.[689]

Следствие и суд

Результаты расследования дела о массовых беспорядках в Бийске, а точнее, очередной открытый показательный суд, (такие суды начали входить в моду в Начале 1960-х гг., приходя на смену «полутайному» правосудию эпохи раннего Хрущева), был призван продемонстрировать «отщепенство» и «звериный облик» врагов режима и произвести отрезвляющее впечатление на потенциальных бунтовщиков. В принципе, этот путь «воспитания народа» на «отрицательных примерах» очень скоро обнаружил свою неэффективность.

Специфика подавления беспорядков, волнений и бунтов в 1940–1950-х гг. — молчание властей, сопровождавшее обычно жестокую расправу. Никто не должен был знать о происшедших событиях, а попытки распространения слухов жестоко пресекались. Учитывая масштабы страны, простое «замалчивание» событий было достаточно эффективным средством локализации конфликта. Информация просачивалась с трудом. И партийная верхушка всегда имела достаточный запас времени для «принятия мер». В большинстве случаев сигнал о конфликте просто не успевал дойти до заинтересованных конфликтных групп и предрасположенных к беспорядку районов. «Население» могло противопоставить государственной машине контроля за информацией только слухи. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. радиофикация страны сделала доступным и другой источник информации — западные радиостанции, вещавшие на Советский Союз. Но и они могли пользоваться только слухами. Даже если бы западные «голоса» попытались обострить ситуацию, нажимая на педаль «народного восстания», — эффективная система глушения передач, так же как и слабая их доступность (прежде всего для тех, кто был готов к конфликтам), неизбежно отрезали бы сообщения о «вдохновляющих примерах» от тех, кто этими примерами мог и хотел воспользоваться. К тому времени, когда доступность приема западных радиостанций существенно выросла, изменилась социальная и политическая ситуация в стране — Возник «симбиоз» населения и власти, а предрасположенность к конфликтам дошла до предельно низкой отметки.

Новая хрущевская практика публичных процессов над участниками беспорядков в какой-то мере могла

вдохновляться новой пропагандистской и контрпропагандистской ситуацией в стране, а также слабыми надеждами на «воспитательный» и устрашающий эффект подобных процессов. Но эта палка была о двух концах. Знание, что ты не одинок в своей ненависти к власти, могло подействовать на множество обиженных как социальный допинг, а не политический транквилизатор. Открытые судебные процессы не только лишний раз доказывали законопослушным гражданам, что с властями лучше не связываться — эта многочисленная категория людей и не собиралась заниматься с режимом перетягиванием каната, но и внушали потенциальной оппозиции мысль о возможности более существенной социальной поддержки, чем это казалось на первый взгляд. Гласность и открытость в принципе были противопоказаны режиму, который в этом случае не имел никаких идеологических козырей, кроме фальшивого «всенародного возмущения» номенклатурных «рабочих-передовиков». По законам социальной психологии открытые судебные процессы над участниками беспорядков могли придать действиям бунтовщиков и погромщиков более серьезный политический смысл, чем тот, который они на самом деле имели.

Как бы то ни было, в 1961 г. власти еще продолжали свои пропагандистские эксперименты. При этом подготовка и проведение процессов шли, фактически, по старым идеологическим и политическим рецептам, судебные приговоры по таким делам о массовых беспорядках во многом предопределялись в высоких партийных кабинетах, а совсем не в залах суда. Власть каждый раз демонстрировала, что она может быть угрожающе опасной и жестокой, но совсем не справедливой.

В начале сентября состоялся первый процесс по бийскому делу. Следствие стремилось в ударные сроки выполнить пожелание высшего начальства. Для этого дело разделили на две группы и сосредоточились на пожарной подготовке первого показательного процесса. Судили 7 человек (Трубниковых, Панькина, Ченцова, Лукьянова, Филатова и Охотникова). Судя по некоторым невыясненным вопросам (например, о судьбе денег Трубниковых), следствие, готовя обвинение, скорее всего «рубил концы» и в спешке не очень заботилось о качестве расследования. Процесс продолжался три дня — с 5 по 7 сентября. Он проходил в клубе на 300 мест, на улицу выставили репродуктор.[690] Спустя месяц (3–6 октября) состоялся суд над второй группой обвиняемых — Лисиным, Кукоевым, Мельниковым, Косых, Ляховым и Чернышевым.

Три зачинщика беспорядков были приговорены к смертной казни (впоследствии мера наказания снижена), остальные к очень длительным срокам заключения (в основном от 12 до 15 лет лишения свободы). Местные начальники, должностные нарушения и упущения которых создали в Бийске обстановку, благоприятную для возникновения массовых беспорядков, отделались легким испугом. В большинстве случаев дело ограничилось партийными выговорами. И только один человек — заместитель начальника городского отдела милиции — был снят с работы «за проявленную нерешительность в ликвидации беспорядков и за необеспечение борьбы с нарушителями порядка».[691]

Глава 13

Феномен Новочеркаска

Социальный и политический контекст волнений в Новочеркасске

«Коммунистическая» версия событий в Новочеркасске, самого значительного и известного стихийного народного выступления против власти в послевоенной истории СССР, проста и неубедительна: «хулиганствующие» и уголовные элементы, тайные и явные антисоветчики, пьяницы и маргиналы с помощью провокаций, угроз и принуждения сбили с правильного пути толпу несознательных рабочих и, несмотря на усилия «сознательных» — коммунистов, комсомольцев, дружинников и «передовиков», повели ее за собой против Советской власти. Эта безотказная схема, отработанная еще в первые годы режима для объяснения «необъяснимых» с точки зрения большевистских идеологических мифов выступлений народа против «своей» власти, в 1960-е гг. уже не казалась достаточно убедительной и идеологически эффективной даже самой коммунистической верхушке.

Размах событий был таким, что узнай о них (даже в официальной интерпретации) население всей страны, возмущенное обидным повышением цен 1962 г., и феномен Новочеркаска вполне мог превратиться в новочеркасский синдром. Известия о таких крупных волнениях обычно избавляют народ от ощущения

бесперспективности любого выступления против режима (все равно, мол, никто не поддержит, вокруг кишат осведомители КГБ, которые тут же донесут и т. п.) и, будучи преданы гласности, способны стать вдохновляющим примером для недовольных. А если таких недовольных — целая страна (кому же нравится, когда зарплата снижается, а цены растут), то тогда предпочтительнее пренебречь возможным устрашающим эффектом от жестокого судилища над «зачинщиками» и сохранить события в тайне, сделав их как бы и «небывшими». Поэтому, несмотря на открытые показательные процессы над участниками волнений в Новочеркасске, информацию о событиях за пределы города постарались не выпускать, а городских жителей запугали настолько, что они вообще боялись откровенно обсуждать итоги судебной расправы над зачинщиками, опасаясь к тому же, что и сами «засветились» во время волнений. Все знали, что толпу фотографировали переодетые сотрудники КГБ и милиции (одного из них в первый день волнений рабочие расшифровали и избили).

В конечном счете, коммунистические правители в своем внутреннем «семейном» кругу удовлетворились довольно бесхитростной версией своей идеологической и юридической «обслуги», а для «внешнего употребления» предпочли ограничиться привычным молчанием. «Вожди» были не без основания уверены: чем дольше о событиях, подобных новочеркасским, ничего внятного население не узнает, тем дольше прослужит великий советский миф о «нерушимом единстве партии и народа». Одним словом, беспорядки в Новочеркасске, в отличие, например, от Кронштадтского мятежа или антоновщины, в советские учебники истории не попали. Лидеры страны подсознательно чувствовали, что расстрел безоружной толпы, требовавшей от Советской власти, как от какого-нибудь дореволюционного заводчика, хлеба и нормальной зарплаты, совсем не сулил им лавров великих политиков и борцов за дело рабочего класса.

Волнения в южнорусском городе уже давно превратились в символ народного сопротивления коммунистическому режиму, в своеобразный иероглиф «Новочеркасска», вызывающий в современной России целый комплекс негативных политических эмоций и переживаний по поводу прошлого. А ведь все, что в течение трех летних дней происходило в Новочеркасске, не было чем-то исключительным и уникальным. Нам известны случаи стихийных стачек и забастовок, политических антиправительственных демонстраций под красными флагами и даже с пением революционных песен, не говоря уже о погромах отделений милиции или горкомов КПСС, символических действиях (тревожные гудки, «осквернения» портретов вождей) или насилии по отношению к представителям власти и здравомыслящим обывателям. Не было чем-то особенным и политическое «сопровождение» беспорядков листовками, лозунгами и высказываниями «антисоветского характера». Даже по своей массовости и размаху волнения в Новочеркасске, хотя и выделялись из ряда остальных городских волнений в Европейской России, но явно уступали, например, волнениям в Грузии в 1956 г. Символика Новочеркасска определяется даже не беспрецедентной жестокостью властей. И до Новочеркасска при подавлении волнений было немало стрельбы, крови и злобного «правосудия» по отношению к зачинщикам. Суть дела здесь и не в непосредственной направленности и содержании протеста, даже не в составе участников (в основном, рабочие) или более осмысленных и организованных (по сравнению с другими волнениями) действиях жителей Новочеркасска.

Два обстоятельства делают волнения в этом южном городе исключительными. Во-первых, волнения разворачивались на фоне массового недовольства политикой власти в целом по стране, а не были, как обычно, привязаны к исключительной ситуации в одном отдельно взятом городе или поселке. Это, действительно, высшая точка народного недовольства, спровоцированная решениями высшей власти и локализованная не столько географически (ведь призывы к забастовкам и бунтам раздались одновременно по всей стране[692]), сколько во времени (начало июня, сразу после публикации Обращения ЦК КПСС о повышении цен). Во-вторых, впервые (такого не было ни до, ни после!) в организации подавления беспорядков принимали, непосредственное участие высшие партийные иерархи (члены Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян и Ф. Р. Козлов), тем самым и ответственность за расстрел легла непосредственно на высшее руководство страны, а не на местные власти, военных, КГБ или милицию. Режим «подставился».

Чтобы вполне понять истерическую реакцию властей на события в Новочеркасске, нужно ясно представлять себе то негативное информационное поле, в котором оказались высшие руководители после объявления о повышении цен. Сообщения об антиправительственных листовках и высказываниях, оскорблениях в адрес лично Хрущева, призывах к бунтам и забастовкам в начале июня 1962 г. приходили отовсюду. Власти испугались политических последствий собственного решения, а в фокусе их внимания в этот критический момент оказался именно Новочеркасск — место наивысшего накала страстей.

Партийные руководители и КГБ отгоняли от себя как наваждение тревожные мысли о стратегическом или тактическом просчете, о правильности своей социально-экономической политики, о кризисе доверия власти, о том, что продовольственные трудности и дороговизна — классический повод не только для забастовок и бунтов, но даже для революций. Для того, чтобы оценить это, достаточно было помнить если не свой

собственный революционный опыт, то хотя бы школьный курс истории. Ничего из этих неизбежных размышлений партийной и государственной верхушки о себе и собственном будущем в документы не попало и попасть не могло. Подобное противоречило бы партийному этикету. Зато в ситуативном анализе новочеркасских событий руководство страны, а особенно полицейский аппарат, были достаточно убедительны.

В информации заместителя председателя КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС о массовых беспорядках в г. Новочеркасске от 7 июня 1962 г., отмечалось, что на Новочеркасском электровозостроительном заводе им. Буденного, где как раз и начались волнения, «уже имели место факты, когда некоторые рабочие кузово-сборочного цеха приходили на завод, но в течение трех дней не приступали к работе, требуя от дирекции улучшения условий труда». Другими словами, опыт забастовок у новочеркасских рабочих был. Причин для недовольства и даже негодования тоже было более чем достаточно. В начале 1962 г. администрацией завода пересматривались нормы выработки, «в результате чего у некоторой категории рабочих понизилась заработная плата до 30 процентов». Важным обстоятельством, способствовавшим разжиганию конфликта, была личность директора электровозостроительного завода Б. Н. Курочкина, вызывавшего особую неприязнь рабочих.[693]

Пройдясь по верхам событий, КГБ не стал углубляться в детали и подробности. А они существенны для того, чтобы понять особую предрасположенность именно рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода им. Буденного (НЭВЗ) к крайним формам протеста. На эти дополнительные «возмущающие» факторы уже в наше время обратила внимание И. Мардарь. НЭВЗ, будучи формально передовым и преуспевающим заводом, реально был одним из самых технически отсталых в городе. На нем, особенно в горячих цехах, преобладал тяжелый физический труд, бытовые условия были неудовлетворительны (недостаток бытовок, перебои в подаче воды и т. п.). Зарплата у большинства — низкая. В результате — текучесть кадров и готовность администрации принимать на работу всех без разбора, в том числе и тех, кого никуда больше не брали — освободившихся из заключения уголовников. По сообщению И. Мардарь, со ссылкой на ветеранов завода, среди рабочих попадались и люди непосредственно обиженные властью — бывшие раскулаченные и «расказаченные».[694]

На повышенную концентрацию в городе бывших заключенных обращали внимание и правительственные органы. Но на мой взгляд, значение криминальной составляющей не следует преувеличивать. Среди осужденных «зачинщиков» очень мало людей с серьезным уголовным прошлым, а хулиганов, мелких несунув в это время в стране насчитывались миллионы и подобные «народные» преступления были свойственны скорее привычному образу жизни народа, чем уголовному миру. Да и чисто статистически количество проживавших в городе бывших преступников (официально на 1 июля их числилось 1586 человек[695]) при том, что только на НЭВЗ работало 12 тыс. человек, а в Новочеркасске было еще несколько крупных заводов, явно не впечатляет. «Город преступников», выступивший против власти в духе бакунинского революционного бунтарства, может быть, и мог стать красивым мифом, но имеет мало общего с реальностью. Другое дело, что повышенная концентрация бывших уголовников в конкретном месте и в конкретное время (сталелитейный цех, первая смена) отчасти способствовала более острой форме конфликта на первой его стадии.

Гораздо важнее то, что в городе был продовольственный кризис. Мяса в магазинах не хватало, за картошкой на рынке занимали очередь в час ночи. Ели даже жареную картофельную шелуху. Когда в начале мая рабочим НЭВЗ в очередной раз снизили расценки и увеличили нормы выработки,[696] жить, особенно семейным, а их оказалось много среди «зачинщиков», стало совсем невозможно. Тут и без повышений цен продержаться от зарплаты до зарплаты было трудно. А 31 мая, несмотря на ожидавшееся на следующий день повышение цен, о чем дирекция знала, в сталелитейном цехе электровозостроительного завода было проведено очередное снижение расценок на производимую продукцию.[697] Ничего более глупого в то время сделать было нельзя. В цепи случайностей, приведших рабочих и власть к трагедии массового расстрела, появилось первое звено. И это только после кажется, что каждой из этих случайностей в отдельности можно было бы избежать, окажись начальники поумнее, а рабочие потерпеливее.

День тревожных гудков (1 июня 1962 г.)

В скверике перед сталелитейным цехом (7.30–11.00).

Рано утром 1 июня 1962 г. население СССР узнало о повышении закупочных и розничных цен на мясные продукты и мясо. Понятно, что особой радости по этому поводу никто не высказал, хотя законопослушная и

осторожная часть населения страны все-таки попыталась примириться с новой неприятной реальностью: может быть, снизятся цены на рынках, а мясных продуктов в государственных магазинах станет больше. В обыденных разговорах 1 июня 1962 г. доминировали «обывательские суждения». Так КГБ оценило обычные для того времени эгалитаристские мотивы («следовало бы сохранить цены и снизить зарплату высокооплачиваемым лицам») и полное равнодушие «маленького человека» к всемирной миссии мирового коммунизма («отказаться от помощи слаборазвитым, социалистическим странам»).[698] Большинство справедливо считало: возникли проблемы, пусть правительство их решает, но не за наш же счет! Не может? Значит, правительство плохое!

По всей вероятности, примерно так шло обсуждение Обращения ЦК КПСС и Совета Министров СССР и среди тех 8–40 рабочих сталелитейного цеха Новочеркасского электровозостроительного завода, которые собрались в цехе в половине восьмого утра 1 июня 1962 г. Если учесть, что этим рабочим буквально накануне снизили расценки, то можно предположить, что высказывались они, пожалуй, и покруче, чем КГБ считал возможным сообщить в ЦК КПСС. К этой группе, бросившей работу, стали подходить другие. Собралось уже 20–25 человек. Начальника цеха, призывавшего вернуться к работе, послали куда подальше, а сами продолжили дискуссии в заводском сквере.[699]

Известие о волынке дошло до директора. Он отправился к бузотерам, однако успеха не добился. Узнав о появлении Курочкина, в сквер потянулись другие рабочие. Толпа росла на глазах. Люди в резкой форме высказывали свои претензии. В ответ Курочкин еще больше обозлил рабочих: «Если не хватает денег на мясо и колбасу, ешьте пирожки с ливером».[700] Эта воистину крылатая фраза возмутила весь завод. Уж слишком много чиновного «толстопузого» высокомерия и презрения скрывалось за цинизмом директора.

В конце концов, Курочкин вырвался из возмущенной толпы и вернулся в заводоуправление. К 11 часам утра (время перерыва у первой смены) в сквере собралась толпа уже в 300–500 человек. Она двинулась к площади заводоуправления, требуя директора. Возмущение искало выхода. Криками и матом снять возникшее напряжение было уже нельзя. Спонтанно у разных людей родилась мысль о придании своему протесту некоторой упорядоченности, и даже о его идеологическом и организационном оформлении. Формовщик Удовкин забежал в цех и на листе бумаги написал некий «подстрекательский лозунг». Кто-то из находившихся рядом коммунистов попытался отобрать крамольный призыв. Удовкин испугался, а свое творение порвал и сжег.[701]

На компрессорной станции (между 11.00 и 12 часами дня).

Зачинщика беспорядков из формовщика Удовкина не получилось — он вовремя спохватился. На роль сиюминутных лидеров в первые часы назревавшей забастовки выдвинулись другие люди, более решительные и смелые. В толпе, начавшей собираться около заводоуправления, оказалось несколько потенциальных «зачинщиков», «потянувших» за собой возбужденных и возмущенных рабочих. От толпы отделились несколько человек, которые решили подать тревожный заводской гудок. Мотивы своих действий они объясняли просто и бесхитростно: когда узнал о Повышении цен, «то решил каким-то образом выразить свое неудовольствие администрации».[702] Выразить протест и возмущение — никакой другой «программы» у рабочих поначалу не было, да и быть не могло.

В центре событий, в роли их психологического «мотора» случайно оказался 24-летний Вячеслав Черных. Этого молодого и довольно образованного человека (закончил 9 классов), сына шахтера, умершего в 1958 г., слесаря кузнечного цеха, вряд ли можно отнести к числу обиженных властью маргиналов и пауперов, не было у него и уголовного прошлого. «Я мечтал и стремился быть советским человеком».[703] — говорил о себе сам Черных. Он романтически относился к идеологическим мифам советского времени. После окончания 7 классов собирался поехать на целину по комсомольской путевке. После демобилизации из армии Вячеслав приехал работать в Новочеркасск. В августе 1961 г. женился. Вместе с женой снимал небольшую комнату, помогал из своей зарплаты матери — она в это время перестраивала дом. Жили молодые тяжело, очередь на квартиру была длинной и долгой, но они относились ко всем трудностям оптимистически. Во время беспорядков жена Черных была на сносях. После ареста он больше всего переживал за нее, беспокоился о ее здоровье, ждал рождения ребенка.[704]

В водоворот событий Черныха бросили, скорее всего, спонтанный протест против несправедливости власти, а также хорошо усвоенная по советским фильмам модель поведения революционных рабочих во время стачек и забастовок (тревожные гудки, лозунги и плакаты), воодушевляющие образцы коллективных действий рабочих, созданные советской пропагандой и художественной культурой. А кроме того, были еще и выводы из собственной трудной жизни: «Чтобы купить мяса, масла, мясных продуктов, нужно было ехать в другие города — г. Шахты, Ростов. Конечно, невольно напрашивался вопрос, почему так плохо снабжают

город. Вывод один. Нет внимания на нужды трудящихся со стороны местных органов руководства (впоследствии об этом указывали в печати). Когда произошли события, не понял их смысла и последствий, под влиянием всей обстановки совершил ошибку».[705]

«Ошибка» Вячеслава заключалась в том, что он «с группой лиц в количестве около 15 человек... пришел в компрессорную станцию» и включил заводской гудок на полную мощность. Работники компрессорной станции попытались помешать забастовщикам. Возник конфликт со «здравомыслящими». Этот конфликт будет в разных вариациях повторяться в ходе новочеркасских событий. Рабочая масса не была единой, хотя повышение цен и снижение расценок в той или иной форме заделали всех. Одни рабочие «тащили» забастовку на себе, придавая ей динамику и наступательность, другие, осторожные и лояльные по отношению к власти, пытались их остановить и вразумить. Толпа собравшихся рабочих выступала в качестве арены борьбы между агрессивными критиками власти и теми, кто в нее, эту власть, еще верил или боялся с ней связываться.

Столкновение различных моделей поведения в стрессовой ситуации постоянно меняло физиономию толпы и облик событий, которые определялись, грубо говоря, тем, кто кого перекричит. При этом от «умеренных» иногда требовалось большое мужество, чтобы противостоять разрушительному натиску «хулиганов-экстремистов». Парадокс заключался в том, что даже несогласные с «экстремистами», ставшими как бы «коллективной глоткой» новочеркасских рабочих, своим присутствием на площади уже создавали «критическую массу» коллективного психоза.

Вячеслав Черных, сыгравший столь важную роль в развертывании протеста (тревожный гудок в неурочное время привлек рабочих других цехов, жителей окрестных поселков на место событий), был еще и инициатором написания лозунга «Мяса, молока, повышения зарплаты».[706] (По некоторым источникам, лозунг содержал также и требование квартир.[707]) Написать лозунг, вывешенный позднее на высокой стальной опоре, видный издали и ставший, по сути дела, лейтмотивом рабочего протеста, помог Черныху 23-летний художник литейного цеха В. Коротеев. Этот молодой человек, в отличие от Черных, имел уголовное прошлое (судимости за квартирную кражу и хулиганство)[708] и у него было больше оснований ненавидеть власть. Однако, на деле Коротеев просто поддался напору более активного человека.[709]

Приблизительно в 11.30 большая толпа людей подошла к заводууправлению, прорвалась через проходную и вышла на заводскую площадь. В это время на заводе находились секретари горкома КПСС, парткома завода, сотрудники УКГБ. Однако, по свидетельствам, собранным И. Мардарь, они в это время фактически бездействовали, либо их деятельность была полностью парализована.[710] Вообще же первые сообщения о «бузе» на электровозостроительном заводе поступили, например, в милицию около 10 часов утра. А в 11 часов армия, милиция и КГБ уже были подняты по тревоге,[711] но активных действий долгое время не предпринимали.

На площади у заводууправления поначалу собралась толпа в 300–500 человек. Группами они возбужденно обсуждали новые цены и сниженные расценки. Поползли слухи, фактически представлявшие собой программу ближайших действий: забастовали де рабочие Сельмаша, они остановили пассажирский поезд, разобрали рельсы и т. п.[712] Подобные сообщения всегда действуют воодушевляюще на участников волнений: во-первых, мы не одиноки, во-вторых, не нам одним, в случае чего, отвечать. В конечном счете, «программа» была выполнена — пассажирский поезд действительно остановили. А пока толпа ритмически скандировала свой главный лозунг: «Мяса, масла, повышения зарплаты».[713] Кто-то свистел, кто-то выкрикивал оскорбления в адрес директора завода.

Остановка пассажирского поезда. Стихийный митинг у железной дороги (12.00–16.00).

Здание заводууправления Новочеркасского электровозостроительного завода, где к 12 часам дня собралась уже большая толпа, находилось в 100 метрах от железнодорожного полотна.[714] Так что не только идея остановки поезда носилась в воздухе, но и железная дорога, что более существенно, была, как говорится, под рукой. Около пешеходного туннеля под железной дорогой собралось много народа. Кричали: «Нужно остановить поезд». На столбы залезли мальчишки и громко свистели.[715] Именно в это время, по рассказу одного из свидетелей, появился на опоре щит с лозунгом о мясе, масле и повышении зарплаты.[716]

На железнодорожных путях началось сооружение баррикады из разломанного штaketника. Вскоре появился поезд. Толпа устремилась ему навстречу.[717] Впереди бежала двадцатилетняя комсомолка Г. Полунина. Увлекая за собой толпу, она подхватила чей-то упавший на землю красный платок и привязала его к палке.[718] В конце концов, красная косынка, превратившаяся в развевающийся флаг, оказалась на заграждении из штaketника, сложенного на путях.

Не доезжая до препятствия, пассажирский поезд Саратов — Ростов остановился. Движение было прервано. Толпа полезла на паровоз. Среди тех, кто в это время обратил на себя внимание, оказались все та же Полунина и слесарь Ф. Ф. Захаров, 21 года от роду, холостой, несудимый студент-заочник 1 курса Новочеркасского политехнического института. (Кто начал подавать тревожные гудки с паровоза, так до конца и не ясно, но следствие и суд обвинили в этом именно Захарова.) Оба молодых романтика в конце концов быстро одумались и поспешили удалиться с места волнений. Захаров больше ни в каких эпизодах беспорядков замечен не был, Полунину еще раз видели вечером того же дня на железнодорожных путях.[719]

На тревожные гудки паровоза стали собираться любопытные — рабочие из других цехов, люди из близлежащего поселка. Толпа росла. По сведениям прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Ю. Шубина, она вскоре превысила четыре тысячи человек.[720] Среди собравшихся появились невесты откуда взявшиеся пьяные (с утра!). Среди них время от времени вспыхивали драки и столкновения. В итоге, после того, как юные романтики Захаров и Полунина помогли остановить поезд и снова растворились в толпе, на авансцену событий выдвинулись люди совсем иного психологического типа, возраста и образа жизни — вовсе не студенты-заочники.

Своей повышенной активностью обратили на себя внимание свидетелей два человека: 34-летний газорезчик НЭВЗ В. А. Уханов, с семиклассным образованием, осужденный в 1947 г. по «закону о колосках» (10 лет), и 46-летний стропальщик Ф. В. Фетисов, с семиклассным образованием, также имевший судимость (1949 г., 2 года лишения свободы). Не очень внятные, но эмоциональные «выступления» этих обиженных властью людей запомнились многим, хотя Уханов впоследствии упорно писал в жалобах: «Я никаких выкриков там не делал».[721]

Виктор Уханов был человеком с подмоченной репутацией. На работе к нему особых претензий не было, «характеризовался положительно».[722] Но по собственному признанию Виктора, после развода с женой он начал сильно пить, вел себя «очень глупо и бесшабашно». Утром 1 июня Уханов должен был идти на работу, но после вчерашней выпивки проспал и решил опохмелиться. У буфета он встретил своего собутыльника и выпил с ним по кружке пива. За выпивкой речь, конечно же, зашла о повышении цен и несправедливости властей. Тут-то приятели услышали гудок и решили посмотреть, что происходит. На путях стоял остановленный поезд, а навстречу шли трое мужчин и кричали: «Правильно поступили люди, с партией нужно все порвать».

Не совсем ясно, но не исключено, что «товарищем, с кем выпивали», был не кто иной, как Фетисов. Он 1 июня собрался ехать к матери, но не поехал, так как встретил товарищей и «запьянствовал».[723] Фетисов, по утверждению следствия и суда, «взобрался на переднюю площадку паровоза остановленного пассажирского поезда и вместе с осужденным Ухановым неоднократно обращался к толпе с провокационной речью». Оба были сильно пьяными и, как сказал впоследствии Уханов, «что мы говорили народу, я не помню».[724] Но в общем-то Уханов и Фетисов могли повторять то, что в это время говорили все вокруг: «Нас поддержат Ростов, Шахты, Таганрог, все бастуют», «повысились цены на мясо, масло, молоко» и т. п. Примерно через полчаса после этого Уханов подошел к своему знакомому и горько сказал: «Меня могут расстрелять».[725] Фетисов никаких особенных «программных» заявлений не делал, но на вопрос из толпы: «Куда ты залез, старый?», — патетически ответил: «Я добиваюсь своих прав».[726] Однако, добиваясь «своих прав», Фетисов сумел отключить тормозную систему остановленного поезда, что создало серьезную опасность для окружающих.

У остановленного поезда развернулся стихийный митинг. На тепловозе кто-то мелом написал «Хрущева на мясо».[727] В душных вагонах, без воды, оставались недоумевающие пассажиры. Хулиганы из толпы били в вагонах стекла. По некоторым данным, тех, «кто высказывался против начавшихся беспорядков, отталкивали в сторону и избивали». Пытавшегося пробраться на паровоз для прекращения гудков, главного инженера завода Елкина тоже избили. Начались «отдельные драки между пьяными, разбрасывались бутылки, толпа шарахалась из стороны в сторону».[728]

Мужественное поведение главного инженера завода Н. С. Елкина в ходе волнений высоко оценил в своих недавних воспоминаниях один из активных участников событий П. П. Сиуда. В 1962 г. ему было 25 лет и работал он слесарем-сборщиком на электровозостроительном заводе. Описывая бездействие «начальства» на первом этапе беспорядков, Сиуда отметил, что Елкин никаких обещаний и заверений не давал, но упорно уговаривал рабочих прекратить волнения и приступить к работе.[729] По воспоминаниям П. Сиуды, никто главного инженера не избивал, хотя на суде сам Сиуда показал, «что придя на электровозостроительный завод, он увидел, как рабочие били главного инженера Елкина и в числе других потребовал прекратить избиение».[730]

Остановка поезда, тревожные гудки паровоза, крики, стихийные выступления взбудоражили завод и

окрестные поселки. В водоворот волнений вливались рабочие второй смены, которая в конце концов тоже прекратила работу. Появились новые «зачинщики». 26-летний токарь В. И. Щербаков «1 июня 1962 г., явившись на работу в крепежный цех Новочеркасского электровозостроительного завода во вторую смену, к работе не приступил, выпил водки и учинил в цехе подстрекательские к беспорядкам надписи». Надписи эти были хотя и маловразумительны, но политически остры: «Коля, это начало, жди конец. Победа будет за нами» (на дверях кабинета начальника); «Привет большевикам, продавшим Россию» (на стене в коридоре).[731]

Известия о начавшейся забастовке поползли по близлежащим заводам. Осужденный за участие в беспорядках С. Е. Ефремов (1936 г. рождения, член КПСС с 1959 г., ранее не судимый, женатый, отец двоих малолетних детей, токарь НЭВЗ) рассказал, что после обеда, когда все уже бросили работу, он отправился домой. По дороге решил заглянуть на старое место работы — в инструментальный цех завода им. Никольского, «четырем рабочим рассказал о событиях на электровозостроительном заводе и с иронией заметил, что они несознательные, работают и не поддерживают рабочих электровозостроительного завода. Постояв в цехе минут 5–7, он ушел домой, а рабочие продолжали работать».[732] Ефремова запомнили, поэтому он и получил за свои достаточно невинные разговоры жестокий приговор. Десятки людей, разнесшие по всему городу весть о забастовке на НЭВЗ, к счастью для себя, остались неузнанными. Но можно не сомневаться, что «оскорбительных отзывов» и призывов присоединиться к мятежному НЭВЗ прозвучало в тот день немало по всему Новочеркаску.

У остановленного поезда в ход событий вмешалось несколько весьма колоритных личностей, тут же и исчезнувших из поля зрения свидетелей. Предварительное следствие обратило особое внимание на 48-летнего грузчика Ефима Сильченкова. Жизнь этого человека сложилась неудачно. Он имел четыре судимости и с 1933 по 1953 г. (с перерывом на войну, которую он от начала до конца провел в армии) сидел в тюрьмах и Лагерях. «Я родился в бедной крестьянской семье Смоленской области, — рассказывал о своих злоключениях Ефим Федорович, — окончил сельскую школу (3 класса. — В. К). В 1933 г. голод выбросил меня из деревни в город, где я в поисках работы и куска хлеба был забран органами ОГПУ (обут в лапти) и назначен заочно срок 3 года... По окончании срока, ровно через 11 дней, только я успел приехать на место назначения, я также был забран и был осужден заочно... срок 5 лет. В 1941 г. 30-го июня по окончании срока меня забрали на фронт... был четыре раза ранен и имел награды. Демобилизовался в звании старшины. После демобилизации... не имея опоры, куда мог бы преклонить голову и не имея достаточно собственной силы, [чувствуя] радость за Победу и горе за одиночество, я по новой стал выпивать с кем попало в публичных местах. Оконцовка опять тюрьма. 2 года. 48 г. — 10 лет и до 1953 г. Когда я был освобожден по амнистии со снятием судимостей в возрасте 38 лет, я вышел за ворота, дал клятву, что больше не быть там. Поступил на работу на электровозостроительный завод, где освоил специальность столяра, завел семью, женился. Получил хорошую квартиру, жена работала в буфете на том же заводе. Я радовался жизнью и отдыхал на том же заводе после прошлого, залечивая как душевные, так и фронтовые раны в доме отдыха или в санатории. И располагал на трудовую пенсию. Но Ростовский суд повернул обратно».[733]

По своим психологическим данным Сильченков никак не «тянул» на роль зачинщика. Ефима Федоровича затащило в воронку беспорядков волею случая и обстоятельств. Сам он, рассказывая о событиях на заводе им. Буденного, подчеркнуто отмежевывался от «отъявленных», хулиганов, действующих «произвольно, не признавая разума».[734] а о себе говорил, что «стал жертвой в толпе общественной неводержанности».[735] На беду Сильченкова в «толпе общественной неводержанности» его многие видели.[736] а четыре судимости делали из него идеального «козла отпущения» для предвзятых следствия и суда.

Ефима Федоровича обвинили в том, что перед толпой он «поставил на голосование» вопрос о пропуске поезда.[737] По рассказу самого Сильченкова, дело обстояло так. Сначала на требование какого-то неизвестного сойти с насыпи он ответил: «Почему я должен сойти, я такой, как и ты. Я тоже Родину защищал, а поэтому мне близки ее интересы», — и поделился услышанным: якобы на станции Хатунок разобран путь железной дороги: «Как бы не было плохих последствий». Но тут Ефим Федорович увидел знакомых коммунистов с завода, которые пытались пропустить поезд. «Для меня стало ясно, — рассказывал впоследствии Сильченков, — что для них больше известно, разобран путь или нет. И я крикнул в толпу: „Товарищи, пропустим поезд!“ Послышались голоса: „Пропустить!“ И паровоз дал гудок отправления, а я пошел домой с товарищем по работе...»[738]

Активно вмешалась в ход событий у остановленного поезда 38-летняя уборщица НЭВЗ М. А. Залетина. Эта женщина с четырехклассным образованием, замужняя, мать троих детей (один из которых, очевидно, из-за крайней бедности, содержался в детском доме) выкрикивала в толпу у поезда свои обиды: «получает 30 руб., у меня двое детей, и их нечем кормить, а муж погиб». Все свое возмущение несправедливостью жизни Залетина в момент беспорядков обратила на коммунистов: «Толстопузые, бить коммунистов».[739] Еще одним «зачинщиком» беспорядков на железной дороге был объявлен отец троих детей, 35-летний слесарь-наладчик

НЭВЗ И. Д. Иванов. Очевидно, так же как и Залётина, он просто не знал, как теперь прокормить семью, и искал повода выплеснуть свое возмущение. На обращенную к толпе просьбу пропустить поезд Иванов выкрикнул, что пока поезд стоит на путях, можно будет собрать больше народа.[740]

В какой-то момент дружинникам и коммунистам удалось переломить ситуацию. Предполагалось отправить поезд по заданному маршруту. Но для этого он должен был пройти мимо электровозостроительного завода, т. е. через скопление людей. Значит, были возможны новые эксцессы. Полагая, что поезду лучше вернуться на предыдущую станцию, 38-летний машинист испытательной станции НЭВЗ, коммунист В. Ф. Гладченко (со средним техническим образованием, отец одного ребенка, ранее не судимый) затормозил паровоз. Следствие и суд версии Гладченко не приняли, и 19 июля 1962 г. он, как и все прочие действительные и мнимые зачинщики беспорядков, был приговорен Ростовским областным судом к несоизмеримо высокой мере наказания — 10 годам лишения свободы.[741] А поезд все равно пришлось уводить задним ходом. Произошло это в четыре часа дня, когда, наконец, удалось вытеснить бунтовщиков из состава и убрать их с крыш вагонов.[742]

Растерянность властей. Неудачные попытки использовать милицию.

К четырем часам на заводе собралось уже все областное начальство: первый секретарь обкома КПСС Басов, председатель облисполкома, председатель совнархоза, другие ответственные работники области и города.[743] Толпа переместилась к заводууправлению и потребовала выступления «начальников».[744] Среди забастовщиков уже произошел раскол. Одни пытались силой ворваться в заводууправление, другие требовали продолжать забастовку, «но без хулиганских проявлений».[745] Активные действия «экстремистов», как это чаще всего бывает в моменты наивысшего накала страстей, придали внешнему облику событий именно погромный характер. Спровоцировало же погром прежде всего бездействие властей.[746]

В конечном счете толпа реализовала обе программы действий — и «экстремистскую» («бей коммунистов», громи заводууправление) и «умеренную» (даешь митинг!). Под требования и крики «умеренных» о выступлении руководства, «экстремисты» начали штурм заводууправления.[747] Штурму сопутствовало символическое осквернение «портрета вождя», совершенное очередным молодым «романтиком». 23-летний ученик токаря, ранее несудимый Анатолий Десятников, влившийся в толпу во время обеденного перерыва первой смены, вместе с кем-то, следствием не установленным, проник на балкон и после нескольких попыток сорвал с фасада большой портрет Хрущева. «Оскверненный» портрет тут же и бросили. Толпа бурно аплодировала, выражая отношение к главному, по ее мнению, виновнику всех несчастий в стране.[748]

Затем начался штурм входной двери. В первых рядах был 22-летний слесарь Геннадий Гончаров. Работник он был неплохой («как производственник характеризуется положительно»[749]), но пользовался дурной славой бузотера и скандалиста. Геннадия все время «прорабатывали» на собраниях за нарушения дисциплины. В январе 1962 г. он явился на работу пьяным, матерился, избил товарища по работе, заодно попытался «надавать» и мастеру.[750] Именно Гончаров насильно открыл дверь и ударил кулаком по голове державшему эту дверь мастеру цеха Насонову. Другие участники штурма, ворвавшись в заводууправление, избили Инженера Ершова, «ломали мебель, били стекла и телефоны, срывали портреты».[751]

Участники штурма едва ли воспринимали свои действия как погром. Вряд ли кто-нибудь Мог ясно сказать, зачем он ломился в здание заводууправления. Но совершенно очевидно, что лейтмотивом были не месть или хулиганство, а упорное желание заставить наконец «начальство» услышать протест народа: «Мы не хулиганим, а требуем».[752] (В одном из кабинетов заводууправления нашли впоследствии бюллетень научной информации «Труд и заработная плата», на который кто-то из забастовщиков излил свою возмущенную душу: «Вкалываешь, а ничего не получаешь».[753])

Блокированным в здании руководителям в конце концов (и очень быстро!) пришлось на что-то решаться. К этому их явно вынудили угрожающие действия «экстремистов». В 16.30 на балкон были вынесены громкоговорители. К народу вышли первый секретарь обкома КПСС Басов, председатель Ростовского облисполкома Заметин, первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС Логинов и директор завода Курочкин. «Умеренная» программа (требование выступлений начальства) победила. Толпа приготовилась слушать. Однако Басов не нашел ничего лучшего, как начать пересказывать Обращение ЦК КПСС. Последовал взрыв возмущения: «сами грамотные, а ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили». Заметану выступить вообще не дали. А когда появился ненавистный Курочкин (все уже знали про «пирожки с ливером»), на балкон полетели камни, металлические предметы и даже бутылка (прямо в авоське). «Экстремисты» снова начали попытки проникнуть в заводууправление.[754]

По информации КГБ, находившиеся в это время среди толпы сотрудники госбезопасности «выявляли зачинщиков и негласно их фотографировали».[755] Такой же оперативной деятельностью (приблизительно с двух часов дня) занимались и некоторые переодетые сотрудники милиции. Один из них был «расшифрован» толпой и избит. «Достали удостоверение личности, — рассказывал потерпевший, — прочли, что я лейтенант милиции, и тогда кто-то сказал: „Его нужно повесить“».[756]

Кроме фотографирования толпы, никаких особенных мер по наведению порядка не предпринималось. И в течение двух часов (после 16.30) завод фактически находился под контролем забастовщиков. По оценке И. Мардарь, «почувствовав беспомощность, А. В. Басов закрылся в одном из заводских кабинетов, принадлежавших первому отделу, и таким образом, стал заложником забастовщиков». Имеются невятные свидетельства, что в начале 7 часов вечера секретарь обкома, якобы, снова попытался унять бастующих рабочих. Но говорить ему не дали, засвистели, зашикали и под оскорбления согнали с балкона.[757] Однако выступление Басова в начале 7 часов вечера плохо согласуется как с хронометражем событий, произведенным КГБ, так и с их внутренней логикой. В это время в дело уже была пущена милиция, толпа изгоняла ее с завода и момент для выступления был совершенно неподходящий.

Именно Басов, как считает И. Мардарь, упустивший шанс договориться с забастовщиками и, добавим от себя, вероятно, напуганный тем переплетом, в который волею случая попал, был инициатором привлечения войск для наведения порядка. И произошло это как раз после того, как его вместе с руководством города заблокировали в здании заводоуправления. Прокурорская проверка, проведенная в 1990 г. по решению 1-го Съезда народных депутатов СССР, показала, что, с одной стороны, Устав гарнизонно-караульной службы (образца 1960 г.), не предусматривал применения войск для подавления беспорядков городского населения, а с другой, Басов, являясь членом военного совета округа, имел право отдать распоряжение командующему Новочеркасским гарнизоном.[758]

Роль Басова не следует, однако, преувеличивать. По воспоминаниям бывшего заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа генерал-майора А. И. Назарько, после 16.00 он доложил экстренно прибывшему со сборов руководящего состава СКВО командующему округом И. А. Плиеву о просьбе местных властей выделить войска для подавления беспорядков (первый разговор Плиева с Басовым состоялся около 13.00). Плиев доклад выслушал, однако никаких распоряжений не отдал и отбыл в Новочеркасск. Около 19.00 в кабинет начальника штаба округа лично позвонил министр обороны СССР маршал Р. Я. Малиновский, Плиева не застал и распорядился: «Соединения поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Доложить!».

Никакого письменного документа, подтверждающего этот устный приказ, Назарько не видел и считает, что, скорее всего, такого документа не было вообще.[759] Если время звонка Малиновского в штаб округа указано Назарько верно, то отсюда следует, что этот звонок последовал непосредственно после информации из Новочеркасска в Президиум ЦК КПСС, а войска местного гарнизона с самого начала выполняли приказы Москвы, а совсем не Басова. Последнего Плиев, скорее всего, просто не стал бы слушать без указаний министра обороны. Однако, поскольку к решению «вопроса» еще не подключились высшие партийные инстанции, военные в первый день беспорядков особой активности не проявляли, на полицейскую службу не рвались, а действовали, по оценке заместителя председателя КГБ при Совете Министров СССР Ивашутина, с явной нерешительностью.[760]

Еще до появления войск, в 18–19 часов, очевидно, тоже по распоряжению Басова, была предпринята попытка восстановить порядок на заводе силами милиции. Однако «прибывший на завод отряд милиции в форме в количестве 200 человек был смят и бежал, а три милиционера избиты».[761] На железной дороге был остановлен тепловоз. Снова раздались тревожные гудки. Приблизительно в это же время информация о событиях пошла непосредственно в Президиум ЦК КПСС. И лишь затем, около 20.00 на месте волнений появились солдаты, посланные, скорее всего, для того, чтобы вытащить из помещения заводоуправления «заложников» — запертых и окруженных со всех сторон «начальников», в первую очередь, секретаря обкома Басова. Подавлять беспорядки силой оружия в их задачу не входило. Боевых патронов у солдат не было.[762]

Стихийный митинг возле козырька пешеходного перехода под железной дорогой.

В промежутке между первой (милиция) и второй (военнослужащие местного гарнизона) попытками силой восстановить порядок у пешеходного тоннеля под железной дорогой, близ здания заводоуправления шел митинг. Там прозвучала программа действий. По мнению следствия и суда, «озвучил» эту программу Иван Служенко, 30-летний грузчик, ранее несудимый, беспартийный, женатый, отец двоих детей, с трехклассным образованием. Работником Служенко был хорошим, но отличался конфликтным, неуравновешенным характером. «Часто кричит без всякой причины», — рассказывали о нем товарищи по работе, называвшие его «Иваном-баламутом».

Служенко оказался на месте событий около 8 часов вечера. По рассказу самого Ивана Петровича на допросе, он «выступил перед собравшейся на площади толпой людей с призывом не расходиться с площади до утра, не приступать к работе. Говорил, что необходимо послать делегацию в электродный и другие заводы и в соседние города, чтобы и там рабочие прекратили работу. И предложил организовать на следующий день, т. е. 2 июня 1962 г., демонстрацию в центре города». Призывая не приступать к работе, Служенко подсознательно использовал сильный психологический аргумент, немедленно превращавший врагов забастовки во «врагов народа»: «кто будет работать, тот фашист».[763] (При задержании, было это уже в начале одиннадцатого вечера, Служенко кричал: «Братья, помогайте, рабочий класс забирают»[764]). Учитывая состояние, в котором после выпитого за вечер находился Иван Петрович, на митинге он мог только повторять только то, что слышал вокруг, сам же в сознательные «агитаторы» явно не годился. Ему просто не повезло. Следствие фактически сфабриковало обвинение с помощью свидетелей-милиционеров.

На роль «идеолога» забастовщиков больше подходит студент 3 курса химико-технологического факультета Новочеркасского политехнического института Юрий Дементьев. Дементьеву было 27 лет, в 1962 г. у него родилась дочь. Никакого криминала и темных пятен в прошлом Дементьева следствие не нашло. После воинской службы в группе советских войск в Германии он 2 года проработал на Новочеркасском химическом заводе № 17. Потом поступил в институт. Учеба после долгого перерыва давалась с трудом. Поэтому единственным отрицательным фактом, приведенным в справке прокуратуры на Юрия Дементьева, была плохая успеваемость.[765]

Дементьев приехал к заводууправлению НЭВЗ на велосипеде из поселка Каменоломня (близ города Шахты), где жила его семья, проделав немалый путь (около 30 километров). Было это в седьмом часу вечера. На заводе Юрий пробыл до часу ночи, потом добрался до общежития, дежурил вместе с другими студентами во время комендантского часа по городу. Рано утром (около пяти часов) снова взял велосипед и поехал к семье. Проезжал мимо завода, встретил товарища по футбольной команде, разговорился, к ним подошло еще несколько человек. В этот момент всех задержала милиция, но в тот же день после «установления личности» и «беседы» отпустила.[766]

Главное обвинение против Дементьева было связано с провозглашенной им с козырька пешеходного перехода программой действий. Было это между 9 и 10 часами вечера. Свидетели запомнили картавого светловолосого парня в клетчатой рубашке с короткими рукавами (по приметам это был Юрий Дементьев, хотя похоже выглядел и другой «идеолог» забастовщиков, «картавый Петр» — П. Сиуда[767]). В своем выступлении Юрий, якобы, говорил следующее: послать делегацию на электродный завод, отключить подачу газа с газораспределительной станции, выставить пикеты у заводууправления, собраться на следующее утро в 5-6 часов и идти в город, чтобы поднять там восстание, захватить банк, телеграф, обратиться с воззванием по всей стране с тем, чтобы свергнуть Советское правительство, призывал ломать станки, а также говорил: «Мы не одиноки, нас поддерживает весь рабочий Донбасс, шахтеры Ростовской области и рабочие Ростова».[768]

Сам Юрий на следствии и суде виновным себя не признал. Утверждал, что действительно приезжал на НЭВЗ, но лишь для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. Единственное, в чем Дементьев признался, так это в том, что, вернувшись с места событий в общежитие, рассказал соседям по комнате анекдот, выдав его за реальную историю. Якобы на здании заводууправления, на месте сорванного портрета Хрущева виситдохлая кошка с надписью: «При Ленине жила, при Сталине сохла, при Никите сдохла».[769]

Действительно важную роль в развитии событий вечером 1 июня сыграл 25-летний Сергей Сотников. После окончания семи классов средней школы он поступил токарем-карусельщиком на НЭВЗ, где и проработал семь лет, вплоть до ареста (с перерывом на службу в армии в 1956–1959 гг.). Отец Сотникова погиб на фронте, мать работала санитаркой в больнице. Это был вполне благонамеренный и серьезный молодой человек, член КПСС, командир цеховой народной дружины.[770] В семье Сотниковых, растившей двух маленьких дочек, царили любовь и взаимопонимание. Никакого криминального прошлого за плечами этого человека не было.[771]

Утром 1 июня Сотников не работал, отправился ловить рыбу. Там, по рыбацкому обыкновению, выпил с другими рыбаками немного спирту «на троих». Когда вернулся домой узнал сразу обо всем — и о повышении цен, и о забастовке на НЭВЗ. Скорее всего, в день событий «сознательный рабочий» задумался о простых, но необходимых жизненных вещах: как им с женой, тоже работницей электровозостроительного завода, прокормить двух малолетних дочек, если цены растут, а расценки падают, если дома и так пусто (при попытке следователя КГБ описать имущество семьи выяснилось, что «имущества, подлежащего описи, не имеется»[772]), да и жить молодой семье негде — квартиры никак не дают. От огорчения выпил с приятелем еще водки, на этот раз много — почти две бутылки на двоих и, уже пьяным, отправился на завод.[773] Все,

что было у трезвого Сергея Сотникова на уме, у пьяного, вполне в духе русской пословицы, оказалось на языке. Из сказанного вовсе не следует, что Сергей действовал бессознательно, не отдавая себя отчета в том, что происходит. Он продолжал отстаивать свой взгляд на события и после ареста, во время следствия, которое накануне суда отмечало: «Сотников вел себя вызывающе, в беседах заявляя о том, что своими действиями он якобы выражал „интересы рабочего класса“».[774]

По данным следствия, именно Сергей Сотников предложил послать делегатов на электродный завод и завод № 17 и призвать рабочих присоединиться к забастовке, а также организовать демонстрацию протеста. А чтобы гарантировать успех и наверняка остановить заводы, предложил отключить подачу газа на предприятия. Нетрудно заметить, что практическая часть программы Сотникова очень похожа на ту, которую следствие приписывало Ю. Дементьеву. Об этом на следствии говорил и сам Сергей Сотников, который опознал Дементьева на очной ставке.[775] Это лишний раз показывает, что 1 июня у забастовщиков НЭВЗ спонтанно вырабатывалась модель поведения и действий. У этой программы не было единоличного автора — брошенная кем-нибудь удачная идея немедленно подхватывалась и обрастала новыми деталями. Не было у толпы ни единоличного лидера, ни даже обычного в таких ситуациях организующего «ядра» — более или менее сплоченной группы согласованно действующих людей. Следствие, несмотря на все усилия, так и не докопалось ни до какого «заговора» и организации. Можно считать, что согласованность действий забастовщиков 1 и 2 июня объясняется как единодушным настроением большинства, так и привязкой событий к упорядоченному графику работы завода. Толпа собиралась уже просто потому, что люди по привычке приходили в обычное время на работу, в обычное время наступали перерывы и т. п. Все это само по себе было хронологической матрицей событий; «организовывало» их и «координировало» под воздействием возмущающих факторов. В подобной «упорядоченности» волнений (во всяком случае некоторых значимых эпизодов), их привязке к заводскому гудку, в прямом и переносном смысле этого слова, существенное своеобразие событий в Новочеркасске по сравнению практически со всеми другими известными нам массовыми беспорядками хрущевского времени.

В отличие от многих кричавших и выступавших в тот день на заводе Сергей Сотников не только сформулировал, но и выполнил свою программу. Он участвовал в «агитационном походе» группы рабочих на соседние заводы,[776] за что безжалостным и скорым хрущевским правосудием был приговорен к смертной казни.

С осмысленной программой дальнейших действий выступил на стихийном митинге и П. Сиуда. Как мы уже писали выше, Сиудд внешне был похож на Юрия Дементьева. Поэтому сходство их «программ» может быть связано как с обычной для толпы филиацией идей, так и ошибками (случайными или злонамеренными) при опознании подследственных и подсудимых. По показаниям свидетелей, П. Сиуда призывал рабочих собраться на следующий день у заводоуправления, пойти демонстрацией в город, добиваться оплаты за те дни, когда завод не будет работать, требовать освобождения арестованных забастовщиков.[777] В том, что такие арестованные будут, Сиуда, не питавший иллюзий относительно готовности властей к репрессиям, был, очевидно, уверен.

Помимо «идеологов» на митинге у перехода через железнодорожные пути и у здания заводоуправления выступало множество других людей. Большинство из них ограничивались короткими выкриками и призывами. [778]«Попался на политике» и пьяный бунтарь — малограмотный коммунист, грузчик Новочеркасского молокозавода, отец двоих детей 38-летний М. И. Хаустов. В тот день он крепко выпил после работы и решил полюбопытствовать, что же все-таки происходит на НЭВЗ. В конце концов, Хаустов оказался в самом центре стихийного митинга, наслушался других ораторов и сам решил высказаться. По показаниям свидетелей, он призывал добиваться «своего» и «направить» коммунистическую партию, Сбившуюся с правильного пути. Те же свидетели все-таки подтвердили, что оратор был так сильно пьян, что «многое из сказанного в его речи понять было вообще невозможно». Сам грузчик не помнил, что именно он говорил с козырька пешеходного тоннеля.[779] Однако обвинение и суд интерпретировали поведение и высказывания подобных ораторов вполне в духе народной мудрости: «что у трезвого на уме, у пьяного на языке». Приговор был жестоким.

Второй раз Хаустов выступал уже с капота автомашины. Около этой машины (кажется, именно на ней приехал к месту событий еще один участник волнений — 36-летний семейный шофер автохозяйства № 3 Айрапетян) формировался второй центр стихийного митинга. Эмоциональный армянин рассказывал, что «его машина, следовавшая под погрузку по заданному маршруту, была остановлена хулиганствующей толпой на площади у заводоуправления, и он, поддавшись общему настроению, одобрил действия хулиганствующих элементов и высказался за расправу над «толстопузыми», имея в виду руководителей завода, не умеющих руководить».[780] Все эти призывы он выкрикивал с крыла своей машины, а вслед за ним появились, очевидно, и другие желающие высказаться с возвышенного места. Однако, никаких «программных» заявлений с автомашины Айрапетяна не прозвучало. Дело ограничилось «словесным экстремизмом» и заурадным матом.

Прибытие и изгнание войск с завода.

Около 8 часов вечера, когда на козырьке пешеходного перехода уже вовсю шел стихийный митинг, на завод прибыли 5 автомашин с солдатами и 3 бронетранспортера. Как уже было сказано выше, их задачей было не подавление беспорядков силой оружия, а освобождение «заложников» — заблокированных в здании заводоуправления «начальников».[781] Поэтому так странно выглядят в большинстве рассказов и даже в информациях КГБ действия военнослужащих: приехали, потоптались у ворот, выслушали оскорбления, развернулись и уехали. Между тем войска выполнили основную задачу (отвлекли на себя внимание и помогли переодетым в штатское армейским разведчикам и сотрудникам КГБ освободить «заложников»). А разгонять забастовщиков силой оружия им в то время никто и не приказывал.

Был, наверное, и какой-то расчет на психологический эффект: увидит, мол, толпа вооруженных солдат и разбежится. Но из этого-то как раз ничего и не получилось. Не верил никто, что «родная Советская армия» может стрелять в свой народ. Слишком долго подобные действия ассоциировались в советской пропаганде исключительно с преступлениями царского режима (Кровавое воскресенье 1905 г., Ленский расстрел 1912 г.). Никому из воспитанных советскими мифами людей, особенно молодых, и в голову не могло прийти что-либо подобное. Убеждение, что в безоружных людей стрелять не посмеют, не раз подводило участников беспорядков прямо под пули тех, кто обязан был выполнять приказ. И не только в Новочеркасске. Поведение армии вечером 1 июня сработало в пользу привычного мифа, поэтому таким неожиданным оказался для толпы расстрел безоружных людей на следующий день.

Толпа у заводоуправления восприняла отвлекающие маневры как колебания военнослужащих и прониклась „уверенностью в собственных силах. Собравшимся рабочим действия военных казались хаотическим перемещением людей и техники, а для того, чтобы придать осмысленность собственным, тоже довольно бессмысленным поступкам, забастовщики постоянно нуждались в своеобразной «опорной точке» — ближайшей и очевидной цели. В первый момент конфронтации с военными такой «опорной точкой» стала баррикада у западных ворот завода — на контрольно-пропускном пункте № 7.

На короткий миг и в силу случайного стечения обстоятельств в роли лидера оказался типичный «человек толпы» — 30-летний электромонтер В. А. Матяш (образование семь классов, семейный, ранее несудимый). Он как бы возник из безликой толпы, персонифицировал ее волю и желания, озвучил ее программу-минимум (не пускать солдат на завод, чтобы не мешали продолжению забастовки), а затем снова растворился в массе. К проходной № 7, куда, увидев войска, бросились многие, Матяш прибежал одним из первых. Со словами «ты, батя, стой здесь и не командуй, здесь будет командовать народ» он отодвинул стрелка военизированной охраны Иванова и принялся закручивать створки ворот проволокой.

После того, как забастовщики забаррикадировали ворота, несколько человек залезли на деревянный забор, повалили его, потом побежали к другим воротам. Там тоже преградили дорогу войскам. Одновременно с этими событиями разворачивались дискуссии с солдатами. Некоторым офицерам угрожали насилием. Войска медленно проникали на территорию завода, отвлекая на себя внимание толпы и попадая на какое-то время в центр людского возмущения. Около сталелитейного цеха судьба свела стропальщика Фетисова и полковника с солдатами. Фетисов тряс полковника за ремень, кричал: «Фашистские переродки, убери своих выроdkов», а призвавшую его к порядку свидетельницу обругал.[782] Подобные сцены происходили везде, где военнослужащие соприкасались с народом.

В общем-то баррикада у ворот мало что изменила в ситуации. Войска, в сопровождении бунтовщиков, под их крики, призывы и угрозы, вошли на завод через другие ворота. По некоторым воспоминаниям, бронетранспортер просто сделал пролом в стене. В него и прошли солдаты. Попытки остановить военнослужащих, преградить им путь уже на внутренней территории казались толпе успешными. Внешне все это вообще производило впечатление настоящего сражения: перевернутые машины, баррикада и т. д. В действительности же «заложников» из заводоуправления все-таки вывели. После этого войска покинули «поле боя», оставив толпу в прекрасном боевом настроении, полной опьяняющей уверенности в собственных силах.

Завершающий этап «сражения» с войсками в описании КГБ выглядел так: «На один из бронетранспортеров беспрепятственно влез один из преступников и призывал продолжать беспорядки, а солдат — присоединяться к ним. После этого под свист, выкрики и насмешки толпы машины с солдатами развернулись и уехали обратно.

На площади началось сборище. Выступавшие предлагали продолжать волынку, не расходиться, выделить делегацию к органам власти, которая предъявила бы требования о снижении цен на мясо, мясopодукты и

масло и о повышении зарплаты.

Беспорядки все время продолжались. Посланную на завод для выяснения обстановки военную автомашину с рацией толпа перевернула, при этом у одного из солдат была сломана рука.

Через некоторое время к месту собрания вновь было направлено усиленное воинское подразделение, которое толпой было окружено, а затем под свист и хулиганские выкрики отправлено обратно.

Собрания и бесчинства возле завода продолжались. Наиболее активные участники беспорядков призывали направить делегации на другие заводы города с призывом прекратить работу».[783]

Фактически, после перерыва на «изгнание» войск стихийный митинг у козырька пешеходного перехода продолжился. Суть выступлений не изменилась, программа дальнейших действий была уже многократно озвучена — у нее не было конкретного автора. По устным воспоминаниям, собранным И. Мардарь, когда стало темнеть «из портретов Хрущева, изъятых из кабинета заводоуправления, был устроен большой костер». Очевидцы митинга рассказывают, что выступающих было много. Запомнился мужчина, со словами: «Я, пользуясь темнотой, хочу сказать, что не желаю состоять в такой партии» и разорвал свой партийный билет. [784] Скорее всего, история о сожженном партбилете всего лишь красивая легенда. Подтверждений в других источниках найти не удалось. Продолжавшееся «осквернение» портретов Хрущева — действительный факт, [785] но, по всей вероятности, тоже разукрашенный молвой. Я, например, совсем не уверен, что в здании заводоуправления было достаточно портретов Хрущева даже для маленького костра, не говоря уже о большом!

«Поход» Сергея Сотникова на газораспределительную станцию и электродный завод.

Прокурор Шубин в своей предварительной справке о волнениях в Новочеркасске попытался придать событиям более логичный и целенаправленный характер, чем это было на самом деле. По его мнению, на стихийном митинге «было принято решение продолжать забастовку, послать делегации на другие заводы и утром 2 июня организованным порядком идти в город, к горкому партии, с предъявлением своих требований». [786] Все это, конечно, сильное преувеличение. Действительно установленным фактом можно считать только то, что один из, «аранжировщиков» волнений, Сергей Сотников, сумел не только «озвучить» спонтанные желания толпы, сформулировать «программу» (распространить забастовку на другие предприятия города), но и попытался организовать выполнение этой программы.

В обвинительном заключении по делу № 22 действия Сотникова вечером 1 июня описаны подробно и очень предвзято:

«Сотников организовал группу хулиганов (150 человек, организовать которых за полчаса не удалось бы никому. — В. К.), во главе которой отправился к газораспределительной станции. Там они ворвались в операторскую и под угрозой расправы потребовали от оператора Федорова отключить подачу газа на промышленные предприятия города. При этом Сотников лично проверил, перекрыты ли вентили подачи газа».

С газораспределительной группа отправилась на электродный завод. Как показал один из свидетелей, «группа хулиганов бегала по цеху со свистом и криками „кончай работу“». Они подходили к станкам, требовали прекратить работу, самовольно выключали электродвигатели. Бунтовщики ворвались в насосно-аккумуляторную станцию электродного завода, окружили машиниста Вьюненко и потребовали поддержать забастовку. Лишь после ответной угрозы машиниста (взорву станцию вместе с вами) толпа разбежалась.[787]

Итак, героические усилия Сотникова поднять на забастовку электродный завод натолкнулись на столь же героическое сопротивление идейного противника бунтовщиков — машиниста Вьюненко, который в одиночку сумел переломить ситуацию и даже обратить не очень уверенных в собственных силах забастовщиков в бегство. Проблема властей заключалась в том, что на их стороне практически не было таких «сознательных рабочих», способных по идейным соображениям противостоять забастовочной стихии. А большинство из тех, кто выступал на стороне власти (например, дружинники, коммунисты и комсомольцы, пытавшиеся днем отправить остановленный пассажирский поезд или посланные к месту волнений солдаты и офицеры), по всей вероятности, внутренне признавали обоснованность протеста рабочих. Не удивительно, что, например, оператор газораспределительной станции Николай Федоров так и не дал следствию уличающих показаний против забастовщиков и показал, «что опознать кого-либо из числа хулиганов он затрудняется».[788] Люди, подобные Федорову, вероятно, в глубине души сочувствовали рабочему протесту, хотя и не принимали

экстремистских, форм его выражения. Но ведь других форм у рабочих НЭВЗ просто не было, ибо эти «другие формы» предполагали уже наличие (или хотя бы ростки) альтернативной рабочей организации, подобной, например, польской «Солидарности».

«Поход» Сергея Сотникова закончился неудачей, а сам он за свой героический порыв заплатил жизнью. Жестокий расстрельный приговор был явно неадекватен содеянному, По информации И. Мардарь, были и другие группы агитаторов, направившиеся на крупнейшие предприятия города. «Их встречали там по-разному, — пишет И. Мардарь. — Кто-то присоединялся, кто-то воспринял призывы рабочих НЭВЗ с опасением и недоверием. Были случаи, когда делегации просто прогоняли из цехов».[789] Скажем прямо, толпа из 150 человек, во главе которой шел Сергей Сотников, совсем не походила на «делегацию», скорее, на боевую группу, если бы в ней существовали хотя бы зачатки организованности. Что же касается других «делегаций», то вся их деятельность развернулась лишь на следующий день — 2 июня. А 1 июня агитация свелась к тем нескольким описанным выше эпизодам, когда отдельные рабочие приходили на другие заводы и рассказывали товарищам о забастовке на НЭВЗ. Некоторые, действительно, призывали поддержать товарищей, но в первый день эта примитивная «агитация», в основном, оставалась уделом энтузиастов-одиночек.

Ночь с 1 на 2 июня. Ввод танков. Листовка электромонтажника Жарова.

Как следует из докладной Ивашутина, «скопление людей на электровозостроительном заводе продолжалось до глубокой ночи, пока на его территорию не были введены войска... Хулиганы нападали на танки, портили приборы, забрасывали камнями, в результате чего некоторые танкисты были ранены».[790] Полной картины ночных событий следствию восстановить не удалось. В обвинительное заключение попали яркие, но случайные эпизоды ночных событий. В темноте сотрудникам КГБ и милиции трудно было опознавать «зачинщиков», а потенциальные свидетели — здравомыслящие зеваки — предпочли провести ночь дома в своих постелях, а не рядом с ревущими танками и опасными бунтарями и хулиганами.

Среди людей, попытавшихся вмешаться в ход событий в ночь с 1 на 2 июня и выразить свое отношение к вводу танков, оказался 36-летний тракторист электродного завода Григорий Катков (отец двоих детей, с пятиклассным образованием, ранее не судимый). По скромным меркам своего окружения он был человеком очень богатым. У него и у жены была хорошая зарплата, вместе с братом Григорий владел половиной большого каменного особняка, а была еще и автомашина «Москвич-401», которую Катков собирался заменить на новую «Волгу» (стоял в очереди). Он был немного брюзга, любил пожаловаться на жизнь и свое материальное положение. Коллег по работе его жалобы на бедность, вероятно, слегка раздражали. Все знали, что Катков, в отличие от многих других, не бедствует. Но Григория уважали, считали его тружеником, хорошим семьянином, всегда готовым прийти на помощь соседям. Двое из них вскоре после ареста Каткова не побоялись написать что-то вроде «положительной характеристики» на него. Такую же положительную характеристику, правда, состоявшую всего из одной фразы («к работе относился добросовестно, замечаний по работе не имел»), дали и с места работы.[791]

Ночь с 1 на 2 июня стала в известном смысле «звездным часом» Григория Каткова, который; может быть, неожиданно для себя самого, вышел из своего дома в одних трусах и попытался голыми руками чуть ли не останавливать танки. Сам Григорий утверждал, что когда он вышел на улицу, танки уже были остановлены толпой. Но зато, глядя на военную технику, направленную на подавление безоружных людей, Катков припечатал коротко и язвительно: «О боже! Идут удовлетворять просьбы трудящихся!».[792]

Ночь с 1 на второе июня была бурной не только для Григория Каткова. По показаниям свидетелей, монтер А. М. Отрошко (1939 г. рождения, беспартийный, образование 7 классов, холост, не судим) «в толпе у завода выкрикивал требование об удалении солдат, провокационно заявлял, что танки давят людей, наносил оскорбления в адрес офицеров Советской армии, заявляя: „Мы вам покажем“».[793]

19-летний учащийся Новочеркасского училища механизации сельского хозяйства В. Д. Шмойлов (образование 6 классов, женатый, на иждивении один ребенок, ранее не судим) в ночь на 2 июня 1962 г. появился около училища механизации сельского хозяйства, услышал, что танк переехал человека, взял в руки кувалду и стал бить по башни и по смотровым щелям. «Я был возмущен, что советский танк мог переехать человека», — объяснял свой поступок Шмойлов.[794] Молодой человек, пусть и опьяненный алкоголем, фактически защищал ударами кувалды советский пропагандистский миф. Он совсем не был запрограммирован на погром и насилие и отнюдь не действовал как марионетка. Не удивительно, что, услышав призыв какого-то провокатора и подстрекателя (его-то как раз следствию разыскать не удалось) «бей солдата», Шмойлов немедленно бросил кувалду и слез с танка.

Ночью волнения продолжались не только около завода. Поздно вечером собралась толпа напротив здания городского отдела милиции. Было много студентов и молодежи. Около 23.00 к толпе присоединился 28-летний комсомолец, грузчик Новочеркасского молочного завода Владимир Глоба (образование 7 классов женат, отец одного ребенка, ранее не судим). В тот вечер В. П. Глоба был выпивши. Алкоголь отпустил тормоза страха, и грузчик нашел слова и лозунги, которые произвели сильное впечатление на молодежь.[795] Как показал Глоба на допросе, он считал, «что только организованно можно добиться отмены постановления о повышении цен на мясо и другие продукты, и, высказав это толпе, ушел домой».[796]

Вводом танков в мирный советский город власти спровоцировали бурную социально-психологическую реакцию. До сих пор молодежь видела такое только в фильмах про войну, но там-то речь шла о вражеских фашистских танках. В итоге все достижения советской пропаганды оказались повернутыми против самой власти. Она в глазах молодежи изменила высоким идеалам социальной справедливости и выступила как враг народа, а не его слуга и руководитель. В результате власть сама предопределила социально-психологический облик событий следующего дня. Многие участники волнений восприняли действия властей (сначала повышение цен, потом ввод войск) как измену, как антинародные действия, против которых можно и должно было выступать с портретом Ленина и под красными флагами. Что касается экстремистской и маргинализированной части участников волнений, то у них появление танков вызвало поначалу не испуг, а раздражение, готовность продолжать погромы. Сдержанное же поведение военных вселяло во всех уверенность, что правда совсем не на стороне властей.

Ночью в городе появились листовки, которые означали, что некоторые участники и очевидцы волнений начали идеологическую аранжировку событий. Автором одной из таких листовок был 24-летний электромонтажник НЭВЗ А. Ф. Жаров, в прошлом амнистированный, с семиклассным образованием. Листовка представляла собой достаточно любопытную идеологическую конструкцию и достойна того, чтобы привести ее текст полностью:

«О липовых ленинцах.

Сталина вы критиковали, сторонников частично в гроб загнали, остальных от руководства отстранили, но цены на все продукты и товары в апреле каждый раз снижать они не забывали. Хрущев из года в год в магазинах цены поднимает, заработок рабочим при этом он снижает, невольно возникает вопрос у нас, кто — враг народа был или есть. Какие же вы лгуны и лицемеры и власти жаждущие псы, народа угнетатели. К чему стремитесь вы? Сталин и сторонники его последовательно к коммунизму шли и всех вели, при этом не смотрели на проделки капитала и не указывали пальцем так, как вы лгуны».[797]

Итак, накануне второго дня волнений в Новочеркасске все ругали Хрущева как изменника делу коммунизма. Некоторые ностальгически вспоминали времена Сталина, «когда последовательно к коммунизму шли». Для многих рабочих Новочеркасска продолжение волнений и забастовок было «борьбой за коммунизм» против «власти жаждущих», «народа угнетателей». Режим, потративший столько усилий на пропагандистскую «промывку мозгов», попался в ловушку собственной демагогии. Он сделал нечто, противоречащее своим «первоценностям», и народ теперь жаждал выразить «неправедным коммунистам» свой протест.

С портретом Ленина, под красным флагом

(2 июня 1962 г.) Утро на электровозостроительном заводе. Остановка тепловоза.

В первый день волнений на территории завода, вдали от центра города, события еще удерживались в рамках обычной локальной волынки. Их сценарий вполне соответствовал картине стихийной рабочей стачки начала XX века или времен «военного коммунизма» и раннего нэпа. Но ночью через город прошли войска, территория завода оказалась фактически «оккупированной», в Новочеркасске примчалась сначала первая группа московских руководителей среднего уровня, а затем приехала вторая. Рабочие ответили продолжением забастовки и политической демонстрацией в центр города. В роли коллективного «мотора» событий вновь выступили рабочие сталелитейного цеха. С утра 2 июня они пришли на завод к 7 часам, но к работе не приступали — обсуждали минувшие события. Не начинали работу и рабочие ряда других цехов.

Но на заводе по-прежнему чувствовался раскол. Инструментальный и электроцех начали смену, но, по сообщению Ивашутина, «были блокированы хулиганствующими элементами, которые силой выводили рабочих

из цехов и заставляли присоединяться к ним».[798] Заместитель председателя КГБ, так же как и обвинение в суде, в описании событий сосредоточился на насилии и угрозах активных бунтовщиков в адрес лояльных рабочих. Однако гораздо важнее были психологическое давление и общая немного истерическая атмосфера. Сторонники продолжения забастовки обвиняли своих товарищей в предательстве и измене делу рабочего класса. Альтернативные точки зрения, попытки образумить и предостеречь рабочих от прямого столкновения с властями заглушались эмоциональной риторикой.

Как рассказывал один из свидетелей, на его призывы к товарищам по бригаде приступить к работе он услышал выкрики какой-то возбужденной и растрепанной женщины, случайно оказавшейся в цехе: «Что, толстопузый, загоняешь людей на работу, не будем работать. Наели брюхи, напились крови, а нам нечем жить».[799] Так кричала М. Залетина, 38-летняя уборщица, уже знакомая нам по событиям 1 июня.

Подобные сцены происходили, вероятно, во всех цехах. Но агрессивная активность немногих была лишь специфическим выражением возмущения и недоумения большинства. Как вспоминал Е. И. Мардарь, работавший в кузнечном цехе, утром 2 июня он в переполненном трамвае ехал, как обычно, на работу. Люди живо обсуждали происшедшее накануне и пытались предсказать, что же будет дальше. То, что рабочие увидели на заводе, произвело на них тягостное впечатление: «На проходной солдаты. У входа в цех — целый взвод их. У других цехов — то же самое. Работать под дулом автомата? Никогда. У нас в кузнечном цехе происходило вот что: кузнецы, не входя в цех, усаживались на лавки... На обращение офицеров с требованием работать ответили: „Работайте сами, раз оккупировали завод!“».[800]

Часть рабочих предпочла не ввязываться в разгоравшийся конфликт и отправилась по домам. Через час после начала смены, в 8 часов утра, литейщики двинулись к новому механическому цеху, затем — к заводууправлению. К ним примкнули рабочие кузовного и других цехов. Сорвав дверь с ворот заводууправления, толпа хлынула на площадь.[801] Дальнейшее было почти зеркальным повторением предыдущего дня. Толпа остановила сначала электропоезд Шахты — Ростов, а затем — проходивший мимо заводууправления тепловоз. Движение было прервано. А над заводом, как и в полдень 1 июня, зазвучали тревожные гудки. Активную роль в этих событиях сыграли некоторые герои первого дня забастовки, в частности, Фетисов и Зиненко. Фетисов вообще действовал почти по шаблону. Утром он опять собрался поехать к матери (накануне эта поездка у него сорвалась), но почему-то опять оказался на заводе, а потом у остановленного тепловоза. Он снова выключил кран и спустил воздух из тормозной системы. Мотивы действий стропальщика не совсем понятны. По его собственному рассказу, он как бы пытался «исправиться»: выпуск воздуха должен был, по его мнению, прекратить тревожные гудки.[802]

А. И. Зиненко, один из строителей баррикады у заводских ворот вечером 1 июня, также оказался на железнодорожных путях. Из кабины остановленного тепловоза он агитировал толпу: «разговаривал с народом». По рассказу одного из патрулей, находившихся в центре событий, кто-то сделал Зиненко замечание, а в ответ услышал: «Здесь рабочий класс. Он нас поймет».[803] Конфликт между сторонниками восстановления порядка и активными забастовщиками, их борьба за контроль над поведением толпы не ограничились этим «замечанием» и ответной репликой Зиненко. В ответ на чей-то призыв пропустить тепловоз, из толпы осуждающе закричали: «Сколько вам заплатили, уходите, а то наломаем бока». Активного участника столпотворения у тепловоза 33-летнего фрезеровщика А. Г. Нестеренко упрекнули, сказали, что он «влез в грязное дело». Нестеренко упрека не принял, ответил: «Не твоё дело!», а вслед «резонеру» еще и обиженно прокричал: «За сколько продался?».

Сквозь скандальную и малопривлекательную картину разгоравшихся беспорядков, сквозь грубость и мат все-таки проступал классовый лейтмотив: мобилизация толпы на почве ненависти и вражды к «толстопузым» и «начальникам» (или «толстопузым начальникам?»), психологическое давление на «лояльных» и «нейтральных» — обвинения в «измене», «продажности» и т. п., наконец, консолидирующая апелляция к «народу», «рабочему классу», которые «нас поймут».

Забастовки на других заводах.

Когда над окрестностями разнеслись гудки тепловоза, от основной толпы отделилась группа рабочих. Они направились на электродный завод, завод № 17 и «Нефтемаш», чтобы поднять их на выступление. Однако на электродном заводе уже были свои организаторы. Одной из ключевых фигур стал электрик Андрей Коркач. Другим активным организатором забастовки на электродном заводе следствие называло Г. Г. Каткова, впервые включившегося в беспорядки еще в ночь с 1 на 2 июня (тогда он пытался помешать продвижению танков). Оба они были уже в зрелом возрасте. Коркачу 45 лет (взрослый сын в момент новочеркасских событий служил в армии, старшая дочь работала чертежницей на НЭВЗ), а Каткову — 36, материально достаточно обеспечены, во всяком случае, по меркам своего времени. Так что вряд ли их активное участие в

событиях можно объяснить исключительно спонтанной реакцией на повышение цен или случайным стечением обстоятельств. Вероятно, в действиях Каткова и особенно Коркача следует искать влияние каких-то более глубоких (идейных?) причин.

«Коркач по своей натуре рвач», — безапелляционно заявляло следствие. Иначе с какой бы это стати, будучи обеспеченным человеком, имея жену — заведующую магазином (символ несправедливого богатства в бытовой знаковой системе советского общества), говорить: «Я сорок лет ждал улучшения жизни». Однако все, что известно о действиях Коркача по организации забастовки на электродном заводе, делает обвинения во рвачестве психологически недостоверными. «Рвачи» предпочитают не кликать на свою голову неприятностей, а если и проявляют какую-либо активность в конфликтных ситуациях, то делают это исподтишка, предпочитая заботиться о своих шкурных интересах, а совсем не о рабочей солидарности. И уж тем более такие люди не пользуются уважением в рабочей среде. А товарищи Коркача по работе даже под нажимом следствия очень неохотно давали против него показания, «называли его по имени и отчеству, говорили, что он был для них авторитетным человеком».[804]

Психологическую загадку Коркача помогают разгадать обстоятельства его осуждения в 1947 г. военным трибуналом за злоупотребление служебным положением к 3 годам лишения свободы. В то время Андрей Андреевич служил командиром эскадрона в Советской армии. В 1946 г. он избил своего подчиненного за кражу полотенца. Но этим «воспитание» не ограничилось. Коркач повесил на воришку табличку с надписью «Я украл полотенце, я жулик, вор и мерзавец», поставил сначала у столика дневального, а затем водил с той же табличкой перед строем и матерился.[805] Вероятно, Коркачу было свойственно обостренное, хотя и довольно примитивное чувство справедливости, то особое отношение к жизни, которое делало его в глазах рабочих правильным человеком, не превращая в зануду. Именно этим, а не двурушничеством и лицемерием, как писал прокурор Шубин в своей справке на Коркача, объяснялась его репутация: «человек, заботящийся о других рабочих» и «защищающий их интересы».

Коркач, бесспорно, был личностью волевой и сильной, его даже следователи КГБ не смогли сломить. Он сумел справиться с жизненным кризисом после приговора суда и увольнения из армии, которой Андрей Андреевич отдал 11 лет жизни (с 1936 по 1947 гг., значит, успел и повоевать). Фактически, пришлось начать жизнь сначала, и это была достойная жизнь. Никаких отрицательных сведений о Коркаче за время, прошедшее после его освобождения по амнистии в 1947 г. до июня 1962 г., следствию собрать не удалось. Напротив, скрепя сердце, прокурор Шубин признал, что Андрей Коркач, с 1955 г. трудившийся электриком на электродном заводе, «по работе характеризовался положительно».[806] К этому следует добавить, что для простого электрика и человека своего возраста Коркач имел довольно высокое образование (9 классов) и умел внятно формулировать свои мысли.

«Обращаясь к рабочим, — рассказывал Коркач, — я говорил, чтобы они переодевались и уходили с работы, что этим мы поддержим требования рабочих завода им. Буденного, выступающих против повышения цен на мясо и масло. Говоря это рабочим, я имел цель организовать забастовку, т. е. чтобы рабочие ушли с завода, и этим самым выразить протест против постановления правительства о повышении цен на мясо и масло, применения танков для наведения общественного порядка в городе, выразить солидарность действиям рабочих с завода НЭВЗ».[807]

После этого группа Андрея Коркача обошла еще несколько цехов, призывая прекратить работу и вступая в разговоры с рабочими и представителями администрации. Некоторые разговоры запомнились: «У цеха графитации, — говорил Коркач, — мне пришлось беседовать с начальником этого цеха Бруком по вопросу о разрыве в зарплате рабочих и руководящего состава завода, заявлял ему, что он, как коммунист, видит много несправедливостей, имеющих место на заводе (имел в виду распределение жилплощади, разрыв в зарплате, повышение цен и другие), но не выступает об этом на собраниях». «Незнакомый мне рабочий, обращаясь к кому-то из нашей группы, говорил, что повышение цен — явление временное, что наступит время, день, когда жить будет хорошо. Я в это время сказал, что 40 лет жду этого дня, что жду улучшения жизни, а жизнь, наоборот, ухудшается».[808]

Не все рабочие поддерживали забастовку, и далеко не все еще распростились с верой в «мудрый Центральный Комитет», который все видит и все знает о рабочей жизни, надо только подождать и потерпеть, и все будет хорошо. Да и сам Андрей Коркач, строго говоря, был «просоветским» критиком решений ЦК КПСС. Он осуждал власть, оставаясь в плену ее идейных догматов. Не случайно, в споре с коммунистом Бруком Коркач ругал его не как коммуниста, т. е. носителя определенного мировоззрения, а как плохого коммуниста, который видит несправедливости жизни и молчит. Лишь изредка в высказываниях Коркача прорывались антикоммунистические намеки: «Вы, коммунисты, видите, до чего довели рабочий класс?». В основном же речь шла о критике конкретных решений властей, которая не отрывала организатора забастовки от

просоветски настроенной рабочей массы, а напротив, создавала определенное психологическое единство («мы» против «них» — «начальников», предателей дела рабочего класса). Именно этим Коркач и был опасен властям (гораздо опаснее, чем хулиганы и истерические городские пауперы). За ним стояла «советская альтернатива» «переродившейся» власти, альтернатива, имевшая все шансы быть понятой и услышанной рабочими.

«Анτισоветская агитация» Коркача представляла собой довольно обычный набор острых тем: «осуждал Советское правительство, что оно, якобы, „кормит“ другие государства, а своих рабочих не обеспечивает», [809] призывал бороться за повышение зарплаты. Кричал: «Не то время, чтобы нам затыкать рты».[810] Пытаясь вовлечь лояльных рабочих в забастовку, Коркач апеллировал к чувству классового стыда и классовой солидарности: «мы рискуем жизнью... нас могут посадить, мы можем пострадать, а вы... не хотите поддержать» и назвал рабочих «предателями».[811]

Из Андрея Коркача стремительно, буквально на глазах, формировался тип рабочего-организатора, который и говорил-то «с какой-то твердой убежденностью».[812] Он был чем-то неуловимо похож на лидера польской «Солидарности» Леха Валенсу. Последнего, как известно, тоже втащила в политику забастовка рабочих. Вероятно, именно страх перед организованным рабочим протестом и побудил «рабочую власть» так жестоко (смертный приговор) расправиться с Андреем Коркачем.

Рядом с Коркачем в группе зачинщиков забастовки ходил по цехам электродного завода Григорий Катков. У следствия было больше оснований называть рвачом его, Каткова, а не Коркача. Однако в тот день Григорий Григорьевич вел себя все-таки совсем не как «рвач». То ли репутация не соответствовала действительности, то ли сам Катков оказался натурой более страстной и увлекающейся, чем можно было ожидать от «рвача». Привычка жаловаться на свое тяжелое материальное положение, разумеется, брала свое. Поэтому в разговоре с начальником цеха Бруком Григорий Григорьевич не удержался, попенял: «Мы и раньше мяса не ели, а теперь вовсе не придется есть».[813] В группе зачинщиков Катков был замечен (призывал бросать работу, бороться за лучшую жизнь и т. п.), но не более того. А вывод следствия и суда о какой-то особенной роли Каткова в организации забастовки очень и очень похож на фабрикацию и подтасовку. В любом случае, его, конечно же, нельзя ставить на одну доску с Коркачем. Коркач был лидером, Катков — «одним из...», поэтому ему и посчастливилось, его обошел стороной смертный приговор.

Некоторые сторонники Коркача и Каткова на электродном заводе испытывали в день забастовки особый эмоциональный подъем и радостное возбуждение. 27-летний слесарь ремонтно-механического цеха Владимир Бахолдин, казалось, подобно Коркачу, «давно ждал этого дня». В. Г. Бахолдин был человеком со вполне советскими взглядами и убеждениями, воспитанным в семье с революционными традициями. Однако в его случае, как и во многих других, эти взгляды и убеждения не противоречили участию в забастовке, наоборот, предполагали его.

Вместе с Коркачем и Катковым в группе агитаторов видели 26-летнего электрослесаря электродного завода Георгия Васюкова (холостой, ранее не судимый). В «зачинщики» он попал по воле следователя, на необъективность и предвзятость которого впоследствии жаловался. Свидетели запомнили, как Г. С. Васюков какое-то время ходил по заводу вместе с «делегацией» рабочих завода им. Буденного. Ничего особенного он не делал и не говорил, это признавали и свидетели, отводившие действительно активную роль Коркачу. В сущности, вся «агитация» Васюкова свелась к вопросу, обращенному к главному инженеру: «Почему повысили цены?», — на что «начальство» посоветовало Васюкову читать газеты, и вполне резонной реплике: «Ребята, переодеваться так переодеваться (снять спецовку и прекратить работу. — В. К.), работать так работать».[814]

На заводе «Нефтемаш» тоже шла своя агитация. 37-летний токарь Григорий Щербан присоединился к толпе, которая окружила директора завода, и призывал рабочих не приступать к работе до тех пор, пока не будет отменено постановление о повышении цен, «высказывал недовольство по поводу расценок на обрабатываемые им детали, призывал толпу идти на соседний завод № 17 для прекращения на нем работы».[815] Вести дискуссии с начальством о нормах и расценках было для Григория Щербана делом привычным. Он раньше часто спорил по этому поводу с Мастерами.[816]

К зачинщикам забастовки на «Нефтемаше» следствие и суд отнесли двух женщин: 35-летнюю уборщицу В. Т. Кустову и 44-летнюю заточницу М. Ф. Гладкову. У каждой было по трое детей, каждой и так жилось тяжело, а тут еще и цены повысили, что впору было взвыть от безысходности. Протест Кустовой и Гладковой был предельно конкретен. 2 июня 1962 г. Кустова пришла на завод, увидела, что никто не работает, услышала спор директора с каким-то рабочим (речь идет о Щербане), возмутилась еще раз. Потом толпа стала кричать: «Идемте на 17 завод». «Я также, — рассказывала Кустова, — крикнула всем, чтобы шли к 17 заводу... толпа пошла, и я пошла... толпа кричала и я кричала, почему я делала так, объяснить не могу».[817]

Показания свидетелей рисуют более яркую картину участия Кустовой в волнениях. В какой-то момент событий она, несомненно, выступала в роли бессознательной «зачинщицы». Проходя мимо заводоуправления, Кустова крикнула: «Конторские крысы, идите с нами». А на заводе № 17 она и Гладкова кричали примерно одно и то же: «Бросайте работу, присоединяйтесь к нам»;^[818] «Бросайте работу, идемте к горисполкому, требовать молоко, масло, колбасу».^[819]

Обстоятельства сложились таким образом, что в критический момент именно эмоциональный порыв этих двух женщин направил ход событий на «Нефтемаше». «Возможно, — заявила одна из свидетельниц, — если бы Кустова не кричала, то рабочие не пошли и приступили бы к работе».^[820] Кустова и Гладкова были осуждены на десять лет лишения свободы, но в конце концов даже власть вынуждена была признать полную неадекватность «преступления» наказанию. После двух лет заключения многодетные матери были помилованы Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Демонстрация.

Собравшаяся на заводе им. Буденного толпа превратилась в политическую демонстрацию. Она двинулась в центр Новочеркасска под красным флагом и с портретом Ленина. В толпе были женщины и дети. Все это очень напоминало начало Кровавого воскресенья. Но только обращались рабочие не к «царю-батюшке» (ведь место этого «верховного арбитра» занимал теперь «главный виновник» всех рабочих несчастий — Н. Хрущев), а к неким абстрактным ценностям раннего коммунизма, к оскверненному «толстопузыми» идеалу справедливости. В конечном счете, рабочие Новочеркасска так же не смогли защитить себя «святыми» коммунистическими символами, как их отцы и деды в 1905 г. — портретами Николая II, иконами и хоругвями. Но само «бегство» участников демонстрации под защиту Ленина и красного флага делали волнения в Новочеркасске достаточно типичным «внутрисистемным» конфликтом. «Народ» не покушался на идеологические основы системы. Он лишь посылал на вершину иерархии сигнал о собственном неблагополучии.

(Сказанное нуждается в некоторых пояснениях. Известно, что в ходе волнений неоднократно раздавались и призывы к физической расправе над коммунистами. В толпе был достаточно силен элемент стихийного анархического антикоммунизма. Однако против портрета Ленина и красного флага в голове рабочей колонны никто из «антикоммунистов» не решился возражать. «Народ» стихийно выбрал образ своего протеста и его идейную окраску. Показательно, что, окружив события в Новочеркасске завесой тайны и молчания, коммунистические правители поставили себя в гораздо более выгодное положение, чем в свое время царское правительство: так им удалось продлить жизнь «коммунистических иллюзий» и локализовать новочеркасский конфликт. В конечном счете, позднее власть осознала жизненную необходимость умиротворения народа «неуклонной заботой о материальном благосостоянии трудящихся», ставшей одной из идеологических доминант брежневского времени. Советский режим начал медленно деградировать, идеологически разлагаться, мутировать, но никакой «революционной» альтернативы этой деградации, разложению и мутациям так и не появилось, эта альтернатива, в принципе, могла быть создана именно событиями в Новочеркасске.)

Большая толпа в несколько тысяч человек двигалась в город. Командование Северо-Кавказского военного округа выставило заграждение на мосту через реку Тузлов. Там стояли танки, автомашины и солдаты. Однако «возбужденная толпа легко прошла через мост и продолжала следовать в город».^[821] Заместитель председателя КГБ Ивашутин, которому принадлежит приведенная выше цитата, явно преувеличил степень «возбужденности» рабочих. Общий настрой демонстрации скорее можно определить словом «решимость». Не случайно даже прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Ю. Шубин вынужден был признать, что поначалу «внешне все это носило как будто мирный характер».^[822]

К колоннам, двигавшимся в центр города, могли присоединиться все желающие. Толпа шла по центральной улице — Московской, — в конце которой расположено здание горкома партии и горисполкома. Но по этой же улице, на два квартала ближе, находились помещения отдела милиции, аппарата уполномоченного УКГБ, госбанка.^[823] К шествию примыкали группы студентов и других жителей города. Толпа скандировала: «Мясо, масло, повышение зарплаты!» Но чем менее однородной становилась движущаяся людская масса (а ее по мере движения разбавляли не только студенты, но и пьяные, маргиналы), тем больше ее общую физиономию определяла наиболее горластая, агрессивная и наименее рассудительная часть. Рабочая демонстрация, дойдя от завода до центра города, заметно изменила свой облик.

Захват горкома КПСС, нападение на здания милиции и УКГБ. Расстрел толпы.

Как, в какой момент и почему критическая масса «экстремистов» изменила первоначальный облик

демонстрации, сказать трудно. Ясно только, что шествие, достигнув здания горкома и горисполкома, уже не обнаруживало прежних признаков организованности. Приближение демонстрации сильно напугало находившихся в горкоме КПСС членов Президиума ЦК КПСС Ф. Р. Козлова и А. И. Микояна, а также Кириленко, Полянского, Шелепина, Степакова, Снастина и Ивашутина. Узнав, что танки не остановили колонну на мосту, московские «вожди» поспешили удалиться. Все они перебрались в первый военный городок, где располагался временный штаб правительства. Произошло это в тот момент, когда демонстранты были в ста метрах от горкома.[824] По мнению И. Мардарь, ссылающейся на материалы проверки Военной прокуратуры СССР (1990 г.), именно тогда в результате переговоров Козлова с Хрущевым была получена санкция Хрущева на применение оружия против участников беспорядков.

В лапидарном изложении заместителя председателя КГБ Ивашутина события, последовавшие вслед за появлением демонстрации у горкома КПСС, выглядели следующим образом:

«Когда толпа подошла к горкому партии, наиболее озверевшие хулиганы и зачинщики начали бросать камни, палки в двери и окна, сломали сопротивление охраны и проникли внутрь здания, выбили окна, испортили мебель, срывали портреты и уничтожали их, избивали партийных и советских работников и сотрудников КГБ, находившихся в помещении.

Несколько хулиганов пробрались на балкон и в провокационных целях выбросили красное знамя и выставили портрет В. И. Ленина. Начались выступления активных участников бесчинств с требованием о снижении цен на продукты питания и повышении зарплаты. Некоторые из них выступали по 2–3 раза. Их выступления сопровождалось криками, скандированием, угрозами в адрес коммунистов, оскорблениями солдат, в которых бросали палки и камни, и призывами к ним и офицерам примкнуть к преступникам».[825]

Важные детали добавляет к этому описанию И. Мардарь. В здании горкома, оказывается, осталось несколько работников аппарата ЦК КПСС, кое-кто из городских властей, сотрудники КГБ. Они попытались начать диалог с собравшимися через установленный на балконе мегафон. В них полетели палки и камни. Но неужели демонстрация шла в центр города с портретом Ленина и под красными флагами только затем, чтобы немедленно начать швырять камни в «начальников»? Единственное возможное объяснение — толпу не устраивал статус тех, кто вышел на балкон и собрался выступать. Люди настроились увидеть представителей высшей власти, услышать их заявления и заверения. Когда на балконе таких представителей не оказалось, толпа почувствовала себя обманутой и стала требовать выступления Микояна. Но он к этому времени из горкома благоразумно перебрался под защиту военных. Мысль о выступлении Микояна, как это часто бывает в подобных случаях, стала для толпы навязчивой. Так, уже после устроенного в горкоме погрома демонстранты снова стали требовать, «чтобы Микоян выступил, выслушал их требования».[826] Он, кстати сказать, к народу так и не вышел, но позднее, уже после расстрела демонстрации, радио начало транслировать его выступление, записанное на пленку.

Демонстрация дошла через все преграды и препятствия в центр города, ворвалась в горком, но никого из «главных начальников», тех, кому можно было изложить свои требования, не увидела. Возникла типичная стрессовая ситуация, исчез «градиент цели». Разговора с властью, к которому второй день стремились рабочие, не получилось. Неудивительно, что в выступлениях у горкома сильнее зазвучали «антикоммунистические» мотивы. Существенно повлиял на настроение собравшихся следующий эпизод. Григорий Щербан с завода «Нефтемаш» вынес на балкон две тарелки — с сыром и колбасой — и крикнул: «Смотрите, что они едят, а мы этого не можем!».[827] (Сам Щербан, защищаясь от предъявленных обвинений, утверждал, что эти слова принадлежат не ему, а какому-то мужчине, назвавшемуся «мастером».[828])

Если раньше основным объектом ругани и нападок был Хрущев, то теперь стало доставаться и Ленину. «Клеветнические измышления в адрес Советского правительства и основателя Советского государства» публично высказал 35-летний Александр Зайцев. Уроженец саратовской деревни, он в 15 лет (в 1942 г.) отправился в город Кемерово, где начал учиться в школе ФЗУ. Но после травмы потерял руку и школу не окончил. Вернулся на родину. Работал в тракторной бригаде. В 1945 г. каким-то чудом сумел закончить курсы счетоводов, но в силу малограмотности работать по этой специальности так и не смог. Возвратился в тракторную бригаду...

В 1948 г. Зайцев чуть не попался на краже колхозного зерна. Сообщника арестовали и осудили, а Зайцев впервые продемонстрировал свой авантюрный и изворотливый характер. Он сумел скрыться без документов. На работу, находясь в бегах, умудрился устроиться без паспорта, а потом путем ловкой махинации добыл себе новый. Про свою жизнь Зайцев любил рассказывать разные героические вещи. Например, хвастался, что руку потерял на войне, писал в анкете, что освобождал Тулу, хотя немцев в Туле во время войны не было. В начале 1950-х гг. лихой авантюрист сумел устроиться на работу в торговлю. В то время он уже сильно пил, и дело

закончилось растратой. От следствия сбежал, опять ухитрился получить новый паспорт. В 1952 г. предстал, наконец, перед судом и по жестокому Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» был приговорен за свое последнее художество к 10 годам лишения свободы. В декабре 1954 г. Зайцева условно-досрочно освободили. Полтора года он пожил на воле, работал в артели инвалидов в Новочеркасске. В августе 1956 г. получил два года лишения свободы за хулиганство. Под новый 1958 г. освободился и снова приехал в Новочеркасск. Менял разные места работы, временами не работал совсем. Много пил. Пропивал не только зарплату, но и одежду, как свою, так и сожительницы. В конце концов, Зайцев уехал из Новочеркасска в марте 1962 г. в Волгоградскую область. Там устроился на работу в совхозе.[829]

31 мая Александр получил 28 рублей казенных, денег на приобретение красок для совхоза и 1 июня приехал в Новочеркасск. Запил горькую, спустил казенные деньги и, чисто по-русски махнув на все рукой, активно включился в волнения. Помимо ритуального сквернословия в адрес Ленина А. Ф. Зайцев призывал «к расправе над руководителями местных органов власти и военнослужащими, останавливал проходивший автотранспорт, требуя от водителей прекращения работы. Ворвавшись в горком партии, А. Ф. Зайцев проник на балкон, призывал бесчинствующих к активизации бандитских и погромных действий, требовал нападать на военнослужащих и отбирать у них оружие». Когда здание горкома КПСС было оцеплено военными, «Зайцев выкрикивал в их адрес грубые оскорбления, называл их „фашистами“, провокационно заявлял, что они якобы убивают инвалидов, детей и матерей, требовал выдать для расправы бандитам генерала, командовавшего воинскими подразделением, охранявшим здание, заявляя при этом: „Дайте нам этого генерала... мы его растерзаем“».[830]

«Погромная» программа все явственнее звучала в выступлениях на стихийном митинге. Ее активным «аранжировщиком» был 32-летний слесарь электродного завода Михаил Кузнецов. Родителей своих он не помнил, воспитывался в детдоме в Киеве, в начале войны был эвакуирован в Узбекистан: В 1945 г. из детдома сбежал, бродяжничал. Милиция задержала его как беспризорника и отправила в школу ФЗУ. Можно сказать, повезло! Прочувшись 6 месяцев, Михаил получил специальность слесаря-инструментальщика. Начал работать во Львове. Но в мае 1950 г. бес попутал. Вместе с товарищем по работе утащил из заводского клуба радиоприемник с проигрывателем. Попал все под тот же злосчастный указ от 4 июня 1947 г., который многим людям поломал жизнь и озлобил против власти. За кражу радиоприемника Кузнецова приговорили к 8 годам лишения свободы. Иные за умышленное убийство получали меньше! Р счастью, в 1953 г. Михаила освободили по амнистии. В 1959 г. он был замешан как «наводчик» в квартирной краже. Но в то время пошла мода на «общественные меры воздействия», и коллектив цеха взял Кузнецова на поруки, поскольку он «чистосердечно признал свою вину».[831] В том же 1959 г. у Михаила родилась дочь.

2 июня Кузнецов вместе со всеми остальными бросил работу, напился пьяным и очутился в толпе у здания горкома. По данным следствия и суда, М. А. Кузнецов не просто призывал к погромным действиям и к расправе над солдатами и офицерами, но и использовал стандартные приемы «революционного блефа», обычно эффективные при удержании колеблющихся сторонников в орбите влияния лидеров. Слесарь настойчиво повторял, что в Новочеркасск из других городов идет «подмога». По признанию самого Михаила, его «программа-минимум» заключалась в выкриках: «Смелее вперед! Мы должны все громить, чтобы они знали нашу силу», имея в виду при этом, по его объяснению, «руководителей как малых, так и больших».[832]

В конце концов «погромная» программа была доведена до конкретики некой женщиной, выглядевшей лет на 30–40, по данным следствия, ею оказалась 27-летняя охранница строительного управления № 31 Екатерина Левченко. Екатерина была женщиной незамужней, бездетной, с трехклассным образованием, по всей вероятности, со сложным и неуживчивым характером. В 1959 г. она была осуждена за кражу жакета у квартирной хозяйки к 2 годам лишения свободы. После освобождения жизнь никак не складывалась. Левченко часто меняла место работы. Будучи человеком нервным и эмоциональным, она постоянно срывалась на ссоры и скандалы, отличалась склонностью к распространению слухов.[833]

Именно Екатерина указала толпе ближайшую, очевидную и «моральную» цель дальнейших действий. С балкона здания горкома она кричала, что первого июня была задержана и избита милицией (обвинение утверждало, что в действительности ничего подобного не было), но главное — призвала толпу идти на выручку арестованных рабочих, чтобы освободить их из камер городского отдела милиции. Никаких арестованных рабочих в горотделе за решеткой в то время не держали.[834] Поэтому выступление Е. П. Левченко было в полном смысле этого слова провокационным. После него в толпе у горкома поднялся крик, шум, раздались возгласы: «Освободить рабочих!».[835] От демонстрантов отделилась группа человек в 30–50 и двинулась к зданию милиции (оно находилось на той же Московской улице, в двух кварталах от горкома КПСС). Большинство искренне верило, что идут освобождать братьев-рабочих.[836] Толпа любопытных, собравшихся перед этим у здания милиции, вела себя спокойно, никаких попыток проникнуть в здание не

предпринимала. Левченко продолжила свою «агитацию». В конце концов, раздались возмущенные крики: в милиции избивают рабочих.

В атаку на горотдел милиции отправились «экстремисты». Неудивительно, что в их среде явственно зазвучали «антикоммунистические» мотивы. 25-летний повар школы-интерната № 2 Владимир Шуваев (во время событий он был пьян), не только угрожал военнослужащим и коммунистам расправой, но и сформулировал своеобразные идеологические постулаты погромщиков: «место коммунистам — на столбе»; «с коммунистами говорить бесполезно...», «всех их надо стрелять».[837] А для того, чтобы снять с коммунистов психологическую защиту коллективного «мы», Шуваев приравнивал их к фашистам, убийцам, а солдат призывал стрелять в тех, «кто вас заставляет стрелять в народ». «Идеологией» дело не ограничилось. Владимир Шуваев вел себя крайне агрессивно, требовал у одного из солдат: «Дай мне автомат, я всех перестреляю», швырял камни в танки, ругался, сквернословил.[838] (При задержании у Шуваева был изъят тесак.[839])

Несмотря на сопротивление милиционеров и военнослужащих, погромщикам удалось сорвать с петель наружную дверь, использовать ее в качестве тарана, выбить следующую дверь и ворваться в помещение горотдела. Началось настоящее сражение, в ходе которого нападавшие сыпали угрозами и оскорблениями, бросали камни, избивали военнослужащих, пытались вырвать у них оружие, били стекла. Неприглядную картину несколько скрашивало то, что погромщики постоянно требовали освободить задержанных, т. е. добивались, как им казалось, восстановления справедливости.

Атмосфера коллективного психоза затягивала, заставляла людей терять самоконтроль. Один из участников событий рассказывал: «Мне почему-то тоже какая-то сила внушила, и я тоже крикнул: „Выпустить“. После стали входить в здание, и я тоже полез. Не прошел и восьми метров, как в помещении стали стрелять. Я испугался и вбежал в комнату, где нас закрыли.[840] И до сих пор я не пойму, как заскочил туда. Какой черт просил меня идти, что заставило меня войти в отделение милиции».[841]

Даже в раздраженной и настроенной на насилие толпе нашлись люди, пытавшиеся если не остановить погром, то, по крайней мере, вести себя по-человечески. Например, один из осужденных за участие в нападении на милицию 24-летний Г. Г. Ларенков попытался спасти от избиения сбитого с ног солдата.[842]

Во время нападения на горотдел имели место попытки завладеть огнестрельным оружием. В ходе завязавшейся потасовки 29-летний слесарь Владимир Черепанов (женатый, отец одного ребенка, со средним образованием) намеревался вырвать автомат у одного из солдат.[843] Попытка закончилась неудачей. А вот у другого солдата, Репкина, автомат все-таки отняли. Обвинение утверждало, что налетчики попытались применить это оружие против охраны. А поэтому «военнослужащие, действуя в соответствии с Уставом караульной и внутренней службы, вынуждены были применить оружие против бандитов и таким образом пресечь их попытку убийства лиц, участвовавших в наведении порядка».[844] Один из нападавших был убит.

Пролилась первая кровь. Но это не остановило и, кажется, даже не очень испугало возбужденных людей. Толпа пыталась проникнуть в здание милиции и с тыла — со двора Новочеркасского отделения государственного банка. Когда старший наряда, охранявшего госбанк, потребовал от погромщиков удалиться с территории, прилегающей к охраняемому объекту, кто-то (следствие утверждало, что это был 48-летний музыкальный мастер фабрики бытовых услуг Иван Гранкин, но он это отрицал) рванул на груди рубаху: «Стреляйте!».[845] По некоторым данным, этот эмоциональный всплеск, выдававший уверенность толпы: стрелять не посмеют, не был единственным. Есть смутные свидетельства того, что над толпой поднимали ребенка с криком: «в детей стрелять не будете!».[846] (Обвинили в этом 30-летнего грузчика Николая Козлова, но он отказывался.)

Поисковая активность толпы, попавшей в стрессовую ситуацию («вожди» из горкома сбежали, спрашивать было не с кого), вылилась не только в «погромную» программу действий. Когда «экстремисты» отправились в горотдел милиции «освобождать арестованных», с новой идеей выступил 39-летний обрубщик литья Новочеркасского станкостроительного завода Борис Мокроусов, человек во многих отношениях неординарный, досыта хлебнувший лиха на своем веку. Своего отца Савелия Кузина Борис не помнил. После окончания 6 классов был мобилизован в ремесленное училище при заводе «Красный металлист» в Горьком. Вскоре после начала войны Мокроусов из училища сбежал. За это в августе 1941 г. получил первую судимость — приговорен к одному году исправительно-трудовой колонии. В ноябре 1941 г. досрочно освобожден.

В сентябре 1942 г. Мокроусов (тогда еще Кузин) поссорился с матерью и убежал на фронт. Долго скитался, пока не оказался в городе Казалинске Кзыл-ординской области. Там и был задержан милицией. Юноша решил использовать свой шанс, как ему казалось, побыстрее попасть на фронт. Назвался Мокроусовым Борисом

Николаевичем (под этим именем Борис Савельевич Кузин и прожил всю оставшуюся жизнь), прибавил себе два года и назвался красноармейцем, отставшим от части. Его объявили дезертиром, он не возражал: слышал, от кого-то, что дезертиров сразу отправляют на фронт. В итоге военный трибунал приговорил Мокроусова к 10 годам лишения свободы. Из лагеря Борис бежал, был пойман и получил еще 10 лет. Человек отчаянный и бесстрашный, Мокроусов, судя по всему, жестко боролся в лагере за выживание (может быть, с этим был связан и его побег). Одна из ссор привела к преступлению. Борис напал на своего спящего врага и попытался убить его кайлом. Покушение совершил буквально через несколько дней после второго приговора и возвращения в лагерь. Снова 10 лет лишения свободы.

В мае 1944 г. Военная коллегия Верховного суда СССР наконец разобралась в деле «дезертира» Мокроусова (Кузина) и отменила приговор Военного трибунала Кзыл-ординского гарнизона. Затем последовала отмена второго приговора, а по третьему — дело было направлено на новое судебное рассмотрение.

Однако машина исполнения судебных решений не сработала. Определение Военной коллегии до Богословского ИТЛ, где отбывал наказание Мокроусов, не дошло. Так неудачливый беглец на фронт и просидел в лагере, даже не подозревая о своем частичном оправдании, вплоть до 1953 г.

Выйдя на свободу, Мокроусов долго скитался в поисках крова и пропитания. В ноябре 1955 г. был задержан за хищение продуктов из пристанционного буфета, арестован и осужден к семи годам Лишения свободы. С этого времени Борис попытался переломить свою жизнь. В августе 1959 г. за хорошее поведение в лагере был условно-досрочно освобожден с испытательным сроком 3 года. Приехал в Новочеркасск, устроился на работу на НЭВЗ обрубщиком литья. Желających заниматься этим тяжелым трудом было мало, и администрация завода охотно принимала на работу бывших уголовников. Мокроусов женился, начал хорошо зарабатывать. Жизнь стала постепенно налаживаться.[847]

В забастовке и демонстрации Мокроусов участия не принимал. 2 июня с утра был на работе. Затем отправился к горкому. В толпе вел себя активно, переходил от группы к группе, возмущался и протестовал. В конце концов именно Мокроусов предложил новый «план»: надо выбрать делегацию и потребовать удаления войск из города.

Участвовать в переговорах с военным командованием вызвались 9 человек. Делегация была беспрепятственно пропущена в здание горкома КПСС и встретила с начальником гарнизона. Выполнить требование о выводе войск начальник, разумеется, отказался, сославшись на то, что неправомерен решать такие вопросы. В ответ Мокроусов заявил: «Не о чем с ним говорить, нужен тот, кто может решить этот вопрос». По дороге в военный городок, где находились Микоян и Козлов, Мокроусов вел «агитацию»: пытался добиться от сопровождающего офицера, как тот лично относится к повышению цен и снижению расценок. Попытки офицера отмолчаться Борис объяснил просто: «Что с ним разговаривать — он коммунист».[848]

Бесстрашный и отчаянный Мокроусов (по оценке обвинительного заключения — «наглый»), в беседе с «московскими вождями» «требовал вывода воинского подразделения из города, злобно клеветал на материальное положение трудящихся, наносил угрозы и грубые оскорбления в адрес руководителей Партии и Правительства».[849] Как рассказывал сам Мокроусов своим товарищам по работе (было это еще до ареста, 4 июня 1962 т.), он требовал от Микояна и Козлова «чтобы они не прижимали рабочий класс», при этом он ударял кулаком о кулак, показывая: «мы — рабочий класс, нас много». В общем, «разговаривал с ними напрямую и сам не знаю как меня там не арестовали».[850]

И. Мардарь удалось отыскать одного из очевидцев встречи — Ю. П. Тупченко, бывшего начальника управления КГБ по Ростовской области. Тупченко запомнил, что с делегацией встречался сам Ф. Р. Козлов. Среди представителей демонстрантов «были две или три девушки. Один из мужчин был изрядно пьян. Представился — „Жуков“ и нецензурно выражался. Разговор шел о бедственном положении рабочих, жителей города. Запомнилась фраза одного из членов делегации: „У нас хорошо живется лишь Юрке Гагарину да Маньке буфетнице“». По словам Ю. П. Тупченко, «делегация не просила членов правительства выступить перед демонстрантами. Ф. Р. Козлов попрощался с ней словами: „Идите к людям, успокойте их, призовите прекратить беспорядки“».

И. Мардарь считает: «Встреча закончилась безрезультатно для демонстрантов, да и никто из приехавших «важных птиц» не воспринял эту делегацию всерьез». К тому же встреча, по предположению журналистки, состоялась уже после выстрелов в Горотделе милиции и расстрела на площади. Делегация, покинувшая площадь минут за 20–30 до стрельбы, о происшедшем еще не знала. Ее отпустили с миром. А аресты начались позже.[851]

«Встреча» кремлевских представителей с «народом» имела скорее символическое, чем практическое значение. Эта встреча, а не только выстрелы в толпу по приказу Москвы, превратила локальный конфликт местной администрации и местных рабочих в столкновение целого города с центральной властью. Стороны даже вступили в «переговоры». Членам Президиума ЦК КПСС пришлось выслушать резкие требования, упреки и обвинения рабочей делегации, — такого режим не знал уже лет сорок! Было над чем задуматься и о чем вспомнить. На горизонте замаячил призрак организованного рабочего протеста.

Какая-то часть толпы, оставшейся у горкома КПСС, была настроена на то, чтобы дожидаться результатов переговоров. Другие бунтовщики вели себя более агрессивно. И пока делегация отсутствовала, произошли драматические события. Власти попытались очистить здание и оцепить его силами воинского подразделения. Но нападавшие и сами в массе своей вышли уже на площадь, поскольку в опустевшем и разгромленном горкоме делать им было решительно нечего. По справедливому замечанию И. Мардарь, никакого практического смысла выставлять охрану у пустого здания, а тем более «защищать его, применяя оружие», не было.[852] Тем не менее, группа военных на бронетранспортере попыталась вклиниться в толпу и оттеснить демонстрантов. Им это не удалось, и они получили приказ выйти из толпы. Эти малопонятные маневры очень напоминают подготовку к расстрелу: свои не должны были пострадать.

К этому времени прибыла новая группа автоматчиков (из состава войск МВД СССР) под командованием начальника Новочеркасского гарнизона генерала Олешко. По данным прокурорской проверки Прокуратуры СССР, Олешко обратился к толпе с балкона с требованием прекратить демонстрацию. Толпа не реагировала. Солдаты, выстроенные у фасада, произвели предупредительный залп в воздух, «от чего толпа шумевших и напуганных людей отхлынула назад. Однако тут же из толпы раздались выкрики: „Не бойтесь, стреляют холостыми“. После чего толпа вновь ринулась к зданию и выставленным перед ним солдатам. Последовал повторный залп вверх и сразу же после негр единичные автоматные очереди по толпе. В результате — человек 10–13 остались лежать на площади. Впоследствии выяснилось, что кто-то из особо буйствующих лиц пытался выхватить оружие из рук солдат, которые вынуждены были открыть огонь. И только после этих выстрелов среди демонстрантов возникла паника».[853]

По сообщению И. Мардарь, в материалах прокурорской проверки есть документы, свидетельствующие о том, что находившийся на балконе генерал Олешко «никаких команд на применение оружия не давал, даже наоборот, возмущенный действиями стрелявших, пытался криками остановить их».[854] При этом, по некоторым данным, именно в этот момент один из демонстрантов, пожилой мужчина, призывал толпу с балкона к сдержанности и организованности.[855]

Официальная версия пыталась представить расстрел толпы как случайность, как своего рода недоразумение, а саму стрельбу подать как акт самозащиты, ответ солдат на угрозу для их жизни. Чтобы придать логичность и выстроенность этой версии, нападение на милицию и на горком связали единой причинно-следственной цепочкой: разозленные неудачей в милиции хулиганы вернулись на площадь, снова попытались отобрать у каких-то солдат оружие, а солдаты (без специального приказа) «вынуждены были» открыть огонь. Эта версия уже давно вызывает обоснованные сомнения. Почему-то не было установлено (в отличие от эпизода в милиции) ни имя солдата, который якобы подвергся нападению, а сделать это было совсем нетрудно, ни того, кто пытался отобрать у него оружие и угрожал жизни. Версии о самозащите противоречит и тот подтвержденный многими очевидцами факт, что стрелять в толпу начали все-таки одновременно, а не единичными автоматными очередями. Так стреляют по приказу, а не при спонтанных попытках защитить свою жизнь.

Одним словом, вряд ли можно считать эпизод расстрела полностью восстановленным. Однако для нашего исследования достаточно и того, что факт нападения на солдата не был доказан следствием, которому пришлось прибегнуть к довольно грубой подтасовке, чтобы доказать недоказуемое. И. Мардарь справедливо пишет по этому поводу, что ни в 1962 г., ни в 1990 г. так и не нашли ни одного очевидца нападения на военнослужащего, никого, кто своими глазами видел бы это ключевое для официальной версии событие.[856] Хотя многие другие, гораздо менее существенные эпизоды были восстановлены до мельчайших деталей. С этой точки зрения правомерен вывод о том, что был приказ стрелять на поражение, а толпа перед стрельбой никак не меняла своего поведения; оно, впрочем, и так было уже достаточно агрессивным. Повторное применение оружия 2 июня 1962 г. было продиктовано не полицейскими, а политическими мотивами. Следовательно, и ответственность за неправомерное применение оружия несут не отдельные военнослужащие, а гораздо более высокие инстанции.

И. Мардарь высказала обоснованное предположение о том, что члены Президиума ЦК КПСС были испуганы встречей с делегацией забастовщиков, увидев в этой делегации очевидный симптом начавшейся самоорганизации бунтовщиков.[857] Вероятно, это действительно могло подвигнуть «московских вождей»

воспользоваться уже полученной санкцией Хрущева на применение оружия, не очень задумываясь при этом о таких «мелочах», как правомерность стрельбы в безоружную толпу.

После расстрела. Речь мусорщика Жилкина.

Известие о расстреле толпы, до последнего момента верившей, что «в народ стрелять не будут», быстро облетело город. О первой реакции на происшедшее можно судить по рассказу 34-летнего прессовщика НЭВЗ П. Ф. Решетникова, осужденного за участие в волнениях: «Часа в 2-3 дня к заводу стали приезжать рабочие, рассказывали, что в городе стреляли в людей. Народ стал возмущаться, к нам подошел Дьяченко и сказал: „Ну и правильно, что постреляли людей“. Я на это заявил Дьяченко: „Как ты смеешь так говорить, а еще красную повязку повязал, лучше бы ты черную нацепил“. Стоявший здесь же Завалко, его фамилию я узнал потом, тоже стал говорить, что правильно людей постреляли. Я после этого ударил его по лицу. Люди нас разняли, я сел на велосипед и уехал на речку. Завалко говорил, что бесчинствующие люди причинили государству большой ущерб, а я ему ответил что люди, разве, ничего не стоят? Я был расстроен его высказываниями и ударил его по лицу».[858]

В изложении свидетелей, дело выглядело несколько иначе, но суть конфликта понятна: расстрел расколол жителей города. Одним, с самого начала выступавшим против забастовки, пришлось искать моральных оправданий своему сотрудничеству с властями, отдавшими жестокий приказ. Другим, бывшим до сих пор в стороне, — вырабатывать собственную позицию, даже если они и не высказывали ее вслух, подобно Решетникову.

Противоречие между возмущением и страхом, который внушал режим законопослушным обывателям, было основой психологического и морального стресса. Его пережили в тот день многие жители города. 33-летний старший инженер Новочеркасского филиала проектного института «Гипроэнергопром» Н. П. Бредихин, отец двоих малолетних детей, ранее не судимый, был по всем критериям политической благонадежности вполне «советским человеком». Добровольно, по призыву партии, как тогда говорили, он выезжал работать в деревню, в МТС, и на целину, имел больше всех в отделе рационализаторских предложений и изобретений, готовился поступать в аспирантуру. Портрет Бредихина висел на «Доске почета».[859]

В волнениях инженер не участвовал. Однако, узнав о происшедшем, не нашел в себе сил лицемерить или, по крайней мере, промолчать. «Я сел за рабочее место, — рассказывал Бредихин, — и стал чертить схемы. Через некоторое время я услышал звуки, напоминающие звуки движения телеги по булыжнику. Кто-то сказал, что это стреляют. Я высказал сомнения на этот счет и продолжал работать. Около часа дня пришел старший инженер-конструктор Коршиков. Он был бледен и в возбужденном состоянии стал говорить, что сам видел, как на площади стреляют в толпу, что убита женщина с ребенком. Под впечатлением таких рассказов техник Соседко впала в истерику. Она причала, что могут убить и ее мать. Сослуживцы стали возмущаться, что в толпу стреляют. Я, поддавшись этому возбуждению и не разобравшись в событиях, встал из-за стола, снял портрет Хрущева и выбросил его во двор».[860]

Пережитые инженером Бредихиным короткие «звездные минуты», вызвали у окружающих типично «советскую» реакцию. Они немедленно отстранились от «осквернителя», опасаясь разделить с ним ответственность. Только что ужасавшиеся расстрелом безоружных коллеги по работе вдруг замолчали и, как выразился Бредихин, стали его «взглядами осуждать». Бредихин почувствовал себя изгоем, растерялся и испугался, бросился советовать с товарищем: «Что делать?». Совет был вполне «советским»: идти сдаваться в КГБ, что Бредихин и сделал. А одна из сослуживиц подняла оскверненную «святыню», подклеила и повесила на прежнее место.[861]

Вообще же расстрел на площади, напугав обывателей и здравомыслящих, тем не менее не вызвал всеобщего паралича. Стихийный протест продолжался. Во второй половине дня на площади у горкома еще можно было услышать призывы добиваться своего и даже мстить за убитых. «Упертым» бунтовщиком оказался уже известный нам Михаил Кузнецов. Вечером 2 июня он «неоднократно пытался бросать камни в военнослужащих, проезжавших на автомашинах, препятствовал их движению, выкрикивал угрозы в адрес военнослужащих, заявляя при этом: „Завтра в 6 часов утра мы вам покажем“».[862]

52-летний сборщик утиля П. Ф. Жилкин остановил лошадь около электровозостроительного завода, влез на повозку и произнес целую речь по поводу расстрела. По показаниям одного из свидетелей, сборщик утиля говорил бессвязно, но горячо: «Что же вы тут стоите, в городе льется кровь рекой, пулеметы и танки убивают детей и женщин, идите к ним на помощь». Показывая на третий этаж заводоуправления, Жилкин сказал: «А этих гадов нужно расстреливать». Свидетель «подошел к Жилкину, он был немного выпивши. Я ему

предложил уйти отсюда, но Жилкин, видя меня в очках, сказал: „Вот таких гадов нужно бить“. Из толпы крикнули: „Убирайся отсюда“, тогда Жилкин стал опять кричать: "Нужно бить очкастых"».[863]

Вечером у горкома КПСС и у милиции продолжались выступления демонстрантов, в основном, молодежи — старшие благоразумно разошлись по домам. Одновременно на всю площадь транслировали записанную на пленку речь Микояна. Толпа «аккомпанировала» речи члена Президиума ЦК КПСС: ругала военных, снова требовала снижения цен на мясо и масло.[864] Ни Микоян, ни Козлов в тот день так и не появились перед народом. После объявления комендантского часа толпу разогнали силами войск и милиции.

Всего во время беспорядков было убито 23 человека. Десятки жителей города, в основном молодежь, обратились за медицинской помощью в связи с ранениями. Некоторых раненых КГБ забирало впоследствии прямо из больничных палат. Ни одного убитого с правительственной стороны не было.

Попытки продолжения беспорядков и «умиротворение» города (3 июня 1962 г.)

Комендантский час, войска в городе, ужас расстрела 2 июня не могли не отразиться на ходе событий. Многие демонстранты и забастовщики поспешили уйти в тень. Однако утром 3 июня еще рано было говорить об окончательном умиротворении города. Некоторые участники волнений продолжали использовать активные формы протеста. Например, бесшабашный Александр Зайцев махнул на все рукой и еще два дня куролесил на улицах города. По данным обвинительного заключения, он «бесчинствовал, угрожал военнослужащим и работникам милиции расправой, препятствовал продвижению военных машин».[865]

Среди тех, кто 3 июня пытался удержать накал волнений, оказался 23-летний монтер А. М. Отрошко. Он был одним из тех немногих участников волнений, кто, по данным КГБ, и «ранее в кругу знакомых высказывал антисоветские измышления».[866] (Заметим в скобках, что людей с «антисоветскими» взглядами среди забастовщиков и демонстрантов было очень мало. К их числу относился, например, участник нападения на горком, 34-летний безработный В. Г. Кувардин. Но в отношении него органы госбезопасности имели лишь неопределенные сведения об «антисоветских настроениях» и намерении установить связь с американским посольством.[867]).

3 июня погромщики предпочли благоразумно затихнуть. «Хулиганских проявлений» в этот день было немного. А вот забастовщики электровозостроительного завода им. Буденного не сдавались. Утром 3 июня они пришли на работу, а затем небольшими группами, по 2–3 человека, снова двинулись в город. В пути к ним стали присоединяться более многочисленные группы рабочих (по 10–15 человек). Некоторые ехали на машинах, большинство шло пешком. К 8 часам утра на месте вчерашнего побоища — у юрты милиции и у горкома КПСС снова стала собираться толпа. Сначала она насчитывала лишь 150 человек. Но люди продолжали подходить, а затем, около 9 часов утра, наступил критический момент. Какая-то женщина истерически крикнула, что вчера убили ее сына. Толпа достигла 500 человек. Страсти накалялись, люди приблизились к оцеплению, в котором стояли солдаты, и снова стали требовать освобождения арестованных. Власти решили напомнить о себе и попытаться отвлечь внимание толпы. На кинотеатре «Победа» были установлены репродукторы и снова началась трансляция записанных накануне на пленку речи Микояна и приказа командующего округом о введении комендантского часа.

Серьезные опасения властей вызвала оперативная информация о какой-то «группе мотоциклистов», направлявшейся из Новочеркасска в Шахты (город в 40 км от Новочеркасска). Дело выглядело так, что некие парламентарии забастовщиков едут к соседям за поддержкой. За городом были установлены посты, которые в течение дня задержали 32 человека, направлявшихся в сторону Шахт на мотоциклах, велосипедах или пешком. Трое задержанных показались подозрительными и были арестованы за участие в волнениях.[868] Ничего достоверного об их планах и намерениях неизвестно. Однако повышенная чувствительность «начальства», опасавшегося распространения беспорядков вширь, сама по себе достаточно симптоматична.

К 12 часам властям удалось, наконец, организовать партийный актив, дружинников, некоторых лояльных рабочих. Началась массовая агитация на заводах и среди горожан. В 15 часов по радио выступил Ф. Р. Козлов. Эта речь, по оценке заместителя председателя КГБ Ивашутина, стала «переломным моментом в настроении людей».[869] После нее они постепенно начали расходиться.

Выступление Козлова было построено весьма умело. Оно учитывало желание большинства горожан каким-то образом выйти из тупиковой для них ситуации конфронтации с властью. Козлов, апеллируя к

массовому комплексу вины перед властью, свалил всю вину за организацию беспорядков на неких «хулиганствующих элементов», «застрельщиков погромов», которых он отделил от большинства жителей города. Тем самым у массы горожан, в той или иной степени участвовавших в волнениях, появилась надежда остаться в стороне. Ссылаясь на встречу с «группой представителей», во время которой, как мы помним, на самом деле произошел весьма резкий, на высоких тонах разговор, Козлов утверждал, что именно «представители» «поставили вопрос о порядке в городе и на предприятиях», попросили членов Президиума ЦК КПСС «выступить по местному радио и выразить наше отношение к беспорядкам».[870] (Очевидец встречи, как выяснила И. Мардарь, ничего подобного не запомнил.) Расстрел толпы 2 июня был парадоксальным образом представлен чуть ли не инициативой рабочей делегации, требовавшей навести порядок.

Одна подтасовка потянула за собой другую. Козлов утверждал, что участники «беседы» вернулись на улицу и «пытались рассказать собравшимся о встрече с нами. Однако хулиганы не давали им возможности говорить».[871] В таком контексте события 2 июня выглядели уже как столкновение властей, поддерживаемых большинством честных людей города, и каких-то «хулиганствующих элементов», людей преследующих «не благо народа, а иные — корыстные цели, или людей, поддавшихся на удочку провокаторов».[872] Большинство горожан, составлявших толпу 1 и 2 июня, получали как бы обещание индульгенции от ЦК КПСС, а значит, и надежду избежать наказания. Аргумент существенный, власть ведь уже продемонстрировала свой жестокий норов.

Разделив жителей Новочеркасска, на «чистых» и «нечистых», Козлов намекнул и на возможные уступки (пообещал разобраться с недостатками нормирования труда и торговли), но никакой надежды на отказ от повышения цен не оставил. Да еще и представил позицию участников новочеркасской забастовки как некую конфронтацию со всеми «советскими людьми», которые, оказывается, повышение цен «встретили с пониманием и полностью поддерживают».[873] Наконец, сфальсифицировав ход событий, Козлов подал дело так, что требование демонстрантов о встрече с представителями высшей власти, якобы, уже было им и Микояном выполнено. «Вчера и сегодня мы побывали на предприятиях», — утверждал Козлов. Просто, мол, рабочие НЭВЗ попали в число изгоев: члены Президиума ЦК КПСС, якобы, посетили только те заводы, которые «добросовестно трудятся» и «выполняют производственный план». Следуя пропагандистской модели того, как должны вести себя лидеры «подлинно народной власти», Козлов уверял даже, что они с Микояном «беседовали с рабочими на улицах города».[874] В действительности никаких встреч 2 июня не было вообще, а 3 июня Козлов и Микоян встречались только с благонадежным коммунистическим активом НЭВЗ и навестили более или менее лояльный завод синтетических продуктов. О встречах на улицах ничего доподлинно не известно.

Судя по всему, речь Козлова по радио, хотя и обозначила перелом ситуации в пользу властей, тем не менее никакого особенного магического эффекта на участников волнений не произвела. Во время и после выступления Козлова сотрудники КГБ зафиксировали «отдельные злобные выкрики и угрозы». Восстановление же порядка в городе после 17 часов дня, вероятно, в гораздо большей мере было связано с эффективностью полицейских мероприятий и комендантским часом (в ночь с 3 на 4 июня было задержано 240 человек[875]), блокировавших действия «зачинщиков» и «экстремистов» и лишивших их питательной почвы — многочисленной толпы.

В тот же день, 3 июня, было возбуждено уголовное дело в отношении активных участников массовых беспорядков по признакам ст. 79 УК РСФСР. Его принял к производству заместитель начальника отделения Следственного отдела КГБ при СМ СССР подполковник Д. Ф. Щебетенко, возглавивший команду из 26 следователей.[876] В Новочеркасске и близлежащих городах (Ростове, Шахтах, Таганроге) работали присланные из центра 140 оперативных и руководящих работников КГБ во главе заместителями председателя Ивашутиным и Н. С. Захаровым.[877]

4 июня жизнь города начала входить в нормальную колею. Если, конечно, считать «нормальным» страх сотен людей, опасавшихся ареста и не знавших, кого именно «засекли» в дни волнений негласные соглашения и «фотографы». Завод им. Буденного приступил к работе. По обычному ритуалу прошли собрания актива, осудившие, как положено, участников беспорядков, т. е. в значительной мере самих себя. Рабочие ночной смены принесли символическую «искупительную жертву» — выполнили производственный план на 150 процентов. (9 июня рабочие сталелитейного цеха, начавшего забастовку, пытаясь задобрить власть, обратились с письменными и устными заявлениями к администрации с просьбой разрешить им работать в воскресенье, чтобы «искупить вину за имевшие место беспорядки». Рабочих похвалили, но «разъяснили», что день отдыха надо все-таки «использовать по назначению».) Не выдержав нервного напряжения, ожидания ареста, некоторые забастовщики и демонстранты приходили в КГБ с повинной.

Далеко не все, «поднявшие руку» на «родную советскую власть», были преисполнены раскаянием. Среди

корреспонденции органы госбезопасности обнаружили анонимный «Первый ультиматум», подписанный неким «Народным комитетом». В нем содержалось требование допустить родственников к раненым, указать место захоронения трупов. В противном случае авторы документа грозили сообщить о расстреле иностранцам. (Подобной утечки информации за границу власти и в самом деле боялись. В Новочеркасске и Шахтах работало 5 машин радио-контрразведывательной службы на случай попыток радиолюбителей отправить сообщения за границу.)

В одном из цехов завода им. Буденного нашли листовку протеста, написанную токарем-револьверщиком В. М. Богатыревым. Потом еще одну (автора не нашли), а на стене — надпись с угрозами в адрес начальника цеха. На улице Герцена на видном месте прохожие читали: «Да здравствует забастовка».[878]

Листовка шлифовальщика Баскакова. Власти приложили все усилия, чтобы «запереть» информацию о забастовке и массовых беспорядках в Новочеркасске, но эта информация все-таки просочилась наружу. Многие разделяли недовольство новочеркасских бунтовщиков и возмущались кровавой расправой. Но лишь немногие решились на выражение своего протеста, на «антисоветские проявления».

4 и 6 июня «антисоветские» листовки появились в городе Зернограде Ростовской области. Их автором оказался М. П. Баскаков, 25-летний шлифовальщик механического завода, беспартийный, ранее не судимый. Баскаков был женат, в 1962 г. у него родился ребенок. Молодая семья жила трудно: не было своей квартиры, зарплата маленькая. А тут еще цены на продовольствие повысили. На молодого человека, по его собственному признанию, произвели глубокое впечатление слухи о событиях в Новочеркасске, где рабочие пытались отстоять свои интересы и были расстреляны властями. В первой листовке, написанной 4 июня и ночью прикрепленной к доске объявлений на улице Ленина, Баскаков не касался событий в Новочеркасске. Однако все, что он написал, вполне могло прозвучать где-нибудь в курилке завода им. Буденного в первый день волнений:

«Товарищи! Подумайте над тем, сколько у нас еще простых честных людей живет в нищете и недостатках. Сколько в нашем городе бесквартирных людей. Да не пора ли обратить все наше внимание, все наши силы, чтобы в ближайшие два-три года искоренить эти недостатки. Может нам все это не под силу? Извините, русскому народу все по плечу, да плюс к этому теперешнее развитие науки, техники. Как несовместимо заключение нынешнего правительства о „вынужденном“ повышении цен на такие основные для человека продукты как жиры, масло, мясо. Что же остается делать человеку? Если он за свой месячный заработок не может хорошо покушать, хорошо одеться, а значит и хорошо отдохнуть. А о таких, названных Хрущевым, предметах роскоши, как приемники, телевизоры, пылесосы, холодильники, автомашины, простому человеку и мечтать о них нечего. Хрущев говорит, что все это — роскошь. Тогда выходит, что и трактора, комбайны — машины, облегчающие человеческий труд, тоже для Хрущева роскошь. Так дайте же господину Хрущеву в руки мотыгу каменного века, пусть не роскошничает».[879]

6 июня в новой листовке Баскаков уже прямо отсылал читателя к опыту Новочеркасска. Не приводя подробностей, он говорил о расстреле как о факте, который хорошо известен всем в Зернограде. Абстрактный протест против несправедливости и жестокости власти во втором произведении Баскакова трансформировался в некое подобие программы действий и требований:

«Граждане! Товарищи! Отцы мои, мои братья и сестры!

Не может же так продолжаться дальше. Не можем же мы со спокойной и черствой душой отнестись к этим грубым, ничем не оправданным попыткам правительства задуть голос нашего народа. Только в капиталистических странах, да в царской России прибегали к таким мерам, на которые пошло наше правительство в г. Новочеркасске... они же боятся своего смелого и правдивого русского народа — не меньше, чем боялся отцов и дедов наших царь Николай I (так в тексте. — В. К.). И поступили они в г. Новочеркасске нисколько не лучшим образом. Ведь такое важное народное дело должен решать весь советский народ, а они решают его сами, да еще прибегают к танкам и оружию на безоружных мирных людей. Позор и стыд нашему правительству! Клеймящее пятно легло на вашу совесть. Вам нечем смыть его, и в конце концов придется держать ответ перед всем народом. Молчат все радиоприемники, газеты, но вам не отмолчаться...

Граждане! Давайте все вместе добьемся хотя бы общего городского собрания нашего Зернограда.

Не будем бастовать, потребуем общегородского собрания нашего Зернограда, а затем и остальных городов...».[880]

Протест М. Баскакова пропитан классическими мотивами «антисоветской агитации» конца 1950-х — начала 1960-х гг. Автор документов заимствовал риторические приемы советской пропаганды (например, тему «братьев и сестер» из известного заявления Сталина о начале Великой Отечественной войны), а основой своих разоблачений сделал популярнейшую в то время в «антисоветских» документах тему «измены» Хрущева делу Ленина, рабочего класса и социализма: «списанные» у «проклятых капиталистов» законы, уподобление расстрела рабочих в Новочеркасске действиям царского правительства и т. п. Однако существенным отличием от большинства подобных документов была практическая программа действий (создание городского общественного комитета), критически использовавшая неудачу новочеркасцев.

Своеобразным идеологическим обоснованием программы М. Баскакова стало его анонимное письмо с критикой правительства, которое он дополнил еще одним традиционным «антисоветским» сюжетом — призывом вернуть в власти свергнутых «вождей» — Булганина, Шепилова, Жукова, которые для обывденного сознания всегда лучше, чем вожди нынешние. Как и многие другие «антисоветчики-ленинцы», Баскаков отправил свое письмо прямо в главный печатный орган ЦК КПСС — газету «Правда», требуя, чтобы его мнение «дошло до народа, если не через вашу газету, то через нелегальную действительную правду».[881]

Позволь власти слухам о Новочеркасске распространиться сколько-нибудь широко, и значительная часть просоветски настроенного населения страны реагировала бы на происшедшее «по-баскаковски». К «падению коммунизма» эта массовая реакция привести, конечно же, не могла, но социально-психологическую почву для замены «плохого вождя» каким-нибудь очередным «истинным ленинцем», несомненно, подготовила бы.

Воззвание генерала Шапошникова.

События в Новочеркасске заставили задуматься о сущности режима не только простых людей. Недовольные нашлись даже среди представителей советской элиты. 7 сентября 1967 г в качестве обвиняемого по уголовному делу по ст.70 4.1 УК РСФСР был привлечен бывший первый заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом, член КПСС с 1930 г., генерал-лейтенант танковых войск, Герой Советского Союза Матвей Кузьмич Шапошников, уволенный в запас в 1966 г. Следователи КГБ утверждали, что в июле 1962 г. он «изготовил и хранил в своей квартире анонимное письмо-воззвание антисоветского содержания». В письме содержалось осуждение новочеркасского расстрела, говорилось о необходимости создать политическую организацию, именуемую «Рабочей партией большевиков», а на предприятиях, в совхозах, колхозах — «производственные комитеты». Автор документа призывал использовать выборы в Советы для бойкота кандидатов, выдвигаемых общественными организациями. Письмо заканчивалось словами: «Мы призываем вас бороться за политическую власть мирными средствами под руководством рабочей партии (большевиков). В условиях создавшейся политической ситуации в общественно-политической жизни мы можем поставить перед собой задачу завоевания политической власти мирным путем».[882]

Письмо, размноженное на пишущей машинке, 30 июня 1962 г. было отправлено по почте в адрес Союза писателей СССР, Союза писателей Грузинской ССР и студентов 4 курса филиала Новочеркасского политехнического института в г. Шахты, а 12 ноября 1963 г. — комитету ВЛКСМ Тбилисского госуниверситета и комитету ВЛКСМ завода им. Кирова в Ленинграде. Конверты писем, отправленных из Москвы 30 июня 1962 г., были подписаны псевдонимом «Неистовый Виссарион» (все со школьной скамьи знали, что так называли известного «революционного демократа» и литературного критика XIX века В. Г. Белинского). Этим же псевдонимом были подписаны еще 6 писем, объединенных единым замыслом и отправленных в 1961–1963 гг. некоторым писателям. Копии всех упомянутых писем, включая письмо-воззвание, были найдены у генерала Шапошникова при обыске. Шапошников признал авторство всех найденных у него документов кроме письма-воззвания. В последнем случае он утверждал, что, обнаружил это письмо у себя в служебном кабинете в штабе СКВО в марте 1963 г. и ввиду его «оригинального» Содержания переписал дословно в записную книжку, изъятую у него при обыске. Печатный текст письма-воззвания тогда же уничтожил, не доложив об этом вышестоящему командованию и не сообщив органам КГБ.[883] Доказывая вину Шапошникова, предварительное следствие опиралось на общий псевдоним («Неистовый Виссарион») во всех найденных у генерала письмах.[884]

Шапошников, возмущенный событиями в Новочеркасске, лично презиравший Хрущева, фактически стоял на достаточно ортодоксальных позициях «критического марксизма». Генерал осуждал не Советскую власть, а ее «плохих вождей», «изменников делу рабочего класса». Не принимая режима Хрущева, Шапошников, судя по показаниям одного из свидетелей, в свое время отрицательно отнесся к решениям XX съезда КПСС и разоблачению культа личности Сталина, полагая, что это «отразится на авторитете Коммунистической партии Советского Союза и государства».[885] С этой точки зрения позиция Шапошникова смыкалась с довольно распространенным в то время «народным сталинизмом» и представляла собой типичный случай

внутрисистемной критики режима, не выходявшей за рамки его фундаментальных основ.

Письмо инженера Велика писателю Паустовскому (6 июня 1962 г.).

Вскоре после снятия Хрущева И. В. Велик, осужденный в связи с новочеркасскими событиями, направил жалобу Л. И. Брежневу с просьбой пересмотреть приговор. История И. В. Велика, который, по его утверждению, в начале беспорядков осуждал забастовщиков и был лояльным сторонником власти, а затем, потрясенный расстрелом, не смог сдержать своего негодования, раскрывает важную сторону новочеркасского феномена: отторжение от власти даже тех, кто никогда ни в какой «антисоветчине» замечен не был, а бунтовщиков поначалу осуждал.

В конце концов, Прокуратура СССР в протесте по делу Велика (март 1965 г.) признала: «Установлено, что письмо о событиях в г. Новочеркасске по содержанию своему является неправильным, но не антисоветским. Как пояснил Велик, он не смог самостоятельно разобраться в причинах массовых беспорядков, был потрясен их последствиями и „излил душу“ в письме к своему любимому советскому писателю Паустовскому. Установлено, что с письмом никто ознакомлен не был, а многочисленные свидетели, знавшие Велика в течение ряда лет, никогда не слышали от него антисоветских суждений».[886]

Эпизод с Великом — лишь одно из многих проявлений специфически советской системы взаимоотношений народа и власти, в которой честный «свой» порой казался коммунистическим правителем не менее опасным, чем идейный противник режима. Среди «своих», вроде Шапошникова или Велика, не было и не могло быть «единодушного одобрения» кровавой расправы. В итоге власть теряла идейных и убежденных сторонников, т. е. именно тех, кто долгие годы обеспечивал ее прочность и стабильность. На стороне режима, в ситуациях, подобных новочеркасской, могли оказаться лишь циники, приспособленцы и конформисты, либо люди подневольные, вынужденные выполнять приказ, на худой конец — легко внушаемые и одураченные пропагандой. На их поддержку в критический момент рассчитывать не приходилось — не станут вмешиваться, а то и предадут. Но и действовать по законам коммунистического мифа режим, как выяснилось, тоже уже не мог или не умел.

Легитимность власти оказалась под вопросом, и рано или поздно этот вопрос мог быть задан. В середине 1960-х гг. возможности для выхода из кризиса легитимности открыло снятие Хрущева. На его грехи были списаны ошибки режима, а коммунистическая верхушка начала поиск новых (не только идейных и не только репрессивных) способов «лоялизации» населения. Но Новочеркасск «застрял» в памяти народа. А молчавшая власть как бы приняла этот грех на себя. Идейным сторонникам коммунизма оставалось жить с сознанием того «что в нашей стране возможны такие кровавые злодеяния».

Эти слова принадлежат некоему З. Н. Ткачеву: Сразу после снятия Хрущева он написал Генеральному прокурору СССР письмо с требованием «разъяснений».[887] Этих разъяснений Ткачев так и не дождался. У власти оставались люди, причастные к расстрелу а повторять «ошибку Хрущева» и разоблачать в 1964 г. новочеркасский расстрел, как в 1956 г. разоблачили «культ личности», охотников уже не было.

Предварительное следствие, суды и приговоры

7 июня КГБ при Совете Министров СССР (П. Ивашутин) отчитался о событиях в Новочеркасске перед ЦК КПСС. 10 июня 1962 г. Ф. Р. Козлов, судя по помете на докладной Ивашутина, устно докладывал Президиуму ЦК КПСС.[888] Подробности подобных устных обсуждений и консультаций, как правило, навсегда остаются неизвестными историкам. Однако политический результат обсуждения очевиден. Коммунистические вожди, лично Н. С. Хрущев, дававший санкцию на расстрел, напуганные и озлобившиеся на свой народ, решили осудить «зачинщиков» «на всю катушку» и, продемонстрировав «строгость» к бунтовщикам, подавить очаг сопротивления в зародыше. Широкой огласке дело решили не предавать, на многие годы «засекретив» даже сам факт волнений. Однако в Новочеркасске, где «секретить» было совершенно бессмысленно, решили устроить показательный процесс.

Учитывая, что никакой действительной «организации» в Новочеркасске не было, предварительное следствие и суд, получившие столь ясную политическую директиву, встали на путь фабрикации уголовных дел, а в число «зачинщиков» запихнули всех, кто попался под руку, особенно, если из них можно было слепить образ хулиганов, отщепенцев, паразитов и тунеядцев. Идеально на эту роль подходили люди с судимостями. Ими-то и занималось в первую очередь следствие. «Я, — писал в одной из своих жалоб Е. Ф. Сильченков, —

задал вопрос на суде обвинителю Кривошеину: „За что Вы меня судите?“. Получил ответ: за то, что я когда-то был судим, значит я недоволен на Советскую власть, т. е. не подхожу ни к одному пункту кодекса строителя коммунизма».[889]

Следствие упорно цеплялось за любые доказательства того, что люди, избранные в качестве «козлов отпущения», организовывали или способствовали организации погромов. Для этого применялся несложный прием. Следствие постоянно возвращалось к обстоятельству, «важному для дела»: совершая те Или иные действия (призывы к забастовке, демонстрации, требования о снижении цен и т. п.), подследственные уже знали о происходивших в других местах беспорядках и погромах. А если знали, то «по существу (?! — В. К.) призывали к их активизации и расширению».[890] то есть действовали умышленно и злонамеренно. Жестокость приговоров, вынесенных участникам новочеркасских событий, во многом была «обоснована» именно этим абсурдным допущением. А в дополнение к нему беспредельные натяжки, связанные с обвинением части подсудимых в организации волнений. «За что дается срок 15 лет по статье 79? — спрашивал тот же Е. Сильченков. — За организованное вооруженное нападение на власть. А кто организовал?»[891]

Кроме того, в ход пошли приемы, вполне достойные сталинской эпохи. Так, про Геннадия Гончарова стало известно, что он и его товарищ 2 июня «принимали участие в так называемой демонстрации и даже заходили в здание горкома партии».[892] Поскольку «практической деятельности Гончарова в этом не установлено», этот эпизод ему не инкриминировался. Но все-таки прокурор Шубников не удержался и предложил использовать эти сведения в суде хотя бы для отрицательной характеристики личности Гончарова.

Далеко не всегда следствие проявляло такую похвальную «сдержанность». Красноречив случай с Е. Левченко. Следствие явно игнорировало противоречия в показаниях свидетелей. Никто не отрицал, что какая-то женщина с балкона призывала к освобождению якобы арестованных рабочих из милиции. Однако в показаниях свидетелей явно были противоречия: возраст (то ли 30, то ли 40 лет), одежда (то ли черный жакет с цветастым платьем или черное платье, то ли красноватый джемпер или свитер). Одна из свидетельниц, сказала, что выступавшая была ее знакомой по имени Галя (Левченко зовут Екатерина).[893] Те, кто видел выступавшую с балкона женщину с близкого расстояния (А. М. Миронов, тоже выступавший с балкона, В. Д. Черепанов, вместе с ней участвовавший в нападении на милицию), так и не опознали в ней Левченко. Возможно, речь вообще следовало вести о двух женщинах, отличавшихся и по возрасту, и по одежде. Недаром же Левченко признала себя виновной только частично. В любом случае, предварительное следствие в спешке обходило острые углы, прибегая, мягко говоря, к весьма странной логике: «Из показаний обвиняемого Миронова видно, что в данном случае речь идет о Левченко, хотя Миронов на следствии ее и не опознал».[894]

Подобную логику «доказательств» можно было бы считать юридическим курьезом, если бы она не была возведена в систему. В одном из заключений Прокуратуры СССР (январь 1965 г.) по жалобе Тульнова, полностью отрицавшего свою вину, было сказано, что его активное участие в нападении на милицию «подтверждается фактом задержания его на месте преступления в числе первых». И все! Но Тульнов утверждал, что заглянул из любопытства, и нет свидетелей, которые могут подтвердить обратное. Ни следствие, ни суд поиском таких свидетелей себя, естественно, не утрудили, поскольку, как выразился Тульнов, «искали во мне врага».[895]

Вячеслав Черных прямо обвинял следствие в фальсификации своего дела: «Майор Васильев воспользовался моими чистосердечными признаниями, моей темнотой и огрызнул меня. Я удивляюсь тому, что как могли органы безопасности провести дознание так, как было, без ошибок. Им нужно было найти организаторов, а они ленились, вот и пришили мне, что я вообще не делал. Все облегчающие обстоятельства а также тех свидетелей, которые говорили в мою Пользу, во внимание не брали».[896] На «отдельные проделки следователя Демидюка» жаловался в Прокуратуру СССР Георгий Васюков. Он подчеркивал, что суд «абсолютно не прислушался к свидетелям, которые изменяли свои показания, не взирая на то, что ранее ряд свидетелей показывал совсем противоположное».[897]

Со свидетелями вообще «работали», выбирая исключительно удобных, либо тех, кого удалось соответствующим образом «подготовить». Как писал, в частности, Е. Сильченков, державшийся до конца и так и не признавший своей вины, свидетели обвинения после процесса говорили: «Мы не знали, мол, что будут давать такие сроки, нас инструктировал следователь...»![898] В жалобе на имя председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР от 10 января 1964 г. Ефим Федорович пытался привлечь внимание к технологии фабрикации его уголовного дела: игнорирование показаний неудобных свидетелей и патологическая доверчивость к свидетелям удобным.[899] Речь, в частности, шла о знакомом Сильченкова, заводском коммунисте, который просил его как человека пожилого и солидного повлиять на

толпу, убедить ее пропустить поезд. Тем самым появлялся эпизод, не только косвенно доказывающий отсутствие злого умысла в действиях обвиняемого, но и говорящий о его вялых попытках помочь властям в наведении порядка. Предварительное следствие и суд проигнорировали показания этого свидетеля, но не опровергли их.[900]

На пристрастность и предвзятость следователя Демидюка жаловался и В. Г. Бахолдин: «Мой следователь капитан Демидюк, который вел мое дело, собирая материал лишь тот, который меня уличал, а также и свидетелей тех, которые меня могли уличить. А тех свидетелей, которых я указывал следователю, что они могут оправдать эти ложные показания, следователь под разными предлогами отводил их и не собирался искать этих людей, хотя я указывал фамилии и их адреса...»[901]

В. А. Уханов обратил внимание на то, что вместо показаний свидетелей, постоянно находившихся поблизости от него в момент событий, предварительное следствие и суд предпочли использовать показания тех, кто видел его действия издалека, а слышать вообще не мог. Он называл имена людей, готовых подтвердить, что выкриков вообще не было. Уханов обратил внимание и на то, что свидетель под нажимом следствия оговорил его, а потом на очной ставке и на суде от своих показаний отказался. Однако «суд заменил в приговоре свидетельское „Не слышали“ на „слышали“».[902]

Любой непредвзятый профессионал сказал бы, что в деле Уханова вообще не сходятся концы с концами, как, впрочем, и во многих других делах, если не во всех. Не случайно после одной из жалоб Уханова прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР Т. Г. Соколова пришла к заключению: осужденный «приводит заслуживающие внимания доводы и поручила начальнику аналогичного отдела Прокуратуры РСФСР М. Н. Рогову проверить обоснованность осуждения.[903] Ответ Рогова удивляет полным пренебрежением элементарной логикой и здравым смыслом. Установка на отрицательный ответ по жалобе настолько сильна, что формальная сторона дела Рогова вообще не волновала. Он продолжал упрямо следовать абсурдной логике предварительного следствия и суда. «В жалобе, адресованной в Прокуратуру СССР, — писал в своем ответе Рогов, — Уханов указывает, что приговор не соответствует материалам уголовного дела, что свидетель Трофимов оговорил его, и что он осужден необоснованно». Казалось бы, ясно: нужно проверить показания Трофимова и сравнить их с показаниями других свидетелей. Вместо этого Рогов пишет: «однако показаниями допрошенных на следствии и в суде свидетелей Уханов изобличается в инкриминируемых ему действиях» и приводит единственную цитату... Показания все того же Трофимова!.[904] Соколова же, видимо, решила не связываться и сделала вид, что удовлетворена отпиской Рогова.

Примером вопиющих подтасовок можно считать обвинение И. А. Гранкина в нападении на милицию. «Засудить» тяжело больного инвалида помогли клеветнические показания давно ненавидевшей подсудимого соседки.[905]

Рад свидетелей пытался противостоять нажиму следствия, выдавливавшему из них нужные показания. Например, оператор газораспределительной станции Н. Г. Федоров, как уже говорилось, отказался опознавать участников «похода» Сергея Сотникова, а «в части угроз ему со стороны хулиганов показаний не дал».[906] Некоторые свидетели так и не признали в Екатерине Левченко зачинщицу нападения на милицию 2 июня 1962 г.[907] В тех случаях, когда не удавалось найти удобных свидетелей из числа жителей города, следствие обращалось к помощи «понимающих момент» и то, что от них требуется, к сотрудникам милиции. Чтобы облегчить покладастым свидетелям жизнь, следствие в ряде случаев отказывалось от проведения очных ставок с подсудимыми.

Готовясь к первому судебному процессу и составляя обвинительное заключение, прокурор Ю. Шубин (еще до формирования дела) составил справки на всех обвиняемых, в которых собрал весь компромат, который только можно было использовать для очернения личностей будущих подсудимых, и сформулировал как бы «практические рекомендации» по ведению процесса для А. А. Круглова, государственного обвинителя на процессе по делу № 22, и Л. Н. Смирнова, Председателя Верховного» суда РСФСР, ведшего процесс.[908]

Суд, как и доказывали в своих многочисленных жалобах осужденные, действовал заодно со следствием и обвинением, вполне разделяя их специфическую логику доказательств и тактику действий. Чтобы не было неожиданностей, решили «подготовить» к процессу даже адвокатов подсудимых. Во всяком случае, попытки родственников самостоятельно нанять платных адвокатов были пресечены. По словам Сильченкова, его жена пригласила адвоката, заплатила большие для семьи деньги (140 руб.).. С делом «наемный адвокат» (выражение Сильченкова) познакомился, но на процесс его так и не пустили — защиту передали «казенным» адвокатам. Деньги пропали. Вернули только 42 рубля.

Сам суд «провернули» быстро. Возражавшим и не желавшим каяться подсудимым немедленно затыкали

рот. «Суд буквально не давал мне говорить, — жаловался В. Уханов. — Вернее, он давал мне говорить, но как только я начинал говорить, судья прерывал меня: „Садись, хватит, суду все ясно“. При этом доставал из дела старый, с времен 1947 года мой приговор и, потрясая им, говорил: „Садись, с прошлого твоего известно, кто ты, и что ты с себя представляешь. Суду все ясно“».[909]

Выполняя заказ верховной власти, суд вынес приговоры, в том числе «расстрельные», ни в коей мере не соответствовавшие тяжести содеянного и основанные на фальсифицированных уликах. В худшем положении, как это ни парадоксально, оказались те обвиняемые, которые никакого физического насилия по отношению к представителям или сторонникам власти не совершали. «Мы находимся на строгом режиме все вместе... — писал Е. Сильченков. — И вот среди нас есть лица, которые совершили физически особо тяжкое государственное преступление. Но они осуждены как хулиганы ст. 206... Я понимаю, если б не было хулиганов, то не нужно было бы искать и делать подстрекателей, в которые я попал без вины. А эти твари, которые прямые преступники, уже расконвоированы, и им доверие, а все делает статья, написанная на белой бумаге, но некому даже заглянуть в их черные души».[910]

В задачу, книги не входит подробный анализ юридической состоятельности следствия, суда и приговоров по делам о массовых беспорядках в Новочеркасске. Однако и сказанного достаточно, чтобы понять: по прямому поручению верховной власти в Новочеркасске готовилась показательная расправа, призванная запугать и образумить «распустившихся» горожан, политически и морально дискредитировать участников волнений, сформировать даже у тех, кто «не попался», комплекс вины перед властью.

Первый, наиболее важный для властей открытый процесс проходил 14–20 августа 1962 г. в Новочеркасске. Судили тех, кого власти решили отнести к организаторам и зачинщикам беспорядков, — А. Ф. Зайцева, М. А. Кузнецова, В. Д. Черепанова, Б. Н. Мокроусова, А. А. Коркача, С. С. Сотникова, В. Г. Шуваева, Е. П. Левченко, В. И. Черных, Г. А. Гончарова, И. П. Служенко, Г. Г. Каткова, Г. М. Щербана и Ю. В. Дементьева. Семерых приговорили к расстрелу, остальных к длительным срокам лишения свободы (от 10 до 15 лет). Для того, чтобы вынести «расстрельные» приговоры, предварительное следствие и суд, пошли на грубое нарушение закона. Они предъявили «семерке» и сочли доказанным обвинение в бандитизме — ст. 77 УК РСФСР (редакция 1960 г.), предусматривающая смертную казнь. Ст. 79 УК РСФСР (массовые беспорядки) такой меры наказания не предусматривает. Авторы публикации документов о событиях в Новочеркасске отметили, что применение Ст. 77 к участникам беспорядков было неправомерно. В Комментарий к УК РСФСР говорилось, что непременным условием отнесения того или иного деяния к бандитизму является применение обвиняемым оружия (предметов, предназначенных исключительно для поражения живой цели, для права пользования, ношения и хранения которых требуется специальное разрешение). В том же Комментарий к квалифицирующим признакам бандитизма была отнесена устойчивость группы (объединение людей не для одного только акта, но и для последующих действий).[911] Ничего подобного, как мы видели, в действиях даже самых активных участников волнений следствию обнаружить не удалось. Но кого это могло остановить в стране, где воля «начальства» выше совести и закона?!

Судебный процесс должен был не только напугать жителей Новочеркасска, но и доказать им, что танки в город вводили правильно, что у власти не было иного выхода как расстрелять толпу «хулиганствующих» и кровавых бандитов и т. п. Одновременно верховные правители и прежде всего Хрущев пытались убедить и самих себя в том, что «народ» на их стороне. Не случайно о ходе процесса КГБ, Прокуратура СССР и отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР регулярно информировали высшее руководство страны. С первой информацией КГБ и Прокуратуры СССР, датированной 16 августа 1962 г., ознакомились члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС. На полях документа остались визы Н. С. Хрущева, Г. И. Воронова, А. И. Микояна, А. Н. Косыгина, Л. И. Брежнева, Н. М. Шверника, О. В. Куусинена, Л. Ф. Ильичева, М. А. Сулова, Д. С. Полянского, В. В. Гришина.

Все в этой информации должно было доказать, что принятое решение было абсолютно правильным и «народ» вполне разделяет ненависть власти к бунтовщикам и «хулиганствующим». Еще бы! Одни преступники сами раскаялись, другие, те, кто свою вину полностью или частично отрицал, — «были изобличены свидетелями как отъявленные преступники, рвачи и морально разложившиеся люди».[912] Успокоительным бальзамом для «начальства» должны были стать тщательно подобранные КГБ и отвратительные по своей кровожадности «высказывания» очевидцев процесса, на котором ежедневно присутствовало до тысячи человек «общественности» (по другим сведениям, 450–500 человек[913]). «Многие рабочие, побывавшие на суде, — говорилось в информации, — высказывают мнение, что таких преступников нужно не судить, а стрелять без суда и следствия. Рабочие сборочного цеха электровозостроительного завода Радченко и Шиния, возвратившись с процесса; рассказали в цехе об истинном лице людей, которых судят. Их рассказ был встречен возгласами рабочих по адресу преступников: „Сволочи“, „толстосумы“, „чего они хотели добиться“. Токарь аппаратного цеха этого завода Ферাপонтов рассказывал товарищам по работе: „Судят

отъявленных негодяев, многие из них в прошлом уголовники. Есть два паразита, которые больше всех кричали об улучшении жизни, а у самих имеются собственные дома, дачи, у одного автомобиль, у другого — мотоцикл. Таких гадов надо изолировать от общества и наказать самым суровым образом“».[914]

Власть услышала то, что она хотела услышать: «Где были наши глаза, за кем мы пошли, ведь там одни только бандиты, которые по 3–4 раза судимые и по семь раз были женаты».[915] В целом, первый судебный процесс над участниками волнений свою сверхзадачу выполнил. «Начальство» могло быть довольным. Приговор зал встретил «продолжительными аплодисментами», а КГБ и Прокуратура СССР гордо заявили; «Если ранее часть людей не понимала происшедших событий, то теперь жители гор. Новочеркаска разобрались в их существе, поняли, что беспорядки были спровоцированы уголовно-хулиганствующими элементами и с возмущением осуждают преступные действия бандитов и хулиганов».[916] Лишь заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР В. И. Степаков сквозь зубы выдавил из себя признание. Оказывается «отдельные лица» все-таки выражали «свое сочувствие осужденным, считая их действия правильными».[917]

Сами осужденные, как те, что признали вину, так и те, кто держался стойко и настаивал на полной невинности, были единодушны в одном: мера наказания ни в одном случае не соответствовала тяжести содеянного. Суд не принял во внимание ни личности осужденных, ни причин возникновения событий. Кассационные жалобы остались «без удовлетворения». А на все последующие индивидуальные и коллективные обращения в высшие партийные, государственные и судебные органы приходили поначалу однотипные, штампованные ответы: «Осужден правильно».

Даже у тертых и привыкших следовать в русле политической конъюнктуры работников отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР было понимание того, что приговоры новочеркасским бунтарям шиты белыми нитками. В одном из надзорных производств Прокуратуры СССР в отдельном пакете сохранились рукописные записки кого-то из прокурорских работников по делу Бахолдина, Васюкова, Сухина, Осташкова и Овчаренко с критикой судебного приговора. К ним пришпилена записка, датированная 22 февраля 1964 г.: «Эти записи прошу Вас сохранить в особом пакете, ибо к этому делу мы еще вернемся».[918]

Снятие Хрущева вселило в осужденных надежду. Ведь если сами партийные заправила признали Хрущева чуть ли не самым главным виновником всех мыслимых бед, то логичным было бы и оправдание тех, кто выступил против ошибочной, волюнтаристской и т. п. политики Хрущева еще в 1962 г. Последовала целая серия коллективных и индивидуальных жалоб. Прокуратура СССР выступила, наконец, с протестами по нескольким новочеркасским делам. В протестах содержалась довольно серьезная критика отдельных приговоров. В результате прокурорских протестов ряду осужденных снизили сроки наказания, некоторых даже помиловали. Но никого не оправдали! «Осужден обоснованно», пусть и с перебором по части срока заключения, — на этом официальные инстанции продолжали настаивать вплоть до падения коммунистического режима.

Глава 14

Арьергардные бои эпохи позднего Хрущева

После Новочеркаска: конфликтная ситуация в стране

После событий в Новочеркасске волна массовых волнений явно пошла на убыль. Если за полтора года (1961 — первая половина 1962 г.) произошло 5 крупных массовых выступлений (Краснодар, Муром, Александров, Бийск и Новочеркасск), то за два с половиной года (вторая половина 1962–1964 гг.) нам известно только два события, более или менее сопоставимых по своему размаху с краснодарским бунтом, и ничего похожего на Новочеркасск. Режим выбирался из кризиса, демонстрируя значительные ресурсы жизнестойкости. На почве разочарования в романтических утопиях «немедленного коммунизма» народ и власть вырабатывали новые «правила игры» и двойной морали, которые в будущем определили социально-политическую физиономию явления, получившего название «застой», и превратили любые массовые выступления против режима в событие экстраординарное. Подобный поворот во взаимоотношениях

власти и народа вряд ли мог состояться под цветами Хрущева, прикованного цепями собственных многочисленных ошибок к «карете прошлого». Однако поиски выхода из тупиков «хрущевизма» партийная элита и бюрократия начали еще при Хрущеве.

Не сразу, но все-таки откатилась назад и беспрецедентная волна «антисоветских проявлений». В июне 1964 г. председатель Комитета государственной безопасности Семичастный констатировал, например, «значительное снижение» числа распространенных подпольно оппозиционных анонимных документов. За первые пять месяцев 1964 г. было обнаружено 3 тысячи листовок и анонимных писем, содержащих призывы к свержению Советской власти, «неверие в построение коммунистического общества», «недовольство материальными условиями жизни». Это было почти в четыре раза меньше, чем во втором полугодии 1963 г. (11 тысяч).[919]

Напуганные событиями в Новочеркасске власти все-таки сумели удержаться от распространения в критическом 1962 г. «приморского опыта»: «подведение» под статью об уголовной ответственности за массовые беспорядки инициаторов и участников коллективных невыходов на работу (забастовок). Дело обстояло следующим образом. 31 мая 1961 г. все 70 ловцов плавучего завода «Чернышевский», занятого крабовым промыслом в Охотском море у западного побережья Камчатки, отказались выйти на работу. Они требовали повышения оплаты труда. Поводом стало Снижение сдельных расценок по сравнению с предыдущим годом.[920]

Расследование показало, что инициаторами и активными участниками забастовки были два коммуниста, впоследствии исключенные из партии: помощник старшины мотобота Иван Пукман, 30 лет от роду, член комитета комсомола завода, и двадцатичетырехлетний ловец Алексей Ивлев. Иван Пукман первым высказал идею. Алексей Ивлев был первым, кто ее поддержал. Он же перевел разговор о забастовке в практическую плоскость: «Завтра, как договорились, на работу не пойдем. Кто пойдет на мотобот, тому грузилом сверху». [921] Еще одним участником «сговора» стал 32-летний ловец Александр Семеренко. В конце концов Ивлев и Семеренко через своих знакомых связались с ловцами других мотоботов и заручились их поддержкой.

31 мая Пукман сказал своим товарищам, что забастовку надо продолжать, пока не увеличат зарплату. Показательно, что ни организаторы, ни участники событий, ни «начальство» в своих разговорах ни разу не употребили крамольного слова «забастовка», всячески избегая связанных с этим революционным термином аллюзий и ассоциаций. Они заменяли «забастовку» различными эвфемизмами, подсознательно уходя в разговорах от «неприятного» слова, связывавшего Советскую власть с «капитализмом», а их самих чуть ли не с «антисоветчиками» и «врагами народа».

В день событий администрация и партийная организация провели общее и партийное собрания. Общее собрание только подлило масла в огонь. На нем выступил капитан-директор завода Левченко, который не утруждал себя дипломатическими изысками и оказался единственным оратором: «Кто не хочет работать, пусть пишет заявление об увольнении». Возмущенные рабочие дружно разошлись. На следующих собраниях выступавшие рабочие, в том числе Семеренко, потребовали восстановить расценки прошлого года. Больше того, оформили это решением судового комитета профсоюза.[922]

Не сумев преодолеть солидарное сопротивление ловцов, начальство применило эффективный в таких случаях метод «индивидуального убеждения». Прежде всего обратились к коммунистам и потребовали от них выполнения партийного долга — немедленного выхода на работу. Стремясь не выпасть из системы существующих отношений, Пукман после долгих уговоров начальства вынужден был принять решение о возобновлении работы, но другим ловцам сказал, чтобы они на это внимания не обращали и продолжали действовать, как задумали. Даже Ивлев, который 31 мая вел себя наиболее активно (неоднократно заходил в ловецкий кубрик, чтобы поддержать боевой дух товарищей, говорил, что надо стоять на своем, и даже угрожал колеблющимся физической расправой), покинул ряды забастовщиков после того, как вечером 31 мая с ним провели «беседу» капитан-директор и замполит. Он, подобно Пукману, призвал остальных не принимать свой поступок, во внимание. Однако дело было сделано. Организаторы «сломались», и рядовым забастовщикам, которые с самого начала чувствовали себя неуютно, этого было достаточно, чтобы от своих требований отказаться.

1 июня, когда стало известно, что некоторые из наиболее заметных забастовщиков уволены с работы, к Пукману вернулось мужество. Он предложил, чтобы в знак протеста все ловцы подали заявление об уходе с плавучего завода. Но было уже поздно. Пукмана никто не поддержал.

Собственно, в событиях на плавучем заводе «Чернышевский» не было ничего экстраординарного. Но эти события произошли за день до начала волнений в Новочеркасске, что и привлекло к ним повышенное

внимание приморского начальства и превратило нескольких наиболее активных забастовщиков в «козлов отпущения». На них власти, испуганные новочеркасским восстанием, сорвали свою злость и растерянность. Состав преступления активистов забастовки был определен неправильно. Их обвинили в организации массовых беспорядков, т. е. «подвели» под статью о государственном преступлении. Причем сделано это было не на основе юридической квалификации (участие в забастовке советский уголовный кодекс преступлением не считал), а по прямому указанию обкома КПСС.[923]

3 октября 1962 г. Иван Пукман и Алексей Ивлев были осуждены к трем годам лишения свободы, Александр Семеренко — к двум годам.[924] Квалификация «преступления» была явно притянута за уши. Это сразу же поняли опытные законники из Прокуратуры СССР. Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Степанов в своем заключении по делу Пукмана и других 26 марта 1963 г. решился оспорить неправильную квалификацию состава преступления. В случаях массовых коллективных невыходов на работу в Приморском крае Степанов не увидел ничего из ряда вон выходящего по своему размаху или политической направленности — отдельные локальные конфликты, вызванные, в основном, «нераспорядительностью или неправильными действиями администрации».[925] Более того, как писал Степанов, само бюро крайкома КПСС признало «недостатки в организации оплаты труда рабочих и обязало руководство Крабифлота упорядочить вопросы оплаты труда ловцам».[926] (Фактически ловцы добились своей цели, заплатив за это обычную цену: сломанная судьба троих «зачинщиков».)

Прокурор предлагал внести протест в президиум Верховного суда РСФСР «об отмене приговора и прекращении дела производством в отношении Пукмана И. Ю., Ивлева А. Ф. и Семеренко А. Н. за отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 79 УК РСФСР». Генеральный прокурор СССР Руденко во внесении протеста отказал.

К счастью для участников других коллективных невыходов на работу, «приморский прецедент» не стал началом массовых репрессий против недовольных оплатой труда рабочих в 1962–1963 гг. Знак равенства между забастовщиками и погромщиками поставлен не был, что пошло на благо и самой власти, балансировавшей у опасной черты потери доверия рабочего класса, объявленного официальной доктриной «ведущей и направляющей силой» советского общества. Приравнять недовольных зарплатой или условиями труда рабочих к погромщикам значило только усилить сопротивление режиму, но совсем не успокоить население. К счастью для самой власти, она воздержалась от тактики массового запугивания недовольных по образцу сталинских экономических репрессий 1947 г. Немногие известные нам случаи трудовых конфликтов (сведения о большинстве из них до высших московских властей, как правило, не доходили) разрешались в 1962–1963 гг., в основном, полюбовно.

Режим уже в конце правления Хрущева вступал в пору зрелости и бюрократической стабилизации. Новая партийная, советская и хозяйственная элита начала реализовывать свою потребность в «стабильности», что в конце концов привело к отставке Хрущева. Уроки начала 1960-х гг. подтолкнули партийных руководителей к поискам некоторого компромисса в конфликте «власть — население». «Население», в свою очередь, осваивало новую для него политическую и экономическую ситуацию, превратившуюся впоследствии в «застой», и также обнаруживало склонность к «умиротворению». Питательная почва для массовых волнений и бунтов постепенно иссякала. Прокуратура СССР начала обращать больше внимания на нарушения «социалистической законности» в органах правопорядка, что также не могло не оказать успокаивающего влияния на население.[927] Хроническая болезнь массовых беспорядков в конце правления Хрущева вступила в «холодную» фазу и обнаружила себя лишь несколькими редкими, хотя и поучительными рецидивами.

Криворожская «петиция» Хрущеву (июнь 1963 г.)

Город Кривой Рог Днепропетровской области Украинской ССР, где в начале 1960-х гг. велось крупное индустриальное строительство, а значит, было сосредоточено большое количество взрывоопасного человеческого «материала», в первый раз попал в «конфликтные хроники» Прокуратуры СССР весной 1961 г.

26 марта старшина милиции Е. Прудник около 16 часов попытался задержать Е. Соболя, продававшую семечки на рынке в поселке строителей Центрального горно-обогатительного комбината. Увидев милиционера, торговка отошла в сторону, а Прудник разозлился и рассыпал семечки. Оказавшийся поблизости молодой дружинник возмутился бесцеремонностью представителя власти и сделал ему замечание. В ответ Прудник угрожающе предложил молодому человеку «пройти» в отделение милиции. Тот отказался и рассвирепевший милиционер потащил его силой. Свидетелями инцидента стала небольшая группа

посетителей рынка, которые, осуждая представителя власти, отправились следом.

В милиции дружинника немедленно освободили. Но «эскорт» не расходился. К нему присоединилась некоторые из расходившихся после киносеанса зрители. В толпе, как водится, оказалась группа хулиганов, которые начали требовать выдачи Прудника для расправы. Обстановка накалилась. Появление подразделения войск МВД еще больше раздражило толпу. Отделившаяся от нее группа (около 50 человек) забросала помещение милиции камнями, проломила стену, перевернула и подожгла милицейскую автомашину. Два работника милиции получили легкие телесные повреждения. Среди гражданского населения пострадавших не было. К 10 часам вечера порядок был восстановлен. Четверо участников нападения (один уже имел судимость, другой носил с собой финский нож) были вскоре арестованы. Старшину милиции Прудника как «допустившего неправильные действия» из органов милиции уволили.[928]

Массовые беспорядки в городе Кривой Рог 16–17 июня 1963 г., происшедшие через два с лишним года после первого «опыта», по своей фабуле повторяли в чем-то весенний эпизод двухлетней давности, а кроме того, были одной из вариаций многократно звучавшей темы о «бедном солдатики». Около 11 часов вечера пьяный солдат Алексей Тараненко сел в вагон трамвая. Он курил, толкал пассажиров и ругался матом. На счастье пассажиров и на беду Тараненко, в вагоне оказался участковый уполномоченный милиции Панченко, который призвал хулигана к порядку. Солдат курить бросил, но набросился на милиционера с руганью. Панченко остановил трамвай и стал высаживать скандалиста из вагона. Тараненко сопротивлялся, рабочие, ехавшие в трамвае, помогли милиционеру. На улице солдат попытался скрыться. Панченко погнался за ним. Но в события вмешалась новая группа «актеров».

Человек 15 молодых людей побежали за милиционером с криками: «Не трогай солдата». Они отбили Тараненко и помогли ему сбежать с места событий. Кто-то из рабочих сообщил встречному милицейскому патрулю о происшествии. Два работника милиции направились на помощь Панченко, остановили бежавшего солдата, но тот сбил с ног одного из преследователей, перепрыгнул через поверженного противника и помчался дальше. Недалеко от районного отдела милиции Тараненко был, наконец, остановлен.

Подоспевшая группа молодых людей, все время следовавшая за погоней, еще раз попыталась отбить солдата. Один из милиционеров три раза выстрелил в воздух, подоспела помощь из райотдела, и Тараненко был задержан. Молодые люди, пытавшиеся освободить хулигана, куда-то исчезли, но, как оказалось, ненадолго. Вскоре около здания милиции снова собралась группа молодежи (около 15–20 человек). Они требовали отпустить задержанного.

На шум стала собираться толпа. Выяснилось, что Тараненко при задержании кто-то ударил по голове и проломил череп. Люди из толпы вызвали «скорую помощь». Однако милиция не сразу передала раненого врачам. В конце концов здание райотдела окружило около 200 возбужденных людей. Послышались выкрики: «Бей милицию, чего вы на нее смотрите». На предложение разойтись из толпы полетели камни, некоторые начали толкать стоявших около милиции сотрудников. Дежурный по управлению милиции приказал не применять оружия, и, действуя уговорами, рассеять толпу. Однако кто-то из прибывших на место работников милиции все-таки выстрелил вверх, затем последовали новые выстрелы. Всего их было около 20.

Толпа сразу разбежалась. Вскоре выяснилось, что стреляли возбужденные милиционеры не только в воздух. Вскоре в больницу доставили двух пострадавших с огнестрельными ранениями — юношу 17 лет и девушку 23 лет. Позднее выяснилось, что легкие ранения получили еще два человека — 24-летняя рабочая и восемнадцатилетний юноша. Легкие телесные повреждения получили также 5 работников милиции. В больницу попал и Тараненко — с проломленным черепом. Где и как его ранили, по уверению милиции, сразу установить не удалось. Что подумали об этом жители города — понятно.[929]

Новые нюансы в традиционное антимилицейское выступление внес рабочий Трофимов, который вместе с группой возмущенных жестокими действиями милиции людей отправил телеграмму на имя Хрущева. В ней он сообщал о незаконном применении оружия милицией и жертвах, просил вмешательства московских властей. [930]

На следующий день возле Дзержинского районного отдела милиции собралось около 100 человек, возмущавшихся незаконными действиями милиции при задержании солдата и, особенно, жестокой стрельбой. Весь городской партийный и комсомольский актив был поднят на ноги. В 11 часов обком и горком КП Украины собрали совещание секретарей райкомов партии и парткомов. Почти сразу началась массированная «разъяснительная работа». Собравшимся у здания милиции обещали, что виновные будут установлены и наказаны. Толпу уверяли, что пострадавшие живы и им оказана медицинская помощь. В течение всего дня в толпе находились партийные и советские активисты, работники КГБ и милиции. На улицы города было

выведено около 400 дружинников.

Толпа не расходилась и на уговоры не поддавалась. В течение дня она то становилась меньше, то увеличивалась. Время от времени раздавались требования выдать виновных милиционеров для самосуда и расправы.[931] К 6 часам вечера у милиции собралось около 600 человек. Здание было блокировано. Звучали требования выдать виновников ночного происшествия и заменить весь личный состав райотдела. Попытка разогнать толпу с помощью пожарных машин закончилась неудачей. Она только раззадорила собравшихся. От толпы отделилась активная группа. Она ворвалась в здание райотдела и устроила там погром. Милиционеры оказались зажатыми в коридоре и снова начали беспорядочную стрельбу. В результате два человека были смертельно ранены (один из них — подросток), восемь рабочих Криворожского металлургического завода и один милиционер получили огнестрельные ранения различной тяжести. 12 человек (из них семеро милиционеров) отделались «различными телесными повреждениями».[932]

Начавшиеся массовые волнения удалось погасить только с помощью группы солдат войск министерства охраны общественного порядка Украинской ССР (так теперь называлось преобразованное МВД) и присланных им на подмогу военных. Некоторые участники беспорядков были задержаны, однако сведений об их судьбе в надзорных производствах Прокуратуры СССР обнаружить не удалось.

Криворожские события были наиболее крупным, но не единственным антимилицейским выступлением на закате правления Хрущева. 18 апреля 1964 г. в г. Ставрополе толпа около 700 человек попыталась освободить пьяного хулигана, задержанного, по ее мнению, несправедливо. Конфликт закончился по обычному сценарию: погром милиции, поджог милицейской машины, избиение «виноватого» милиционера, приезд пожарных машин и солдатских патрулей, арест зачинщиков.[933]

Да здравствует Сталин?! Бунт в Сумгаите 7 ноября 1963 г

В 1961 г. на XXII съезде КПСС Хрущев после долгого периода неустойчивой антисталинской политики попытался окончательно свести счеты с тенью великого диктатора. Тело Сталина было вынесено из Мавзолея Ленина — Сталина и захоронено у Кремлевской стены позади Мавзолея. Этим символическим жестом правящая группировка (и прежде всего сам Хрущев) как бы обозначили свое отношение к Сталину — его неохотно признали «заслуженным революционером» (похоронен у Кремлевской стены), но лишили ореола «коммунистического бога» — в Мавзолее осталась набальзамированная мумия одного Ленина. Для российского бытового оппозиционного сознания подобный шаг означал очень много. Повседневное недовольство властью и ее политикой всегда апеллировало к «положительному примеру», а низвергнутые этой властью вчерашние кумиры сразу становились знаменем врагов режима. Если ненавистный Хрущев, при котором растут цены и снижается зарплата, закрываются церкви и сокращаются приусадебные участки, «безобразничает» милиция и растут налоги, «обидел» Сталина, значит Сталин был «хороший» и это «хорошее» надо защитить от «плохого». «Отставка» Сталина с поста «коммунистического святого» неизбежно должна была превратить его в один из возможных символов протеста, в потенциального участника манихейской дихотомии «плохое настоящее» — «хорошее прошлое». «Любить Сталина» — значило «ненавидеть Хрущева», «хвалить Сталина» — значило «ругать Хрущева».

Ностальгия «простых людей» по сталинским временам, целиком основанная на сталинском же идеологическом мифе о процветающей стране, во главе которой стоят «верные ленинцы», бескорыстно преданные коммунизму, где нет места для разжиревших бюрократов, где царит «порядок» и каждый год снижают цены в заботе о «людях труда», была явлением более распространенным, чем можно себе представить, зная о впечатлении, произведенном разоблачениями «культа личности Сталина» на интеллигенцию. Однако поколение 1970-х — начала 1980-х гг. прекрасно помнит вдруг вспыхнувшую среди водителей грузовиков моду на фотографии Сталина за ветровым стеклом. Это была демонстративная критика режима, допустившего разгул бюрократов и коррупции, выражение тоски по «порядку».

Смутные образы народного разочарования в «высоких идеалах» искали для своего выражения подходящий идеологический «материал». Символ «Сталин» был в этом отношении даже лучше «Ленина», которого официальная пропаганда «проглотила» почти целиком. Апелляция к «вчерашним вождям», которые были хороши не сами по себе, а как потенциальные враги актуальной власти, отторгнутые и отвергнутые ею, была достаточно распространенной формой критики режима. Она позволяла дезавуировать легитимность этого режима, используя его собственные мифы и ценности. На этом феномене в брежневские времена была построена довольно устойчивая идеологическая конструкция, которую либеральная интеллигенция

восприняла как «реабилитацию сталинизма», но которая обернулась в действительности тонкой игрой на недовольстве народа. У недовольных, которые, как показали события в Сумгаите, готовы были воззвать к тени Сталина, фактически перехватили инициативу, выпустив покойного диктатора на экраны кинотеатров и телевизоров, на страницы книг и газет, сделав его, слегка отмытого, частью официальной системы ценностей. В действительной практике брежневской эпохи Никакого «возврата к Сталину», вопреки распространенным в западной и современной российской литературе мнениям, не было. А по размаху политических репрессий против инакомыслящих хрущевский режим стоит несоизмеримо ближе к Сталину, чем брежневский. Если при Хрущеве за «антисоветскую» агитацию и пропаганду были осуждены многие тысячи людей, то во времена Брежнева — десятки, в худшем случае — сотни.

История событий в Сумгаите, последних крупных массовых беспорядков хрущевской эпохи, позволяет, таким образом, понять тонкие трансформации в массовой психологии, подготовившие идеологическое фарисейство брежневских времен, причины, по которым новый режим предпочел частично «впитать» «Сталина» в систему своих идеологических ценностей, а частично оставить его к роли жупела (массовые репрессии, злоупотребления властью, уничтожение «верных ленинцев» и т. п.). При этом хрущевский «волюнтаризм» фактически был представлен, как слабая форма сталинизма.

Массовые беспорядки в азербайджанском городе Сумгаите произошли в «священный день» 46-й годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1963 г. В 10 часов утра, как обычно, по центральной площади города, как и повсюду проходила официальная демонстрация трудящихся. С трибуны в микрофон выкрикивали лозунги и здравицы в честь КПСС и ее руководителя, «верного ленинца» Н. С. Хрущева. Сам «верный ленинец» взирал на демонстрацию своих подданных с огромного портрета, висевшего на стене Дворца культуры. Все шло по заведенному сценарию, много раз отрепетированному и отработанному, вошедшему в привычку и не сулившему неожиданностей. Однако на этот раз официальные торжества пошли наперекосяк.

Местные власти, опасаясь обвинений в сталинизме, которые теперь могли запросто стоить карьеры и партбилета, покусились на «народную традицию». Пока московские партийные руководители клеймили и разоблачали «любимого вождя» со всех трибун, сумгаитские рабочие продемонстрировали верность поверженному кумиру. Как в ходе расследования сообщал Генеральному прокурору СССР Руденко прокурор Азербайджанской ССР С. Акперов, «в городе Сумгаите не впервые во время демонстрации проносили портрет Сталина. Такие случаи были в Первомайские демонстрации 1962 и 1963 гг. и в октябрьские торжества в 1962 году».[934] Демонстранты проносили обычно и маленькие портреты Сталина, «чему никто не препятствовал».[935]

Чем дальше, тем больше подобная снисходительность к явной крамоле — несогласие с официальными критическими оценками Сталина — начала становиться вызывающей. В конце концов, нервы у городских руководителей не выдержали.[936] Бороться с памятью о Сталине решили по-сталински — в обычной бесцеремонной манере. Работники милиции, дружинники и ответственные за прохождение колонн демонстрантов «получили указания отнимать портреты Сталина, если таковые появятся».[937]

В 11 часов 30 минут, когда шествие демонстрантов подходило к концу, на площади возникли беспорядки. Судя по противоречиям в источниках, волнения могли начаться сразу в нескольких частях демонстрации. По сообщению Акперова, поводом к беспорядкам «послужило то, что у одного из демонстрантов на лацкане пиджака был миниатюрный портрет Сталина. Секретарь парткома треста Керимов Аршад пытался его сорвать. Участники колонны оказали ему сопротивление». По первоначальной версии органов охраны общественного порядка (спецсообщение в ЦК КПСС от 10 ноября 1963 г. «О праздновании 7 ноября») после окончания демонстрации на одну из автомашин, уходящих с центральной площади, «неожиданно вскочил молодой человек, личность которого пока не установлена, и начал размахивать фотографией Сталина. Группа дружинников пыталась призвать нарушителя к порядку. В ответ на эти действия образовавшаяся толпа, насчитывавшая примерно 100 человек, бросилась на дружинников, завязалась драка».[938]

Начавшееся столкновение шло в звуковом сопровождении здравиц в честь покойного генералиссимуса. Портрет Хрущева, висевший у трибуны, «осквернили» — забросали камнями. Откуда-то достали и подняли над толпой оставшееся со старых времен огромное изображение Сталина. При активном участии 24-летнего слесаря водоканала Мириша Алимирзоева (криминального прошлого не имел, с десятиклассным образованием, отец двоих детей) был разгромлен празднично оформленный лесовоз, с которого Алимирзоев сбивал молотком «портреты руководителей Коммунистической партии и Советского государства» и коммунистические плакаты.[939] Ему помогали Яшар Махмудов (22-х лет от роду, холостой, несудимый, с десятиклассным образованием, без определенного места жительства и работы), который, кроме того, принимал участие в избиении офицера милиции и швырял камни в портрет Хрущева,[940] а также 25-летний

рабочий Николай Шевченко, не только пытавшийся сорвать щит с лесовоза, но и «поучаствовавший» в избиении капитана милиции.[941]

Когда в портрет Хрущева полетели камни из толпы, вся городская верхушка сошла с трибуны и попыталась успокоить возбужденных сумгаитцев. Им это не удалось. Начальству надавали тумачков, несколько человек были серьезно избиты. Заместителя начальника горотдела милиции Кильдияшвили двое неизвестных на захваченном автобусе повезли в горотдел. На крыше этого же автобуса каменщик Анвер Махмудов (23-х лет, несудимый, с семиклассным образованием) проехал по площади, выкрикивая «призывы к свержению руководителя ЦК КПСС и Советского правительства».[942]

Когда автобус подошел к зданию горотдела, возникла стандартная погромная ситуация. Толпа решила, что неизвестные, сопровождавшие Кильдияшвили, задержаны милицией. Зазвучала тема «освободите товарищей». Милиционерам, уверявшим, что эти люди ушли, никто, естественно, не поверил. Часть толпы прорвалась в помещение горотдела, в КПЗ, где в это время находились арестованные, в том числе за убийство. Оставшиеся на улице и проникшие во двор горотдела хулиганы начали швырять в окна камни и куски выломанного из мостовой асфальта. Стоявшие во дворе милицейские мотоциклы были подожжены. Кроме того, получили повреждения еще две милицейские машины. Милиция, по ее уверениям, ответила выстрелами в воздух. Однако приблизительно в 100-150 метрах от горотдела был впоследствии подобран с огнестрельным ранением двенадцатилетний Айваз Айвазов. К счастью, мальчик остался жив. Кто его ранил, установить так и не удалось.

Толпу рассеяли только после прибытия на место событий наряда милиции из Баку. В 14 часов 30 минут порядок в городе был полностью восстановлен, просталинский-антихрущевский психоз быстро исчерпал себя, и никаких эксцессов в Сумгаите больше не было.[943]

Следствие вел КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР. Найти «серьезных» обвиняемых не удалось, да и вряд ли у беспорядков, неожиданно вспыхнувших и необычно быстро закончившихся, были действительные зачинщики. Шесть человек были осуждены к лишению свободы на срок от трех до шести лет. [944]

Чеченский «поход» на Дагестан (апрель 1964 г.)

В конце правления Хрущева режим все чаще сталкивался с такими формами конфликтов, которые невозможно было «подвести» под ст.79 (массовые беспорядки). Некоторые из этих явлений вообще не имели ничего общего с беспорядками (например, забастовки), другие напоминали, скорее, нечто новое для советской действительности — акции гражданского неповиновения. «Принимать меры» по таким фактам становилось все труднее, поскольку новые «правила игры» власти с народом требовали соблюдения хотя бы «социалистической законности», а чтобы справиться с конфликтом привычным для власти образом (путем давления и угроз), нужно было эту законность нарушить, например, «пропустить» неверную квалификацию состава преступления в обвинительном заключении и приговоре.

Проблема квалификации государственных преступлений, в том числе массовых беспорядков, в этом контексте приобретала характер «лакмусовой бумажки» для режима, так и не решившегося в борьбе с грядущим диссидентским движением судить организаторов и участников массовых митингов и гражданских протестов по 79 ст. УК РСФСР. Между тем в порядке «местной инициативы» такие попытки были. В нестандартных ситуациях местные власти явно испытывали соблазн превратить расширительную трактовку «массовых беспорядков» в сокрушительную полицейскую дубинку.

Весной 1964 г. удары этой дубинки ощутили на себе чеченцы Хасавюртовского района, давно и безуспешно добивавшиеся возвращения на землю предков — в селение Дучи Новолакского района Дагестанской АССР. В конце апреля или начале мая 1964 г. в Москву поступили сведения о неких массовых беспорядках, якобы устроенных чеченцами. Генеральный прокурор СССР Руденко запросил прокуратуру Дагестанской АССР об обстоятельствах дела и, очевидно, выразил недоумение в связи с несвоевременным информированием Москвы о государственном преступлении. В своем ответе (докладной записке от 5 мая 1964 г.) прокурор Дагестанской АССР А. Пакалов вынужден был влиять и оправдываться:

«12 апреля 1964 г. (воскресенье) в селение Дучи Новолакского района Дагестанской АССР прибыло около 500 человек лиц чеченской национальности, которые, как видно из поступивших материалов, угрожали

применением насильственных действий в отношении отдельных должностных лиц, сотрудников Новолакского райотделения МООП (министерства охраны общественного порядка. — В. К.) ДАССР. Кроме того, отдельными лицами чеченской национальности, прибывшими в село Дучи 12 апреля 1964 г., оборваны телефонные провода, связывающие это селение с районным центром.

По данному факту КГБ при СМ ДАССР 25 апреля 1964 г. возбуждено уголовное дело по признакам ст. 79 УК РСФСР (массовые беспорядки. — В. К.) и ведется расследование.

По делу никто не арестован и не задержан.

Вместе с председателем КГБ при СМ ДАССР, министром охраны общественного порядка и другими руководящими работниками обкома КПСС и СМ ДАССР, я выезжал на место, беседовал с представителями этих граждан, и к вечеру в тот же день все граждане вернулись по своим местам постоянного жительства. Каких-либо драк, ранений или повреждения другого имущества, кроме обрыва телефонных проводов, со стороны этих лиц допущено не было, поэтому уголовное дело возбуждено своевременно не было.

Прибытие более 500 человек граждан чеченской национальности в селение Дучи Новолакского района объяснялось их требованием дать им разрешение проживать в селении Дучи, поскольку до выселения они проживали в этом населенном пункте.

После предотвращения конфликта, в процессе оперативной проверки выяснилось, что выезд указанных граждан в массовом порядке в селение Дучи подготавливался предварительно на нелегальных сборищах с провокационной целью отдельными лицами.

Поэтому при обсуждении этого вопроса в обкоме КПСС было признано целесообразным возбудить уголовное дело и провести по этому факту расследование, чем и было вызвано возбуждение уголовного дела 25 апреля 1964 г.»[945]

Итак, прокуратура состава преступления не обнаружила, но зато обком, встревоженный периодическими приездами чеченцев к местам прежнего жительства, «дал команду», и в духе добрых старых времен машина устрашения заработала. Как писали чеченцы в своей жалобе-телеграмме от 10 мая 1964 г. Генеральному прокурору СССР Руденко, председателю Бюро ЦК КПСС по РСФСР Кириленко и председателю КГБ Семичастному, фальшивое дело о массовых беспорядках явно велось по заданию дагестанских партийных руководителей. При этом на чеченцев оказывалось моральное давление и были попытки запугивания со стороны органов госбезопасности.[946]

29 июня и. о. прокурора Дагестанской АССР Г. Аскарлов доложил в отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности о результатах расследования. Выяснились интересные подробности, прямо связавшие «чеченский поход» на Дагестан с этническими конфликтами на Северном Кавказе периода возвращения репрессированных народов из ссылки.

Вечером 10 мая 1964 г. в село Дучи приехал чеченец Салих Сайтамулов вместе с женой и тремя детьми. Сайтамулов «покушался на самовольный захват участка земли, на котором, как утверждает он, в прошлом (до выселения чеченцев) стоял дом его родителей». До этого Сайтамулов жил в собственном доме в совхозе им. Нурадилова (35 км от Дучи). Почему Сайтамулов вдруг ни с того ни с сего сорвался с насиженного места, не ясно. Сам Салих утверждал, что заранее договорился с председателем колхоза, который обещал взять его пастухом. Председатель это утверждение категорически отрицал. Кто здесь прав, а кто виноват, так и осталось неясным. Очевидно только, что жители села Дучи обошлись с Сайтамуловым весьма круто: сначала избили, потом насильно посадили на машину с вещами и семьей и отвезли в Новолакское районное отделение милиции.[947] Оттуда семья была возвращена назад. А известие о конфликте широко разнеслось по окрестностям.

На следующий день, вечером в городе Хасавюрт на квартире Самайла Бийбулатова собралось около 50 чеченских авторитетов, среди них были и члены КПСС. Они говорили о своих обидах на лакцев, которые живут в домах, принадлежавших чеченцам до выселения. Многие из собравшихся настаивали на том, чтобы всем вместе отправиться в Дучи, потребовать оставить там на жительстве Сайтамулова и наказать тех, кто его избил. Узнав о собрании, приехал директор совхоза им. Нурадилова (сам чеченец) и потребовал разойтись по домам и уж, конечно, никакого «похода» на Дучи не устраивать. В ответ директор слышал упреки. Его даже обвинили в том, что он кем-то подослан.

Некоторые чеченцы направились в Дучи сразу после собрания, другие — немного позднее. Все они ночью собрались около села Дучи на кладбище, а на рассвете 12 апреля более 500 человек направились к зданию

колхозного правления. Туда же в течение дня «стали прибывать все новые и новые толпы чеченцев, которые выставили свои требования о наказании лиц, избивших Сайтамулова (часть чеченцев сама пыталась учинить расправу), о разрешении Сайтамулову и другим чеченцам проживать в селении Дучи и других бывших чеченских селениях, возвращении им их бывших домовладений и земельных участков».[948]

Не обошлось, конечно, без угроз. Однако большинство чеченцев старались держаться «в рамках». Следствие предполагало, что в действительности имело место не стихийное выступление, а организованная акция. А «выдворение Сайтамулова из селения Дучи 10.04.1964 г. явилось не причиной, а предлогом для организаций массового демонстративного выхода чеченцев в селении Дучи и для максимального обострения обстановки».[949] Косвенно об этом свидетельствовали следующие факты: организованная доставка продовольствия, быстрое оповещение всех чеченцев, участвовавших в «походе», неизвестно откуда взявшиеся на трассе машины, подвозившие чеченцев к кладбищу. Однако доказать факт существования некой подпольной организации не удалось — чеченцы держались сплоченно и от дачи показаний уклонялись. [950]

Дело было прекращено «за отсутствием в действиях лиц, участвовавших в событиях, происходивших 12 апреля 1964 г., состава преступления, предусмотренного ст. 79 УК РСФСР».[951] Несостоявшееся «чеченское дело» показало, что дагестанские власти столкнулись с проблемой, которую уже не могли решить по-старому, а по-новому — не умели. Им ничего не удалось противопоставить этнической самоорганизации чеченцев, добивавшихся мирным (почти мирным) путем возвращения на историческую родину. Фактически погасить конфликт, имевший глубокие корни, так и не удалось. В известном смысле эта беспомощность была знаменем нового времени. Как только власть начинала действовать по установленным ею самой «правилам игры», она явно демонстрировала качества слабого игрока и постоянно пыталась жульничать, искать лазейки в «социалистической законности», стремясь в знакомое царство судебного и внесудебного произвола. Однако повторим: использовать «участие в массовых беспорядках» как жупел для организаторов акций гражданского неповиновения и выступлений протеста, как повод для репрессий московские партийные начальники все-таки не стали. Опасные юридические эксперименты эпохи позднего Хрущева были отвергнуты его преемниками, которые обратились к поиску иных, правда, тоже сомнительных, путей «профилактирования» социальных и этнических конфликтов.

Часть III

«БРЕЖНЕВСКОЕ» УМИРОТВОРЕНИЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1960-х — НАЧАЛО 1980-х гг.)

Глава 15

«Беспорядочный» застой: спад протестного движения и трансформации конфликтного поведения

В 1988 г, по поручению М. С. Горбачева, в то время Генерального секретаря ЦК КПСС, председатель КГБ при Совете Министров СССР В. Чебриков подготовил справку о массовых беспорядках в 1957–1988 гг. Несмотря на неполноту этого документа (почему-то пропущены первые годы правления Хрущева, а ряд масштабных событий 1958–1961 гг. вообще не попал в сводку КГБ), он позволяет судить о динамике волнений и сравнивать правление Хрущева и Брежнева по их «беспокойности». На 8 последних хрущевских лет (1957–1964 гг.) приходится 11 описанных случаев массовых беспорядков с числом участников от 300 человек и больше. Эпоха Брежнева (1965–1982 гг.) выглядит гораздо Спокойнее. За 17 лет его пребывания у власти КГБ отметило лишь 9 случаев крупных беспорядков. Динамика очевидна. При Брежневе массовые волнения и беспорядки происходили приблизительно один раз в два года, при Хрущеве в 2,5 раза чаще. Более того, большинство волнений брежневского времени (7 из 9), если судить по справке В. Чебрикова, приходятся на начало правления — 1966–1968 гг., а в 1969–1977 гг. — пик «брежневизма» или, образно говоря, «расцвет застоя» — не зафиксировано *ни одного* эпизода — полный штиль! Кроме того, если в 1957–1964 гг. в 8 из 11 случаев при подавлении беспорядков применялось оружие — практически регулярно, то в брежневскую эпоху — только в 3 случаях из 9 (все в 1967 г.), убито и ранено (соответственно) 264 и 71 человек. Аналогичную картину дает статистика осужденных за участие в массовых беспорядках: приблизительно 35 осужденных в

среднем за год при Хрущеве и чуть более 10 — при Брежнев.

В 1966 г. власти начали новую, довольно успешную атаку на «дрожжи» практически любых бунтов и волнений — массовое хулиганство, которое стало хронической болезнью при Хрущеве, и с которым он безуспешно боролся в сменяющих друг друга антихулиганских кампаниях. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» установил сокращенные сроки рассмотрения материалов о мелком хулиганстве, применение ареста к хулиганам, расширил права милиции по наложению штрафов и т. д.

Власти приняли административные меры по удалению из больших городов потенциально взрывоопасного «контингента» — люмпенов и маргиналов. Кроме того, в обход Конституции определенные категории населения — нищие, бездомные, безработные, проститутки, фарцовщики («тунеядцы») и т. п. — в соответствии со специальным постановлением Совета Министров СССР об укреплении паспортного режима в Москве, Ленинграде и Московской области от 16 августа 1966 г. могли быть лишены временной прописки без предварительного наложения административного взыскания, если участвовали в религиозных собраниях, шествиях и других церемониях культа, проводимых с нарушением установленных законодательством правил, а также в иных собраниях или уличных шествиях, нарушающих общественный порядок».[952] В 1966 г. первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов и председатель Совета Министров этой республики Р. Курбанов добивались от Совета Министров СССР разрешения упростить наложение наказаний на нарушителей паспортной системы «в связи с притоком в город преступного элемента».[953]

Проявленные властью решительность и жесткость на первых порах спровоцировали новую вспышку «хулиганской войны». В мае — июне 1967 г. в среднеазиатских городах Чимкенте (Казахская ССР) и Фрунзе (столица Киргизской ССР) произошли наиболее крупные массовые беспорядки брежневского времени. Они имели ярко выраженный антимилицейский характер, сопровождались погромами и поджогами и продолжали «беспорядочные» хулиганские традиции 1950-х — начала 1960-х гг. Во Фрунзе толпа разгромила и сожгла городской и два районных отдела милиции. В Чимкенте подверглись разгрому здания горотдела милиции, областного управления охраны общественного порядка и следственный изолятор. Поводами к волнениям стали слухи об убийстве работниками милиции в г. Чимкенте шофера Остроухова, а во Фрунзе — солдата Исмаилова. Чимкентские беспорядки оказались самыми крупными за все время правления Брежнева. В них участвовало около 1000 человек. При подавлении применялось оружие. Было убито 7 и ранено 50 человек. За участие в беспорядках было осуждено 43 человека.[954]

В том же 1967 г. в некоторых других городах СССР также отмечался «беспорядочный» синдром. 12 апреля 1967 г. в Туле при задержании в вагоне трамвая пьяного участковый уполномоченный Юрищев, не только столкнулся с сопротивлением группы хулиганов, но и навлек на себя гнев собравшейся на месте происшествия толпы. Она требовала расправы с милицией.[955] В Тирасполе (Молдавия) группа студентов педагогического института (в основном, из сельской местности) устроила некое подобие еврейского погрома. Молдавская прокуратура попыталась (в соответствии с новыми бюрократическими веяниями) «замазать» значение конфликта. В спецсообщении говорилось о хулиганстве студентов, избивавших неких «городских парней» и утверждалось, что «проявлений национализма установлено не было». Кто-то из работников Прокуратуры СССР все-таки приписал на спецсообщении молдавских коллег, что избивали именно евреев.[956]

Дважды в течение 1967 г. «предпогромные» ситуации возникали в Закавказье. Оба раза на почве несогласия с решениями суда по делам об убийстве. В июле 1967 г. в городе Степанакерте Нагорно-Карабахской АО Азербайджанской ССР после вынесения приговора по делу о преднамеренном убийстве 9-летнего армянского мальчика тремя азербайджанцами, находившимися в неприязненных отношениях с отцом ребенка, толпа, недовольная мягкостью приговора (недоноситеlem был оправдан), вытащила свою жертву из милицейской машины и убила, а машину подожгла. Двое осужденных были убиты прямо в зале суда. Потом их трупы вытащили на улицу, облили бензином и подожгли. Конвоиры открыли по нападавшим огонь. 9 человек было ранено.[957] 9 июня 1967 г. в Батуми мать убитого попыталась застрелить из пистолета двух подсудимых прямо во время суда. Она промахнулась. Зато дядя подсудимых убил ее мужа и сына, легко ранил одного из присутствовавших.[958]

Генеральный прокурор СССР Руденко утверждал, что одной из основных причин, беспорядков в Чимкенте и Фрунзе было «отсутствие должной борьбы с паразитическими, хулиганскими элементами, пьяницами и наркоманами, которые были зачинщиками беспорядков». Но и ему было ясно, что такое объяснение недостаточно. Слишком много мирных обывателей оказалось втянутыми в события. И у них были на то достаточно веские причины. В Чимкенте и во Фрунзе, по оценке Руденко, в деятельности милиции действительно «имели место нарушения законности, факты произвола, грубости в обращении с людьми, избиения граждан».[959] Для предотвращения антимилицейских массовых беспорядков надо было не только

«прижать» хулиганов, но и усилить прокурорский надзор за соблюдением законности в самих правоохранительных органах. 23–24 августа 1967 г. расширенная коллегия Прокуратуры СССР приняла по этому поводу необходимые решения.[960]

В целом, как следует из докладной записки Руденко председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному от 16 сентября 1967 г., массированная атака на уличное хулиганство дала положительный эффект. Уже в октябре — ноябре 1966 г. «наметилась тенденция» к некоторому снижению хулиганства, а в первом полугодии 1967 г. по сравнению со вторым полугодием 1966 г. уголовно-наказуемое хулиганство снизилось на 20,2. процента, мелкое хулиганство — на 24,1 процента.[961] Все это сопровождалось заметным уменьшением предрасположенности большинства регионов страны к массовым беспорядкам «хулиганского» типа. Сложнее было решить проблему волнений и беспорядков, имевших этническую окраску. Здесь не помогла бы ни простая «борьба с хулиганством», ни наведение порядка в органах милиции. Не случайно с середины 1960-х гг. повышенная угроза межэтнических и межнациональных противоречий и конфликтов в некоторых районах СССР стала одной из слабых точек режима. Нельзя было исключить событий, подобных либо грозненскому погрому, либо волнениям в Тбилиси. Тревожил Казахстан, где были отмечены столкновения между русской и казахской молодежью, сопровождавшиеся выкриками: «Отомстим русским за пролитую кровь», время от времени находили разбитые вывески на русском языке и националистические листовки как на русском, так и на казахском языках. Среди интеллигенции и студентов высказывалось недовольство «засильем» русских в республиканских органах власти и в партийном аппарате республики, широким распространением русского языка в делопроизводстве и системе образования.[962]

Потенциально «беспорядочными» были стихийные демонстрации и митинги в Армении (апрель 1965 г.) и в Абхазской АССР (Грузинская ССР) в марте — апреле 1967 г., хотя они и отличались определенной степенью организованности. Митинги в Ереване были приурочены ко Дню памяти жертв массового истребления армян турками (24 апреля 1915 г.). Попытки органов госбезопасности предотвратить события (загодя были арестованы члены молодежной националистической группы, готовившие митинг памяти) успеха не имели. Как сообщал 6 сентября 1965 г. председатель КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастный секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву, события развивались следующим образом:

«24 апреля в Ереване с утра до позднего вечера на площади им. Ленина, в парке имени Комитаса и других местах возникали стихийные митинги, в которых принимали участие от 3 до 8 тысяч человек. Выступившие на них лица требовали возвращения земель Армении (очевидно, Нагорного Карабаха. — В. К.) и справедливого решения „армянского вопроса“, освобождения семерых патриотов (имеются в виду семеро участников националистической группы, осужденные в 1964 г. — В. К.), а также ускорения переселения армян из-за границы и поселения их в Нахичевани, поскольку плотность населения в Советской Армении достигла критического уровня. Эти требования были включены в составленное на площади обращение, адресованное ЦК КПСС, Совету Министров и Президиуму Верховного Совета СССР [...].

По пути от одного места к другому участники митинга скандировали эти требования. Вечером, ко времени открытия собрания представителей общественности города Еревана, посвященного памяти жертв резни 1915 г., у театра им. Спендиарова собралось несколько тысяч человек, среди которых продолжались выступления по территориальному вопросу. После окончания официальной части хулиганствующим элементом удалось увлечь за собой некоторую часть молодежи, находившуюся на театральной площади, разбить двери театра и проникнуть вовнутрь, вследствие чего художественная часть собрания была сорвана. Анализ материалов, связанных с имевшими место событиями в Армении, показывает, что отдельным националистически настроенным лицам удалось использовать День памяти жертв геноцида для поднятия территориального вопроса и тем самым привлечь на свою сторону внимание определенной части интеллигенции и молодежи».[963]

Абхазские события 1967 г. продолжались две недели и проходили под лозунгами «узаконения абхазской топонимики по всей республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики» и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. По ночам кто-то закрашивал грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях.[964]

Только сдержанность и мудрость местных властей (в сочетании с элементами самоорганизации) предохранила жителей Армении и Абхазии от «беспорядочных» эксцессов и погромов, вызова войск и стрельбы в толпу — ведь подобные неконтролируемые ситуации всегда стараются использовать в своих целях маргинальные и полукриминальные элементы.

Наступивший после 1967 г. относительный «штиль» в конфликтных взаимоотношениях народа и власти, «окукливание» на довольно долгий срок даже межнациональных и межэтнических конфликтов стали возможны не только благодаря мерам усиленного административного контроля (паспортный режим, «быстрое правосудие» в делах о хулиганстве, ужесточение контроля за работой милиции и т. п.), но и более качественному мониторингу всех форм протестной активности, особенно организованной. Так, 7 января 1970 г. руководители ЦК КПСС, в то время еще бодрые и относительно молодые, вынесли на рассмотрение Секретариата ЦК вопрос о рабочих забастовках, хотя в 1969 г. подобные явления были отмечены лишь в 20 производственных коллективах, а участвовало в них в общей сложности не более тысячи человек.[965] Высшее партийное «начальство» в то время явно не полагалось только на КГБ, и само хотело держать руку на пульсе событий, чтобы, не дай бог, не повторить ошибок хрущевского руководства. Ведь у наиболее опасных для власти массовых беспорядков, подобных новочеркасским, и у забастовок были в какой-то степени общие корни: массовое недовольство периодическим увеличением норм выработки и пересмотрами тарифных сеток, плохие условия труда (вспомним события в Темиртау), задержки в выплате заработной платы, перебои в снабжении продуктами и т. п. Не удивительно, что с конца 1960-х гг. власти, в поисках «симбиоза» с народом встали на путь «подкупа» населения постоянными и часто не обоснованными экономическими повышениями заработной платы, «накачиванием» денег в потребительский сектор, перераспределением средств в пользу национальных окраин, что на какое-то время отвлекло народ от спонтанных протестов и «антисоветской» политической активности.

Существенным компонентом «нового курса» стало нетрадиционное решение застарелой проблемы: помешать подпольным политическим группам и группировкам, а также оппозиционерам-одиночкам использовать массовые беспорядки для «антисоветской агитации и пропаганды», что больше всего пугало московских партийных руководителей во времена Хрущева. Приход к власти группы Брежнева в конце 1964 г. ознаменовался, по выражению тогдашнего председателя КГБ В. Семичастного, «некоторым оживлением антисоветской деятельности отдельных лиц»[966] скорее всего ситуативным. Действительно новым было не «оживление», а новое качество некоторых крамольных для руководства страны выступлений. Традиционная подпольная и тайная антисоветская деятельность с ее социалистической в массе своей фразеологией была на какое-то время отодвинута на второй план вполне легальной оппозиционной активностью, которая имела к тому же более широкую аудиторию и сферу влияния.[967]

В отличие от подпольных организаций 1950-х — начала 1960-х гг., которые критиковали режим чаще всего с позиций марксизма и социализма, новая оппозиция возмутила председателя КГБ тем, что «участники некоторых групп пытались даже (курсив мой. — В. К.) пропагандировать идеи реставрации капитализма в нашей стране».[968] Уходила в прошлое революционная романтика подпольных «исправителей» социализма. В крупных городах, как констатировал председатель КГБ, среди вузовской молодежи распространялись нигилизм, фрондерство и аполитичность, «равнодушие и безразличное отношение, к социальным и политическим проблемам, к революционному прошлому нашего народа», «критицизм под флагом борьбы с культом личности».

Начиналась новая эпоха, эпоха идеологического кризиса советского коммунизма. Семичастный, при всей глупости и наивности некоторых ключевых суждений, почувствовал реальную угрозу не в возникновении новых групп, по-прежнему малочисленных, а в широкой ауре интеллигентской оппозиционности. Пытаясь понять, что происходит, он зачислил чуть ли не в «антисоветские проявления» практически все крупные явления художественной жизни первой половины 1960-х гг., резко отозвался о «вредной линии» журнала «Новый мир». Все это теперь казалось ему, по всей вероятности, даже более опасным, чем само по себе появление тех или иных оппозиционных групп — их-то как раз органы государственной безопасности умели находить и обезвреживать. (Сбитый с толку Семичастный даже успокаивал свое «начальство» на этот счет: нет оснований говорить о «росте в стране недовольства существующим строем или о серьезных намерениях создания организованного антисоветского подполья».) Однако и он не скрывал, насколько интенсивными стали связи некоторых «антисоветчиков» с обществом и творческой интеллигенцией. Они, эти «антисоветчики», не только не прятали своего лица, но существовали в интеллектуальном и моральном пространстве интеллигентской фронды. Появилась влиятельная и неуничтожимая среда, оппозицию стало крайне трудно полностью изолировать от ее социальной базы или окружить стеной молчания.

Еще большее интеллектуальное влияние имела полуорганизованная и организованная националистическая оппозиция. Она могла, в отличие от московских интеллектуалов, апеллировать ко всему народу, выходить за рамки морально-интеллектуальной критики, непосредственно влиять на политическую жизнь. В. Семичастный не случайно начал свою докладную записку в ЦК КПСС с сообщения об аресте 20 украинских националистов, взгляды и документы которых «в различной степени были известны весьма широкому кругу интеллигенции (свыше 1000 человек)».[969] Цифра относится только к поименно известным

следствию людям, на самом деле круг осведомленных был, несомненно, значительно шире.

В контексте конфронтации партии и государства с интеллектуалами следует рассматривать так называемый консервативный поворот группы Брежнева в идеологии. Политическая суть частичной реабилитации Сталина во второй половине 1960-х гг. была несколько иной, чем это обычно трактует историография. Напомню, что правление Хрущева как бы обрамлено просталинскими массовыми выступлениями, причем последнее из них (в Сумгаите в 1963 г.) было сугубо простонародным. К этому следует добавить весьма частые случаи народной критики Хрущева именно со сталинистских позиций. Надо полагать, что сменивший Хрущева Брежнев адекватно отреагировал на эти и им подобные «сигналы». Свертывание критики Сталина было связано не только с попытками идеологического укрепления режима и его демонстративным «антихрущевизмом», но и представляло собой уступку «народному сталинизму», главным в котором была не политическая верность «сталинским заветам», а поиск идеологической оболочки для выражения своего недовольства. Частичная реабилитация Сталина, разочаровавшая интеллигенцию и ставшая одной из причин расцвета диссидентского движения в конце 1960-х — начале 1970-х гг., в то же время позволила «вывести из игры» гораздо более многочисленную группу недовольного режимом «простого народа». Призывая к «объективной и взвешенной» оценке Сталина, партийные верхи как бы выбрали из двух зол меньшее. Они разозлили интеллигенцию, но зато умиротворили потенциальную «простонародную оппозицию», подкрепив свою политику кое-чем более существенным — материальными подачками народу в конце 1960-х — 1970-х гг.

Интеллектуальная элита не приняла «просталинской» корректировки идеологии, которую она справедливо связала с новыми ограничениями и без того куцей свободы творчества. Выдвинувшаяся из этой среды группа инакомыслящих бросила властям вызов. Она отказалась от методов подпольной борьбы, столь характерных для предыдущего периода, почти избавилась от комплекса вины перед государственной властью, нередко мучившего ее предшественников и (неслыханное дотоле дело!), заявила свои претензии на легальность и попыталась выйти на улицу. Властям пришлось в спешном порядке заканчивать начатое еще при Хрущеве «осовременивание» репрессивной политики. Первая организованная антиправительственная демонстрация протеста, состоявшаяся в декабре 1965 г. на площади Пушкина в Москве, тем не менее застала «начальство» врасплох.

Суть новой проблемы председатель КГБ при Совете Министров СССР В. Семичастный сформулировал еще в декабре 1965 г. в докладной записке в ЦК КПСС. Он сообщал об участившихся случаях «антисоветских проявлений», в том числе и в форме открытых «политически вредных» выступлений: «Дело иногда доходит до того, как это было, например, в Москве, когда некоторые лица из числа молодежи прибегают к распространению так называемых гражданских обращений и группами выходят с демагогическими лозунгами на площади. *Формально в этих действиях нет состава преступления* (курсив мой. — В. К.), но если решительно не пресечь эти выходки, может возникнуть ситуация, когда придется прибегнуть к уголовным преследованиям, что вряд ли оправдано».[970]

Определяя стратегию борьбы с новыми формами оппозиционных выступлений, власти попытались прежде всего изменить «правила игры». Раз целый ряд действий, явно враждебных режиму, нельзя подвести под статьи об антисоветской агитации и пропаганде, то их следует считать преступлением против порядка управления. 16 сентября 1966 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УК РСФСР были внесены статьи 190-1, 190-2 и 190-3. (Аналогичные статьи появились в уголовных кодексах других союзных республик.) Статья 190-1 предусматривала уголовное наказание «за распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Практически это означало, что за любое публичное критическое заявление «крамольников» и инакомыслящих можно теперь привлечь к уголовной ответственности. Напишет, например, человек в какой-нибудь самиздатовской статье или листовке, что рабочим в СССР не доплачивают зарплату, попробуй после этого доказать, что это не «порочащее измышление». Единственное ограничение, которое наложила на себя власть, да и то условно, было связано с привлечением к уголовной ответственности именно за *распространение* «измышлений», а не за простое их высказывание. Другими словами, обычных болтунов режим все-таки оставил в покое..

В принципе, статья 190-1 (как и некоторые другие новшества 1966 г. в уголовных кодексах) противоречила советской конституции. Это дало основание диссидентам протестовать и защищаться, требовать отмены «административного указа». (Статья 190-1 была отменена при Горбачеве указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г.). Одновременно указ 1966 г. вводил уголовную ответственность за надругательство над государственными гербами и флагами (ст. 190-2 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других республик). Ранее, если не обнаруживалось «антисоветского умысла», подобные действия, получавшие все большее распространение, квалифицировались как хулиганство.

В борьбе с организованными демонстрациями протеста под лозунгами защиты советской конституции режим попытался использовать статью 190-3 УК РСФСР («Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»), т. е. фактически приравнять реализацию конституционного права на митинги и демонстрации к организации массовых беспорядков. Статья предусматривала уголовное наказание не за групповые действия сами по себе, а за их возможные последствия: 1) грубое нарушение общественного порядка; 2) явное неповиновение законным требованиям представителей власти; 3) нарушение работы транспорта; 4) нарушение работы государственных, общественных учреждений или предприятий. Однако, это отнюдь не гарантировало «законной» расправы над всеми участниками демонстраций протеста, опиравшихся на конституционное право на проведение митингов и демонстраций. Согласно статье 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик организатором признавалось лицо, организовавшее преступление или руководившее его совершением. Из диспозиции этой статьи следовало, что рядовые участники групповых действий все же не подлежат уголовной ответственности и *по закону* к ним могут применяться лишь меры общественного воздействия.

Можно сказать, что, в конце концов, на изменение политической ситуации власти нашли достаточно нетривиальный ответ, особенно для режима, практиковавшего до сих пор исключительно террор, репрессии и запугивание в ответ на те или иные формы выражения народного недовольства. (Последний раз к этой проверенной тактике власти прибегли в 1957–1958 гг., чем, собственно, и породили многие из своих будущих проблем.) В середине 1960-х гг., особенно после прихода к власти Брежнева, карательные органы окончательно встали на путь систематического «профилактирования» своих потенциальных противников. В 1972 г. применение предупредительных мер получило законодательное подтверждение. 25 декабря 1972 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «О применении органами госбезопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия». Документ не подлежал опубликованию. Он давал органам государственной безопасности, опять-таки в нарушение конституции, право вызывать для проведения «профилактических бесед» советских граждан, совершивших действия, которые могут нанести ущерб безопасности страны, и в необходимых случаях, по согласованию с органами прокуратуры, делать вызываемым гражданам официальные письменные предупреждения с разъяснением правовых последствий неисполнения этих требований. Кроме того, значительные средства были брошены на усиление тайного политического сыска. В 1967 г. КГБ резко активизировал свою агентурную работу. В течение года было завербовано 24 952 новых агента, что составляло 15 процентов от всей агентуры и в два раза превышало количество «выявленных» в том же году инакомыслящих.[971] Несложный подсчет показывает, что в целом агентура КГБ в конце 1960-х гг. составляла около 166 тыс. человек, что весьма далеко от традиционных представлений советских людей об окружавших их повсюду тайных агентах КГБ, но достаточно, чтобы контролировать потенциально опасные для режима социальные слои и группы. Сама же легенда о всепроникающем оке КГБ, о тотальном контроле за поведением всех и каждого оказывала сдерживающее влияние на многих недовольных.

Обложенная со всех сторон органами государственной безопасности, затравленная систематическими идеологическими проработками, изолированная от народа интеллигентская оппозиция пыталась вдохнуть новые силы в угасавшее движение, но лидеры были «под колпаком» КГБ, а потенциальных «новобранцев» и сочувствующих немедленно «профилактировали» и «отрезали» от верхушки. Отказавшись от «подпольщины» и сделав ставку на гласность, на легальные или полуполигальные формы борьбы, разочаровавшись в малочисленных демонстрациях как «истерической форме» протеста (выражение Краснова в его полемике с Григоренко),[972] диссиденты поставили себя в сложное положение. С одной стороны, им удалось существенно расширить идеологическую ауру критики режима, с другой — не делая из своей деятельности никакой тайны, и не создавая явных угроз, они облегчили работу политического сыска. Будучи интеллектуально влиятельным и исключительным по своему значению культурным феноменом 1970-х гг., многократно превосходя «подпольщиков» конца 1950-х — начала 1960-х гг. по степени воздействия на общество, правозащитное движение не могло в то же время не страдать от организационного вакуума, отсутствия формальных связей и т. п. И если в некоторых странах Восточной Европы идеи инакомыслящих стали идеологией сильных общественных движений, выражавших массовое недовольство (например, в Польше), то в брежневском СССР организованная антиправительственная оппозиция не дотянула до подобной трансформации, а само движение к концу 1970-х гг. практически сошло на нет. С этого времени докладные записки КГБ в ЦК КПСС содержат упоминания только об «остатках» так называемых борцов за права человека. [973]

Причины спада и кризиса-правозащитного движения следует, однако, искать не только в полицейской мудрости Ю. Андропова, но и в том, что начало и расцвет движения пришлось на период кратковременного «симбиоза» населения и власти. Массовые народные выступления, подобные новочеркасским, способные придать, новый импульс и направленность советскому организованному инакомыслию, сошли на нет именно в

период расцвета диссидентского движения, Когда же власти исчерпали кредит доверия, потеряли из-за обострившихся экономических проблем способность покупать лояльность «молчаливого большинства», безнаказанно накачивать в потребительский сектор экономики необеспеченные товарами деньги, диссиденты уже не имели сил использовать новую ситуацию в свою пользу.

Отсутствие влиятельной организованной оппозиции в какой-то мере способствовало возрождению «беспорядочного» синдрома как спонтанной формы выражения недовольства. Чем больше советское общество втягивалось в застой, тем заметнее становилась предрасположенность больного социума к массовым беспорядкам. В конце 1970-х гг. страну охватила эпидемия повального пьянства. По сравнению с 1960 г. потребление алкоголя выросло в два раза. На учете состояло два миллиона алкоголиков. В 1978 г. в органы милиции было доставлено около 9 млн пьяных, свыше 6 млн попали в вытрезвитель.[974] Удручающая статистика преступности и хулиганства обещала новую волну бунтов и волнений. Уровень преступности (число преступлений на 100 тыс. населения) в 1978 г. был на 32 процента выше, чем в 1966 г. (503 против 380).

Особенно быстро росла преступность в некоторых районах Урала, Сибири и Дальнего Востока, где, как писал в ЦК КПСС 31 мая 1979 г. Генеральный прокурор Руденко, «интенсивное промышленное строительство и связанный с этим большой приток населения не всегда сочетаются с созданием нормальных бытовых условий и должной воспитательной работой».[975] В районах нового строительства была повышенная концентрация специфических социальных групп — бывших преступников, освобожденных из мест лишения свободы условно и условно-досрочно для работы на стройках народного хозяйства. Неэффективная экономика, продолжавшая развиваться по экстенсивной модели, требовала притока все новых и новых рабочих рук. Снова начали появляться города, «оккупированные» полукриминальными элементами, из них шли коллективные письма и жалобы с требованием защитить от разгула преступности и хулиганства. Ситуация в Нижнекамске (Татарстан) вообще стала предметом встревоженной переписки между Генеральным прокурором СССР и ЦК КПСС. В этом городе классическая модель советской экономики, так и не научившейся обходиться без труда заключенных, была доведена до абсурда, а концентрация условно и условно-досрочно освобожденных для работы на стройках и тяжелых производствах оказалась «в несколько раз выше, чем на стройках других городов страны».[976] При этом контроль за поведением «химиков» (так называли в народе людей этой категории) органы внутренних дел обеспечить не сумели. Каждое третье — четвертое преступление в Нижнекамске совершали лица, ранее судимые. Высока была и молодежная преступность.[977]

На рубеже 1970–1980-х гг. стало ясно, что режим снова засасывает в воронку растущего протонародного недовольства и возможно повторение ситуации эпохи «позднего Хрущева». Если, как уже говорилось, в 1969–1977 гг. не было зафиксировано ни одного случая крупных массовых беспорядков, то в 1977 и в 1981 гг. появляются первые ласточки новой «беспорядочной» волны: хулиганские волнения в городе Новомосковске Тульской области и антимилицейские беспорядки с этнической подкладкой в г. Орджоникидзе на Северном Кавказе (Северо-Осетинская АССР).[978]

Какое-то время «беспорядочный» синдром удавалось сдерживать, но правоохранительные органы уже предчувствовали новую вспышку массовых волнений. Не случайно престарелый Генеральный прокурор СССР Руденко бомбардировал ЦК КПСС докладными записками о состоянии преступности, а органы МВД запасались специальным химическим средством «Черемуха-10». С его помощью сначала предполагали прекращать «буйства и бесчинства отдельных лиц», чтобы «исключить в каждом конкретном случае применение оружия».[979] С 1972 г. это средство применялось только в тюрьмах и лагерях, но в 1976 г. МВД потребовало у ЦК КПСС разрешения использовать «черемуху» и вне тюремных стен.

Чем дальше тем больше становилось ясно, что сугубо административными и полицейскими мерами и даже «подкупом» народа нельзя преодолеть предрасположенность больного социума к разнообразным формам выражения недовольства. Реально или потенциально конфликтные периоды как бы обрамляют время пребывания Брежнева у власти, косвенно свидетельствуя о социальной нежизнеспособности «застоя» как формы правления и образа жизни. Страна вступала в новую эпоху, уже сидя на бочке с порохом с зажженным фитилем.

Нарастание кризисных явлений и новая вспышка «протонародного» недовольства на рубеже 1970–1980-х гг. сопровождалась выходом на историческую сцену новых оппозиционных сил, гораздо менее интеллигентных, но и гораздо более активных и опасных для власти. С конца 1970-х гг. докладные записки КГБ в ЦК КПСС все больше сосредоточиваются на «вне-диссидентской» крамоле (подпольные организации, террористические акты или их подготовка, возрождение националистического подполья на окраинах и развитие русского национализма в России) и все меньше беспокоятся об «остатках» смятого правозащитного движения.

8 января 1977 г. в Москве прогремело три взрыва: первый в поезде метро (погибли на месте или умерли от ран 6 человек, получил ранения 21 человек), второй — в магазине «Продукты» (умер от ран один человек, 11 получили ранения), третья бомба взорвалась в урне Для мусора на улице 25 Октября (ныне — Никольская) в центре Москвы, неподалеку от Кремля (ранены 5 человек). Организатором террористических актов была подпольная организация армянских националистов, выступавшая за отделение Армении от СССР.[980]

К террору начали подступаться и «подпольщики» Центральной России. В ряде случаев дело не ограничивалось, как это обычно бывало прежде, только «террористическими высказываниями». По информации КГБ при Совете Министров СССР в ЦК КПСС от 29 ноября 1981 г. житель города Ярославля Е. Негрий (в 1980 г. его уже «профилактировали» органы КГБ за антисоветскую агитацию и пропаганду) готовил взрыв самодельных бомб в различных местах Ярославля «с целью побуждения населения к активному выражению недовольства недостатками в снабжении продуктами».[981]

Сочетание террористических угроз с призывом к забастовкам было зафиксировано в 1979 г. среди шахтеров Шпицбергена. Там, в поселке Баренцбург, на щите для объявлений у здания рудоуправления Производственного объединения «Арктикуголь» и в двух шахтах были обнаружены три рукописные листовки за подписью «Комитета шахтерской чести». Авторы воззваний требовали от администрации улучшения снабжения продовольственными и промышленными товарами, увеличения заработной платы, снижения норм выработки, отмены материальных наказаний. В случае невыполнения этих требований до 1 января 1980 г. «комитет» угрожал «перейти к применению оружия, взрывчатки, а также передать представителям западной прессы компрометирующие руководящий состав рудников магнитофонные записи».

В 1982 г. органы КГБ арестовали двух рабочих плавучего крана Приморской флотилии Тихоокеанского флота. «На почве негативного отношения к внутренней политике КПСС и недовольства советской действительностью», — говорилось в докладной записке КГБ в ЦК КПСС 4 октября 1982 г., — эти люди «готовились осуществить экстремистские действия в отношении руководящих партийных работников Приморского и Хабаровского крайкомов КПСС. В этих целях они изготовили и испытали взрывные устройства, в том числе дистанционное управление, принимали меры к приобретению огнестрельного оружия и боеприпасов, подысканию сообщников... На допросе они показали, что готовились взорвать трибуну на пл. Борцов революции в г. Владивостоке во время предстоящей демонстрации 7 ноября».[982] Дело не в том, что такие случаи становились массовыми или опасными для режима (они никогда не бывают массовыми), а в том, что по своему характеру они существенно отличались от «террористической болтовни»: намерения совершить террористический акт были в ряде случаев серьезными, а подготовка к нему — почти профессиональной.

Одновременно происходило как бы «сгущение» мотивов «простонародных» антиправительственных действий, их концентрация вокруг наиболее существенных вопросов жизни: зарплата, жизненный уровень, дефицит продовольственных и промышленных товаров. На смену купленной лояльности и «симбиозу» могли прийти массовое недовольство и «простонародный» протест, сокрушившие в свое время легитимность и авторитет Хрущева.

При этом под ударом могли теперь оказаться важнейшие основы режима. В начале 1980-х гг. Озабоченность тайной полиции стало вызывать проникновение крамолы в органы внутренних дел. Еще и в 1960-е — 1970-е гг. отдельные сотрудники милиции были замешаны в делах об антисоветской агитации и пропаганде. Но тогда подобные случаи рассматривались, скорее, как случайность. В самом начале правления Горбачева в отдел административных органов ЦК КПСС поступила справка КГБ «Об информировании МВД — ГУВД — УВД в январе — июне 1985 г. в процессе их контрразведывательного обеспечения». По данным КГБ, за «негативные и подчас враждебные действия, наносящие ущерб государству» было профилактировано 334 сотрудника органов внутренних дел. Официальное предостережение было сделано, например, контролеру следственного изолятора МВД СССР за попытки создать молодежную антисоветскую организацию, разработку ее «программы» и «устава». Начальник участка отдела связи УВД Приморского крайисполкома систематически знакомил своих сотрудников с произведениями Солженицина, Григоренко и др. Старший инспектор отделения кадров Ступинского ОВД ГУВД Мособлсполкома тоже знакомила сотрудников милиции с запрещенными произведениями Солженицина и Пастернака. Существенно важен феноменальный идеологический разброс «милицейской оппозиционности». В качестве примеров органы государственной безопасности приводили как восторги по поводу западного образа жизни, высказывания в защиту Сахарова и Солженицина, так и «восхваление идеологии фашизма».

С конца 1970-х гг. все активнее вели себя идеологи подпольного и полуподпольного русского национализма, имевшие возможность, в отличие от либеральных диссидентов, апеллировать к чувствительным струнам национальной души, спекулировать на националистических предрассудках недовольного народа. Подобные нападки на власть за ее недостаточную «русскость» способны были привлечь

гораздо больше плебейских сторонников и сочувствующих, чем либеральные идеи правозащитников. При этом любая попытка публично дискредитировать националистов обернулась бы против самой власти — ведь не о «реставрации капитализма», а о «патриотизме», национальных святынях вели речь националисты, выстраивая изощренные демагогические схемы.

В общем-то «русизм» в начале 1980-х гг. не представлял из себя сколько-нибудь серьезного движения, но это было отчетливое общественное настроение — опасное для власти и довольно новое для советского «интернационального» режима. Если соотнести эту националистическую тенденцию с расцветом национализма на периферии советской империи, то станет ясным, что перед коммунистическими правителями на рубеже 1970–1980-х гг. замаячила угроза куда более серьезная, чем традиционные обвинения в бюрократическом перерождении и измене «делу Ленина» или полулегальная либеральная правозащитная критика КПСС со стороны сердитых московских интеллектуалов.

После смерти Брежнева и еще до прихода к власти Горбачева кривая негативной «пассионарности» советского общества поползла вверх — после двух довольно спокойных лет во второй половине 1984 — начале 1985 г., фактически за полгода, произошло два крупных волнения, одно из них — на этнической почве в столице Таджикистана Душанбе. Во второй половине 1985 г. вновь фиксируются давно забытые беспорядки в воинских эшелонах с призывниками, в Советскую армию. Вопрос удостоился специального рассмотрения на заседании Секретариата ЦК КПСС.[983]

Мы далеки от мысли односторонне интерпретировать бесспорно выигрышное для эпохи «застоя» сравнение с до- и пост-застойными временами. Но реально или потенциально конфликтные периоды как бы обрамляют время пребывания Брежнева у власти, косвенно свидетельствуя о социальной нежизнеспособности «застоя» как формы правления и образа жизни. Страна вступала в новую эпоху, уже сидя на бочке с порохом с зажженным фитилем. Неудовлетворенные национальные амбиции и старые этнические обиды, миллионы обиженных пьяниц, проводящих ночи в вытрезвителе или 15 суток в КПЗ, огромное число ежегодно попадавших на мелких хищениях людей и еще больше — оставшихся безнаказанными, молодежь, выросшая в пьющих семьях — все это было не самым лучшим строительным материалом для объявленной Горбачевым перестройки. Страна зашла в тупик. Общество разлагалось. Но в поисках выхода маргинализированное массовое сознание оказалось таким же плохим помощником Горбачеву, как и «номенклатурный капитализм» коррумпированных брежневских чиновников.

Заключение

Мой американский друг, в свое время прочитавший эту книгу в рукописи, был поражен жестокостью и непонятностью описанных в ней событий. Он грустно заметил: «Несчастен народ, у которого такое правительство, и несчастно правительство, вынужденное править таким народом». За этой иронической репликой скрывается давняя интеллектуальная традиция. Многовековой «раскол» между народом и властью, между простонародьем и образованной элитой часто воспринимается Западом как «*conditio sine qua non*» («непременное условие», — лат.) российской истории. Придание универсального смысла конкретному историческому понятию на самом деле является героической попыткой интеллектуалов более или менее адекватно описать чуждые современному обществу и весьма специфичные формы взаимоотношений народа и власти.

Упоминая в некоторых главах этой книги о традиционном для России «симбиозе» народа и власти, я вдохновлялся тем же стремлением — найти «правильное слово»! «Раскол» звучит для русского уха слишком жестко и категорично, заложенный в нем смысл предполагает чуть ли не бездонную пропасть, через которую никто не может перейти. Между тем, исследование насильственных конфликтов между населением и властью после смерти Сталина показало, что в большинстве случаев речь следует вести не столько о «расколе», сколько о специфической форме сожительства. Сами массовые беспорядки, по своим внешним признакам, бесспорно, являвшиеся прямым выступлением против власти или ее представителей, как правило, не отрицали существующей системы взаимоотношений. Они были скорее извращенной формой «обратной связи» коммунистического режима с народом, иррациональным способом передачи сигналов о неблагополучии. В большинстве случаев подобное «взаимодействие через конфронтацию» точнее называть не «расколом», а «социальным симбиозом». Ведь «симбиоз» как раз и означает в биологии сожительство двух организмов разных видов. Даже будучи выгодным обеим сторонам, «симбиоз» никогда не делает их одним существом, в нашем случае, единым обществом с едиными целями и ценностями.

Характерный для традиционных обществ «патриархальный патернализм» (выражение М. Вебера) во взаимоотношениях народа и власти трансформировался в послереволюционную эпоху в одну из фундаментальных основ советского «государственного социализма». «Верховный арбитр» и «Отец народов» на вершине власти, «атомизированная» масса «рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции» внизу, многочисленная чиновничье-бюрократическая и номенклатурная «прокладка» между «Отцом» и народом. Специфические интересы государственной бюрократии, с одной стороны, предохраняли это социальное «триединство» от разрушительных колебаний, а с другой — не давали обществу эффективно и гармонично развиваться. После смерти Сталина, личность которого была одним из системообразующих элементов советской патерналистской и авторитарно-бюрократической системы, полупатриархальная организации общества и власти, действительную сущность которой маскировала социалистическая риторика, дала первые трещины. На смену мессианской социалистической романтике и аскетизму раннего советского общества приходят принципиально новые явления. Под аккомпанемент социальной зависти, отлитой в массовые требования справедливости, под обвинения «начальников» в «дачном капитализме» и незаслуженных привилегиях, в обществе, с одной стороны, возрождались традиции стихийных бунтов против «неправедной власти», а с другой — шло подспудное развитие индивидуализма и экономического эгоизма, сковывавших бунтарскую активность масс. Подобное сочетание традиционного и современного в массовом сознании, накладываясь на отсутствие политических и экономических свобод, неизбежно придавало всем формам народного протеста (от массовых мелких хищений у «своего» государства до стихийных выступлений против местных властей) уродливую форму. Бюрократия ответила на вызов времени попытками «подкупа» народа, идеологией застойной «стабильности», коррупцией, круговой порукой и разрушением института «верховного арбитра». «Вождь» из более или менее эффективного инструмента власти постепенно превратился в удобный и почитаемый символ. Потенциальным участникам массовых волнений и беспорядков, разочарованным к тому же в великой коммунистической мечте, бунтовать, обращаясь к такому «арбитру», было уже бессмысленно и нелепо.

«Социальный симбиоз», т. е. основанный на патерналистском обычае, авторитарной традиции и насилии «компромисс» между народом и властью благоприятствует и сопутствует «застоям», но, как правило, плохо переносит быстрые и динамичные изменения. Власть тогда теряет свою легитимность, а народ демонстрирует спонтанную предрасположенность к бунту. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что стихийные волнения и бунты, которые в условиях демократических режимов свидетельствуют о нарушениях и «закупорках» в системе «обратной связи» правительства и народа, т. е. о болезнях власти и управления, в авторитарно-бюрократических режимах являются не только симптомом болезни, но и *элементом несущей конструкции* таких режимов. Очень часто у народа просто нет иной возможности выразить свое отношение к актуальной политике. Бунту нередко сопутствовали более или менее целеустремленные попытки донести «правду» до московского начальства, а частичный успех волнений (что иногда случалось) оплачивался сломанными судьбами и жестоким наказанием «зачинщиков».

Многие массовые беспорядки эпохи Хрущева и Брежнева — явление достаточно архаичное по своей природе. Активные участники волнений 1950–1960-х гг. были пропитаны такими «врожденными» мифами «плебейской культуры» (выражение английского историка Э. Томпсона) как вера в «доброго царя и его неправедных слуг», эгалитаристское понимание «справедливости», идеи «неправедного богатства» и «всей правды наверху». Однако «врожденные» мифы совмещались в сознании советских «смутьянов» с гораздо более современными популистскими интерпретациями коммунистической доктрины. При этом некоторые участники массовых выступлений следовали не столько традиционным моделям «беспорядочных» действий, сколько пропагандистским штампам советских книг и кинофильмов о героях революционерах (кинофильмы «Мать» Вс. Пудовкина, «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна и др.), воспроизводили шаблоны поведения «борцов за справедливость» во взаимоотношениях с полицией и охранкой.

Волнения и бунты населения СССР во второй половине 1950 — начале 1960-х гг. были одним из наиболее важных для практической политики симптомов охватившего страну социально-политического кризиса. Участники беспорядков посылали власти многочисленные сигналы о перегруженности социума противоречиями, о невыносимости стресса форсированной индустриализации и урбанизации, об усталости от полицейского и бюрократического произвола, о необходимости передышки. Парадокс, но участники, например, новочеркасских событий вступили в прямую конфронтацию с высшей властью под ее же (власти) идейными лозунгами. Обыденная версия «русского коммунизма», основа идеологической легитимности режима, позволяла участникам волнений нападать на «народную власть», не испытывая при этом комплекса вины. Действия протеста представляли как борьба с «изменой» партийных бюрократов коммунистическому идеалу.

«Коммунистическая маска», скрывавшая от противников и оппонентов, а часто и от самих «смутьянов»

истинные мотивы их действий, становилась важным средством психологического самооправдания. Поэтому экстремистская форма протеста достаточно органично уживалась с идейным конформизмом участников бунтов. Усилия массового оппозиционного сознания отделить «плохих коммунистов» от «хорошего коммунизма» отражали не столько социально-психологическую укорененность «русского коммунизма», сколько принципиальную разницу интерпретаций народом и властью, казалось бы, единого комплекса идей, т. е. бесспорные признаки раскола в социуме.

Пики массовых волнений и беспорядков часто совпадали по времени с активизацией таких форм протеста, как распространение листовок, воззваний, анонимных писем, антиправительственных лозунгов на стенах и заборах, оскорбления и угрозы в адрес руководителей. Казалось бы, неизбежно должны были возникать связи между «смутой» (простонародные выступления против власти) и «крамолой» (распространение враждебных «начальству» идей). Московские правители всерьез опасались такой «связи», способной облагородить массовые стихийные протесты, придать им политическую («антисоветскую») направленность, превратить из специфического средства «исправления» системы в инструмент борьбы против нее. Однако случаи взаимодействия толпы с «антисоветчиками» в ходе массовых волнений исключительно редки. Напротив, прослеживаются симптомы неприязни сиюминутных лидеров волнений к «очкастым» и брезгливая отстраненность политических оппозиционеров от погромных толп.

Существенно важным для понимания советской формы народного «сожительства» с «начальством» следует считать установленный нашим исследованием факт. Массовые волнения, порожденные глубоким кризисом послевоенного советского общества и достигшие своего пика в конце правления Хрущева, пошли на убыль именно тогда, когда сама коммунистическая идея была практически «выдавлена» из массового сознания конформизмом, потребительство и индивидуализмом брежневской эпохи. Стоило народу окончательно разочароваться в своем понимании «коммунизма», как волнения и беспорядки в России практически прекратились. Оказалось, что стихийные выступления 1950 — начала 1960-х гг. против партийных «начальников», изменивших «делу коммунизма», были, как ни парадоксально это звучит, признаком еще сохранявшей идеологической стабильности режима, еще неизжитой веры в «настоящий коммунизм». А спад волны массовых беспорядков в годы брежневского застоя, нежелание народа связываться с властями во имя «справедливости» или «правильного коммунизма», напротив, означали идеологический крах и гниение всей советской системы. Без «веры» бунтовать под старыми знаменами не имело смысла. К тому же, власть, напуганная масштабными волнениями хрущевской эпохи, обнаружила бесспорную гибкость, перехватила у «смутьянов» знамя «народного сталинизма», встала на путь экономически немотивированных, но приятных подачек основным социальным группам советского общества, что сделало «дружбу» с властью занятием в высшей степени выгодным. И представители высшей власти, и население страны устремились на поиски индивидуальных путей к счастью, используя для собственного благополучия (и каждый по-своему!) многочисленные дыры и бреши в разлагавшейся системе. В период правления Брежнева очаги конфликтов переместились на окраины СССР, где они опирались на гораздо более устойчивые и изначально конфронтационные по отношению к «Москве» националистические идеи.

На какое-то время люди ушли от смут и волнений в тихие заводы индивидуального бытия. В инкубаторах брежневского застоя подрастало счастливое дитя модернизации и прогресса — индивидуализм. Разрушалась традиционная «общинность» российского массового сознания, рождались предпосылки для современных политических форм протеста и самоорганизации. В то же время в брежневском обществе накапливался и потенциально конфликтный «человеческий материал», обострялась социальная зависть, росло глухое недовольство экономически неэффективной советской системой. В этих условиях любая попытка сколько-нибудь динамичных изменений или реформ грозила разрушением «социального симбиоза», тем «раздором между народом и властью», который старые словари русского языка обычно называли «смутой».

[984]

Козлов Владимир Александрович

Родился в 1950 г. Выпускник исторического факультета МГУ. В 1972–1988 гг. работал в Институте истории СССР АН СССР, где в 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1988–1991 гг. — заведующий сектором политической истории 1920–1930-х годов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С 1992 г. — заместитель директора и руководитель Центра изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации. В 1992–1996 гг. в качестве приглашенного профессора вел курс «Российское общество»

на факультете социологии Калифорнийского университета (Сан-Диего). Специалист по социально-политической истории России XX века, исторической конфликтологии и истории культуры. Автор семи монографий, в том числе: «Культурная революция и крестьянство. 1921–1927. (По материалам Европейской части РСФСР)» (М.: Наука, 1983); «История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества», в соавторстве с Г. А. Бордюговым (М.: Политиздат, 1992); «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). (Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999); *Mass Uprisings in the USSR. Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years* (M. E. Sharp. Armonk, New York, London, England. 2002); «Где Гитлер? Повторное расследование НКВД-МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера». (М.: Модест Колеров и Три квадрата, 2002) и многих статей. Ведет активную работу по изданию исторических документов. Ответственный составитель и один из авторов документальной серии «Неизвестная Россия. XX век» (М.: Московское городское объединение архивов, 1992–1994 гг.). Ответственный редактор (совместно с С. В. Мироненко) неперiodического издания «Архив новейшей истории России» (выпускается Государственным архивом Российской Федерации с 1994 г.).